This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4353.55.3

Harvard College
Library

BOUGHT FROM THE
GIFT OF
Charles Richard Crane
OF NEW YORK
1938

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. КОИЛЬ

СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

СЕЛИВАНОВА.

Изданы подъ редакціею и съ примѣчаніями
Ал. Вас. Селиванова.

ТОМЪ II.

ВЛАДИМІРЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1902.

Printed in Soviet Union

Slav 4353.55.3
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE GIFT OF
CHARLES RICHARD CRANE
APRIL 29, 1938

Дозволено цензурою. Москва, 11 августа 1901 года.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
225	17 св.	Прувда	Правда
325	16—17 сн.	указало	указано

Въ приложеніи.

IX	16 св.	Федоровнѣ	Петровнѣ

Оглавленіе II тома.

Стран.

1. Годъ русскаго земледѣльца 1
2. День помѣщика. 147
3. Мірской сходъ 190
4. Дворянскіе выборы 204
5. Новый бѣсъ 268
6. Разныя мелкія сочиненія 314

а) Заявленія читанныя въ Рязанскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи. I. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. II. Объ ограниченіи правъ мировыхъ посредниковъ. III. О представленіи крестьянамъ права избирать гласныхъ въ земскія собранія исключительно только изъ своей среды.

б) О значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи . 327

в) Деревенскіе сады (отрывокъ). 338

г) Императоръ Николай I и К. И. Бистромъ . . . 343

д) Монахъ Паисій 344

е) Юродивый Данило Ивановъ 345

Приложеніе:

1. Родъ Дворянъ Селивановыхъ.
2. Указатель личныхъ именъ къ I-му тому.

ГОДЪ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

ЗАРАЙСКІЙ УѢЗДЪ, РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

ВЕСНА.

Годъ гражданскій прежде начинался съ Марта, потомъ съ Сентября, наконецъ положили начинать его съ 1-го Января; но для селянина всего ближе начинать рабочій свой годъ по старому, съ Марта мѣсяца, съ праздника Благовѣщенія; для поселянъ съ этого праздника начинается дѣятельное приготовленіе къ весеннимъ занятіямъ. Находившіеся въ отлучкахъ для заработковъ въ Питерѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ государства, и въ продолженіе зимы добывавшіе копѣйку въ домъ извозомъ, поденною работою или на фабрикахъ и на заводахъ, члены семействъ возвращаются къ этому празднику подъ родимый кровъ, принося заработанныя деньги отцу или главѣ семейства, подарки женамъ и гостинцы дѣтямъ. Новый синій кафтанъ, новые сапоги и шапка—лучшія доказательства его зимней дѣятельности, трудовъ и бережливости. Семейство радуется и гордится имъ; вся деревня глядитъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ Благовѣщеніе къ обѣднѣ въ первый разъ надѣвается этотъ блистательный нарядъ, и уже послѣ этого весь приходъ знаетъ, что „вотъ, молъ, воротился изъ Питера такой-то, и самъ одѣлся, и домой принесъ: мужикъ настоящій!...“

Slav 4353.55.3

Harvard College
Library

BOUGHT FROM THE
GIFT OF
Charles Richard Crane
OF NEW YORK
1938

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. КОИЛЬ

ный постой, то и солдаты. Когда господская семья разговѣлась, на томъ же столѣ въ залѣ ставится огромный куличъ и пасха, нарочно приготовленные для народа. Крестьяне христосуются съ бариномъ, барынею, барышнями и дѣтьми въ губы, по три раза, и даютъ красныя яички, которыя отдаются по большей части ихъ же дѣтямъ или холостымъ ребятамъ и горничнымъ, и вообще тѣмъ, которые не имѣютъ своего хозяйства.

Потомъ каждому изъ разгавливающихся подносятъ по рюмкѣ вина; всѣ пьютъ брагу и, поблагодаривъ господъ, расходятся по домамъ. Такъ до сихъ поръ ведется изстари во многихъ домахъ. И гдѣ мнимая цивилизація и западное просвѣщеніе еще не убили благословенныхъ обычаевъ предковъ, то до сего времени, подъ двунадесятые праздники и другіе большіе, чтимые народомъ, въ залахъ господскаго дома служатся всенощныя, на которыя собираются желающіе молиться со всей деревни, и дворовые, и крестьяне всѣхъ возрастовъ обоего пола. Это сближеніе господъ съ народомъ имѣетъ высокій нравственный смыслъ. Конечно на другой день неизбѣжно понадобится хорошо вымыть полъ, и потому въ тѣхъ домахъ, гдѣ существуютъ лакированные паркеты и чистота половъ стала выше чистоты нравственной, тамъ этомъ обычай уже не исполняется.

Въ Страстную субботу строятъ качели, состоящія изъ шести бревенъ, поставленныхъ въ козлы и связанныхъ вверху хворостомъ. На нихъ кладется перекладина; на перекладину надѣваются кольца изъ хвороста или загнутыхъ молодыхъ дубчиковъ и къ нимъ призязываются двѣ веревки. На веревки кладется доска, аршина въ два съ половиною, и качели готовы. На нихъ качаться не будутъ, и подъ ними пѣсенъ *играть* [1]) не станутъ, пока не посѣтятъ деревню образа. Въ назначенный отъ приходскаго священника для хожденія съ образами день идутъ къ заутренѣ изъ деревни богоносы, мужики и бабы, парни и дѣвки, по большей части по обѣщанію, данному за исцѣленіе болѣзни или миованіе другого какого горя, для исполненія святаго дѣла, ношенія образовъ. Вся деревня готовится къ встрѣчѣ и, когда стоящіе у околицы ребятишки закричатъ: „идутъ! идутъ!“

[1]) Поютъ въ церквахъ, поютъ молебны, а пѣсни играютъ.

вся деревня приходитъ въ движеніе: и старый, и малый, и бѣжитъ, и едва плетется, опираясь на палку, все торопится во срѣтеніе святыхъ посѣтителей. Далеко еще заслышавъ пѣніе причта, сердца ожидающихъ наполняются восторженнымъ благоговѣніемъ, и когда блеснутъ лучами солнца вѣнцы на святыхъ иконахъ и животворящій крестъ въ рукѣ священника, начинаютъ молиться: иные крестятся, призывая про себя имя Господне, другіе, повергаясь ницъ, творятъ земные поклоны.

Въ имѣніи, гдѣ есть господскій домъ, образа прямо идутъ на барскій дворъ, гдѣ среди двора изготовляется накрытый скатертью столъ. Подъ столомъ клокъ сѣна, на столѣ мѣра съ овсомъ, въ которомъ засыпано нѣсколько сырыхъ яицъ и воткнута рогулька съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей. На столъ иногда ставятся и другія хозяйственныя зерна: пшеница, горохъ, просо, ячмень, гречиха въ четверикахъ, гарнцахъ, полумѣркахъ и проч. Всѣ эти образцы хлѣбовъ, по окончаніи молебна, высыпаются по закромамъ въ приготовленныя для сѣва сѣмена. Когда образа придутъ къ столу, богоносы становятся рядомъ, предъ образами зажигаютъ свѣчи. Священникъ начинаетъ молебенъ.

Послѣ молебна образа идутъ или въ домъ, или по дворамъ и, обойдя деревню, возвращаются въ домъ, гдѣ иногда, по отдаленности отъ села, образа ночуютъ. Тутъ благочестивыя старушки остаются на стражѣ при святыхъ иконахъ, перемѣняя догорающія свѣчи и молясь всю ночь, до восхожденія солнца. Въ каждой избѣ, когда обходятъ образа деревню, служится молебенъ, а послѣ онаго образа устанавливаются въ переднемъ углу, и священникъ, дьячки и богоносы непремѣнно должны присѣсть къ накрытому столу, отвѣдать хозяйской хлѣба-соли, да браги, бабьей работы. Посидѣвши за столомъ и поблагодаривъ хозяина и хозяйку за угощеніе, встаютъ, поднимаютъ образа и съ пѣніемъ: „Христосъ Воскресе“ выходятъ изъ избы на улицу, напутствуемые благословеніемъ и благодарностію, и получивъ за молебенъ отъ хозяина копѣекъ 15 серебромъ деньгами, нѣсколько пироговъ и круговъ хлѣба. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, а потому всякій приходъ имѣетъ положеніе, утвержденное обычаемъ, сколько давать пироговъ и сколько круговъ хлѣба. Бабы жертвуютъ на образа холстъ,

по своимъ достаткамъ: богата или усердна та, которая пожертвуетъ кусокъ въ 20 аршинъ, а по большей части жертвуютъ куски отъ 1-го до 10 аршинъ. Холстъ этотъ староста церковный продаетъ, и деньги обращаются въ церковный доходъ.

Когда всѣ дворы обойдены, образа идутъ къ часовнѣ. У часовни опять для проводовъ приготовленъ столикъ съ хлѣбами и пирогами, стоитъ полштофикъ съ водкой и кувшинъ браги. Служится молебенъ; при чтеніи Евангелія, подъ епитрахиль преклоняетъ голову староста, а по окончаніи молебна, священникъ благословляетъ одного или двухъ, назначенныхъ для начала пахоты крестьянъ, при чемъ даетъ имъ по кругу хлѣба. По окончаніи молебна, староста угощаетъ дьячковъ и богоносовъ прощальной рюмкой, и образа уходятъ съ пѣніемъ святыхъ каноновъ, провожаемые до околицы жителями.

Преданіе говоритъ, что въ старинное время у часовни, по окончаніи молебна, бабы, по снятіи священникомъ облаченія, катали попа по землѣ, чтобъ ленъ родился. Говорятъ, что при катаніи попа приговаривали: *„Каковъ попокъ, таковъ и ленокъ“*. По отбытіи образовъ, начинаются народныя забавы: качели, пѣсни, хороводы. Когда образа въ деревнѣ, изъ другихъ деревень прихода стекаются въ ту деревню гости и родственники. Всѣмъ пріемъ, всѣмъ гостепріимство, и знакомому, и незнакомому, и родному, и чужому, но съ разсчетомъ: дорогому гостю винца и мягкой свининки да бражки; для гостя-посѣтителя — „сынокъ“, т. е. брага второго сорта, кушай сколько душѣ угодно, да пирожокъ безъ начинки, да солонинка, невзначай недовареная, подъ часъ не укусишь: всяко бываетъ.

Такъ проходитъ Святая недѣля, и наступаетъ Красная горка. Красная горка есть пора свадебъ чуть ли не по всей Россіи. Но свадьбы оставимъ до другого времени. Воскресенье [1]), въ недѣлю женъ Мyроносицъ, называется бабьимъ праздникомъ. Въ этотъ день нѣкоторыя изъ бабъ служатъ молебны, другіе дѣлаютъ складчину и устраиваютъ пирушку.

[1]) Въ это Воскресеніе въ иныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи послѣ обѣдни бываетъ молебенъ около церкви, выносятъ образа и весь народъ въ этотъ день сходится, если не къ обѣднѣ, то къ молебну.

Ходятъ другъ къ дружкѣ въ гости и вездѣ находятъ радушный пріемъ и угощеніе. У бабъ существуетъ поговорка: „мужики за пахоту, а бабы за стряпню". Въ иныхъ господскихъ домахъ дворовыя женщины приходятъ къ барынѣ въ этотъ день, поздравляютъ съ праздникомъ и приносятъ въ даръ яйца своихъ куръ, или стаканъ сливокъ, или другую какую—нибудь бездѣлицу.

Пока до просухи крестьяне занимаются городьбою и поправками построекъ. Зима съ своими бурями и сугробами надѣлала большихъ безпорядковъ. Гдѣ разнесло солому съ крышъ, гдѣ повалило плетни, а гдѣ бабы ихъ поразобрали во время зимней стужи, да пожгли въ печкѣ. Тамъ снѣгомъ пелену обдавило, а иное что отъ ветхости упало, зимой вѣдь чинить нельзя или трудно. Гдѣ подставитъ мужикъ, гдѣ заново исправитъ, гдѣ покроетъ остатками соломы, тамъ плетень заплететъ; а бабы между тѣмъ разсушиваютъ „солнышкомъ" оставшуюся рожь, разсыпаютъ ее на веретьяхъ противъ воротъ, на улицѣ или въ усадьбѣ.

Но вотъ нашла тучка, въ воздухѣ не колыхнетъ; вода на прудѣ не шелохнетъ. Паръ на дворѣ, какъ въ банѣ, такъ и обдаетъ потомъ. Птицы летаютъ низко.... Все тихо; только пѣтухъ кричитъ по своему обычаю во все горло, да курица что-то прокудахчетъ въ отвѣтъ. Наконецъ вдали слышны раскаты грома и всѣ, кто слышитъ, крестятся. „Ну малый, пора сѣвъ зачинать", говоритъ мужикъ. „Тепла Богъ дастъ", говоритъ баба. И мужики, и бабы, и дѣвки, и ребята, въ особенности дѣвки, всѣ бѣгутъ купаться. Кто боится купаться, умываются чрезъ обручальное кольце для здоровья, или обливаются изъ подойника, положивъ въ него яйце: и самой на здоровье, и корова чтобъ давала больше молока, да чтобъ и куры неслись. „Пора пахать, повторяетъ мужикъ, ужъ и грому Богъ далъ, и лѣсъ одѣвается". Наступилъ теплый вечеръ; въ лѣсу щелкнулъ соловей первую пѣсню. Слава Богу, что соловей поетъ, когда ужъ лѣсъ почти одѣлся. Не быть урожаю, ежели соловей поетъ въ голомъ лѣсу.

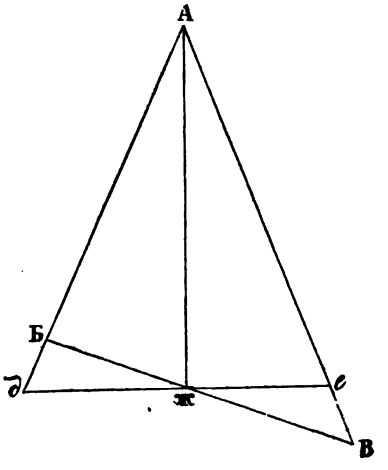
Русское сельское хозяйство дѣлитъ изстари пахатную землю на три поля, что чрезвычайно соотвѣтствуетъ простору нашихъ земель и малочисленности рабочихъ рукъ, сравнительно съ населенностію другихъ Европейскихъ го-

сударствъ. Въ 1-мъ полѣ, озимомъ, сѣется рожь и озимая пшеница; во 2-мъ, то есть, въ яровомъ, овесъ, ячмень, горохъ, гречиха, яровая пшеница, ленъ, пожалуй и картофель, ежели на огородѣ нѣтъ мѣста, чечевица, просо и проч., однимъ словомъ, всѣ хлѣба, которые поспѣваютъ въ одно лѣто. Третье поле остается подъ паромъ, т. е. оно, послѣ снятія двухъ хлѣбовъ, назначено отдыхать, а между тѣмъ служитъ для пастбища скота, когда заказываютъ луга [1]).

Въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ и въ имѣніяхъ господскихъ оброчныхъ вся наличная земля дѣлится большею частью по душамъ, по равному количеству. Всѣ урочища, по обычаю древнему славянскому, и ближнія, и дальнія, на большомъ ли пространствѣ равнины, на тѣсномъ ли глинистомъ косогорѣ, все рѣжется между всѣми. По этому часто видимъ поле, изрѣзанное въ полоски шириною въ $1^1/_2$ и 2 сажени, иногда уже. Дѣлежка эта устраивается слѣдующимъ порядкомъ: сперва разобьютъ землю на сороковыя или на тридцатыя десятины. Въ этомъ дѣлѣ не участвуетъ ни астролябія, ни цѣпь, а единственное орудіе— жердь, длиною сажени въ двѣ или болѣе, гдѣ какъ заведено, но только опредѣленной мѣры. Такою жердью (положимъ въ двѣ сажени) отмѣриваютъ въ длину 25 жердей, въ ширину 24 жерди, и вотъ десятина въ натурѣ готова. Для опредѣленія перпендикулярныхъ линій берутъ палочку, а не случится, то прямую былинку или соломинку, положатъ по направленію линіи, къ которой нужно поставить перпендикуляръ, а поперекъ этой палочки положатъ на крестъ другую, хоть на глазокъ, но какъ можно правильнѣе и, по направленію этой палочки, опредѣляютъ линію кольями или вѣхами. Но не вездѣ можно рѣзать на четыреугольники. Иногда мѣстность представляетъ участокъ земли въ видѣ неправильнаго треугольника, который нужно измѣрить; тогда приступаютъ къ дѣйствію другого рода. Вотъ какъ это дѣлается. Возьмемъ для примѣра треугольникъ А, Б, В. Сперва отъ вершины угла А проводятъ линію къ линіи БВ, наблюдая, чтобъ она прошла совершенно на ровномъ разстояніи между линіями АБ и АВ; и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она встрѣтится съ линіею БВ, въ точкѣ *ж* ста-

[1]) О заказываніи луговъ будетъ сказано далѣе.

вится къ линіи Аж перпендикуляръ, который однимъ концемъ пересѣкаетъ линію АВ, въ точкѣ С, а другимъ кон-



цемъ продолженную линію АБ въ точкѣ *д*. Когда это сдѣлаютъ, тогда вымѣриваютъ саженями длину линій Аж и *же*; помножаютъ одну на другую и произведеніе этого помноженія будетъ искомое число квадратныхъ саженъ въ данной площади [1]). Разбивъ такимъ образомъ землю на десятины, раздѣляютъ ее по качеству на три или на четыре разряда; напримѣръ: 60 десятинъ лучшей земли, 85 похуже, 90 еще хуже и 100 десятинъ самой плохой. Послѣ этого число наличныхъ душъ, между которыми дѣлится земля, раздѣляютъ на „выти", отъ сорока до пятидесяти душъ въ каждой. Число вытей и заключающихся въ нихъ душъ есть произвольное. Но выти, по числу душъ, дѣлятся такъ, чтобъ остатка не оставалось, — напримѣръ: ежели въ деревнѣ 120 душъ, то тутъ три выти по 40 душъ; ежели 135 душъ, то три выти по 45 душъ; въ 200 душахъ четыре выти по 50 душъ, или пять вытей по 40 душъ. Это какъ-то удобнѣе. Ежели жъ одна или двѣ души остаются отъ разсчета, то онѣ называются „завытными" и надѣляются землею особо. Раздѣливъ души на выти, по числу ихъ дѣлятъ каждаго качества

[1]) Этотъ способъ точенъ только въ треугольникахъ равнобедренныхъ и равносторонніхъ; для другихъ же треугольниковъ онъ тѣмъ менѣе точенъ, чѣмъ болѣе они отдѣляются отъ сказаннаго вида треугольниковъ.

землю на равныя части и бросаютъ жеребья, какой выти какой участокъ во всѣхъ разрядахъ достанется. Каждая выть, получивъ землю, опять сортируетъ ее по качествамъ на четыре или на пять разрядовъ во всѣхъ первоначально полученныхъ отъ общества участкахъ, и потомъ, сами раздѣлившись на 4 или на 5 частей, отъ 10 до 12 душъ, бросаютъ жеребій, какому десятку какой участокъ достанется. Послѣ этого каждая часть выти, раздѣливъ, по числу составляющихъ ее душъ, доставшуюся землю, кому какимъ клочкомъ владѣть, — рѣшаетъ жеребьями. Случается, что, какъ ни дроби, все кому-нибудь достается уголокъ земли похуже; тогда на этотъ участокъ накидываютъ деньгами рубля 2 или 3 серебромъ единовременно, или такъ, какъ согласятся между собою, или въ участкѣ изъ другого разряда дадутъ самую лучшую дѣлянку. Въ хозяйственномъ отношеніи это дѣленіе во многомъ неудобно, но по совѣсти и праву оно справедливо въ высшей степени.

Въ помѣщичьихъ барщинскихъ имѣніяхъ по большей части пахатная земля дѣлится между помѣщикомъ и крестьянами поравну. Владѣя своей половиной, крестьяне за это обработываютъ барскую землю. Для этого всѣ обыкновенныя земледѣльческія орудія, какъ-то: сохи, бороны, заступы, грабли, косы и проч., а также лошадей и упряжь, они должны содержать на свой счетъ въ порядкѣ, такъ чтобъ работа ни своя, ни барская, отъ нерадѣнія или небрежности, не стояла.

Обыкновенно принято надѣлять каждое тягло (тягломъ называется мужикъ и баба, или мужъ съ женою) двумя тридцатными [1]) десятинами въ каждомъ полѣ; тоже самое количество тягло обработываетъ и на господина. Само собою разумѣется, что, при равномъ раздѣленіи земли между помѣщикомъ и крестьянами, помѣщикъ старается, чтобъ число тяголъ соотвѣтствовало количеству его земли, т. е., чтобъ на каждыя двѣ десятины было наличное тягло. По-

[1]) Тридцатная десятина, иначе, казенная или указная, имѣетъ въ длину 80, а въ ширину 30 саженъ, почему и называется тридцатною. Хозяйственная десятина, принятая въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ, имѣетъ въ длину 80, а въ ширину 40 саженъ, почему и называется сороковою.

этому каждый помѣщикъ охотно допускаетъ умноженіе тяголъ, при которомъ онъ, не лишаясь ничего, пріобрѣтаетъ большее число рабочихъ рукъ, но крестьяне смотрятъ иначе. На каждое новое тягло имъ нужно выдѣлить землю изъ владѣемой ими, съ ущербомъ для себя, и хотя работа на барщинѣ чрезъ умноженіе тяголъ для нихъ облегчается,— но на это они мало обращаютъ вниманія. Къ тому жъ, всѣ тѣ члены семействъ, которые тягла не несутъ и не пользуются землею, постоянно работаютъ на себя или пріобрѣтаютъ деньги на сторонѣ въ пользу своихъ домовъ. Потому, чѣмъ больше затяглыхъ въ семействѣ, тѣмъ дворъ богаче; и на оборотъ, совсѣмъ безъ затяглыхъ дворъ никогда не разбогатѣетъ. Даже самые дряхлые старики и старухи, едва волочащіе ноги, всегда полезны въ семействѣ.

Старикъ есть постоянный сторожъ дома. Старуха смотритъ за ребятами, покачаетъ люльку младенца, накрошитъ цыплятамъ, приглядитъ за печкой. Старикъ посмотритъ лошадей, подсунетъ сѣнца подъ морду, сгоняетъ на водопой;—а другой, пожалуй, справитъ и борону, и лаптей наплететъ ребятамъ. „Есть старикъ—такъ бы убилъ, а нѣтъ старика, такъ бы купилъ“, говоритъ деревенское остроуміе.

Время работъ между крестьянами и помѣщикомъ по закону дѣлится: три дня въ недѣлю на барина, три дня на себя. Пахота и сѣвъ производятся слѣдующимъ образомъ. Когда земля *прочахнетъ*, т. е. просохнетъ настолько, что рѣжется не пластами, а разсыпается подъ сохою, но и не настолько затвердѣла, чтобъ соха не могла ее взять, это время самое лучшее для начала пахоты. Спѣлость земли узнается еще и такимъ образомъ: когда возьмешь въ горсть земли и, крѣпко сжавъ ее въ кулакѣ,—выпустишь, и земля разсыплется при паденіи, то значитъ, что она уже готова для пахоты; но ежели она упадетъ комкомъ, то еще не поспѣла. Въ первый разъ землю пахать называется — метать. И потому, ежели вы спросите крестьянина, возвращающагося съ работы, что онъ дѣлалъ въ полѣ: „*металъ*“, отвѣтитъ онъ. Это значитъ, что онъ только что началъ обработку земли (сдѣлалъ взметъ). Метанье производится одной сохой безъ бороны. Ежели земледѣлецъ поторопится и начнетъ метать землю очень сырую, то онъ не можетъ надѣяться на

хорошій урожай, потому что отъ сырой обработки въ хлѣбѣ зарождается въ большомъ количествѣ трава, которую народъ зоветъ *„метлинникомъ“*, по сходству ея съ метлою или метелкою. Говоря о неурожаѣ своей нивы, крестьянинъ изъясняется такъ: „хлѣбъ рѣдокъ, кое гдѣ былка, все одинъ пухъ зародился“. Травы этой дѣйствительно бываетъ иногда болѣе; чѣмъ хлѣба; но есть еще и другое зло: отъ преждевременной метки земля бываетъ испорчена на долгое время, такъ что стоитъ большихъ усилій привести ее въ надлежащее положеніе, потому что сырые пласты, высушенные весеннимъ вѣтромъ, дѣлаются тверды подобно кирпичу, даже дожди не скоро ихъ размачиваютъ [1]), и земля въ комьяхъ, будучи вывѣтриваема, лишается своей плодотворной силы.

Метка дѣлается продольными бороздами, перепашка или второе дѣйствіе пахоты производится поперекъ и уже не одной сохою: позади сохи лошадь волочитъ борону, которая разбиваетъ и разволакиваетъ комья. Послѣ этого приступаютъ къ сѣву. Вошло въ обычай на одну тридцатную десятину высѣвать: овса 2 четверти, ржи 1 четверть, гречихи 10 мѣръ, пшеницы 2 четверти, гороху отъ 6 до 8 мѣръ и проч. Сѣвъ производится такъ: сѣвецъ вывозитъ на ниву въ телѣгѣ сѣмена, насыпанныя или въ веретьяхъ, или въ мѣшкахъ. На шею, на веревкѣ навѣшиваетъ себѣ сѣвалку [2]), т. е. круглый кузовъ, загнутый изъ лубка или изъ тоненькой осиновой доски, которую наполняетъ привезенными сѣменами. Потомъ, идя по бороздамъ, беретъ сѣмена горстью правой руки и разбрасываетъ ихъ направо и налѣво. Для сѣва тихая погода считается удобною, вѣтеръ препятствуетъ правильному разсѣву. Послѣ этого посѣянныя сѣмена запахиваются сохою, забораниваются бороною, и сѣвъ оконченъ. Для болѣе нѣжныхъ хлѣбовъ, или когда есть время и руки, то и для овса, землю перепахиваютъ лишнихъ разъ или два. Извѣстное дѣло, что, чѣмъ мягче и рыхлѣе разработана земля, тѣмъ болѣе можно разсчитывать на урожай.

---

[1]) Иногда двухъ лѣтъ бываетъ мало для поправленія такимъ образомъ испорченной земли.

[2]) См. изображдніе № 1.

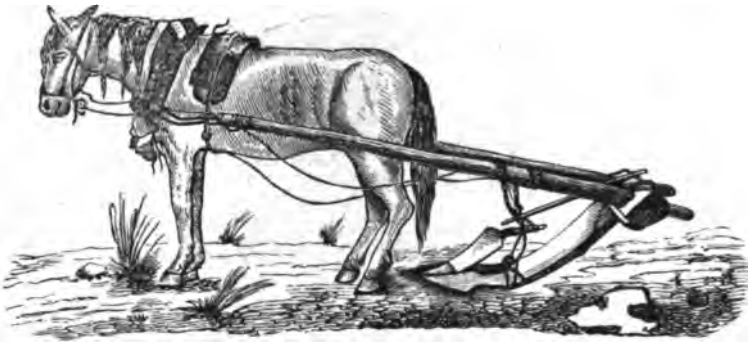
№ 1. Сѣвалка.

Въ первый разъ пахать землю называется, какъ я уже сказалъ, метать, во второй разъ двоить, въ третій троить, а послѣ сѣва—запахивать. Если при пахотѣ и сѣвѣ земля, по случаю засухъ, не могла быть хорошо обработана, но вскорѣ перепали дожди, и если зерно дало ростокъ, но еще не взошло на поверхность земли, тогда опять перепахиваютъ съ бороною. Это называется *ломать*. Но чаще всего ломаютъ тогда, когда сильный проливной дождь внезапно сплавитъ верхній слой пашни, которая, высохнувъ, образуетъ гладкую и ровную кору, препятствующую всходу; тогда эта перепашка необходима. Впрочемъ, ломаютъ только одни яровые сѣвы. Пахарь выѣзжая метать, беретъ съ собою благовѣщенскую просфору; выѣхавъ на свою ниву, помолившись на всѣ четыре стороны и сдѣлавъ первую борозду, останавливается и съѣдаетъ просфору, а потомъ опять продолжаетъ работу.

Тридцатную десятину два работника съ двумя сохами на однихъ лошадяхъ взметываютъ въ одинъ день; день времени нуженъ для двойки, день троить, день для сѣва и запашки. Итакъ два мужика на двухъ лошадяхъ оканчиваютъ пахоту съ одною перепашкою и сѣвомъ одной десятины въ четыре дня.

Орудія, употребляемыя для пахоты земли, какъ видно изъ моего разсказа, суть соха [1]) и борона. Оба эти земледѣльческія орудія очень несложны и дѣлаются не на фабрикахъ земледѣльческихъ орудій, а собираются самими пахарями крестьянами. Необходимое для сохи желѣзо: сошники

[1]) См. изображеніе № 2.

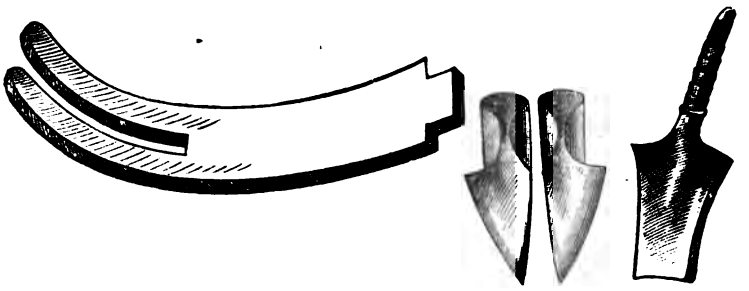


№ 2. Соха.

и палицы, выковываются сельскими кузнецами. Станокъ сохи состоитъ изъ четыре-угольнаго бруска, длиною четвертей въ пять и толщиною вершка въ три; въ него вдѣланы короткія оглобли, которыхъ задніе концы пропущены сквозь брусокъ вершка на четыре и служатъ ручками пахарю, для направленія хода по бороздѣ. Къ нижней сторонѣ бруска прилѣлана деревянная *разсоха* [1]) или доска вершковъ въ пять шириною, согнутая и съ выпиленнымъ въ нижнемъ концѣ по серединѣ отверстіемъ, въ длину вершковъ въ 8 и въ ширину вершка въ два, черезъ что образуются двѣ ножки. На эти ножки или оконечности насаживаются желѣзные *„сошники“* [1]), имѣющіе форму нѣсколько продолговатыхъ, трехъ-угольныхъ, съ одной стороны острыхъ ножей, обращенныхъ остріями въ противоположныя стороны, и насаживаются такъ, чтобы врѣзывались въ землю желобкомъ. Разсоха около самыхъ сошниковъ подвязана веревками къ оглоблямъ для того, чтобъ упоръ земли при пахотѣ не оттягивалъ разсохи, а на случай ослабленія веревокъ, между ними продѣта палка или двѣ, посредствомъ которыхъ онѣ закручиваются. Эти веревки называются *подвоемъ* Въ этотъ подвой ввязана *палица.* Палица есть желѣзная лопаточка, которая нижнимъ краемъ лежитъ на выдавшемся и нѣсколько приподнятомъ углѣ того или другого сошника, называемомъ *перо.* Палица свободно перекладывается съ одного сошника на другой по мѣрѣ надобности и устроена для отвала вспахиваемой земли въ одну сторону. Оглобли привязаны длинными гужами къ хомуту, а чтобъ онѣ не опускались, под-

[1]) См. изображеніе № 3.

вѣшены за концы черезсѣдельникомъ, т. е. веревкой, перекинутой черезъ сѣделку. Отъ черезсѣдельника зависитъ качество пахоты: если черезсѣдельникъ опустить посвободнѣе, соха будетъ забирать глуже; если его подтянуть по-



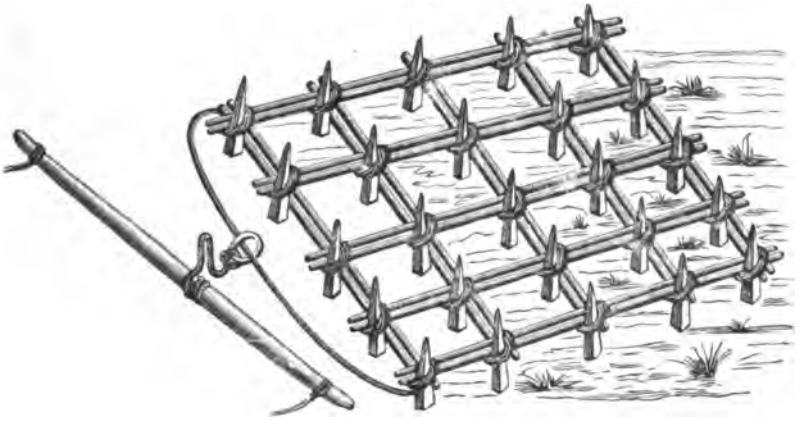
№ 3. Разсоха, сошники, палица.

выше,—соха будетъ едва царапать землю. Такъ какъ мелкая пахота для лошади легче, то за рабочими надобно наблюдать, чтобъ черезсѣдельникъ не былъ высоко подтянутъ. Замѣчено, что при появленіи въ полѣ самого хозяина-помѣщика, крестьяне, едва еще завидѣвъ его, подъ предлогомъ поправки упряжи, спѣшатъ опустить черезсѣдельникъ. Кто себѣ врагъ!

Борона [1]) складывается изъ прямыхъ, преимущественно орѣховыхъ, палочекъ и связывается дубовыми или черемуховыми кольцами. Для бороны нужно 25 палочекъ, длиною въ два аршина, 25 колецъ и 25 дубовыхъ зубцевъ, длиною въ 6 1/2 вершковъ, къ одному концу заостренныхъ. Борона представляетъ рѣшетку съ 16 сквозными квадратами, образуемыми перекрещенными палочками. По одному направленію кладутся вмѣстѣ по три палочки, а поперекъ ихъ по двѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ онѣ скрещиваются, ихъ обхватываютъ по два кольца и пропущены насквозь зубья. Связать хорошо, прочно и правильно борону — нужно искусство, по этому не всякій съумѣетъ исполнить это, повидимому, не важное дѣло. Оба эти орудія просты, легки, дешевы и вполнѣ достигаютъ своей цѣли на нашемъ неглубокомъ слоѣ плодородной земли. Для распахиванія новей изъ-подъ луговъ употребляютъ и плугъ; но плуговъ не заводятъ по-

[1]) См. изображеніе № 4.

тому, что новей давно у насъ нѣтъ. А если кому понадобится разодрать и дерновинку, то весной или послѣ осенних дождей, когда она проникнута сыростью, сохой можно и ее распахать превосходно.



№ 4. Борона.

Такъ какъ время сѣва бываетъ очень коротко, то для скорости въ весенних работахъ придумали метать землю съ осени, чтобы весною оставалось только перепахать, засѣять и потомъ запахать. Но это средство рѣдко удается на нашихъ глинистыхъ, быстро высыхающихъ весною почвахъ, да и практическіе хозяева утверждаютъ, что земля, взметанная подъ овесъ и пролежавшая слѣдующій годъ, по снятіи овса, въ пару, не даетъ такого урожая ржи, какъ та, которая не была никогда метана съ осени. Еще употребляется способъ сѣва, называемый „по пожарищу". Этотъ способъ употребляется тогда, когда долгое бездождіе грозитъ изсушить землю; тогда, чтобъ сѣвъ окончить во время, сѣютъ по непаханному жниву и потомъ сѣмена запахиваютъ и забораниваютъ; иногда только запахиваютъ, а переборониваютъ уже впослѣдствіи; или, послѣ запашки и бороньбы, чрезъ нѣсколько дней двоятъ или *ломаютъ* сохами, въ слѣдъ за которыми идутъ бороны. Этотъ способъ сѣва иногда бываетъ очень удаченъ. Почему этотъ способъ сѣва овса названъ *„по пожарищу"*, рѣшить трудно. Не заимствованъ ли онъ изъ степныхъ губерній, гдѣ жнивы сперва *сжигаютъ*, а потомъ сѣютъ? Но въ нашихъ мѣстахъ насе-

леніе деревень и перелѣски такъ часты, что огонь, для сжиганія жнивъ, ни подъ какимъ видомъ никогда употребленъ быть не могъ. Второе предположеніе: слово *„по пожарищу“* не искаженное ли „по пожатищу“, т. е. по пожатому полю, по жнивью? Первое предположеніе, кажется, ближе къ истинѣ.

Всѣ яровые хлѣба, чѣмъ ранѣе посѣяны, тѣмъ лучше, лишь бы доставало рукъ. Макъ стараются сѣять, какъ можно ранѣе, потому что онъ очень долго не всходитъ. Его достаточно высѣвать на десятину отъ 1½ до 2-хъ гарнцевъ и, чѣмъ рѣже онъ взойдетъ, тѣмъ головицы будутъ крупнѣе; а если выбѣжитъ очень часто, то его выпалываютъ, разрѣжаютъ. Для уравненія сѣва, макъ смѣшиваютъ съ большимъ количествомъ песку—мѣръ 8 на десятину, или съ сухой мелкой землей. Разсѣявши, не запахиваютъ, но только слегка заволакиваютъ бороною, съ привязанными къ ней вѣничками. Макъ требуетъ земли хорошаго качества и самой тщательной обработки; какъ всѣ маслянистыя растенія, онъ очень истощаетъ землю. Признакомъ времени сѣва для овса принимается: 1) кваканье лягушекъ, 2) появленіе красныхъ козявокъ въ лѣсу у корней деревьевъ и на гнилыхъ пняхъ. Впрочемъ для сѣва овса существуетъ давнишняя пословица:

Сѣй хоть въ грязь—
Будешь князь.

Овесъ на низменной мѣстности бываетъ и гуще, и кистистѣе, но часто страдаетъ отъ вліянія тумановъ, такъ что совершенно лишается налива. Солома чернѣетъ и скотъ ее не ѣстъ. Во время сѣва овса есть обычай приносить въ поле младенцевъ, которые, не смотря на возрастъ, долго не начинаютъ ходить. Ихъ ставятъ на пашню и кругомъ обсѣваютъ овсомъ. Думаютъ, что это средство укрѣпляетъ ножки младенца.

Горохъ также требуетъ ранняго сѣва, чтобъ созрѣть прежде раннихъ осеннихъ морозовъ. Горохъ, для сохраненія его отъ набѣговъ ребятъ, сѣютъ среди поля, а когда уже образуются стручки, то ставятъ и караулъ. *Сажаютъ* старика *на горохъ*,—гдѣ онъ выстраиваетъ шалашъ. Но многіе считаютъ лучше сѣять горохъ близъ проѣзжихъ дорогъ за тѣмъ, чтобъ прохожіе и проѣзжіе могли имъ пользоваться.

Есть повѣрье, что за это Господь вознаградитъ большимъ урожаемъ. Ячмень также сѣется ранній съ первымъ сѣвомъ; но поздній сѣютъ въ Троицкую субботу, или когда цвѣтетъ калина, по простонародному, когда „калина въ кругу". Сѣвъ ячменя не считается выгоднымъ: во-первымъ, потому что сбытъ на мѣстныхъ рынкахъ незначителенъ; надобно возить его въ Москву, а провозъ не вознаграждается и въ Москвѣ; во-вторыхъ, ячмень требуетъ лучшей земли противъ овса, а истощаетъ ее болѣе, чѣмъ овесъ; въ-третьихъ, при уборкѣ, ячмень, намоченный дождемъ, темнѣетъ и теряетъ цѣну при продажѣ, и въ-четвертыхъ, противъ овса его родится почти на половину менѣе.

Пшеницу по большей части сѣютъ первымъ хлѣбомъ, по навозу, на землѣ лучшаго качества: землю, для яровой пшеницы оставленную въ ржаномъ полѣ, еще съ осени двоятъ. Весною ее опять пашутъ и перепахиваютъ съ бороною, чтобы земля была, какъ пухъ. Пшеница самый прихотливый хлѣбъ, приносящій или доходъ, или убытокъ (средины нѣтъ) и всегда истощающій землю. Многія хозяйства первымъ хлѣбомъ по навозу разсчитываютъ выгоднѣе сѣять рожь, потомъ овесъ; третій годъ поле отдыхаетъ въ пару; землю опять слегка понавозять, и ужъ на слѣдующую весну сѣютъ пшеницу.—На рожь почти всегда урожай, исключая особенныхъ случайностей въ воздухѣ; но пшеница не такова. Во-первыхъ, на нее засухи дѣйствуютъ гороздо сильнѣе; во-вторыхъ, отъ сильныхъ дождей на хорошей землѣ пшеница растетъ такъ сильно, что не можетъ выстоять, валится и зерно не наливаетъ; въ-третьихъ, ежели и родится хорошо, да при уборкѣ случатся дожди, которые захватятъ ее въ рядахъ [1]) или на горстяхъ [2]), и даже въ снопахъ, то зерно блѣднѣетъ и цѣнность пшеницы въ продажѣ падаетъ на треть, а иногда и на полцѣны. Итакъ, ежели взять въ соображеніе количество ржи, которая бы получалась съ земли, употребленной подъ пшеницу, истощеніе этой земли отъ пшеницы, непостоянный урожай пшеницы, тщательную обработку земли, требующую лишняго труда, то окажется, что рожь принесла бы дохода, если не болѣе, то не менѣе.

[1]) Въ рядахъ называется, когда хлѣбъ скосили, но еще до просушки не сгребали.

[2]) О горстяхъ будетъ ниже при жнитвѣ.

Многіе оставили сѣять пшеницу именно отъ того, что она въ десятилѣтней сложности приноситъ убытокъ, а не выгоду. Но большая часть помѣщиковъ-хозяевъ, и даже крестьянъ, продолжаютъ сѣятъ пшеницу. Съ осени ее молотятъ первую, и по осени же продаютъ. Это бываетъ первый и иногда значительный доходъ. При полученіи денегъ, забываютъ про неурожай и неудачи прежнихъ годовъ и на слѣдующій годъ опять сѣютъ пшеницу, въ надеждѣ получить еще болѣе. Пшеницу, назначенную для сѣва, дня за три мочатъ въ известковой зольной водѣ. Четвертей на десять пшеницы берутъ мѣры 4 извести и одну мѣру золы, которыя растворяютъ въ чанахъ, вливая столько воды, чтобы достаточно было для вымочки въ ней пшеницы. Этотъ растворъ называютъ *„квасы“*. Когда пшеница достаточно вымокла и разбухла, то наканунѣ сѣва ее разсыпаютъ на веретьяхъ на открытомъ воздухѣ, чтобъ она попросохла, и потомъ насыпаютъ въ воза. Это средство предохраняетъ пшеницу отъ головни.

Въ Семикъ, т. е. послѣдній четвергъ предъ Троицынымъ днемъ, и въ Троицкую субботу сѣютъ ранній ленъ [1]); его стараются сѣять на низменной почвѣ. А въ день Царя Константина сѣютъ поздніе льны и раннія гречихи. Посѣянный въ этотъ день ленъ бываетъ особенно высокъ ростомъ. Позднія гречихи сѣются въ день С. Акулины, 13-го Іюня, почему этотъ день и называется днемъ „Акулины гречишницы“. Лѣтъ 25 назадъ, гречихи на неудобренной запольной [2]) землѣ раживались хорошо; но въ настоящее время рѣдко бываютъ удачны. По большой части гречу повязываютъ туманы при наливѣ.

Чечевицу сѣютъ на землѣ, которая не въ состояніи поднять другого хлѣба, на землѣ самой плохой, лишь бы не гуляла. Ее ѣдятъ, какъ горохъ, мелятъ на муку для киселя, пекутъ блины, мѣшая ее со ржаной мукою, кормятъ свиней и употребляютъ для посыпки или въ мѣсиво лошадямъ. Солома ея очень хороша для корма скота, такъ что можетъ даже замѣнять сѣно. Но на денежный доходъ съ чечевицы не расчитываютъ.

---

[1]) На десятину высѣваютъ 2 мѣры.

[2]) Запольная значитъ отдаленная отъ селенія и никогда не удабриваемая земля.

Коноплю сѣютъ по огородамъ или конопляникамъ, на самой удобренной землѣ, на пятой и седьмой недѣлѣ послѣ Святой. На шестой недѣлѣ не сѣютъ, потому что пропадаетъ. На конопляникахъ ставятъ чучело, состоящее изъ двухъ палокъ, воткнутыхъ въ землю и на крестъ связанныхъ третьею; на нихъ надѣваютъ старую изорванную рубаху и придѣлываютъ соломенную голову, съ надѣтой старой кичкой или шляпой; къ концамъ палки, представляющимъ руки, навязываютъ тряпицы, приводимыя въ движеніе вѣтромъ, что очень похоже издали на человѣка. Не знаю, обманываются ли воробьи, противъ которыхъ устроивается это пугало?

Просо сѣютъ мало и преимущественно на нови, то есть, по вновь поднятому подъ пашню лугу, или распашкѣ изъ-подъ лѣса. Просо сѣютъ прямо по перевернутымъ пластамъ, слегка предварительно взборонивъ поверхность этихъ пластовъ, и по засѣвѣ опять переборанываютъ. Просо на такой землѣ растетъ превосходно [1]). Ведренное и вѣтреное лѣто способствуетъ урожаю, но дождливое для проса вредно. Картофель сѣютъ въ полѣ въ небольшомъ количествѣ, оставляя эту овощь для огородовъ. Замѣчено, что урожай картофеля бываетъ не разлученъ съ урожаемъ ржи, и наоборотъ: при неурожаѣ ржи, не родится и картофель. Стало быть при хлѣбѣ онъ можетъ быть подспорьемъ, но замѣнить имъ рожь, при неурожаѣ, какъ-то никогда не удавалось.

При урожаѣ, на него сбыта почти нѣтъ, а при неурожаѣ нечего продать. На зиму его сохраняютъ въ подвалахъ, сухихъ погребахъ и ямахъ, которыя закладываютъ досками и засыпаютъ землею. Картофель въ помѣщичьихъ садахъ и огородахъ ведется изстари; но въ народную потребность онъ началъ входить съ небольшимъ лѣтъ 30; противъ него страшно возставало суевѣріе. Ходили старухи, проповѣдуя о грѣхѣ ѣсть картофель, болтали, будто въ картофелѣ находили кровь и проч.

Ротъ всѣ яровые хлѣба, принятые у насъ для сѣва, при обыкновенномъ трехъ-польномъ хозяйствѣ.

23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, когда листъ на березѣ долженъ быть въ полушку, въ первый разъ выгоняется

[1]) На десятину высѣвается двѣ мѣры.

скотъ въ поле. Во многихъ мѣстахъ принято за правило— въ этотъ день призывать священника, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Съ восхожденіемъ солнца сгоняется все стадо къ часовнѣ на выгонъ. Всякая хозяйка сгоняетъ свою корову вербой, которую нарочно для этого сберегаетъ у образовъ съ заутрени Вербнаго Воскресенья. У часовни служится молебенъ и, когда воду освятятъ, то прогоняютъ все стадо мимо священника, и батюшка, стоя у околицы, окропляетъ проходящій мимо его скотъ святою водою.

До Троицына дня скотъ ходитъ въ лугахъ, но съ Троицына дня луга заказываются для приготовленія покосовъ, и скотъ до покоса ходитъ въ паровомъ полѣ. Это самое голодное время для скота, ежели нѣтъ достаточно угодій [1]). Гдѣ есть болота и другія угодья для выгона, особенно въ господскихъ имѣніяхъ, тамъ луга, назначаемые для покоса, заказываются съ воды, т. е. съ самой весенней водополи. Чрезъ это трава бываетъ втрое лучше, нежели на лугахъ, заказанныхъ только съ Троицына дня; особенно ежели захватятъ засухи, то трава и вовсе не поднимется.

Въ Семикъ есть обычай наряжать березку. Срубленную молодую березку, около 6-ти часовъ по-полудни, приносятъ на выгонъ или на улицу; къ ней собираются бабы, дѣвки, въ лучшихъ нарядахъ, хотя бы это было послѣ трудной дневной работы, и молодые парни. Бабы и дѣвки изукрашиваютъ березку бумажными и шелковыми платками, и лентами, если онѣ водятся, навязывая все это по вѣткамъ; потомъ съ пѣснями и съ наряженной березкой идутъ въ ближайшую рощу, гдѣ есть много березнику. Тутъ, на луговинкѣ, водружаютъ березку, и потомъ, разсыпавшись по березнику, ломаютъ вѣтки, плетутъ вѣнки и надѣваютъ ихъ на головы. Иныя свиваютъ на сучьяхъ, не отламывая вѣтокъ, кольца въ родѣ вѣнковъ; въ эти кольца, противъ средины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, и два лица, бабы или дѣвки, кумятся, то есть, цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной, другая съ другой стороны. Послѣ этого размѣниваются крестами и между ними утверждается дружба на вѣки, такъ что уже ссориться и браниться между собою

[1]) Самое бѣдственное положеніе для скота въ имѣніяхъ, гдѣ мало угодій, бываетъ тогда, когда взмечутъ паръ, а покосъ луговъ еще не дѣленъ.

считается у нихъ величайшимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ садятся всѣ на траву и принесенными съ собою ложками ѣдятъ изжаренную на сковородѣ готовую яичницу; потомъ водятъ хороводы около березки и поютъ пѣсни. Но вотъ солнышко сѣло. Въ лѣсу становится сыро отъ павшей росы. Комары и мошки кусаютъ нестерпимо. Пора возвращаться въ деревню тѣмъ болѣе, что стадо уже пригнали и бабамъ время коровъ доить. Пора, да и дѣти-младенцы, радостно глядѣвшіе на празднество, начинаютъ пищать отъ мошкары, искусавшей имъ руки и ноги и все тѣло. Березку поднимаетъ какой-нибудь удалой парень и съ пляской, подъ пѣсни сопровождающихъ, идетъ впереди; за нимъ уходитъ вся веселая пестрая толпа, и роща пустѣетъ. Вотъ пѣніе слышно на деревнѣ, гдѣ давно старухи ворчатъ на долгую отлучку невѣстокъ. Но еще не все окончено.

Всѣ, участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ, идутъ къ рѣкѣ или къ пруду, снимаютъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ на воду близъ берега и, сквозь вѣнковъ почерпнувъ воды, умываются. Потомъ, взявъ опять вѣнокъ, бросаютъ его далеко на воду: ежели вѣнокъ потонетъ, то бросившій его умретъ въ томъ же году; а не потонетъ, то будетъ живъ. Этотъ самый обычай совершенно въ томъ же видѣ повторяется и въ Троицынъ день; разница существуетъ только въ названіи: въ Семикъ *завиваютъ* вѣнки, въ Троицынъ день *развиваютъ*. Въ древности быть можетъ и была разница, но въ настоящее время она, кажется, существуетъ только въ словахъ.

Въ Троицынъ день и въ Вознесенье красятъ яйца въ желтую краску самымъ простымъ способомъ. Насыпаютъ въ горшекъ березоваго листу или накладываютъ крапивы, и одсыпаютъ туда золы, наливаютъ воды и кипятятъ на огнѣ. Въ этомъ отварѣ красятъ яйца точно такъ же, какъ въ Святой недѣлѣ, въ сандалѣ. Иныя хозяйки, для окрашиванія яицъ въ желтый цвѣтъ, употребляютъ шелуху съ луковицъ.

Когда помѣщики съ своими семействами сами участвуютъ въ праздникѣ наряженной березки, тогда, разумѣется, онъ бываетъ еще веселѣе: народъ любитъ, чтобы господа раздѣляли съ нимъ его обычаи. Для господъ вывозятся въ

рощу стулья, столы, самоваръ и все нужное къ чаю. Также берутъ въ большомъ количествѣ яицъ, хлѣба, вина и браги. Сами пьютъ чай, а между тѣмъ разводится огонь, и на немъ печется яичница для угощенія народа. Подносятъ вино, брагу, а всѣхъ дворовыхъ угощаютъ чаемъ.

Въ Духовъ день многія деревни имѣютъ обычай обходить поля съ образами или, какъ говорится, поднимаютъ образа въ поле. Образа поднимаютъ и тогда, когда долго стоитъ ведро, земля пересыхаетъ и чрезъ это ростъ хлѣба останавливается. „Плохо,—не даетъ Богъ дождя", говоритъ одинъ. „Видно, Господа Бога прогнѣвали, замѣчаетъ другой; недавно я ходилъ въ поле: больно худо, и не смотрѣлъ бы. Овесъ отъ земли и на четверть не поднялся, а ужъ кустится; по бугрямъ же и совсѣмъ пожелтѣлъ, сгорѣлъ".— „Пора бы образа поднять, говоритъ третій,—вонъ, третьяго дня Мухинскіе подымали".—„И въ Рудневѣ подымали вчера", замѣчаетъ пятый, и примѣръ сосѣдей рѣшаетъ вопросъ окончательно. Съ вечера даютъ священнику знать, что вотъ, молъ, образа желаютъ поднять; а на другой день всѣ мужики и свободныя бабы идутъ къ заутренѣ. По большей части, день для поднятія образовъ выбирается праздничный.

Отслушавъ заутреню, берутъ хоругви, всѣ образа, носимые въ Пасху, образъ Ильи Пророка и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, идутъ въ деревню. На выгонѣ, возлѣ часовни служатъ молебенъ о дождѣ, съ колѣнопреклоненіемъ и съ водосвятіемъ. По окончаніи молебна, всѣ идутъ кругомъ всей дачи, по генеральнымъ рубежамъ, или только около находящихся подъ хлѣбомъ полей, и священникъ, при священномъ пѣніи, кропитъ ихъ святою водою. Когда святая вода выдетъ вся, что случается, какъ пройдутъ порядочное разстояніе, тогда снова останавливаются, наполняютъ водосвятную чашу водою изъ ближняго ручья или болота, ежели нѣтъ рѣки, снова служится молебенъ съ водосвятіемъ, и ходъ совершаетъ путь свой далѣе. Такимъ образомъ, обходя дачу, служатъ отъ трехъ до пяти молебновъ, а иногда и болѣе.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ молебны служатъ на распутьяхъ дорогъ или перекресткахъ, случающихся близъ рубежей дачъ. На этихъ мѣстахъ становятъ постоянныя ча-

совенки, состоящія изъ столбика подъ кровелькой, къ которому прибитъ образокъ. Когда дача обойдена, образа тѣмъ же порядкомъ возвращаются въ церковь. Во время хода образа несутъ желающіе, и мужики, и бабы, и дѣвки; но такъ какъ желаютъ почти всѣ, то несущіе часто мѣняются. Иные несутъ по обѣщанію, и уже все время и не сдаютъ образовъ другимъ. Священнику платится міромъ; для этого собираютъ по нѣскольку копѣекъ съ двора или съ души. Въ Вознесенье пекутъ *лѣстницы*. Это не что иное, какъ продолговатыя лепешки изъ сборнаго тѣста, вершка въ четыре длиной и 1½ вершка шириною, съ рубчиками поперекъ въ родѣ лѣсенки. Съ этими лѣсенками, отдохнувъ послѣ обѣда, мужики, бабы и дѣвки идутъ всѣ на свои ржи въ поле. Тамъ всякій у своей нивы, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приговаривая: *„чтобъ рожь моя выросла также высоко“*. Послѣ того лѣсенки съѣдаютъ. Иные сплетаютъ нѣсколько стеблей ржи въ кучку и приставляютъ къ ней лѣсенки, но другія, маленькія, нарочно для этого испеченныя, и тамъ ихъ оставляютъ. Окончивъ это дѣло, разсыпавшіеся по полю крестьяне собираются вмѣстѣ и съ пѣснями возвращаются домой. Въ Маѣ кончаются всѣ сѣвы, исключая поздней гречихи, которая, какъ я выше сказалъ, сѣется 13-го Іюня. Май и въ городахъ хорошъ, но въ деревнѣ Май, если онъ теплый, имѣетъ особенную прелесть. Луга зелены и свѣжи, въ лѣсахъ ландыши, фіалки и черемуха наполняютъ воздухъ благоуханіемъ. Въ садахъ плодовыя деревья въ цвѣту, будто покрыты снѣгомъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, небо сине, какъ василекъ. Кстати о садахъ. Садоводство въ описываемой мною мѣстности, у помѣщиковъ принимаетъ широкіе размѣрѣ и дѣлается отраслію сельскаго хозяйства, приносящею значительный доходъ. Крестьяне также начинаютъ заниматься садоводствомъ и многіе съ успѣхомъ. Теперь увидишь въ огородахъ ихъ не одну рябину да нѣсколько тычинокъ хмѣля, но и яблони хорошихъ сортовъ, которыя приносятъ доходу отъ 15 до 30 и 50 рублей серебромъ. Конечно такихъ садовъ еще очень немного, но начало утѣшительно. Въ Зарайскомъ уѣздѣ растутъ слѣдующіе сорты плодовыхъ деревъ и кустарниковъ: яблони много различныхъ хорошихъ сортовъ; груша тонковѣтка и

безсѣмянка; сливы: красныя, бѣлыя, французскій черносливъ и озимая; вишни коломенскія, владимірскія и морель; крупный тернъ или терносливъ и венгерки, малина англійская, малина красная, бѣлая и черная; смородина и крыжевникъ разныхъ сортовъ; ягоды: клубника, земляника разныхъ лучшихъ сортовъ. Огороды полны разными, даже прихотливыми, овощами и зеленью. Парники и паровыя гряды съ арбузами и дынями.

Но объ лѣсахъ нѣтъ достаточнаго попеченія: ихъ истребляютъ все болѣе и болѣе. Немногіе даже помѣщики смотрятъ на лѣсъ, какъ на главнѣйшую основу благосостоянія имѣній. Ихъ истребляетъ не топоръ, а какая-то дѣтская безпечность напримѣръ: срубятъ лѣсъ и на другую весну быстро побѣжитъ молодятникъ, чисто, свѣжо. Но въ такомъ лѣсу бываетъ и трава; какъ пастуху и крестьянамъ упустить случай покормить всласть коровъ, особенно когда заказаны луга? И вотъ, пустятъ скотину, которая истопчетъ и огложетъ молодую поросль—и лѣсъ истребленъ навсегда. Изуродованные прутики начинаютъ сохнуть; земля подъ лѣсомъ залужаетъ. Тогда сообразивъ, что лѣсу тутъ не бывать, коренья вырываютъ и мѣсто, гдѣ былъ лѣсъ, распахиваютъ подъ пашню [1]). Къ счастію, въ настоящее время нѣкоторые помѣщики начинаютъ обращать вниманіе на лѣса, окапываютъ ихъ канавами, не пускаютъ скотину; но народъ не хочетъ понимать пользы отъ этого. Русскій чѣловѣкъ мало думаетъ о будущемъ, хотя уже и теперь въ дровахъ чувствуется ощутительный недостатокъ. Лѣсовъ у насъ вообще пока еще не сѣютъ и не сажаютъ; хотя впрочемъ и тутъ есть исключенія, но чрезвычайно рѣдкія, и этотъ способъ возстановленія или разведенія лѣсовъ, котораго вовсе не знали наши дѣды и отцы, и теперь еще едва начинаетъ зарождаться. Впрочемъ, еслибъ принять мѣры для охраны множества кустарниковъ, которые постоянно подвергаются потравамъ и брошены на произволъ, да сбе-

[1]) До полюбовнаго размежеванія, лѣсовъ еще было въ достаточномъ количествѣ. Казалось, что вѣкъ не переведутся; но когда надо было межеваться къ однимъ мѣстамъ, помѣщики, за рѣдкимъ исключеніемъ, никакъ не могли условиться на счетъ промѣновъ: просили другъ у друга придачи и кончалось тѣмъ, что всякій свой лѣсъ срубалъ. Возрастить же лѣсъ никто почти не принималъ на себя труда.

регать еще оставшіеся лѣса, то всетаки край нашъ нельзя бы назвать безлѣснымъ. Одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ къ возстановленію порубленнаго лѣса есть заповѣдь. Заповѣдать лѣсъ можно, на сколько угодно лѣтъ: на 10, на 15, на 20 и болѣе. Для заповѣданія лѣса призывается священникъ, поднимаютъ изъ церкви образа и хоругви, и съ пѣніемъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ обходятъ заповѣдываемый лѣсъ. Обойдя его, священникъ читаетъ молитву и объявляетъ, что лѣсъ заповѣданъ. Послѣ подобной заповѣди, хотъ прутикъ срубить изъ того лѣса считается тяжкимъ грѣхомъ и потому остается охранять лѣсъ только отъ скота. Въ лѣсахъ нашихъ растутъ: дубъ, кленъ, ясень, липа, береза, ильмъ, вязъ, черемуха, дикая яблонь, ольха. Кустарники: орѣшникъ, крушина, калина, шиповникъ [1]). Въ Маѣ, еслибъ не комары, кажется, не вышелъ бы изъ лѣсу. По вечерамъ и рано утромъ поютъ соловьи, днемъ воркуетъ горлинка и кукуетъ кукушка и много другихъ птицъ оглашаютъ воздухъ и крикомъ, и пѣніемъ. Кукушка закуковала: „сколько мнѣ лѣтъ жить?“ спрашиваетъ проходящая черезъ лѣсъ по дорогѣ поселянка, забывая на мигъ, куда она шла, и съ затаеннымъ дыханіемъ слушаетъ и считаетъ отвѣтъ кукушки. Много разъ прокукуетъ вѣщунья и съ довольнымъ лицемъ продолжаетъ крестьянка свой путь, но невольно омрачится у ней лице, ежели кукушка прокукуетъ немного.

Ежели горлинка заворковала еще въ голомъ, не одѣвшемся лѣсу, мало будутъ коровы давать молока. Кричитъ ворона: лѣтомъ къ дождю, зимой къ погодѣ. Если жаворонки прилетаютъ уже на проталины, куры будутъ носки. Если грачи стаями и съ крикомъ вьются надъ гнѣздами, то сядутъ, то опять взволнуются, это погода перемѣнится. Если воронъ сядетъ на церковный крестъ и начнетъ каркать, жди покойника съ той стороны прихода, въ которую онъ смотритъ. Любимыя птицы народа: голуби, скворцы и ласточки. Ежели голуби водятся во дворѣ въ большомъ количествѣ и ласточки подъ кровлей дома лѣпятъ свои гнѣзда, благодать почіетъ на домѣ томъ. Для скворцевъ на высокихъ шестахъ, около избы или по близости, ставятъ скворешники и радуются, забавляются шутовскимъ ихъ пѣніемъ,

[1]) Въ лѣсахъ, на луговой сторонѣ Оки, преобладаютъ ель и сосна.

какъ они передразниваютъ и пѣтуха, и другихъ птицъ, и даже животныхъ.

Говоря о лѣсахъ, нельзя не вспомнить и о грибахъ. Урожай грибовъ, какъ замѣчаютъ, изстари не разлученъ съ урожаемъ хлѣба. Это очень понятно: грибы любятъ сырость, дожди, а неурожай хлѣба почти исключительно бываетъ только отъ засухъ. Въ лѣсахъ нашихъ растутъ многія породы грибовъ, но въ пищу употребляются только слѣдующіе: бѣлые, грузди и рыжики, которые преимущественно ростутъ въ борахъ, но попадаются и въ березникахъ; подосинники, или красные грибы, подберезники, поддубовники, масленники, волвянки, сыроѣшки, свинушки, подорѣшницы, осенніе опенки и валуи. Мухоморы употребляютъ для истребленія мухъ. Для этого мухоморъ мажутъ сметаной, наливаютъ квасомъ или обдаютъ кипяткомъ и ставятъ для угощенія мухъ на тарелкѣ. Кстати замѣтить, что когда бываетъ очень много мухъ, то можно ожидать обильнаго урожая гречи. Брать грибы составляетъ для многихъ любимое занятіе и какъ во всякомъ искусствѣ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, есть своего рода знатоки, особенно изъ старыхъ дворовыхъ людей. Рано до солнца, чтобъ не терять времени, нужнаго для другихъ работъ, съ кузовками и кошолочками, идутъ крестьянскія баба и дѣвки въ отдаленные лѣса и дубравы за грибами, и когда разбредутся въ разныя стороны, то, чтобъ не растеряться, начинаютъ окликать другъ друга звучными: ау!

Кто не любитъ грибовъ вообще и сдобнаго пирога съ грибами въ особенности? Кто не любитъ грибовъ жаренныхъ въ сметанѣ?... Правда, — это лакомство; но въ постные дни грибы уже не лакомство, а почти необходимость. Православные русскіе люди, крестьяне и, слава Богу, многіе помѣщики, не станутъ не только мяса, но и рыбы ѣсть въ посты Успенскій и Великій; тогда безъ сухихъ грибовъ не состряпаютъ ни одного блюда.

Отъ сѣва до навозницы времени немного. Это время употребляется на стройки и починки; преимущественно же обращаютъ вниманіе на постройки и починки печей, занимаются рытьемъ канавъ, починкою плотинъ и городьбой; эти работы неопредѣленны, ихъ никогда не передѣлаешь.

II.

ЛѢТО.

Теплый безоблачный вечеръ послѣдняго дня Мая смѣнился такою же теплою ночью. Мужики поужинали съ своими семьями подъ открытымъ небомъ, всякій на своемъ дворѣ, на вынесенныхъ изъ избъ столахъ, а дворовые мѣсячники съ своими ребятишками у порога своихъ клетей, кто на столикѣ, а кто, вмѣсто стола, на покрытой скатертью коробьѣ или кадушкѣ; поужинали и давно уже разошлись по своимъ коморкамъ. Какъ Божія благодать, пала роса, и увлаженный воздухъ наполнился благоуханными испареніями травъ и цвѣтовъ. На деревнѣ становится все тише, все безмолвнѣе; изрѣдка услышишь скрипъ отъ затворяемыхъ воротъ, или стукъ засова; изрѣдка прожужжитъ возлѣ самаго уха пролетѣвшій жукъ, да что-то всплеснетъ водою въ сонномъ прудѣ, подъ тѣнію дремлющихъ у берега старыхъ дуплистыхъ ветлъ. Раздается порой слабый крикъ соннаго младенца изъ люльки, повѣшенной на дворѣ у входа въ сѣни или подъ навѣсомъ клѣти; потомъ тихая пѣсенка заботливой матери тутъ же спящей и убаюкивающей малютку, и все опять замолкнетъ; проржетъ жеребенокъ въ темномъ отдѣлѣ, или долетитъ невнятный говоръ и смѣхъ расположившихся на ночлегъ на сѣновалѣ ребятъ. Въ дымящемся, бѣломъ, туманномъ болотѣ хотя и квакаютъ лягушки, и кричитъ дергачъ, но это далеко; а вблизи все тихо, все безмолвно. Однѣ только собаки подъ часъ безтолково нарушаютъ эту торжественную тишину. Покажется одной что нибудь подозрительное, она тявкнетъ и растревожитъ собакъ на всѣхъ дворахъ. Всѣ наперерывъ ста-

раются перелаять другъ друга, на зная сами, изъ-за чего хлопочутъ; но имъ наскучитъ же когда-нибудь лаять... вотъ уже одна, опустивши хвостъ, пошла тихонько искать ночлега, нашла мѣстечко возлѣ спящихъ на дворѣ подъ навѣсомъ ребятишекъ, свернулась въ кружокъ, зѣвнула и, облизнувшись раза два, заснула. Другія собаки послѣдовали вскорѣ ея примѣру. Полночь близится... Ночь лѣтняя не долга.

Вечерняя заря, какъ осталась по захожденіи солнца, такъ во всю ночь почти и не меркла; лишь только съ запада передвинулась тихонько на востокъ—да тутъ и начала все шире да выше разливаться по небу. Вотъ уже охватила полнеба, и въ этой безднѣ свѣта одна за другой потонули изрѣдка блиставшія на блѣдно-сѣроватомъ сводѣ неба серебристыя звѣздочки. Но вотъ алѣе и золотистѣе становится востокъ, — вотъ пахнулъ вѣтерокъ, вотъ чиликнулъ воробушекъ, за нимъ другой, третій, прощебетала косаточка, выглянувъ изъ своего прилѣпленнаго къ карнизу дома гнѣздышка. Потоки свѣта льются сильнѣй и сильнѣй, и вотъ изъ-за синеватой окраины дали показался ярко горящій край солнца и лучи его разсыпались, разлились, обдали пурпуромъ землю. Все ожило, все проснулось. Ласточки начали быстро разсѣкать воздухъ во всѣхъ направленіяхъ; взвилась надъ деревней стая голубей. По деревьямъ и крышамъ, шумя своими крылышками и чиликая, запрыгала стая воробьевъ, раскричался во все горло взлетѣвшій на заборъ пѣтухъ, похлопавъ предварительно крыльями; закудахтала гдѣ-то громко курица, разглашая о снесенномъ яичкѣ; снова принялся за обычную работу кузнечикъ.

Встаетъ пастухъ съ своего неприхотливаго ложа; перекрестился, помолился на востокъ, умылся изъ ведра свѣжей водою, накинулъ на плечи кафтанъ, перекинулъ черезъ плечо сплетенную изъ лыкъ котомку, взялъ въ руки длинный кнутъ и отворилъ ворота скотнаго двора. И вотъ мычанье, блеянье, хрюканье прогоняемой въ поле скотины пробуждаетъ деревню. Бабы молодыя и старухи, съ заспанными лицами, одѣтыя кое-какъ и босикомъ, торопятся выгнать со двора своихъ коровенокъ, овецъ и свиней, подъ общій надзоръ пастуха;—шумъ увеличивается: до слуха долетаютъ

то ласковыя слова, обращаемыя къ скромной телушкѣ, то брань глупымъ свиньямъ и безтолковымъ коровамъ; то рѣзкое слово противъ невѣжества глядащаго изъ подлобья и глухо мычащаго быка. Стукъ и скрипъ то отворяемыхъ, то затворяемыхъ воротъ, хлопъ кнута, разнообразный крикъ стада, все смѣшивается въ одинъ нестройный гулъ. Обыденная жизнь началась; но ставни господскаго дома еще затворены. Тамъ кто-нибудь, заслышавъ шумъ отъ проходящаго стада, нечаянно проснется и подумаетъ: „Слава Богу! еще рано“ и, повернувшись на другой бокъ, часика на два, на три сладко засыпаетъ снова... Вотъ уже стадо выбрело за околицу; — какая прохлада вѣетъ отъ влажной травы! Ухъ, какъ пріятно измокнуть выше колѣна, бродя въ эту пору по нескошенному лугу въ густой травѣ сада или рощи! Какъ легко дышетъ грудь, какъ отрадно бываетъ на сердцѣ... Но для земледѣльца наслажденіе природой дѣло второстепенное, его ожидаютъ труды.

Навозъ или удобреніе начинаютъ возить послѣ Петровскаго заговѣнья, а если постъ малъ, то съ русальской недѣли. Для вывоза навоза существуютъ особаго рода двухъ-колесныя телѣжки, называемыя „колышки“ [1]). Онѣ устроены такъ: ящикъ корытообразнаго вида колышки, довольно впрочемъ плоскій, длиною аршина въ два съ четвертью и шириною четвертей въ семь, не имѣющій щитковъ ни сзади, ни спереди, и всегда почти выстланный

№ 5. Колышка.

[1]) Въ Спасскомъ и Сапожковскомъ уѣздахъ они называются *одрами* (одеръ) и употребляются для всѣхъ домашнихъ перевозовъ и для недальнихъ поѣздокъ.

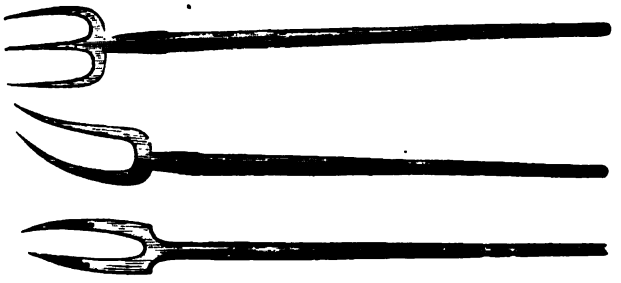
плетнемъ изъ лозника, какъ плетутся кошелки, повертывается на деревянныхъ гвоздяхъ между придѣланныхъ къ оси стоячковъ. Оглобли также вдѣланы въ ось, и ящикъ, когда ничѣмъ не наложенъ, переднимъ концемъ лежитъ на оглобляхъ, къ которымъ, кромѣ того, онъ прицѣпленъ веревочною петлею, чтобъ не запрокидывался, когда не нужно, это устроено вотъ для чего: когда положенный навозъ привезется въ поле на мѣсто, гдѣ долженъ быть сваленъ, привезшему стоитъ только отцѣпить петлю и приподнять немного передокъ,—ящикъ тотчасъ запрокидывается и навозъ падаетъ кучею безъ всякихъ хлопотъ. Десятину, которую предположено удобрить, предварительно „лешатъ“ [1]), т. е., изрѣзываютъ сохою на столько клѣтокъ, скольно нужно положить кучъ. Ежели почва земли совершенно глиниста, поле уже чрезмѣрно выпахано и никогда не было удобрено, то кладутъ на десятину до шести сотъ кучъ, или по одной кучкѣ на каждыя 4 квадратныя сажени: но и при этомъ удобреніи дурная земля не сдѣлается совершенно плодородною: случается часто, что года черезъ два на третій удобряютъ въ другой разъ. На землю лучшаго качества кладутъ менѣе кучъ: 500, 400, 300, судя по качеству земли, а гдѣ земля и почвой своей, вслѣдствіе мѣстнаго положенія, хорошаго качества, и все поле было удобрено въ прежніе годы, въ такомъ случаѣ стараются удобреніемъ занять, какъ можно, болѣе десятинъ, полагая отъ 250 до 200 кучъ удобренія на десятину.

Впрочемъ, и раздѣливъ десятину на предположенное число равныхъ клѣтокъ, крестьяне не связываютъ себя этимъ раздѣленіемъ, но унавоживаютъ свои участки сообразно съ качествомъ почвы. Такъ, на тѣ клѣтки, гдѣ хлѣбъ ростетъ хорошо,—навозу совсѣмъ не кладутъ, а на тощее и глинистое мѣсто или бугорокъ, выгорающій отъ солнца, накладываютъ кучи, одну подлѣ другой, чтобъ по возможности всю десятину уравнять въ качествѣ. Крестьяне возятъ удобреніе съ своихъ дворовъ, для успѣха въ работѣ, часто не въ колышкахъ, а на четырехъ-колесныхъ обыкновенныхъ телѣгахъ и накладываютъ столько на телегу, сколько лошадь можетъ свезти. Съ господскихъ же скот-

[1]) Многіе крестьяне и не лешатъ.

ныхъ и конныхъ дворовъ и изъ навозныхъ ямъ всегда возятъ въ колышкахъ, на которыя накладывается, примѣрно, отъ 7 до 14 пудовъ [1]), судя по свойству навоза. Соломистый, пересохлый навозъ вѣсомъ легче, а сырой и перепрѣлый тяжелѣе.

Такъ какъ во всѣхъ работахъ на барщинѣ крестьяне пуще всего заботятся о томъ, чтобъ одному не сработать болѣе другого и сохранить равенство труда, то, когда возятъ навозъ, предварительно раздѣляютъ скотный дворъ на участки, по числу колышекъ, и каждый рабочій вывозитъ навозъ изъ участка, доставшагося ему по жеребью. Въ этомъ дѣлежѣ труда нельзя не подивиться смѣтливости русскаго человѣка. Навозъ никогда ни на скотномъ дворѣ, ни на воркѣ [2]) не можетъ лежать равнымъ слоемъ: гдѣ случится, что слой вдвое или втрое толще противъ другого мѣста, гдѣ навозъ сырѣе, суше и соломистѣе; но мужики съ такою точностію умѣютъ выравнивать между собою работу, что число колышекъ, свезенныхъ изъ каждаго участка, всегда почти равно. Навозъ на колышки накладывается вилами и совершенно подчищается деревянными лопатами. Вилы эти двухъ родовъ: деревянныя, двузубчатыя съ желѣзными наконечниками и желѣзныя или трезубыя, насаженныя на деревянную рукоять.



№ 6. Навозныя вилы.

Когда навозъ вывезутъ, бабы тѣми же желѣзными вилами разбиваютъ кучи такъ, чтобъ навозъ легъ ровно по всей десятинѣ, а потомъ разбитый навозъ запахивается со-

[1]) Возятъ и до 15 пудовъ; но въ сложности, при порядочномъ надзорѣ, должно полагать возъ въ 12 пудовъ.

[2]) Воркомъ называется конный дворъ съ отдѣлами.

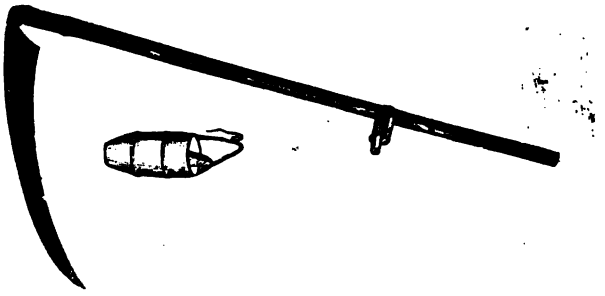
хою. Запахиваніе навоза у не многихъ хорошихъ хозяевъ дѣлается такъ: мужикъ сохою проводитъ борозду, бабы идутъ за нимъ и въ эту борозду закладываютъ навозъ вилами. Когда же пропашется другая борозда рядомъ съ первой, то выворачиваемая изъ второй борозды земля сама засыпаетъ навозъ въ первой бороздѣ, и такъ далѣе. Навозъ конскій съ ворковъ у насъ предпочитаютъ коровьему со скотныхъ дворовъ, потому что лошадь, безпрестанно бродя по двору, особенно въ холодное время и зимою, перебиваетъ и даже взрываетъ солому, отъ чего ворковый навозъ мельче и лучше перегораетъ, нежели на скотныхъ дворахъ; коровы же болѣе стоятъ или лежатъ, а ходить не любятъ. Поэтому удобреніе полей въ имѣніяхъ, гдѣ есть хотя маленькій конный заводъ, всегда лучше. Но конные заводы не возможны безъ луговъ, а ихъ не вездѣ достаточно. Къ тому жъ содержаніе лошадей начетисто и хлопотливо, тогда какъ корова не требуетъ почти никакого особеннаго ухода. Кромѣ удобренія, корова даетъ доходъ — молокомъ, творогомъ, масломъ, телятами, а подъ старость и сама идетъ въ солонину; шкура же или продается, или выдѣлывается для домашняго употребленія. Десять головъ мелкой скотины, какъ то: овецъ, свиней, козъ и до года телушекъ, считаютъ собственно для навоза за одну корову. Чтобъ навозъ, какъ на скотномъ, такъ и на конномъ дворѣ былъ одинаковаго качества, нѣкоторые хозяева перегоняютъ понедѣльно скотъ на ворокъ, а лошадей на скотный дворъ и обратно; а другіе со скотнаго двора неперебитую солому употребляютъ на подстилку лошадямъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ болѣе скота и лошадей при имѣніи, тѣмъ больше навоза, тѣмъ скорѣе удобривается земля и получается сравнительно увеличенный доходъ; но размноженіе скота и лошадей стараются дѣлать исподволь, чтобъ число скота не увеличилось вдругъ до несоразмѣрности съ получаемою съ полей соломою и сѣномъ съ луговъ, и чтобъ въ случаѣ умѣреннаго урожая, въ предупрежденіе голодной смерти, не пришлось сбывать скота и лошадей за безцѣнокъ. Къ несчастію, у людей неразсчетливыхъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, случается и это.

Въ день Рождества Іоанна Предтечи, 24 Іюня,—въ промежуткахъ между заутрени и обѣдни, собираются травы,

которыми народъ врачуетъ болѣзни. Собираніемъ травъ занимаются бабы и дѣвки. Буквица, звѣробой, кашка, матренка, землянка, трилистникъ, мать и мачиха и проч.; все это сушатъ на солнцѣ и на вѣтру въ запасъ и пьютъ отъ кашля, отъ грудныхъ болѣзней, отъ боли живота. Отъ чахотки употребляютъ рябину и мать и мачиху; эту же траву привязываютъ къ головѣ, для чего предварительно размачиваютъ ее въ водѣ. Существуетъ повѣрье, что если въ Ивановъ день, между заутрени и обѣдни, вырыть чернобыльникъ, то подъ нимъ безпремѣнно отыщется уголь. Дѣйствительно я и самъ находилъ, да думаю, что и всякій найдетъ и не въ Ивановъ день, если пристально поищетъ, потому что чернобыльникъ любитъ рости на пожарищахъ, въ усадьбахъ около селеній, гдѣ почти нѣтъ мѣста, куда бы не могъ быть занесенъ уголь. Какъ бы то ни было, только этому углю, который впрочемъ не всегда попадается, приписываютъ силу излѣчивать лихорадку, ежели пить съ водою.

Петровъ постъ самый голодный для народа. Овощей нѣтъ еще никакихъ, даже капуста кислая, заготовляемая въ прокъ, уже на исходѣ, и потому обыкновеннымъ кушаньемъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и свѣжіе огурцы. Огородники въ большемъ количествѣ развозятъ по деревнямъ эти произведенія и крикъ по деревнѣ: „по лукъ! по лукъ!“ приводитъ въ движеніе обывателей: кто бѣжитъ съ грошемъ, кто съ пятакомъ, кто съ яйцемъ, для покупки и вымѣна лука, и потомъ старый и малый возвращаются домой, неся въ рукахъ длинныя пучки драгоцѣннаго овоща, котораго цвѣтъ, густой и зеленый, разительно отличается отъ ослѣпительной на солнцѣ бѣлизны подземной части растенія. Отъ употребленія лука матерями-кормилицами грудные младенцы въ это время сильно страдаютъ поносами. По народному повѣрью, Петровъ постъ учрежденъ по просьбѣ бабъ для скопа масла. Ежелибъ молоко съѣдалось въ это самое обильное удоемъ время, то масла бы не скопить и въ половину.

Іюня 23-го день Св. Агриппины, а по простонародному Св. Аграфены. Въ этотъ день для пополненія домашнихъ аптекъ, начатыхъ заготовленіемъ въ Ивановъ день, роютъ коренья, живульку отъ рѣзи въ животѣ; Петровъ крестъ,



№ 7. Коса.

который, будучи положенъ въ горячую печь, начинаетъ сильно ворочаться, и употребляется отъ припадковъ падучей болѣзни; коренья дикой зори и другіе, не менѣе благодѣтельные. День 23-го Іюня называется днемъ *Аграфены злыя коренья*, можетъ быть отъ того, что въ этотъ день старинные колдуны запасали и запасаютъ свои зелья на порчу людей и животныхъ.

Покосы начинаются иногда до Петрова дня и продолжаются во весь Іюнь. Ежели луга удалены отъ деревень на большое разстояніе, то крестьяне съ бабами, дѣвками и грудными младенцами выѣзжаютъ на луга и до окончанія уборки сѣна располагаются станомъ близъ рѣки или ручья, или подъ тѣнію рощи. Тутъ устраиваютъ они шалаши изъ сѣна и въ котелкахъ, повѣшенныхъ на жердочкахъ, варятъ неприхотливый обѣдъ и ужинъ. По вечерамъ картина таборовъ очень живописна и оживлена.

Работа начинается со свѣтомъ, потому что косить и легче и успѣшнѣе, когда трава еще увлажена росою. Чѣмъ росистѣе трава, тѣмъ легче косить. Скошенную рядомъ траву бабы и дѣвки немедленно разбиваютъ, то есть, растрепываютъ рукоятками граблей, для того, чтобъ солнце и вѣтеръ могли лучше ее просушивать. Разбивка эта производится цѣлый день подъ палящими лучами солнца. Къ вечеру разбитое и почти сухое сѣно сгребаютъ въ валы, то есть, длинныя гряды, а изъ нихъ уже образуютъ копны, т. е., высокія кучи, имѣющія вѣсу отъ 3, 5 и до 8 пудовъ, судя потому, крупное или мелкое сѣно. Копна крупнаго сѣна, при равномъ объемѣ, всегда легче мелкаго. На другой день, когда роса уже поднялась, копны эти развали-

№ 8. Грабли.

ваютъ кругами, чтобъ солнце окончательно ихъ перекорило [1]), а потомъ опять сваливаютъ въ копны и мечутъ въ стога. Этотъ порядокъ обыкновенно бываетъ при уборкѣ въ ведренное время, но ежели случайно находятъ тучки и перепадаютъ дожди, то при уборкѣ сѣна бываетъ много хлопотъ. Когда тучка еще находитъ или невзначай пойдетъ дождь, стараются сѣно, если оно еще не въ копнахъ или если копна еще развалена, — немедленно скопнить, и сѣно остается въ копнахъ во все время ненастья. Но какъ только проглянетъ солнце, сейчасъ копны разваливаютъ и перебиваютъ сѣно до тѣхъ поръ, пока оно совершенно просохнетъ. Неблагопріятная погода, при уборкѣ сѣна, чрезвычайно затрудняетъ работу и частыя перемочки бываютъ причиною, что сѣно чернѣетъ и теряетъ свое достоинство.

При благопріятныхъ условіяхъ, уборка сѣна считается одною изъ пріятнѣйшихъ сельскихъ работъ. Время года, теплыя ночи, купанье послѣ утомленія и зноя, благоуханный воздухъ луговъ, — все вмѣстѣ имѣетъ что-то обаятельное, отрадно дѣйствующее на душу. Бабы и дѣвки имѣютъ обычай, для работъ въ лугахъ, надѣвать на себя не только чистое бѣлье, но даже одѣваться по праздничному. Для дѣвокъ лугъ есть гульбище, на которомъ онѣ, дружно работая граблями и сопровождая работу общей пѣсней, рисуются передъ женихами.

Стога сѣна бываютъ двухъ видовъ: одни съ круглымъ основаніемъ, остроконечные, а другіе въ видѣ хлѣбныхъ скирдовъ, сметываемые продолговатымъ четвероугольникомъ, съ крышеподобнымъ верхомъ. Послѣдніе кладутся рѣдко. Величина стоговъ зависитъ отъ произвола хозяина,

[1]) Народное выраженіе.

сообразно его разсчету и хозяйственной потребности. Чтобъ узнать, сколько будетъ зимнихъ возовъ въ стогу, стоитъ только измѣрить его окружность. Сколько саженей въ окружности, столько понадобится подводъ, чтобъ поднять стогъ, т. е. перевести сѣно. Зимній возъ сѣна полагается 25 и до 30 пудовъ.

Время летитъ быстро. Вотъ и Іюль мѣсяцъ за половину переходитъ. Ржи по возвышеннымъ мѣстамъ, буграмъ и косогорамъ бурѣютъ, а на сухихъ мѣстахъ, на припекѣ солнца, совсѣмъ готовы, хоть коси. Овсы тоже начинаютъ желтѣть; — приходитъ время самое трудное: успѣвай только работать, и сколько бы ни было рукъ — все покажется мало. Не то хлѣбъ убирать, не то метать землю подъ рожь. До Ильина дня (20 Іюля) земля не только должна быть взметана, но и передвоена. Метку земли подъ озимый посѣвъ начинаютъ, какъ только вывезутъ навозъ, и потому земледѣлецъ до самаго послѣднаго дня уборки часто не знаетъ, за что приняться; все нужно: и рожь готова, и овесъ того и гляди перезрѣетъ, и посѣвомъ не надо опоздать, и горохъ готовъ, и греча совсѣмъ потемнѣла, пожалуй, перезрѣетъ, и зерно осыплется. Въ осенній сѣвъ нѣкоторые хозяева, хоть десятинку, хоть двѣ, а непремѣнно посѣютъ до Преображенія (6-го Августа). Пахота и сѣвъ производятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и весною. Но тутъ есть разсчетъ во времени: слишкомъ рано — ранніе морозы могутъ захватить и убить всходы, когда они еще не *„выкрасились“*.

Говорятъ; „рожь въ краскѣ“; это значитъ, что ржаные всходы только еще вышли изъ земли и не успѣли позеленѣть, а имѣютъ цвѣтъ красноватый. Хорошо, когда рожь, до наступленія морозовъ, разростется кустами — „закустится“, но дурно, когда останется въ краскѣ, или на оборотъ: вытянется *въ трубку*. Впрочемъ очень часто бываетъ, что рожь съ осени внушаетъ хозяину опасеніе, но благотворная весна все исправляетъ. Иногда случается наоборотъ: отличныя съ осени озими гибнутъ весною. Это породило поговорку: „осень говоритъ: я всклочу; а весна отвѣчаетъ: нѣтъ, какъ я захочу“!

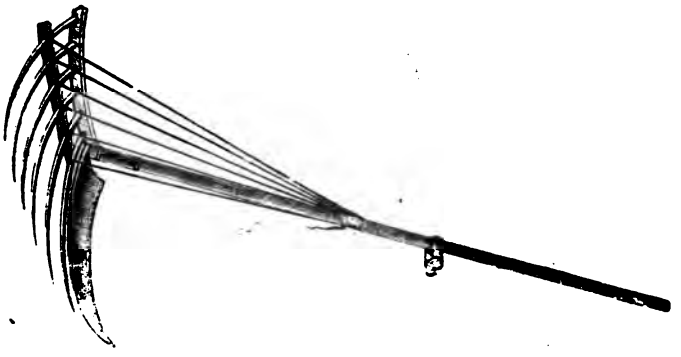
По обыкновенному порядку, рожь начинаютъ косить или жать около Ильина дня. Вечеръ на Ильинъ день или самый Ильинъ день рѣдко проходитъ безъ грома и молніи,

и говорятъ, что въ этотъ день Илья Пророкъ ѣдетъ на небо въ огненной колѣсницѣ. Въ это время года грозы бываютъ часто, и полуденныя грозы рѣдко не сопровождаются градомъ. Грозовая туча наводитъ страхъ на земледѣльца: всѣ его труды, всѣ недежды могутъ погибнуть въ полчаса. Отъ души молится всякій. Можно смѣло сказать, что никогда горожанинъ такъ не молится. Для предохраненія отъ града выставляютъ на дворѣ Богоявленскую воду, а передъ образами зажигаютъ Богоявленскую свѣчу. Иные, еще съ весны, зарываютъ во всѣхъ поляхъ въ землю стеклянки съ святою крещенскою водою,—и по вѣрѣ бываетъ благодать. Часто очень бывало, что поля, защищенныя присутствіемъ святой воды, оставались невредимыми, тогда какъ смежныя дачи, по самый рубежъ, были совершенно истреблены градомъ. По вечерамъ небо нерѣдко освѣщается отдаленными молніями, которыя вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. На мгновеніе покажутся предметы, и опять все погрузится въ мракъ. Въ лѣсахъ тихо и темно; свѣтляки свѣтятъ въ лѣсной травѣ огненными точками; перепела кричатъ во ржахъ, кузнечикъ трещитъ въ муравѣ... Эти отдаленныя молніи называютъ *зорницею*. Народъ говоритъ, что зорница „зоритъ“ [1]) хлѣбъ, т. е. способствуетъ созрѣнію.

Къ этому времени у крестьянъ всѣ зерновые запасы истощены, такъ что часто нѣтъ хлѣба, и потому они прибѣгаютъ къ займамъ. Можно судить по этому, какъ довольны бываютъ всѣ, когда хлѣбъ уродился и созрѣлъ. Часто бываетъ, что негдѣ занять хлѣба для насущнаго продовольствія; тогда начинаютъ жать рожь прежде, нежели она созрѣетъ. Рожь, овесъ, ячмень и пшеницу иногда жнутъ, а иногда косятъ, судя по урожаю. Если рожь высока и густа, если отъ жира земли, отъ обильныхъ дождей и отъ налива зерна рожь полегла и опутана вьющимися травами, то косить невозможно и непремѣнно надо ее жать. Но гдѣ рожь не густа и не высока, тамъ просто косятъ *„подъ крюкъ“* т. е. косою, къ которой придѣланы зубья или

---

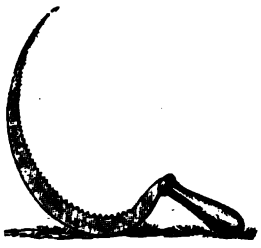
[1]) *Зорить* глаголъ винословный: онъ значитъ—заставлять зрѣть, т. е. спѣть. Съ глаголомъ *зрѣть*, въ значеніи видѣть, это слово не имѣетъ ничего общаго, кромѣ созвучія. Въ Южной Россіи зорница называется спѣлица. Изд. Рус. Бес.



№ 9. Коса съ крюкомъ.

грабельки, чтобъ скошенная рожь ложилась порядкомъ и не перепутывалась. Съ пшеницей и ячменемъ поступаютъ точно такъ же. Овесъ почти всегда косятъ, но бываетъ, что и овесъ, при дождливомъ лѣтѣ и на хорошей землѣ, чрезвычайно высокъ и густъ; въ такомъ случаѣ его жнутъ. Чтобы сжать въ день одну тридцатую десятину хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ [1]). Если вся десятина полегла и повита травою, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и къ концу рабочаго дня бываютъ страшно утомлены. Помѣщики, когда Господь пошлетъ обильный урожай, такъ что своими средствами нѣтъ возможности управиться съ уборкою, призываютъ „помочь“. Для этого, наканунѣ праздничнаго или воскреснаго дня, посылаютъ нарочнаго въ сосѣднее оброчное и казенное селеніе съ приглашеніемъ мужиковъ покоситься, а бабъ пожаться или повязаться. Приглашаютъ въ праздникъ, потому что на себя работать въ праздникъ грѣхъ, а пособить доброму человѣку грѣхомъ не считается. По приходѣ нарочнаго, сейчасъ собирается сходка, и старики опредѣляютъ, сколько къ сосѣду отправить на помочь мужиковъ и бабъ. На другой день, раннимъ утромъ, назначенное число рабочихъ является къ сосѣду и тотъ же часъ всѣ отправляются въ поле. Въ часъ они приходятъ на господскій дворъ, гдѣ для нихъ приготовленъ обѣдъ, перемѣнъ изъ

[1]) Нерѣдко случается, что жнутъ не только однѣ бабы, но и мужики.



№ 10. Серпъ.

четырехъ, съ виномъ и брагой. Послѣ обѣда, вмѣсто отдыха, рабочіе начинаютъ плясать, пѣть и, навеселившись вдоволь, опять идутъ въ поле, гдѣ работаютъ до захожденія солнца. Окончивъ день, опять собираются съ пѣснями на барскій дворъ ужинать и послѣ ужина, иногда до полуночи, водятъ хороводы, пляшутъ и до того развеселятся, что еслибъ не напоминали имъ безпрестанно, что пора домой, то они бы протолклись на барскомъ дворѣ до утренней зари. Наконецъ они уходятъ; но долго еще въ тиши лѣтней ночи раздаются постепенно замирающіе звуки ихъ веселыхъ пѣсенъ, и долго еще въ невозмутимой тишинѣ и мракѣ двора, мерещатся пляшущія фигуры и плавно движущіеся круги хороводовъ. Помочь дается сосѣдними крестьянами всегда съ большою готовностію и даже удовольствіемъ. Кромѣ угощенія и веселаго гулянья, привлекательныхъ для молодежи, готовность помочь происходитъ отъ признательности за полезныя и совѣтомъ, и дѣломъ услуги помѣщика-сосѣда. Жнутъ двумя способами: или прямо связываютъ въ снопы, если рожь чиста, т. е., не травяниста и совершенно созрѣла, или, въ противномъ случаѣ, срѣзываютъ рожь серпами и кладутъ ее кучками, *„горстями“*: это называется жать на горсти. Когда сжатая вмѣстѣ съ хлѣбомъ трава отъ солнца и вѣтра замретъ и засохнетъ, тогда изъ горстей вяжутъ снопы. Изъ трехъ, четырехъ и пяти горстей составляется снопъ. Къ вечеру, предъ окончаніемъ дневной работы, связанные и сжатые снопы складываются въ копны.

Копна состоитъ изъ четырехъ крестцовъ, а крестецъ изъ тринадцати сноповъ. Въ копнѣ 52 снопа. Крестцы складываются слѣдующимъ образомъ: кладутся крестообразно

четыре снопа колосьями внутрь такъ, чтобы колосья одного снопа прикрывались колосьями другого; на этотъ первый слой сноповъ кладется другой тѣмъ же порядкомъ, потомъ третій слой, стало быть 12 сноповъ положены. Потомъ крестецъ покрывается послѣднимъ тринадцатымъ снопомъ, который накладывается сверху крестца, съ угла на уголъ, такъ, чтобы онъ прикрывалъ собою середку и чтобы колосья его лежали въ наклонномъ положеніи. Крестцы складываются такимъ образомъ для того, что если пойдетъ дождь, даже продолжительный, проливной, то въ крестцѣ, правильно сложенномъ, пострадаетъ развѣ самый нижній слой и самый верхній снопъ, который впрочемъ скоро обвѣтривается и, находясь въ наклонномъ положеніи, не позволяетъ водѣ проникать въ средину колосьевъ. Бываетъ, что во время самаго разгара жнитва, около или вскорѣ послѣ полудня, покажется тучка и внезапно закропитъ дождь; тогда, для сохраненія сжатаго хлѣба, бросаютъ дальнѣйшее жнитво и готовые снопы, какъ можно поспѣшнѣе, стаскиваютъ въ копны.

Когда порядочное количество десятинъ уже сжато и копенъ наставлено столько, что числа ихъ будетъ достаточно не на одинъ скирдъ или одонье, тогда уборку въ полѣ предоставляютъ однимъ бабамъ, а мужики запрягаютъ въ телѣги лошадей и ѣдутъ возить хлѣбъ въ гумно. Возка начинается обыкновенно тогда, когда уже хорошо ободняетъ и солнце совершенно обсушитъ ночную росу. Подъѣхавъ на рысяхъ къ копнѣ, мужикъ слѣзаетъ съ телѣги, короткой вилой вскидываетъ на возъ снопы и, когда извѣстное количество сноповъ положено, накладываетъ сверху для притуги жердь, обвязываетъ весь возъ веревкой, чтобъ снопы не расползлись, и, окончивъ это дѣло, либо и самъ лѣзетъ на самый верхъ воза и ѣдетъ, или идетъ тихонько пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы или за поводъ.

Обыкновенно накладывается на возъ отъ полукопны до трехъ крестцевъ; только въ крайнемъ случаѣ, когда торопятся уборкою, накладывается вся копна. Снопы сжатой ржи или „жатка“ вяжутъ чище и соломой она короче, а потому и накладывать ихъ на телѣгу можно удобнѣе и болѣе, нежели сноповъ „кошенки“, у которой солома несравненно длиннѣе, отъ чего и снопы бываютъ толще, да и вя-

жутся они не такъ тщательно. Рѣдко когда можно взвалить на телѣгу болѣе полукопны кошеной ржи. Овесъ возятъ почти всегда по цѣлой копнѣ, потому что снопы овсяные менѣе ржаныхъ.

На барщинѣ, во время уборки хлѣба, ежели послать бабъ на десятину жать или вязать сообща, то онѣ вяжутъ не торопясь, вяжутъ тщательно, но снопы бываютъ необъемисты; потому что всякая изъ бабъ очень хорошо знаетъ, что она пойдетъ домой не ранѣе другихъ, а для нея не все ли равно, сколько бы она ни навязала? Не за вину же работать ей болѣе всѣхъ! Но ежели десятина раздѣлена для работы на уроки, тогда жнитво или вязка идетъ быстрѣе. Одна передъ другой торопится связать скорѣе свой участокъ и прежде другихъ оставить поле; а вслѣдствіе этой ускоренной работы и снопы вяжутъ непомѣрно велики... Надобно замѣтить, что всякая раздѣленная работа, гдѣ только возможно употребить ее, въ хозяйствѣ всегда бываетъ выгоднѣе.

Овесъ, рожь и другіе хлѣба складываются въ скирды и одонья. Скирдъ имѣетъ видъ продолговатаго четырехъугольника, шириною въ основаніи отъ 4 до 5 аршинъ и шире; длина же бываетъ отъ 10 до 12 и болѣе аршинъ. Иногда складываются большія скирды или *клади*, саженъ въ 7, или длиннѣе, гдѣ какъ заведено, и смотря по мѣстному положенію гумна. Обыкновенныя скирды для молотьбы удобнѣе. Одонья кладутся круглыя, съ остроконечнымъ верхомъ. Основаніе одонья въ поперечникѣ бываетъ отъ 5 до 6 аршинъ, иногда менѣе, а иногда немного болѣе. Одонья и скирды до 9-й „версты“, т. е. ряда или слоя сноповъ, нѣсколько расширяются снизу вверхъ, а съ девятой версты ихъ начинаютъ вершить, т. е. съуживать одонья въ видѣ круглаго шара, а скирды обыкновенно на подобіе продолговатой крыши, со скатомъ на всѣ четыре стороны. Чѣмъ непримѣтнѣе завершается скирдъ или одонье, т. е., чѣмъ верхъ бываетъ круче, тѣмъ лучше предохраняются они отъ осеннихъ дождей и непогодъ. Нужное число копенъ, для обсѣмененія поля ржи, а ежели позволяетъ просторъ, то и болѣе, складываютъ для молотьбы въ ригу [1])

[1]) Ригами у насъ называютъ молотильные сараи.

или сарай, разумѣется, у кого онъ есть. Въ ригу складываютъ крестьяне обыкновенно и другіе красные хлѣба, какъ-то пшеницу, горохъ и проч. Крестьяне, по своимъ малымъ средствамъ, не могутъ имѣть обширныхъ ригъ. Но у помѣщиковъ риги строются очень велики и бываютъ до 30 и болѣе саженей въ длину. Хорошіе хозяева имѣютъ, кромѣ риги, сараи и навѣсы, подъ которые убираютъ хлѣбъ. Рожь, убранная подъ крышу прямо съ поля бываетъ суше, умолотистѣе и качествомъ зерна превосходнѣе той, которая складывается въ одонья и скирды. Но дороговизна лѣсного матеріала и недостатокъ денежныхъ средствъ препятствуютъ хозяевамъ складывать весь хлѣбъ подъ крыши.

Чтобъ поставить скирдъ или одонье, сперва приготовляется „падина". Падины подъ скирды бываютъ постоянныя и временныя. Постоянныя падины строятся двумя способами:

№ 11. Падинный столбикъ.

1-й способъ—ставятъ 6 или 8 столбиковъ вышиною отъ 3 четвертей до аршина. Каждый „падинный столбикъ" вершка на два ниже верхняго конца зарѣзываютъ кругомъ такъ, чтобъ мышь, ежелибъ ей вздумалось вскарабкаться по столбику въ скирдъ, для достиженія своей цѣли, должна бы была принять горизонтальное положеніе,—чего, разумѣется, она сдѣлать не можетъ. Столбики связываются между собою бревнами, а на эти связи кладутъ поперекъ переводины, разстояніемъ одна отъ другой на аршинъ. Сдѣланныя такимъ образомъ падины остаются на гумнѣ постоянно и не разбираются. Когда понадобится на нихъ класть хлѣбъ, то переводины застилаютъ хворостомъ; сверхъ хвороста накладываютъ солому, и потомъ уже начинаютъ взводить скирдъ. Постоянныя падины устроиваютъ также и изъ плетня или изъ камня, гдѣ его много. Пространство, назначенное подъ скирдъ, оплетаютъ плетнемъ или окружаютъ каменною стѣнкою, вышиною ½ аршина и болѣе; средину

набиваютъ вровень съ краями глиною, которая образуетъ такимъ образомъ плотный полъ. Для клади хлѣба, на глину настилается только солома. Временныя падины дѣлаются просто: на землю, по величинѣ скирда или одонья, кладутся четыре бревна, образующія четырехъ-угольникъ; пространство между бревнами закладываютъ хворостомъ, на хворостъ стелятъ солому, и падина готова. Если нѣтъ ни бревенъ, ни хвороста, и настоящей падины сдѣлать не изъ чего, то просто настилаютъ на землю соломы.

Есть обычай, впрочемъ не общій, класть въ скирды троицкіе пучечки или цвѣты, съ которыми слушали вечерню въ Троицынъ день. Говорятъ, что это предохраняетъ хлѣбъ отъ мышей.

Кстати о мышахъ. Мыши бываютъ иногда сущимъ бичемъ въ гумнахъ. Жатый хлѣбъ не столько подвергается нападенію мышей, какъ кошеный, снопы перваго тверже, весь скирдъ кладется плотнѣе и садится ровно и потому мышамъ труднѣе въ него проникнуть. Скирды кошенаго хлѣба имѣютъ, напротивъ того, снопы рыхлые, между снопами остаются просовы, а потому мышамъ очень удобно заводить гнѣзда. Не разъ случалось, что, когда начинали ломать такой скирдъ для молотьбы, находили, что въ срединѣ всѣ снопы переѣдены до того, что, вмѣсто сноповъ, выгребали однѣ кучи сора. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что при ломкѣ одного скирда было убито до полуторы тысячи мышей; надобно замѣтить еще, что многія разбѣжались, а другія были съѣдены случившимися тутъ собаками. Мыши быстро появляются и также быстро исчезаютъ. Большое ихъ размноженіе предвѣщаетъ неурожай, „къ голодному году". Если испеченый хлѣбъ мыши ѣдятъ сверху, хлѣбъ будетъ дорогъ; снизу—цѣны на хлѣбъ будутъ низки; если же мышь въѣдается въ средину,—то цѣны на хлѣбъ будутъ среднія. Жертвою мышей бываютъ не одни гумна, но и сады. Бывали примѣры, что мыши объѣдали многія сотни яблонныхъ и грушевыхъ молодыхъ деревъ, и садъ, разведенный съ великимъ трудомъ, погибалъ въ одну зиму.

Взглянемъ на господское гумно, не на выборъ, а такъ, случайно. Всѣ дворовые люди, начиная отъ барскаго комнатнаго и другихъ лакеевъ, кромѣ дневальнаго, всѣ кучера, кузнецы, столяры, ткачи, садовники, пожалуй, и поваръ,

если онъ не одинъ на кухнѣ,—всѣ участвуютъ въ уборкѣ хлѣба, и все еще какъ будто рукъ мало. Если бы ихъ было вдвое и втрое, и тогда не были бы онѣ лишними. Кто возитъ, кто подаетъ снопы вилами. Дѣятельность кипитъ. Какой нибудь отживающій вѣкъ старикъ, изъ дворовыхъ, стоитъ возлѣ рабо тающихъ и мѣтитъ на „бирку", т. е., нарѣзываетъ на палочку четверти въ три длиною крестики, означая ими число привозимыхъ копенъ. Староста или прикащикъ, надсматривающій въ это время въ полѣ, имѣетъ тоже свою бирку, и потомъ обѣ бирки сличаются. Бирка мѣтится для каждаго скирда особенная и, какъ окончится кладка, втыкается въ свой скирдъ.

И такъ старикъ мѣтитъ. Въ ригу не разъ уже заходилъ помѣщикъ справиться, сколько свезено хлѣба. Ему бы хотѣлось все вдругъ схватить съ поля да свезти въ гумно. Онъ безъ галстука и безъ жилета, потому что жаръ стоитъ нестерпимый; пальто изъ суроваго холста на плечахъ, легкій картузъ на головѣ, а въ рукахъ простая кленовая палочка. Онъ весело озабоченъ. По виду, ему подъ сорокъ лѣтъ. Лѣтъ 15 прослужилъ онъ въ военной службѣ, а теперь, какъ слѣдуетъ мирному гражданину, занимается хозяйствомъ. Онъ не чуждъ высокихъ стремленій; міровыя событія волнуютъ его душу, онъ сочувствуетъ успѣхамъ наукъ и художествъ, онъ горячо любитъ свое отечество. Въ обязанности помѣщика онъ сознаетъ великое призваніе заботы и попеченія о ввѣренныхъ ему Богомъ и общественными законами ближнихъ. Онъ смотритъ на хозяйство, какъ на основу государственнаго богатства, какъ на залогъ благоденствія народнаго, и при всемъ томъ онъ чрезвычайно лѣнивъ. Ему бы лежать подъ деревомъ на травѣ, да читать, или смотрѣть въ синеватую даль и прогонять чрезъ память все свое прошедшее, или бродить одному, а порой и съ женою, по лѣсамъ и полямъ и пріискивать всѣ возможные случаи, чтобъ ничего не дѣлать. Разъ пять или шесть послѣ обѣда заходилъ онъ но гумно взглянуть на работу и, на этотъ разъ войдя въ ригу, присѣлъ на кучу соломы, приготовленную для падинъ.

Садитесь-ка, Малафѣичъ! говоритъ онъ 97 лѣтнему старику, который мѣтитъ на бирку, садитесь!

Постою, батюшка,—отвѣчаетъ тотъ,—я постою.

Но помѣщикъ его уговариваетъ, и тотъ садится.

— Нонче, кажется, пшеница наливна и суха, говоритъ помѣщикъ.

— Знатная пшеница, батюшка, и весь хлѣбъ хорошъ, а все такихъ урожаевъ, какъ бывало, нѣтъ. Богъ знаетъ, отъ чего, а какъ-то не помнится, чтобъ въ старину была засуха или дурное что.

— Тогда было много лѣсовъ, Малафѣичъ, по этому и засухъ не было.

— Можетъ статься; а вотъ я вамъ доложу, государь мой, что вотъ отъ самаго Зарайска до села Кукова гдѣ вотъ теперь вашъ братецъ живетъ,—все-то были сплошные лѣса. Дубы обхвата въ два и въ три [1]).

Постойка, баринъ, что это? Никакъ громъ?

— Дѣйствительно громъ!

И помѣщикъ, и старикъ торопятся къ воротамъ риги. Изъ-за рощи тихо подымается большая темносиняя туча. Глухо гремитъ громъ; въ воздухѣ тихо и душно.

— Вымочитъ пшеницу! а еще копенъ 15 не свезено. Вы бы сами, баринъ, съѣздили въ поле, говоритъ старикъ, посмотрѣли бы, чтобъ скорѣе накладывали и возили.

Помѣщикъ принимаетъ полезный совѣтъ, спѣшитъ къ каретному сараю. Скорѣе бѣговыя дрожки. Самъ помогаетъ кучеру запрячь поскорѣе лошадь, безпрестанно поглядываетъ на тучу, разсчитывая ея движеніе и прислушиваясь къ грому. Жаль пшеницы, подмокнетъ, не будетъ имѣть настоящей цѣны. Много портится крови у земледѣльца во время уборки хлѣба!

Дни идутъ за днями, бабы все жнутъ и вяжутъ; мужики косятъ, возятъ въ риги, да складываютъ въ скирды да въ одонья. День за день, вечера становятся длиннѣе, темнѣе и холоднѣе; каждый день въ полѣ все голѣе да голѣе. Копны исчезаютъ за копнами; а между тѣмъ небо уже не разъ по...ргивалось пеленой сѣроватыхъ облаковъ, и не разъ, яснымъ утромъ, былъ чувствителенъ предвѣстникъ осени, морозецъ. Августъ приближается къ концу.

---

[1]) Здѣсь выпущена большая часть разговора помѣщика съ Малофѣичемъ, цѣликомъ вошедшаго во вторую главу „Преданій и Воспоминаній", см. т. I, стр. 33—36. *Издат.*

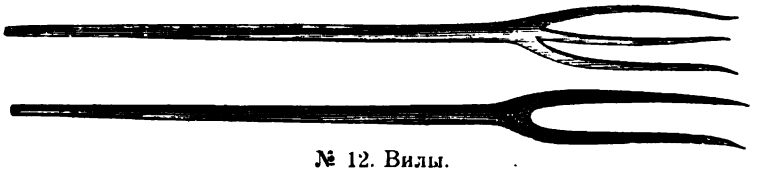
Когда оканчивается жнитвомъ послѣдняя десятина ржи, одна изъ бабъ, которая постарѣе другихъ или пользуется уваженіемъ по уму, трудолюбію и смѣтливости, *обжинаетъ козу*. Обжинать козу значитъ оставить несрѣзанными нѣсколько небольшихъ пучковъ ржаныхъ колосьевъ, расположенныхъ кружкомъ на пространствѣ въ поперечникѣ до 1 аршина или менѣе. Эти жиденькія купы колосьевъ связываются вверху, такъ что вся коза принимаетъ видъ игрушечной бесѣдки. Бесѣдочку эту или козу внутри выполютъ начисто, а въ средину положатъ на землю ломтикъ хлѣба съ солью. Потомъ всѣ бабы помолятся на всѣ четыре стороны, и устроившая козу, „отжинальница“, садится на землю, лицемъ къ козѣ, а бабы отдаютъ ей свои серпы. Собравъ серпы и взявъ ихъ за рукоятки въ обѣ руки, она бросаетъ ихъ черезъ голову, за себя, на сколько сможетъ сильнѣе; серпы разлетаются и, падая, принимаютъ разныя положенія. Бабы, отдавая серпы, загадываютъ, доживутъ ли онѣ или ихъ дѣти, родные и проч. до новаго жнитва? Когда серпы брошены, всякая спѣшитъ къ своему серпу. Тоій, чей серпъ концемъ воткнулся въ землю, по направленію къ своей приходской церкви, предвѣщаетъ смерть; чей серпъ далѣе упалъ отъ козы, та проживетъ болѣе. Но, къ счастію, подобныя предсказанія серпа не наводятъ уныніе на загадывающую. „Охъ, бабы! никакъ мнѣ умереть“? восклицаетъ одна, поднимая свой серпъ.—„Охъ, баба, и такъ умрешь“, отвѣчаютъ другія, покачивая головами, и затѣмъ раздается звонкій порывъ хохота....

Козу или козульку оставляютъ въ полѣ, а выжатые изъ средины стебли дѣлятся между бабами, которыя обматываютъ ими ручки серповъ и съ пѣніемъ идутъ домой. Но по большей части, изъ этой выжатой ржи связывается небольшой снопокъ, втыкается на палку, и одна изъ бабъ съ торжествомъ несетъ его на барскій дворъ. За нею слѣдуютъ съ пѣснями всѣ другія бабы. Помѣщикъ, услышавъ пѣніе или увидѣвъ шествіе со снопомъ, выходитъ на крыльце; бабы его поздравляютъ съ уборкой ржи, а онъ подчуетъ ихъ виномъ или брагой, или чѣмъ другимъ. Довольныя хорошимъ пріемомъ, онѣ нѣсколько времени играютъ пѣсни, въ случаѣ, подъ веселый часъ, попляшутъ, и потомъ, сдавъ снопъ въ господское гумно, съ пѣніемъ расходятся по домамъ. Уборка хлѣба въ скирды и одонья производится такимъ образомъ: къ при-

готовленнымъ, какъ выше писано, подинамъ подъѣзжаютъ одинъ за другимъ воза, накладенные снопами. Работники, назначенные подавать снопы, берутъ ихъ съ возовъ, сначала руками или короткими вилами, и укладываютъ на подины первый слой, служащій основаніемъ всему скирду. Наружные снопы стараются класть ровно, колосьями въ средину, срѣзомъ наружу и, какъ можно, плотнѣе одинъ къ другому. Это называется первая верста. На заложенный скирдъ влѣзаютъ отъ 2 до 3-хъ человѣкъ, которые выстилаютъ снопами средину и потомъ уже продолжаютъ строеніе скирда подаваемыми имъ снизу снопами. Работа на скирдѣ довольно трудна, и тѣмъ болѣе, что по скирду ходить не удобно: то ноги скользятъ, то вязнутъ между снопами, тогда какъ скорыя перемѣщенія съ одного мѣста на другое необходимы. Когда подаютъ много людей и подаютъ дѣятельно, тогда принимать не зѣвай!.... Какъ разъ закидаютъ снопами, такъ что и не разберешься; а между тѣмъ все надобно укладывать порядкомъ, какъ слѣдуетъ.... Но и подавать бываетъ не легко.

Крестьянинъ, наложивъ въ полѣ на телѣгу полъ копны или три крестца, что составляетъ чрезвычайно большой и высоко нагруженный возъ, садится на этой высотѣ и сажаетъ иногда съ собою 3-хъ или 4-хъ-лѣтняго своего сынишку, очень часто съ вѣнкомъ изъ васильковъ на бѣлокурой и даже чуть не бѣлой головкѣ. Такъ какъ маленькія крестьянскія дѣти бѣгаютъ на воздухѣ съ утра до ночи съ непокрытой головой, то, отъ вліянія лучей солнца, въ нѣжномъ возрастѣ волосы совершенно бѣлѣютъ. Зимою же и съ лѣтами принимаютъ настоящій свой цвѣтъ.

Ребята очень любятъ прокатиться на возу. Подъѣхавъ къ скирду, привезшій слѣзаетъ, бережно снимаетъ ребенка и сажаетъ въ сторону. Потомъ развязываетъ возъ, сбрасываетъ жердь и, снова влѣзши на возъ и ставъ на ноги, ко-



№ 12. Вилы.

роткими вилами быстро, одинъ за другимъ, кидаетъ снопы на скирдъ. Стоящіе на землѣ около скирда съ длинными вилами помогаютъ ему въ этой работѣ: и когда послѣдній

снопъ вскинутъ, возящій бросаетъ въ телѣгу вилы, собираетъ туда же распущенную веревку, кладетъ жерди, сажаетъ ребенка, вскакиваетъ самъ въ телѣгу и, ставъ на ноги, весело гаркнетъ и съ трескомъ и съ громомъ снова мчится въ поле за новою кладью. Когда скирдъ еще не очень высосъ, подавать легко; но когда онъ уже вершится и дѣло доходитъ до князька, (князькомъ называется самый верхъ, гребень скирда), то на гребень скирда подавать особенно наливной хлѣбъ [1]) и снопы большой вязи,—бываетъ трудно, такъ что спина *трещитъ*, по выраженію народному. Тутъ между возящими употребляются разныя хитрости, чтобъ не досталось подавать подъ князекъ. Но рокъ неизбѣженъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эта честь почти всегда достается малорослому, за что всѣ окружающіе начинаютъ величать его *княземъ*. Ему досадно, онъ бранится, а всѣ хохочутъ.... Имъ весело.

Такъ какъ всякій хлѣбъ, хорошо созрѣвшій, при кладѣ нѣсколько осыпается, то, чтобъ зерно не пропадало, около подинъ трава бываетъ начисто выскреблена и земля убита и подметена. Одинъ изъ рабочихъ возлѣ скирда сгребаетъ граблями колосья и сметаетъ метелкою зерна въ кучи къ основанію скирда; а по окончаніи работы ихъ складываютъ въ кошелку и относятъ въ молотильный сарай или, по нашему, въ ригу. Еще одинъ рабочій ходитъ около скирда съ колотушкой и уравниваетъ ею выдавшіеся снопы и неровности. Колотушка эта состоитъ изъ рукоятки аршина въ два, съ придѣланной на концѣ толстой доской, вышиною вершковъ 6-ти, а шириною вершковъ десяти или одиннадцати.

Во многихъ мѣстахъ, для совершенной правильности скирда, при кладкѣ вбиваютъ въ землю по угламъ высокіе колья и протягиваютъ между ними веревки, чтобъ по этимъ веревкамъ ровнѣе класть наружные срѣзы сноповъ. Во время возки хлѣба въ скирды, у многихъ хозяевъ заведено съ каждаго привезеннаго воза откладывать по одному снопу такъ, чтобы отъ скирда составилась копна или полкопны. Эти полукопны ставятся въ ригѣ съ замѣткой, отъ какого онѣ скирда? По нимъ дѣлается проба,—сколько изъ извѣстнаго скирда можно ожидать зерна? Напримѣръ, ежели пробная копна

[1]) Наливнымъ хлѣбомъ называется, когда зерно полно и хорошо налито.

дала умолоту 9 мѣръ и 3 четверки, то изъ скирда въ 31 копну надобно ожидать умолоту 37 четвертей, 6 мѣръ и 1 четверку. По окончаніи молотьбы пробныхъ копенъ, выходъ мѣтятъ на бирки, находящіяся въ скирдахъ, и вносятъ, т.-е. записываютъ въ приходную книгу гумна, въ графу умолота. Вымолоченное же изъ пробныхъ копенъ зерно поступаетъ въ сѣмена, вмѣстѣ съ вымолоченнымъ изъ особо сложенныхъ въ ригу на этотъ предметъ копенъ.

Чѣмъ менѣе хлѣбъ перестоитъ на корнѣ, тѣмъ мука бываетъ бѣлѣе, а потому и пшеницу для продажи, и рожь, которую назначаютъ на хлѣбъ для господскаго стола, что называется для ситнаго хлѣба, и на крестьянскіе пироги, стараются сжать сначала, даже нѣсколько „въ прозелень", чтобы зерно дошло ужъ въ крестцахъ. Вымолотить этотъ хлѣбъ стараются прежде, нежели начался новый сѣвъ и пока еще зерно не пало въ землю. Не знаю, почему это ставятъ условіемъ бѣлизны хлѣба [1]). Вымолоченное для ситной муки зерно обталкиваютъ бабы въ деревянныхъ ступахъ, подсѣваютъ и потомъ уже отправляютъ на мельницу. Такой хлѣбъ бываетъ дѣйствительно бѣлъ и, при тщательной обработкѣ, мало уступаетъ пеклеванному.

Ежели во время кладки скирда набѣжитъ туча, въ такомъ случаѣ всѣми наличными снопами и вновь привозимыми спѣшатъ наполнить средину скирда, чтобы она была выше. Давъ такимъ образомъ стокъ дождю, предохраняютъ скирдъ отъ промочки.

Когда скирды уже совершенно сложены, то ихъ покрываютъ соломой. Для этого обтыкаютъ скирды по карнизу тычками или колышками четверти въ три длиною, на разстояніи одинъ отъ другого вершковъ на шесть. Это служитъ пеленой для удержанія соломы, чтобъ она не сползла; а чтобъ не разнесло ея вѣтромъ, накладываютъ притуги изъ крупнаго хвороста, или притягиваютъ соломенными веревками. Крыть во время небольшого дождя считается лучше, потому что смокшая солома ложится плотнѣе. Такъ какъ кошеный хлѣбъ не можетъ имѣть чисто связанныхъ сноповъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что до засѣва нельзя употреблять соломы ни въ кормъ, ни на постилку. Это повѣрье очень полезно въ хозяйствѣ: всякій спѣшитъ засѣять, а зачинъ вѣдь дѣло великое. *Изд. Рус. Бес.*

то и скирды *кошенки* не могутъ быть такъ чисты и опрятны, какъ скирды *жатика*; къ тому жъ взъерошенная солома и высунувшіеся колоски даютъ возможность птицамъ выдергивать ихъ и клевать зерно. Для того, чтобъ даромъ не пропало много зерна и чтобы птицы, выщипывая, не образовали въ скирдѣ впадинъ, нужно ихъ окашивать косою. Окоски собираются, подметаются и относятся въ ригу, гдѣ окончательно вымолачиваются, а скирдъ получаетъ чистоту и видъ жатаго хлѣба.

Теперь остается сказать о уборкѣ нѣкоторыхъ другихъ хлѣбовъ. Кажется, я уже сказалъ, что рабочая пора, начинающаяся жнитвомъ, есть время самое безтолковое, такъ что положительно опредѣлить, какая работа слѣдуетъ одна за другою,—невозможно. Надо и жать, и пахать, и молотить на сѣмена, и вязать, и класть въ скирды, и сѣять, и все это въ одно время. Иногда не знаешь, за что взяться, и трудно опредѣлить, что нужнѣе; а тутъ иногда еще мѣшаетъ и неблагопріятная погода. Въ это время дѣятельный крестьянинъ, особенно ежели онъ принанялъ еще гдѣ-нибудь землицы, иной разъ возитъ по ночамъ, чтобъ не упустить время. Надобно быть русскимъ человѣкомъ, чтобы трудиться такъ терпѣливо и съ такимъ добрымъ духомъ въ наше сжатое русское лѣто. Нѣмецъ не выдержитъ, не смотря на то что наши ученые агрономы поютъ, въ урокъ намъ, хвалебныя имъ пѣсни и ставятъ ихъ образцемъ трудолюбія и терпѣнія; только для русскаго мужика негодится этотъ образецъ.

Рожь обыкновенно зрѣетъ прежде всѣхъ другихъ хлѣбовъ. Вскорѣ послѣ нея поспѣваютъ пшеница и ячмень. Но случается, что рожь еще не убрана и въ половину, какъ уже поспѣваетъ овесъ. Извѣстно, что рожь можетъ довольно долго стоять на корнѣ безопасно; но овесъ, ежели перезрѣетъ, то повалится, переломается, какъ говорится—уткнется. Чтобъ не лишиться овса, благоразумный хозяинъ оставляетъ рожь до поры до времени, и принимается за уборку овса. За овсомъ поспѣваетъ гречиха. Ее убираютъ особеннымъ образомъ. Сначала косятъ, а потомъ ставятъ въ шипы. Эта послѣдняя работа производится бабами. Шипы есть не что иное, какъ небольшія шатровидныя кучи. Въ шипахъ гречиха стоитъ до тѣхъ поръ, пока солома совершенно высохнетъ, что бываетъ не скоро, по причинѣ сочности гре-

чишнаго стебля. Когда наконецъ гречиха совершенно высохнетъ, тогда изъ шиповъ вяжутъ снопы: изъ двухъ шиповъ одинъ снопъ. Снопы складываютъ въ копны, въ которыхъ гречиха окончательно досыхаетъ, и потомъ свозятъ въ гумна и складываютъ въ скирды и одонья для молотьбы [1]).

Изъ гречихи приготовляется гречневая обыкновенная крупа и мелкая, извѣстная подъ названіемъ Смоленской; также саломата или мука, изъ которой пекутъ блины и варится очень вкусная размазня, которую ѣдятъ съ постнымъ и скоромнымъ масломъ. Для приготовленія крупъ, гречиху отдаютъ на крупорушни. За переработку гречихи въ крупу — платятъ по условію съ четверти. Крупъ изъ гречихи средняго качества выходитъ не много болѣе половины, т.-е. изъ четверти гречихи получается около 5 четвериковъ;—но изъ лучшей гречихи выходъ больше.

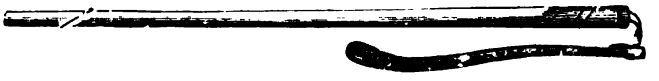
Просо жнутъ на горсти; потомъ, когда высохнетъ, вяжутъ въ снопы и складываютъ въ копны, какъ и овесъ. Просо жнутъ, когда оно еще не переспѣло, однимъ словомъ, чтобы нижняя часть кисти была въ-прозелень, иначе большая часть зерна вытечетъ во время жнитва. Чтобъ передѣлать просо въ пшено, сначала просо отталкиваютъ въ деревянныхъ ступахъ, а потомъ просѣваютъ; но это домашнее пшено не отличается хорошимъ качествомъ. Хорошее пшено выдѣлывается на мельницахъ, гдѣ сперва шелуху съ проса обдираютъ жерновами, а самое зерно отталкиваютъ въ толчеѣ. Лучшее пшено имѣетъ цвѣтъ желтоватый, дурного же качества пшено бываетъ гораздо блѣднѣе. Пшено для каши выгоднѣе, нежели гречневая крупа, не смотря на то, что пшено въ продажѣ дороже. Чтобъ сварить крутую кашу изъ пшена, достаточно насыпать полъ-горшка, тогда какъ крупъ гречневыхъ надобно всыпать по меньшей мѣрѣ три четверти горшка. Пшено спорѣе крупъ. Всѣ почти яровые хлѣба вяжутъ въ снопы готовыми ржаными свяслами. Свясла приготовляютъ такимъ образомъ: бабы развязываютъ въ ригѣ

---

[1]) Въ степныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи молотятъ гречиху въ полѣ: выжигаютъ поляну, сваживаютъ на токъ гречиху безъ связки ея въ снопы, молотятъ и уже зерно везутъ въ гумно. Этотъ способъ уборки очень удобенъ, и гдѣ большіе засѣвы гречихи, тамъ слишкомъ мѣшкотно было бы высушивать гречишную солому на солнцѣ такъ, чтобъ безопасно было бы гречишные снопы складывать въ скирдъ. *Изд. Рус. Бес.*

жатые снопы, отдѣляютъ отъ нихъ небольшія горсти и, держа ихъ обѣими руками за нижніе концы, бьютъ колосьями объ бока и края кадушки или объ доску, отчего зерно вымолачивается дочиста. Это дѣйствіе называется ручнымъ *сторнованіемъ*, а выбитую такимъ образомъ и снова связанную для порядка въ снопы солому зовутъ *простомолоткою*. Изъ нея-то, размачивая предварительно въ водѣ, вертятъ *свясла*, которыми вяжутъ пшеницу, ячмень, просо даже и овесъ, ежели солома послѣдняго очень коротка.

Горчицу жнутъ, но въ снопы не вяжутъ, а просто оставляютъ кучками, пока не высохнетъ. Сохнетъ она очень скоро, и тогда ее свозятъ на токъ и молотятъ обыкновеннымъ цѣпомъ. Цѣпъ есть палка аршина въ два длиною и къ ней на ремнѣ къ одному концу придѣлана другая, четвертей въ пять, эта послѣдняя служитъ биломъ для выбиванія зеренъ всякаго рода хлѣба. Иногда горчицу и не возятъ для молотьбы, а возлѣ той десятины, гдѣ она росла, вычищаютъ небольшой токъ и обмолачиваютъ на мѣстѣ. Это дѣлается за тѣмъ, что солома горчицы никуда не годится; послѣ молотьбы она обращается почти въ соръ.



№ 13. Цѣпъ.

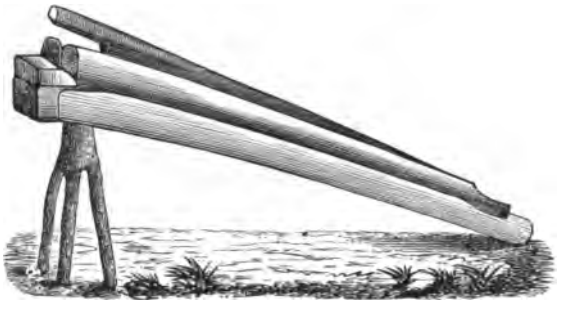
Уборка мака глухого и неглухого производится очень просто. Для собиранія мака можно употребить поголовно всякаго и стараго, и малаго. Всѣ вооружаются ножами, срѣзываютъ головки, кладутъ въ подвязанные фартуки, а когда фартуки переполнятся, ссыпаютъ головочки на разостланныя тутъ же гдѣ-нибудь въ сторонѣ веретья. Простой макъ сейчасъ же кладутъ въ рѣшета, просѣваютъ сначала въ кадушку, а потомъ ссыпаютъ въ мѣшки; но съ глухими головочками поступаютъ иначе:—чтобъ высыпать изъ нихъ макъ, каждую головочку перерѣзываютъ ножемъ. Это дѣлается для того, чтобы макъ былъ, какъ можно чище, но едва ли способъ этотъ по своей медленности можетъ быть употребленъ при болѣе значительныхъ, нежели у насъ, посѣвахъ. Недозрѣвшія головки связываютъ въ снопики и особо сушатъ на солнцѣ, гдѣ онѣ дозрѣваютъ. Изъ маку въ господскихъ имѣніяхъ приготовляютъ домашнее маковое масло, употребляе-

мое въ посты; приготовляютъ маковое молоко въ родѣ миндальнаго, которое ѣдятъ съ пшенной кашей, клюковыми и другими киселями; и сверхъ того макъ идетъ для приправы многихъ постныхъ блюдъ въ грибномъ столѣ.

Ленъ дергаютъ съ корнемъ, вяжутъ въ снопики и ставятъ въ копенки. Въ льняной копнѣ, какъ и въ ржаной, считается 52 снопа. Копны льна не кладутся крестцами, а ставятся въ два ряда по 26 сноповъ въ наклонномъ положеніи, такъ что одинъ рядъ верхами своихъ сноповъ опирается на другой; когда ленъ совершенно высохнетъ, тогда его свозятъ на токъ и молотятъ, не развязывая сноповъ. Молотятъ иногда цѣпами, но по большей части вальками, которые употребляются при полосканіи на прудѣ или рѣкѣ бѣлья или холстовъ: бабы садятся на току въ кружекъ, берутъ снопы льна, кладутъ ихъ головками на доски и бьютъ по головкамъ вальками. Эта молотьба производится очень скоро и чисто. Послѣ молотьбы, снопы льна вывозятся на какой-нибудь ближній лужекъ, на косогоръ, къ оврагу, однимъ словомъ, туда, куда менѣе или совсѣмъ не заходятъ ни лошади, ни скотина, и тамъ, развязавъ снопы, разстилаютъ ленъ тонкимъ слоемъ въ длинные и правильные ряды. Здѣсь остается онъ разостланнымъ столько времени, пока такъ улежится, что, когда возмешь его въ руки и начнешь мять, то онъ не переламливается, а только наружная корочка стебля, облекающая волокна, отъ вліянія росъ, тумановъ и дождей лупится и свободно отпадаетъ. Тогда его сбираютъ и ставятъ въ шипы, пока совершенно высохнетъ; — потомъ опять связываютъ въ снопы, даютъ еще посохнуть и потомъ уже прибираютъ подъ сарай или подъ навѣсъ.

Чтобъ его мять, надо его еще посушить солнцемъ или огнемъ. Осеннее солнце плохой помощникъ, и потому кто хочетъ просушивать солнцемъ, тотъ оставляетъ ленъ на сараѣ до Мая или Іюня мѣсяца. Тогда его выносятъ подъ палящіе лучи солнца, гдѣ онъ быстро прожаривается, и тутъ же его мнутъ. Но кому ленъ нуженъ къ зимѣ и откладывать до весны не приходится, то его сушатъ надъ ямами. Вырываютъ гдѣ-нибудь за деревнею въ оврагѣ или близъ воды ямы двѣ или три, судя по надобности, шириною въ аршинъ, длиною аршина въ два съ половиною и глуби-

ною аршина въ полтора или два. Около этихъ ямъ становятся бабы съ *мялками* и раздѣляютъ между собою назна-



№ 14. Мялка.

ченный въ мятье ленъ. Мялкой называется очень несложная машина самой простой работы. Она устроена такъ: берется отрубокъ дерева толщиною въ поперечникѣ вершка въ четыре, длиною аршина полтора. Сквозь этотъ отрубокъ продалбиваютъ отверстіе, четвертей въ 5 длины и вершка въ два ширины. Въ это отверстіе, во всю длину, вкладываютъ било, въ видѣ деревяннаго прямого и тупаго ножа, шириною вершка въ три и толщиною въ обухѣ въ вершокъ. Било это съ одной стороны снабжено ручкою, которою приводится въ движеніе, а другой конецъ его проткнутъ деревяннымъ гвоздемъ, на которомъ оно свободно подымается и опускается. Тотъ конецъ мялки, гдѣ находится ручка била, стоитъ на двухъ ножкахъ вишиною вершковъ по десяти, поставленныхъ въ видѣ козликовъ, а другой конецъ лежитъ на землѣ, но для ловкости въ работѣ приставляется, если нужно, къ углу избы или другого какого строенія, или къ пряслу, или къ чему случится.

Въ ямахъ разводятъ легкій огонь, поддерживаемый щепою или сухимъ хворостомъ, а сверху ямы, по ея длинѣ, кладутъ двѣ или три деревянныя жердочки. Баба, взявъ снопъ, развязываетъ его и разстилаетъ надъ огнемъ по жердочкамъ и, переворачивая безпрестанно, менѣе нежели черезъ полминуты, снимаетъ. Онъ готовъ. Снявши съ огня, сейчасъ же начинаетъ мять: взявъ одною рукою, сколько можно захватить стеблей льна, другою рукою поднимаетъ било и положивъ поперекъ мялки ленъ и передвигая горсть

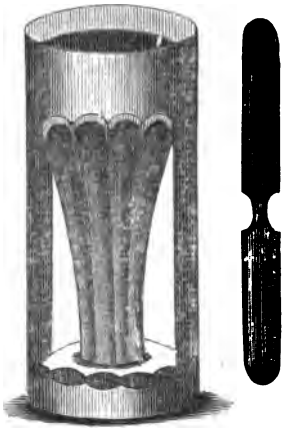
отъ одного конца до другого, до тѣхъ поръ подвергаетъ ударамъ, пока ленъ совершенно не изомнется и пока его кора не отлетитъ. Смявши такимъ образомъ ленъ, баба принимается его *трепать*: сначала, держа за концы, немилосердно колотитъ имъ о мялку, а потомъ треплетъ *трепалкою*, чѣмъ и очищаетъ по возможности волокна отъ остав-

№ 15. Трепалка.

шейся въ нихъ *кострики*. Трепалка есть родъ деревяннаго, обоюдо заостреннаго, хотя и очень тупого, кинжала, четверти въ три длиною и въ вершокъ шириною. Отрепавъ ленъ, баба кладетъ его въ сторону и снова принимается разсушивать надъ огнемъ другой снопъ. Въ сушкѣ надъ огнемъ нужна нѣкоторая сноровка. Если ленъ пересушить, то онъ мнется удобнѣе, а слѣдовательно и работа идетъ легче и скорѣе, но качество льна бываетъ хуже, и наоборотъ: если ленъ не досушить, то онъ мнется труднѣе, за то качествомъ будетъ лучше.

Конопля требуетъ не менѣе хлопотъ. Когда конопля зацвѣтаетъ, тогда начинаютъ выдергивать посконь. Посконь есть та же конопля, но не производящая сѣмянъ. Эта работа бываетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а конопля не трогается до Августа, до того времени, пока сѣмя совершенно созрѣетъ. На сѣмя сильно нападаютъ воробьи и другія птицы; чтобы спугивать ихъ, ставятъ чучела и даже караулъ изъ ребятъ и дѣвчонокъ. Выдерганную посконь вяжутъ въ небольшіе снопы и ставятъ въ конусообразныя кучи. Когда посконь въ снопахъ высохнетъ, ее такъ же какъ и ленъ, стелютъ по лугамъ, гдѣ и лежитъ она до тѣхъ поръ, пока не улежится. Потомъ, какъ и ленъ, вяжется въ снопы, сушится огнемъ надъ ямами (рѣдко бываетъ, чтобы ведренная и продолжительная осень давала возможность высушивать солнцемъ), мнется тѣми же мялками и о тѣ же мялки треплется. Посконь употребляется бабамъ на рубашечный холстъ, довольно грубый, извѣстный подъ названіемъ конопнаго или посконнаго. Но прежде, нежели посконь начинаютъ прясть, ее отдаютъ на толчеи, устраиваемыя при нѣкоторыхъ водя-

ныхъ мельницахъ, гдѣ она *отталкивается* и очищается совершенно отъ кострики. Мельникъ за эту работу получаетъ



№ 16. Ступа съ толкачемъ.

съ пуда очищенной поскони отъ 15 до 17 коп. серебромъ. Въ маломъ количествѣ на мельницу посконь не возятъ, но отталкиваютъ въ ручныхъ деревянныхъ ступахъ толкачемъ. Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, точно также, какъ посконь, дергаютъ и коноплю или, по простонародному, *„моченецъ“*; также вяжутъ въ снопы, но ставятъ не кучками, а, привязавъ къ двумъ кольямъ жердь, прислоняютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ снопы въ нѣсколько наклонномъ положеніи. На каждую сторону ставятъ по 26 сноповъ и такимъ образомъ составляется копна.

Когда конопля въ снопахъ совершенно высохнетъ, тогда сѣмя вымолачивается обыкновеннымъ порядкомъ, но сноповъ не развязываютъ. Сѣмя идетъ въ продажу, а для дома оставляютъ его въ маломъ количествѣ. Изъ него крестьяне дѣлаютъ молоко и употребляютъ для забѣливанія щей въ постные дни. Масла въ нашихъ мѣстахъ не дѣлаютъ, да и маслобоенъ нѣтъ, по малому производству сѣмени.

Снопы конопли или моченца послѣ молотьбы, для храненія до будущей весны, складываютъ въ разсадники. Разсадники строются такимъ образомъ: на пространствѣ одной квадратной сажени ставятся по угламъ четыре столба или сохи, вышиною отъ 2 до 3-хъ аршинъ отъ земли; верхніе

концы сохъ связываются четырьмя перекладинами, на которыя настилается накатъ. На этотъ разсадникъ складывается моченецъ, въ видѣ маленькаго одонышка, такъ, чтобы снопы верхними концами лежали всѣ къ центру, плотно одинъ къ другому, и, сложивъ ихъ такимъ образомъ, покрываютъ соломой. Разсадники придуманы для сбереженія моченца отъ мышей. На слѣдующій годъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, моченецъ съ разсадника снимаютъ и везутъ къ рѣчкѣ или пруду для мочки; тамъ снопы связываются хворостомъ въ видѣ плота длиною сажени въ двѣ съ половиною, рядовъ въ 6, 8 и 10-ть въ вышину и опускаютъ въ воду. Все это по сторонамъ привязываютъ къ кольямъ, а сверху накладываютъ тяжесть, камни, если они есть по близости, а не то такъ землю, чтобы связанные снопы опустились на самое дно. Такимъ образомъ моченецъ вымачивается въ водѣ дней 12. Потомъ его вынимаютъ и ставятъ на берегу въ шипы, сноповъ по десятку, до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно просохнетъ, и тогда его мнутъ такъ же, какъ посконь, на мялкахъ. Моченецъ бѣлѣе и прочнѣе поскони, но посконь мягче, а потому она идетъ въ холстъ. Моченецъ преимущественно употребляется на веревки, на пиченки для неводовъ, на дратву, на пряжу для веретьевъ. Низшіе сорты и отрепья идутъ на паклю, употребляемую для конопатки деревянныхъ строеній. Когда конопляное сѣмя наливно, то замѣчаютъ, что рожь на слѣдующій годъ будетъ урожайна. Въ прежніе годы разсушивали ленъ и посконь въ курныхъ избахъ, на полатяхъ или на жердяхъ, положенныхъ чрезъ всю избу, пониже потолка четверти на три или на аршинъ; а въ избахъ бѣлыхъ на печахъ. У помѣщиковъ же, у кого были овины, то въ овинахъ на колосникахъ, отчего ни одна осень не проходила безъ пожаровъ. Рѣдкая была ночь, чтобы зарево не освѣщало то тотъ, то другой край неба; жертвами этой домашней сушки бывали цѣлыя деревни, и многіе десятки семействъ лишались всего имущества.

У многихъ помѣщиковъ ведется обычай по окончаніи всей уборки съ полей, когда послѣдній снопъ свезенъ въ гумно,—давать крестьянамъ обѣдъ. Для этого на барскомъ дворѣ устраиваются столы изъ досокъ, положенныхъ на поставленныя пустыя кадушки; точно такъ же устраиваются и лавки, доски кладутъ на чураки, кадушки или боченки

меньшаго размѣра; иногда выносятъ изъ избъ и настоящія скамьи, и за эти-то столы садятся мужики и бабы въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Кушанья бываютъ: солонина съ квасомъ и огурцами на холодное, щи съ солониной или бараниной, лапша съ ветчиной или саломъ и каша съ масломъ, гречневая или пшенная, иногда молочная. Сверхъ этого пироги изъ пшеничной или ситной муки съ творогомъ или кашей, да подносится предъ каждымъ кушаньемъ вино да брага, сколько душѣ угодно. Послѣ такого обѣда угощенными овладѣваетъ шумная веселость; пѣсни, пляски хороводы продолжаются до поздней ночи.

Въ Августѣ мѣсяцѣ есть замѣчательные праздники. Перваго Августа, въ праздникъ происхожденія древъ Св. Креста, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ перваго Спаса, или Спаса мокраго, бываетъ крестный ходъ на воду. Къ ручью или рѣкѣ, куда совершается этотъ ходъ и гдѣ освящается вода, сводятъ и пригоняютъ на ближній лугъ лошадей со всего прихода. Дѣло это обыкновенно поручается мальчишкамъ, которые, какъ и вездѣ, великіе любители верховой ѣзды. Они обыкновенно гонятъ и сами скачутъ во весь конскій духъ, и потому съѣздъ этотъ сопровождается великимъ шумомъ и крикомъ. Но когда изъ церкви, при колокольномъ звонѣ, съ хоругвями и иконами двинется крестный ходъ, тогда все приходитъ въ порядокъ и водворяется тишина: лошадей сидящіе на нихъ верхами мальчишки-коноводы становятъ въ двѣ или три линіи, оставляя между ними довольно широкій проходъ. По окончаніи молебна и освященія воды, священникъ идетъ, въ сопровожденіи причетника съ водосвятной чашей или *кандеей*, и, проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ Св. водою; кропитъ и лошадей, запряженныхъ въ телѣги пріѣхавшихъ къ обѣднѣ прихожанъ, кропитъ лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣхавшихъ господъ. Потомъ образа и хоругви возвращаются въ церковь, молившіеся расходятся и разъѣзжаются, а лошадей съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, и непремѣнно вскачь, мальчишки разгоняютъ по домамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ есть порядочная рѣка, священникъ не кропитъ лошадей водою, а просто ихъ перегоняютъ вплавь чрезъ освященныя воды рѣки. Въ этотъ день пчеловоды выносятъ въ церковь, для освященія, первые вырѣзанные соты, и въ домахъ за

обѣдомъ у многихъ помѣщиковъ и крестьянъ, вмѣсто десерта, ѣдятъ сотовый медъ съ свѣжими огурцами. По этому день происхожденія честныхъ древъ насывается Спасомъ медовымъ.

Праздникъ Преображенія Господня называется вторымъ Спасомъ, 6-е Августа. Въ этотъ день всѣ садоводы выносятъ, для освященія, яблоки въ церковь. По освященіи, часть принесеннаго выдается причту, а остальное относится въ домъ, гдѣ освященными яблоками разговляются. Съ этого дня простой народъ начинаетъ ѣсть яблоки, что прежде Преображенія считается грѣхомъ. Въ этотъ же день послѣ обѣда толпы бабъ и ребятишекъ осаждаютъ помѣщичьи сады, которые почти всегда сдаются купцамъ, и покупаютъ у послѣднихъ все то, что даже было бы выкинуто за негодностію, лишь бы называлось яблокомъ. Покупаютъ на гроши, на кудели пеньки и льна, на яйца; напримѣръ за одно яйцо получаютъ двѣ или три пригоршни яблоковъ, сколько широкія руки сидѣльца могутъ ихъ вмѣстить. Покупается и гнилье, еще за сходнѣйшую цѣну; покупаютъ и хорошіе яблоки, и всегда выгодно для съемщиковъ. Въ этотъ день въ садахъ насыпаютъ цѣлые воза падалицы и непадалицы, хорошихъ даже сортовъ яблоковъ, и развозятъ по окреснымъ приходамъ къ церквамъ, гдѣ по окончаніи обѣдни почти все раскупается. Праздникъ Преображенія слыветъ въ народѣ подъ именемъ—Спаса яблочнаго.

Успенскій постъ самый обильный всѣми поспѣвшими овощами и потому считаетси самымъ легкимъ и пріятнымъ постомъ для всѣхъ, начиная съ зажиточныхъ помѣщиковъ и до бѣднѣйшихъ крестьянъ. Августа 29-го, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, церковь налагаетъ постъ. Но многія набожныя старухи [1]) за недѣлю еще налагаютъ на себя произвольный постъ и не ѣдятъ въ самый праздникъ ничего шарообразнаго, имѣющаго подобіе головы: ни картофеля, ни яблокъ и проч. Въ Августѣ собираютъ орѣхи. Гдѣ при имѣніи много орѣховыхъ лѣсовъ и гдѣ нѣтъ самихъ помѣщиковъ, предварительно отправляется въ лѣсъ старостиха для пробнаго сбора и, сколько она въ день наберетъ,

---

[1]) Иныя не разгавливаются съ Успенскаго поста до Усѣкновенія Главы включительно. *Изд. Рус. Бес.*

столько, если много уродилось орѣховъ, должна принести на другой и въ послѣдующіе дни всякая баба. Въ имѣніяхъ, гдѣ живутъ сами помѣщики, иногда сами они отправляются въ лѣсъ. Разстилается гдѣ-нибудь на лужкѣ коверъ и веретья; отъ этого центра главнаго распоряженія идутъ въ лѣсъ за сборомъ всѣ бабы, дворовые люди, женщины и горничныя дѣвушки. Орѣхи собираютъ въ фартуки. По прошествіи получаса или часа, начальствующіе надъ собирающими кричатъ: выходи! Всѣ выходятъ и на веретья высыпаютъ собранные орѣхи. Наблюдающая за сборомъ женщина, сидя возлѣ, повѣряетъ, всѣ ли вышли изъ лѣса и высыпали орѣхи. И когда она въ томъ убѣдится, то, сказавъ имъ, чтобы шли снова въ кусты, принимается отъ нечего дѣлать шелушить орѣхи. Работу эту очень любитъ народъ по ея безотчетной свободѣ. По лѣсу только слышенъ трескъ разгрызаемой скорлупы, и когда уже солнце сядетъ, роса падетъ, въ лѣсу сдѣлается сыро, собиравшій орѣхи народъ выходитъ въ послѣдній разъ изъ лѣсу, ссыпаетъ все набранное въ телѣгу и вслѣдъ за нею съ пѣснями возвращается домой. Ежели орѣхи не собраны въ одинъ день, эта работа продолжается такимъ же образомъ и въ послѣдующіе дни.

Орѣхи нешелушенные складываютъ ворохами [1]) въ амбарѣ, въ сараѣ, или гдѣ есть мѣсто, и лежатъ они тамъ до тѣхъ поръ, пока шелуха начинаетъ согрѣваться, не допуская впрочемъ, чтобы орѣхи въ вороху сгорѣлись и чрезъ то скорлупа на нихъ почернѣла. Тогда собираютъ бабъ шелушить. Онѣ садятся на дворѣ въ кружки. Каждой дается извѣстное количество орѣховъ въ шелухѣ, которые она должна ошелушить. Это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ довѣренной женщины. Иногда предварительно дѣлаютъ пробу, сколько изъ туго-набитаго четверика нешелушеныхъ орѣховъ выдетъ очищенныхъ, и потомъ по пробѣ раздаютъ и принимаютъ. Орѣхи продаются выгодно и всегда имѣютъ сбытъ. Чтобы сохранить ихъ свѣжими на долгое время, ихъ насыпаютъ въ каменные корчаги, засыпаютъ пескомъ и ставятъ въ подвалѣ. Въ такомъ видѣ, въ два даже въ три года, зерно не теряетъ своей свѣжести и полноты. Орѣхи

[1]) Ворохъ значитъ куча.

также сберегаютъ калеными. Для этого зашиваютъ ихъ въ мѣшки и кладутъ въ жарко истопленную печь, часто поворачивая съ боку на бокъ, чтобъ не сжечь мѣшка. Когда орѣхи сильно разгорячатся, ихъ погружаютъ съ мѣшкомъ въ холодную воду. Это повторяютъ раза три или четыре. Изъ каленыхъ орѣховъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выдѣлываютъ очень хорошее масло, а изъ свѣжихъ орѣховъ приготовляютъ молоко въ родѣ миндальнаго молока, и домашнее пирожное, какъ изъ миндаля; варятъ въ меду и проч. Орѣхи могутъ быть только у помѣщиковъ, потому что какъ только начнутъ образовываться грани [1]), къ лѣсамъ приставляютъ караулъ. Безъ этой мѣры, еще до совершеннаго налива зерна, орѣхи были бы всѣ оборваны, какъ это и бываетъ въ казенныхъ лѣсахъ. Урожай орѣховъ предвѣщаетъ на будущій годъ урожай ржи.

●

---

[1]) *Грань* или *гранка* называется совокупленіе отъ двухъ до пяти и даже до десяти орѣшковъ въ одной шелухѣ, на одномъ стебелькѣ

III.

ОСЕНЬ.

Первое Сентября—праздникъ охотниковъ. Какъ празднуютъ охотники праздникъ свой, я рѣшительно не знаю; только съ этого дня почти вплоть до самой зимы лѣса оглашаются порсканіемъ ловчихъ, лаемъ гончихъ собакъ, звукомъ роговъ и хлопаньемъ арапниковъ. Проѣзжая случайно гдѣ нибудь по проселочной дорогѣ, въ тѣ дни поздней осени, когда небо бываетъ покрыто сѣрыми тучами, и сырой вѣтеръ пронизываетъ насквозь, нерѣдко у опушки лѣса, или въ обнаженныхъ отъ листьевъ кустарникахъ, въ лощинѣ, или на косогорѣ, увидишь—стоитъ всадникъ, тамъ другой, третій... У ногъ тощихъ и не рѣдко разбитыхъ лошадей лежатъ и сидятъ длинномордыя, чутко-поднимающія уши, собаки въ ошейникахъ.... Это охотится какой-нибудь помѣщикъ. Иногда нѣсколько помѣщиковъ-охотниковъ съѣзжаются въ отъѣзжее поле, днемъ травятъ, а ввечеру на квартирѣ, гдѣ нибудь въ крестьянской избѣ, играютъ въ карты, пьютъ, ѣдятъ, или ведутъ шумные разговоры, припоминая всѣ случайности проведеннаго на охотѣ дня. Но всѣ подробности охоты и жизни охотниковъ въ отъѣзжемъ полѣ описывать не наше дѣло; мы имѣемъ дѣло съ земледѣльцемъ, и потому остается добавить, что хотя все, сказанное мною, водится и теперь, но съ года на годъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, проявляется рѣже, и прежнія знаменитыя охоты и охотники переходятъ въ преданія. Главнѣйшею причиною этого я полагаю истребленіе лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскудѣніе звѣрей. Еще въ младенчествѣ

я слыхалъ отъ стариковъ, что тамъ-то мой дѣдъ, давно впрочемъ умершій, затравилъ медвѣдя, а теперь въ этихъ мѣстахъ не только вѣковой дубравы, но даже и кустарника не увидишь. Волки и лисицы становятся рѣдкостію.—Не знаю, кто кромѣ охотниковъ любитъ осень? Но что касается до меня, то при одномъ этомъ словѣ мнѣ дѣлается какъ-то грустно; грустно, какъ при воспоминаніи о пережитыхъ годахъ беззаботной юности. Припоминая такъ еще недавно исчезнувшія въ вѣчно и безостановочно текущемъ потокѣ времени весну и лѣто, и смотря на облетѣвшіе лѣса, на порыжѣвшій лугъ, на мутныя отъ безпрерывныхъ дождей воды, на гонимыя свѣжимъ холоднымъ вѣтромъ безцвѣтныя, изорванныя въ лохмотья тучи, на грязныя лужи и слякоть—невольно задаешь вопросъ: да куда же дѣвалась вся эта прелесть природы, подъ обаяніемъ которой такъ тепло и привольно жилось? Подъ часъ бѣжалъ бы изъ деревни при наступленіи осени со всей ея унылой обстановкой, съ темными и длинными ночами, съ завываніями вѣтра въ пустынныхъ поляхъ, съ однообразно стучащими ставнями; но къ счастію это грустное время въ нашемъ краю бываетъ непродолжительно.

Въ Сентябрѣ, а иногда, и до половины Октября, осенніе дни бываютъ подъ-часъ такъ хороши, что и не нарадуешься. По утрамъ, надъ рѣкой и по низамъ надъ болотами, густо дымятся бѣлосиніе туманы; но на высотахъ и равнинахъ воздухъ чистъ, прозраченъ и свѣжъ; не толкутся въ немъ, какъ это бываетъ весною и лѣтомъ, докучные комары и мошки, не стрекочетъ кузнечикъ и не прожужжитъ жукъ; міръ воздушныхъ насѣкомыхъ замолкъ: его угомонили холодные утренники съ легкими морозцами, покрывающими нерѣдко тончайшимъ иніемъ и крыши, и дворъ, и выгонъ, и все поле. Послѣ такого морознаго утра день бываетъ тепелъ, ясенъ и тихъ. По воздуху, Богъ вѣсть откуда, летитъ длинною нитью паутина, опутываетъ сучья деревъ и вѣтви кустарниковъ, серебристой кисеею стелется по лугамъ и жниву, отражая на себѣ ослѣпительною дорожкою лучи солнца предъ его закатомъ, будто на хрустальной поверхности тихоструйной рѣки или озера. Появленіе въ большомъ количествѣ паутины принимается за предвѣстіе продолжительнаго ведра.

Въ эту ясную пору осени болѣе всего пріятно поражаютъ зрѣніе лѣса разнообразіемъ тѣней и красокъ. Темно еще зеленѣетъ дубъ, а уже поблѣднѣла нѣжно-пушистая липа, клены иные еще сохраняютъ какой-то неопредѣленно бурый цвѣтъ, другіе будто залиты кровію, или окрашены въ потокѣ румяной зари, а третьи, пожелтѣвшіе, какъ золото, сильно бьютъ глаза при яркомъ полуденномъ солнцѣ. Тутъ серебрится, сквозь разрѣдѣвшіе листья, бѣлый стволъ березы, тамъ живописно торчитъ прихотливыми изгибами, полуобнаженный, темный сукъ вяза.... Нерѣдко на немъ садится на отдыхъ, обратясь грудью на сѣверъ къ холодному вѣтру, черный вѣщунъ-воронъ, смотритъ на синеватую даль и, глухо каркая, какъ будто выкрикиваетъ вѣчную память пережитому лѣту. Внизу у подошвы деревъ, гдѣ кусты еще недавно были такъ густы, такъ непроницаемы для взора, въ самой чащѣ образовались прогалины, и сквозь нихъ свѣтятся желтые покровы хрупкаго листа, усыпавшаго землю, тогда какъ тутъ же возлѣ, Богъ знаетъ почему, одно мѣстечко сохранило еще первоначальную свѣжесть своихъ листьевъ и сіяетъ издали темнымъ вертепомъ. Изъ всего видно, что природа отжила уже лучшіе дни свои; борьба жизни съ смертію начинаетъ проявляться во всѣхъ чертахъ ея лика; но она и въ этомъ печальномъ состояніи еще способна плѣнять собою....

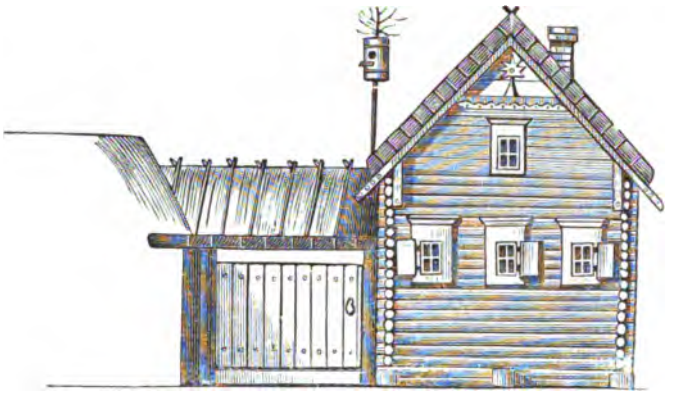
Для значительныхъ деревенскихъ построекъ есть въ году три эпохи. Первая, самая ранняя,—Великимъ постомъ, до Святой недѣли; вторая—послѣ Святой до покоса или начала уборки, а третья—послѣ уборки хлѣба и до зимы. Здѣсь мы поговоримъ вообще о крестьянскихъ постройкахъ. Хотя крестьяне-земледѣльцы всѣ болѣе или менѣе владѣютъ топоромъ, но, за рѣдкими исключеніями, они плохіе плотники. Лучшіе плотники въ нашемъ краю считаются крестьяне с. Кузминскаго, Рязанскаго уѣзда, Мещеряки и плотники Егорьевскаго уѣзда. Небольшими артелями они ходятъ по деревнямъ въ означенное время, и кому нужно построить избу съ выдѣлкой, или срубить только срубъ, то ихъ и подряжаютъ. Самую дешевую и сходную цѣну они берутъ Великимъ постомъ, потому что дни съ начала Великаго поста не такъ еще длинны, стало быть много заработать и нельзя. Къ тому же это, можно сказать, починная въ году

работа, да и строиться въ это раннее время года немного бываетъ охотниковъ. Лѣтомъ и осенью плата несравненно дороже. Съ крестьянъ плотники берутъ во всякое время дешевле, нежели съ господъ, потому что къ первымъ они нанимаются на хозяйскихъ харчахъ, т. е. хозяинъ долженъ ихъ кормить, давать имъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ и хлѣбъ, когда бы они ни захотѣли.

Зодчество крестьянъ-земледѣльцевъ вообще очень несложно. Вкапываютъ въ землю четыре или восемь стульевъ, иногда обожженныхъ или обугленныхъ для прочности; на нихъ кладутъ въ основаніе вѣнецъ изъ толстыхъ бревенъ, потомъ срубятъ еще вѣнца три-четыре и на нихъ кладутъ три переводины для мощенія пола. Еще три вѣнца и уже ставятъ косяки для оконъ. Окна вышиною бываютъ отъ одного аршина до пяти четвертей, а шириною отъ одиннадцати до двѣнадцати вершковъ. Надъ окнами опять продолжаютъ нарубать вѣнца четыре или вѣнцовъ пять и на нихъ кладутъ балки, на которыя настилается накатникъ потолка. Выше потолка накладываютъ еще вѣнецъ и уже въ него упираютъ стропила крыши; и вотъ изба вчернѣ готова. Если въ строеніе идетъ лѣсъ средней толщины, то рубится обыкновенно вѣнцевъ пятнадцать или шестнадцать. Казалось бы, что, когда готовы стѣны, главное сдѣлано и на дальнѣйшую отдѣлку избы лѣсу потребуется менѣе; но, по замѣчанію крестьянъ, на внутреннюю выдѣлку пола, потолка, опечка, лавокъ, дверей, ставень и проч. лѣсу пойдетъ столько же, сколько было употреблено, чтобъ обставить срубъ кругомъ и сплошь бревнами въ одинъ рядъ. Выходитъ, что лѣсу, на окончательную отдѣлку, пойдетъ столько же, сколько и на избу вчернѣ [1]).

Въ фасадѣ дѣлаютъ три или два красныхъ окна и еще одно въ боковой, обращенной на дворъ, стѣнѣ, иногда волоковое, т. е. небольшое, задвигающееся изнутри доскою. Въ стѣнѣ, отдѣляющей сѣни, по самой срединѣ вырубаютъ дверь; направо или налѣво отъ этой двери, въ заднемъ углу, устраиваютъ деревянный опечекъ, на которомъ кладется печь, обращенная челомъ къ окнамъ передней стѣны. Благоразумные домохозяева дѣлаютъ опечекъ на особыхъ

[1]) Народное опредѣленіе.



№ 17. Передній фасадъ избы.

столбахъ, врытыхъ въ землю, независимо отъ стѣнъ избы и переводинъ пола, за тѣмъ, чтобы давленіе всей грудy печи не вредило избѣ; но другіе, даже и большая часть, всегда торопясь стройкой и лѣнясь врыть особые столбы, устраиваютъ опечекъ на переводинахъ пола, врубая связи въ стѣну. Отъ этого, не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ изба начинаетъ сильно осаживаться въ тотъ уголъ, гдѣ печь; углы начинаютъ расходиться, сквозь нихъ проходитъ духъ, они прѣютъ, гніютъ и изба, не прослуживъ половины того, что могла бы простоять, покривясь на бокъ,—скоро пропадаетъ. Желательно, чтобъ вошло въ обычай становить опечки, какъ я выше сказалъ, независимо отъ переводинъ пола на особыхъ столбахъ или стульяхъ, и чтобъ между печью и стѣнами оставался промежутокъ, хотя бы въ полъаршина ширины. Отъ угла печи до передней стѣны дѣлается въ просторныхъ избахъ легкая перегородка изъ тесу; она упирается въ простѣнокъ между среднимъ и крайнимъ окномъ, которое остается за перегородкою. Это отдѣленіе служитъ кухней и потому занято горшками, ухватами, кочергами, сковородами, противнями и проч. Между печью и дверью перегородки устраиваются полочки въ родѣ открытаго шкафа, а противъ нихъ на длинномъ деревянномъ гвоздѣ, или прямо къ балкѣ, привѣшенъ рукомойникъ, подъ которымъ на полу стоитъ большая деревянная лаханка. Въ другомъ заднемъ углу, по другую сторону двери, придѣлываютъ къ стѣнѣ кровать, которая въ праздники, или во

время родовъ, задергивается ситцевымъ пологомъ или занавѣсомъ съ колечками, нанизанными на веревочкѣ, протянутой отъ стѣны до столбика и угла кровати. Отъ кровати, по боковой стѣнѣ до угла, и по стѣнѣ подъ окнами до перегородки, тянутся лавки и коняки; въ переднему углу—полочка, уставленная образами, предъ которыми виситъ лампадка. По стѣнѣ иногда приклеены и прибиты картинки лубочнаго издѣлія, гравюры и литографіи дешеваго разбора, по большей части духовно-религіознаго содержанія.

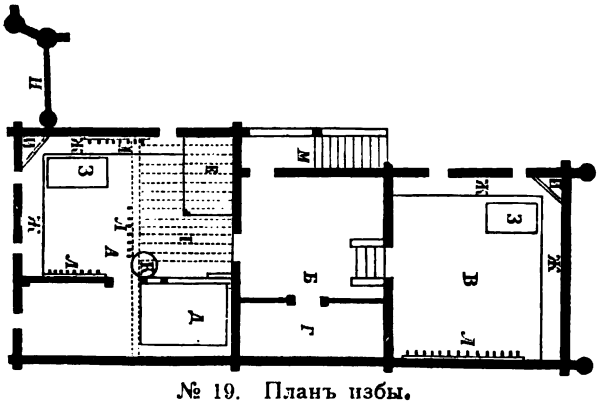
Въ углу подъ образами стоитъ столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, въ которомъ лежатъ ложки, ножъ и хлѣбъ. Отъ боковой, обращенной къ дверямъ, стороны и печи до противоположной стороны, надъ дверью и надъ кроватью, на аршинъ или полтора ниже потолка, настланы полати, на которыя влѣзаютъ съ печи. Полати служатъ любимымъ мѣстомъ послѣ-обѣденнаго отдыха и ночлега для всѣхъ возрастовъ. Въ подполье, гдѣ земля нѣсколько углублена, устраиваютъ ходъ изъ избы. Для этого поднимаются одна или двѣ короткія доски въ полу. Въ подполье лѣтнею порою ставятъ квасъ, молоко и все то, для чего нужна прохлада. Пчеловоды на зиму ставятъ туда пчелъ.

№ 18. Боковой фасадъ избы.

Къ задней дверной стѣнѣ избы пристраиваются сѣни, иногда съ чуланомъ и дверью, выходящею на лѣсенку крыльца. Изъ сѣней, противъ избеныхъ дверей,—дверь въ свѣтелку или вышку, небольшую холодную избу, которой полъ

выше пола сѣней, и потому туда надобно входить тремя или четырьмя ступеньками, въ свѣтелкѣ хранится все лучшее достояніе дома: стоятъ сундуки, развѣшено мужское и женское платье и проч. Подъ свѣтелкой и сѣнями *катухи*: въ нихъ помѣщаютъ свиней и другой мелкій скотъ.

Вотъ обыкновенное устройство избы крестьянина-земледѣльца, но бываютъ и исключенія: есть избы въ два этажа, а въ промышленныхъ селахъ за Окою нѣкоторые крестьянскіе дома имѣютъ видъ совершенно городскихъ построекъ. Тамъ народъ промышленный, а разбогатѣвшіе промыслами и въ земледѣльческой сторонѣ уѣзда иногда выстраиваютъ домики по образцу городскихъ домиковъ небогатаго мѣщанскаго сословія.



№ 19. Планъ избы.

Дворъ крестьянскій со всѣхъ сторонъ обносится плетневыми сараями, навѣсами и катухами. Для воротъ –толстыя дубовыя вереи; ворота тесовыя; подъ навѣсомъ и надъ воротами мѣдный крестикъ или образокъ. Ворота на ночь запираются засовомъ. Въ задней сторонѣ двора, ворота на огородъ, садъ или конопляникъ; а далѣе гумно и рига составляютъ усадебное владѣніе крестьянина. Риги строятся изъ плетней, съ столбами или сохами, поддерживающими крышу. Крестьяне убираютъ въ ригу значительную часть урожая; другая часть кладется на гумнѣ въ одонья. Противъ избы, или по близости двора, если позволяетъ мѣсто, крестьяне строятъ небольшіе плетневые сараи, гдѣ они занимаются собираніемъ саней, телѣгъ, колесъ, сколачиваніемъ и починкою кадушекъ, для продажи, по заказу, или только

для своего дома. Трудолюбивый мужичекъ, исключая рабочую пору, все себѣ что-нибудь тамъ ковыряетъ да постукиваетъ; анъ глядишь, подъ часъ и заработаетъ, хотя на соль,—и то хорошо.

Время съ перваго Сентября и до дня Рождества Пресвятыя Богородицы (8-го Сентября) называется *бабьимъ лѣтомъ*. Если бабье лѣто ненастно, то вся осень будетъ ясна, и на оборотъ, — если бабье лѣто ведрено, то и вся осень будетъ ненастная и холодная. Происхожденія бабьяго лѣта я не знаю, но полагаю, не оттого ли оно такъ названо, что бабы съ полевыми работами и не видали, какъ прошло лѣто, и только осенью, съ окончаніемъ трудовъ, оно для нихъ возвратилось. Осень преимущественно есть пора сельскихъ приходскихъ праздниковъ: Успеніе Божіей Матери (хотя оно и въ августѣ, но все уже принадлежитъ къ осеннимъ праздникамъ), Покровъ Пресвятыя Богородицы, Введеніе во храмъ, Дмитріевъ день и проч.

Дмитріевъ день, гдѣ нѣтъ приходскаго праздника, памятенъ народу болѣе по Дмитріевской субботѣ, въ которую совершается панихида по воинамъ, падшимъ въ священной битвѣ Куликовской. Суббота эта извѣстна подъ именемъ Дмитріевской-родительской. Изустныя преданія давно замолкли о событіяхъ, послужившихъ поводомъ къ установленію Дмитріевской панихиды; но память о Мамаевомъ побоищѣ еще живетъ, какъ поговорка. Какой нибудь пожилой человѣкъ, желая разсказать о дракѣ возлѣ кабака, въ пьяномъ видѣ, или по другому какому либо поводу, начинаетъ иногда разсказъ свой такъ: „а у насъ тутъ настоящее Мамаево побоище было“.

Чтобы встрѣтить и прилично провести праздникъ, какъ подобаетъ всякому православному, дней за пять, или еще за недѣлю, во всѣхъ дворахъ прихода начинаютъ варить брагу. Та брага хороша, которая густа да липка, сладка и хмѣльна. Брагу въ нашемъ краю варятъ бѣлую и красную. Постараюсь разсказать приготовленіе и той, и другой. Для приготовленія бѣлой браги, положимъ хоть сорока ведеръ, поставятъ съ вечера въ печь чугуны съ водою, ушатовъ на восемь, а между тѣмъ приготовляютъ закваску. Въ обыкновенный горшокъ, налитый до половины теплой водою, всыпаютъ пшеничной мучицы, да съ четверть фунта хмѣлю,

затираютъ, то есть, тщательно размѣшиваютъ эту смѣсь веселочкой или иначе колотовочкой, и, дополнивъ горшокъ кипяткомъ, ставятъ его тутъ же въ избѣ гдѣ нибудь въ сторонку, пока окваска закиснетъ. На другой день утромъ, согрѣтую за ночь въ печи воду наливаютъ въ чаникъ или чанъ, всыпаютъ туда же пуда четыре муки ржаной. да солоду пудъ и такъ же, какъ закваску, затираютъ весломъ. Все это дѣлается, пока дрова еще въ печи не разгорѣлись, а когда разгорятся, тогда снова ставятъ всѣ чугуны съ водою въ печь, кипятятъ и кипяткомъ этимъ растворяютъ приготовленный заторъ. Положительно опредѣлить число ушатовъ кипятку, нужнаго для отварки затора—я не берусь, потому что уже давно принято за правило разводить сусло не жиже того, сколько нужно, чтобъ оно капало или сливалось съ весла свободно. Тутъ суслу даютъ постоять, и часа черезъ три или четыре вливаютъ въ него еще ушата три воды холодной, и, процѣдивъ потомъ чрезъ сито, вливаютъ въ бочки и выносятъ въ холодное мѣсто. Когда сусло остынетъ до степени парного молока, тогда въ бочки всыпаютъ хмѣлю фунта по три на каждые четыре ушата браги, а вмѣстѣ съ тѣмъ вливаютъ въ каждую бочку по немногу закваски изъ горшка. На другой день брага готова. При варкѣ браги самое важное затрудненіе составляетъ вода и неудобство кипятить ее; потому что на предполагаемое мною примѣрное количество сорока ведеръ браги нужно употребить воды не менѣе двадцати шести или тридцати ушатовъ.

Красную брагу дѣлаютъ иначе. Затеревъ въ кадушкѣ, какъ это дѣлается и для бѣлой браги, пуда два муки ржаной, да пуда два солоду, положатъ въ это тѣсто гречишной лузги (лузгою называется шелуха съ грачишныхъ зеренъ, обдираемая при перецѣлкѣ гречихи въ крупу), а, за неимѣніемъ лузги, мелко изрубленную солому; разложатъ это тѣсто въ каменныя корчаги, то есть, горшки колоссальныхъ размѣровъ, или въ чугуны, и корчаги эти или чугуны поставятъ въ печь, жарко истопленную, а чело печи, прикрывъ заслономъ, замажутъ на всю ночь глиною. На другой день, когда тѣсто уже хорошо упрѣло, корчаги изъ печи вынимаютъ и въ каждую корчагу, чтобы размочить запекшуюся сверху корочку, вливаютъ карца по два холод-

ной воды (карецъ есть не иное что, какъ большой желѣзный ковшъ), потомъ тѣсто разбиваютъ колотовочкой и выкладываютъ въ спускъ, то есть, въ чанъ, имѣющій съ боку около самаго дна дырочку, заткнутую деревяннымъ гвоздемъ, или затычкою. Прежде нежели выложатъ тѣсто изъ корчагъ, на дно спуска положатъ двѣ чушки, то есть два полена, имѣющихъ на обращенныхъ къ низу сторонахъ по три заруба для подбѣга сусла, по выраженію бабъ; на чушки положатъ нѣсколько тоненькихъ палочекъ, на эти палочки настелютъ сплошнымъ, но тонкимъ слоемъ соломы-простомолотки и ею же обложатъ, или, лучше сказать, обставятъ всю внутренность спуска кругомъ такъ, что концы соломы остаются торчащими нѣсколько выше краевъ. Устроивши это дѣло, приступаютъ къ сцѣживанію сусла изъ спуска въ чаны. Для этого спускъ поставятъ какъ нибудь повыше, пожалуй хоть на лавку, отварятъ тѣсто, то есть, вольютъ въ него чугуна два кипятку, ототкутъ затычку и сусло потечетъ въ чанъ, въ который, прежде нежели подставятъ его подъ спускъ, положатъ на дно порядочное количество хмѣлю, заранѣе и хорошо упареннаго въ печи. Чтобы упарить хмѣль, берутъ чугунъ, накладываютъ въ него хмѣлю, вливаютъ въ него карецъ или два кипятку, засыпаютъ сверху густо мукою и ставятъ въ печь одновременно съ тѣстомъ, заготовленнымъ на сусло. Суслу въ чанахъ даютъ остыть до степени парнаго молока, а потомъ въ него выльютъ закваски, въ каждый чанъ карца по два или по три. Закваску эту приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: въ то же время, какъ начинаютъ сцѣживать сусло, отливаютъ изъ него небольшое количество въ кадочку или чугунъ, разобьютъ въ немъ колотовочкой фунта четыре пшеничной мучицы, положатъ туда же ложку дрожжей и, посыпавъ сверху мукою, поставятъ на печь, покрывъ тулупомъ, или кафтаномъ, или чѣмъ случится. Когда закваска эта начнетъ бродить и подниматься, тогда снова подольютъ въ нее сусла, разболтаютъ опять колотовочкой, и закваска готова. Когда брага по влитіи въ нее закваски укиснетъ, что узнается по тому, что хмѣль со дна чановъ весь подымется на поверхность, тогда снова берутъ муки, перетираютъ съ нею поднявшійся хмѣль, выжимаютъ его и, процѣживая брагу чрезъ сито, сливаютъ изъ спуска въ бочки

и выносятъ въ погребъ для употребленія. Сцѣдивъ изъ спуска первый отваръ, наливаютъ на тѣсто еще чугуна два или три кипятку и снова спускаютъ въ чанъ. Изъ этихъ двухъ отваровъ получается брага перваго сорта. Послѣ этого подставляютъ другой чанъ съ хмѣлемъ же и сусло отвариваютъ и спускаютъ еще раза три или четыре, изъ послѣдующихъ отваровъ получается брага втораго сорта. Отвариваютъ и третій сортъ; но эта брага бываетъ чрезъ чуръ жидка. Красную брагу варятъ преимущественно въ домахъ помѣщичьихъ, варятъ и духовные, а изъ крестьянъ ее варятъ одни только самые зажиточные. Большая часть народа довольствуется брагой бѣлою, во первыхъ потому, что при варкѣ ея не нужно имѣть никакой особенной или лишней посуды, а во вторыхъ, потому, что и хлопотъ-то за нею менѣе.

Дня за два до праздника напекутъ пироговъ съ начинкой изъ творогу, изъ капусты, изъ каши, или совсѣмъ безъ начинки. Достоинство пироговъ зависитъ отъ достатка хозяина; кто позажиточнѣе, тотъ имѣетъ пироги изъ пшеничной муки. Но по большей части пироги пекутъ изъ ржаной муки, просѣянной нѣсколько разъ чрезъ сито; пекутъ также изъ яшной муки, но эти скоро черствѣютъ. Пироги пекутъ изъ кислаго тѣста и сдобные; но главная забота, чтобъ ихъ было какъ можно болѣе. Пироги имѣютъ форму продолговатую и бываютъ длиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина.

Убиваютъ заранѣе выкормленную къ этому дню свинью, тушу которой палятъ гдѣ нибудь близь рѣчки, или за деревней для безопасности отъ пожара. Палятъ свиней сухимъ хворостомъ и соломой, переворачивая тушу съ боку на бокъ надъ огнемъ, а опаленныя мѣста выскабливаютъ лопатой или заступомъ. Искусство палить заключается въ томъ, чтобы кожа не только не лопнула, но и не пригорѣла. Когда свинья хорошо опалена, ее потрошатъ, потомъ обливаютъ горячею водою и скобляятъ ножами, отъ чего кожа свиная окончательно принимаетъ видъ привлекательной бѣлизны. Предусмотрительные хозяева еще съ весны оставляютъ телка, котораго передъ праздникомъ выкармливаютъ особо. Мужики ѣдутъ на базаръ за солониной или другимъ мясомъ, когда своего не хватаетъ, за пшеничной мукой,

сальными свѣчами и въ кабакъ за виномъ. Вина къ празднику развѣ какой только бѣдный купитъ полъ-ведра, но ужъ менѣе полъ-ведра почти никто не покупаетъ. Въ избахъ идетъ дѣятельность страшная: столы скоблятъ, лавки и полы моютъ, все лишнее изъ избы выносятъ; въ печи и жарятъ, и пекутъ. Съ вечера предъ св. иконами затепливаются лампадки, или зажигается грошевая свѣчка. Въ церквахъ по большей части служатся заутрени, но иногда и всенощныя, ежели при церкви два священника, или въ селѣ есть господскій домъ. Но у помѣщиковъ, живущихъ не въ селѣ, всенощная бываетъ въ домѣ, а къ слушанію ея сходятся не только дворовые и крестьяне обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, но и пріѣхавшіе къ празднику родные хозяина участвуютъ въ этомъ домашнемъ богослуженіи; потому что изъ-стари заведено, чтобъ къ храмовому празднику и къ дворянамъ, и къ духовнымъ, и къ крестьянамъ, и даже къ дворовымъ семейнымъ людямъ родные, не живущіе по близости, съѣзжались наканунѣ.

Въ самый день праздника, рано утромъ, изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, кто въ телѣгѣ, кто верхомъ, а по большей части пѣшкомъ, стекаются охотники до чужихъ праздниковъ и, въ ожиданіи возвращенія хозяевъ отъ обѣдни, располагаются на завалинкахъ около избъ, на выгонѣ и даже за околицей, гдѣ-нибудь на травѣ, иные входятъ въ избы безъ приглашенія и садятся на лавку, поздоровавшись и поздравивъ предварительно съ праздникомъ того, кто остался дома и по необходимости не пошелъ къ обѣднѣ. Когда обѣдня отойдетъ и народъ возвратится домой, тогда весь, пришедшій на праздникъ, людъ *„разбрѣдается“* по избамъ. Въ ожиданіи почетныхъ гостей и родныхъ, ежели они еще не на лицо, хозяинъ-мужикъ отводитъ своихъ гостей-пріятелей и хорошихъ знакомыхъ въ вышку, или клѣть, гдѣ, въ ожиданіи обѣда, выпиваютъ винца и закусываютъ пирогомъ. Другіе гости сидятъ въ избѣ и ожидаютъ обѣда. Когда родные и почетные гости соберутся и ожидать болѣе некого, тогда бабы собираютъ обѣдъ, за который садятся и званый, и незваный. Праздничный обѣдъ длится долго. Кушанья бываютъ: солонина, свинина, ветчина, или говядина съ хрѣномъ, студень изъ свиныхъ или изъ говяжьихъ ногъ, щи съ свининой, говядиной или солониной, лапша

жировая или молочная, каша крутая пшенная, каша молочная, жареная баранина, или свинина, или говядина, размазня съ масломъ или съ молокомъ, кисели: „мудрой“ изъ ржаныхъ крупъ, который ѣдятъ съ молокомъ, овсяный и проч. Предъ обѣдомъ подносится гостямъ по стаканчику винца, передъ щами другой, предъ кашей третій, передъ жаркимъ четвертый и пр. Брага подается безпрестанно—кушай, сколько угодно. По окончаніи обѣда, гости встанутъ, помолятся Богу и скажутъ хозяевамъ: „спасибо за хлѣбъ, за соль!“ а хозяева отвѣтятъ: „не прогнѣвайтесь!“ или же: „не обезсудьте [1]) какова хлѣбъ соль была!“ Потомъ просятъ гостей: „присядьте, пожалуйста, еще, чтобы курочки-насѣдочки садились, цыплятки и пчелки водились!“ Гости садятся, имъ еще подносятъ винца; они посидятъ, да покалякиваютъ, да и разойдутся. Кто пойдетъ соснуть, гдѣ Богъ приведетъ; кто на улицу, или на выгонъ, куда молодыя бабы, дѣвки парни и ребятишки мало по малу собираются; тутъ поютъ пѣсни, водятъ хороводы или играютъ въ бабки. Пожилые люди, сидя у воротъ или на завалинкахъ, ведутъ бесѣду. Печать праздника отражается на лицахъ мужчинъ. Щеки разрумянены, глаза или посоловѣли или блестятъ какъ-то неестественно. Кто деретъ во все горло пѣсню, безъ склада и лада, кто поретъ какъ говорятъ, дичь и требуетъ, чтобъ его слушали, между тѣмъ какъ самъ онъ никого не слушаетъ. Тамъ обнимаются съ нѣжностію и изъясняются въ любви, а чрезъ минуту разстаются очень недовольными другъ другомъ. Между тѣмъ праздничные гости продолжаютъ бродить изъ избы въ избу. Тамъ нужнымъ людямъ подносятъ вина, другимъ бражки, и въ иной избѣ гости и такъ посидятъ да поглазѣютъ. Если родной или почетный гость опоздаетъ къ обѣду, то для него особо собираютъ полный столъ, а для гостя менѣе почетнаго подадутъ пирожка, солонинки, огурчиковъ соленыхъ, киселька овсянаго. Пока на улицѣ играютъ пѣсни, да пляшутъ,—часы летятъ. Вотъ уже и солнышко сѣло; вотъ блеснула первая звѣздочка, а вотъ и темно. Иные посѣтители по немногу пробираются домой, другіе ждутъ ужина, который бываетъ точь въ точь такой же, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина всѣ гости расхо-

[1]) Не осудите.

дятся, и праздникъ на этотъ день конченъ. Долго еще ночью на улицѣ или выгонѣ продолжаютъ водить хороводы и играть пѣсни; а на другой день, раннимъ утромъ по всѣмъ окольнымъ дорогамъ, навѣрное, можно найти кое-кого изъ праздничныхъ гостей, недобравшихся до дома и объятыхъ сладкимъ сномъ подъ открытымъ осеннимъ небомъ на сырой, пожелтѣвшей травѣ.

Такъ какъ принято издстари престольные праздники праздновать по три дня, то на другой день съ утра опять являются со всѣхъ сторонъ гости, и праздникъ на другой день ничѣмъ почти не отличается отъ перваго дня. Очень часто бываетъ, что ночевавшій въ полѣ гость, проснувшись съ больной головой, не продолжаетъ своего пути къ дому, а, поразду мавъ маленько, снова возвращается опохмѣлиться къ празднику, и снова празднуетъ цѣлый день. На третій день посторонніе гости почти не приходятъ; остаются только не многіе родные,—и третій день праздника проводится болѣе семейнымъ образомъ.

У помѣщиковъ родные непремѣнно проводятъ и другой день. Почти всѣ ночевавшіе гости на другой день обѣдаютъ, иные послѣ обѣда уѣзжаютъ, другіе еще посидятъ вечерокъ, и уже на третій день и родные, и чужіе разъѣзжаются по домамъ. Вѣчно-столичнымъ жителямъ покажется непонятнымъ долгое гощеніе и съ ночлегами. Но кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ всю невозможность пускаться въ путь верстъ за 20 или даже за версту въ темные осенніе вечера, по проселочнымъ дорогамъ. Темнота бываетъ такая, что ѣдущій въ экипажѣ въ своей собственной усальбѣ рискуетъ сломить себѣ шею тамъ, гдѣ извѣстенъ на память почти каждый вершокъ земли. Чтожъ долженъ испытать тотъ, кому надобно переѣзжать черезъ рѣчку или оврагъ, по плотинѣ или по мосту безъ перилъ, или по косогору надъ крутымъ оврагомъ, или когда дорога извивается между пнями срубленнаго лѣса. Вверху, внизу, куда ни взглянешь,—вездѣ черно и темно, какъ въ могилѣ, и изъ этой тьмы блестятъ иногда, какъ раскаленные угли, глаза волковъ, которыхъ отвратительныя завыванія нарушаютъ нерѣдко мертвую тишину полей. Чѣмъ ѣхать, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ переночевать у сосѣда, гдѣ и свѣтло, и тепло.

Въ храмовые праздники чаще всего совершаются браки между крестьянами. Это дѣлается для избѣжанія излишнихъ издержекъ на угощеніе. Все равно, надобно же варить брагу, готовясь къ празднику; такъ вмѣсто того, чтобы харчиться понапрасну, можно за одно отпраздновать и свадьбу, тѣмъ болѣе, что въ тотъ домъ, гдѣ празднуется свадьба, незванные посѣтители уже не ходятъ. Наканунѣ вѣнчанія непремѣнно долженъ быть справленъ дѣвичникъ. Справляется дѣвичникъ слѣдующимъ образомъ. Въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ нареченные свекоръ со свекровью. Привезенною съ собою скатертью они покрываютъ столъ, на который ставятъ привезенные ими же: пирогъ, говядину, пшенникъ, или творожникъ, хлѣбъ, соль, также вино въ штофахъ, для вида подправленное клюквой, и брагу. Это—угощеніе жениха для родныхъ невѣсты, которые всѣ приглашаются заранѣе на дѣвичникъ; но самого жениха тутъ нѣтъ, а распоряжаются всѣмъ нареченные свекоръ со свекровью. Невѣста также за столомъ не бываетъ, а сидитъ съ своими подругами, прижавшись гдѣ нибудь въ уголкѣ, а если тепло, то въ свѣтелкѣ, или въ другой горницѣ. Между тѣмъ, какъ всѣ родные невѣсты ѣдятъ и пьютъ, бабы, набившись толпой въ избу и занявъ отъ задняго угла чуть не треть избы, поютъ свадебныя пѣсни, величаютъ жениха и женихову родню, за что получаютъ отъ величаемыхъ деньги гривну или пятакъ мѣди, а бываетъ и грошъ. Я забылъ сказать, что женихъ, угощая заочно родныхъ своей невѣсты, даритъ ей подарки, состоящіе обыкновенно изъ одной пары шерстяныхъ чулокъ, пары котовъ, зеркальца и мыла. Эти подарки привозятся завязанными въ узелкѣ и передаются невѣстѣ будущими свекрами. Когда величаніе кончится и все, привезенное для угощенія, съѣдено и выпито, всѣ остатки, крошки и объѣдки свернуты въ скатерть и вмѣстѣ съ посудою сняты со стола и отложены въ сторону, чтобъ быть увезенными обратно въ домъ жениховъ, тогда столъ снова покрывается скатертью, и всѣ, не исключая и будущихъ свекровъ, садятся за обѣдъ, который правильнѣе было бы назвать ужиномъ. За этимъ обѣдомъ, даваемымъ уже невѣстой подается не одинъ пирогъ и говядина, но всѣ кушанья праздничнаго обѣда. Тутъ подаютъ: мясо, щи, лапшу, кашу, жаркое, размазню, однимъ словомъ все, что позволяетъ доста-

токъ. Все это запивается виномъ и брагой. Въ продолженіе обѣда хоръ бабъ снова начинаетъ величаніе присутствующихъ, снова развязываются кошельки и снова величающіе получаютъ пятаки и гривны. Невѣста не сидитъ за столомъ, а остается съ подружками-дѣвушками тамъ, гдѣ и была. Туда имъ принесутъ пирожка, пожалуй и еще чего нибудь, и онѣ угощаются себѣ въ-тихомолку.

Въ день свадьбы, еще съ ранняго утра, соберутся въ жениховъ домъ—дружко, полудружко, тысяцкій, посаженный отецъ, посаженная мать, сваха, двое бояръ и повозникъ. Дружко и полудружко по обычаю бываютъ подвязаны полотенцами. Всѣ эти должностныя лица, кромѣ повозника, съѣзжаются верхами, и всякій подноситъ жениху по укруху хлѣба и по курицѣ; а у кого нѣтъ курицы, то хоть десятокъ яицъ. Пріѣхавшіе ранѣе другихъ садятся за столъ въ ожиданіи, пока соберутся всѣ. Когда же всѣ съѣдутся, то встаютъ и идутъ на дворъ запрягать лошадей для невѣсты и подъ поѣздъ. Для жениха сѣдлается конь. Запрягши лошадей въ телѣги, всѣ возвращаются и садятся обѣдать. Послѣ обѣда дружко беретъ образъ, которымъ на сговорѣ былъ благословленъ женихъ и, сопровождаемый всѣми, идетъ на дворъ, обходитъ три раза запряженныхъ въ тѣлеги лошадей. За нимъ идетъ сваха и прочія должностныя лица. Тутъ всѣ садятся кто на лошадь, кто въ телѣгу и ѣдутъ со двора въ домъ невѣсты.

Охотники выпить ждутъ этого случая. Они на пути устраиваютъ такъ называемую „околишну“: перегородятъ дорогу шестомъ, или протянутъ веревку, а ежели нѣтъ ни того ни другаго, то хоть положатъ на пути шапку,—и предъ такой околишной свадебный поѣздъ останавливается. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи полштофъ и подноситъ стоящимъ у околишны. Они выпьютъ и пропустятъ поѣздъ, пожелавъ ему всякаго благополучія. Упряжъ на лошадяхъ для невѣсты бываетъ разукрашена чѣмъ нибудь красненькимъ. Подъ дугою туго подвазанъ колокольчикъ, а на телѣгу накинута рогожная кибитка.

Между тѣмъ невѣста, получивъ благословеніе отца и матери, садится въ ожиданіи жениха, на лавку въ переднемъ углу за столъ. Возлѣ нея къ боковой стѣнѣ на лавкѣ же помѣщается „плакса“, то есть, сваха со стороны невѣсты,

а по другую сторону, на приставленной къ столу скамьѣ, садится братъ, вооруженный скалкою. Входятъ дружки и, встрѣченные отцемъ и матерью невѣсты, просятъ ихъ принять пріѣхавшихъ въ свое семейство. Тѣ, разумѣется, очень рады, отворяютъ ворота—весь поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Уладивъ это дѣло, дружко подходитъ къ брату невѣсты съ вопросомъ: „зачѣмъ ты сѣлъ не на свое мѣсто?“ Тотъ отвѣчаетъ: „когда откупишь мѣсто, тогда будетъ твое“. Дружко грозитъ ему плетью, а братъ невѣсты, храбро потрясая скалкой, говоритъ: „озолоти мѣсто, такъ и сядешь!“ Тогда дружко, видя, что угроза не помогаетъ, вынимаетъ изъ-за пазухи кожаную мошну и кладетъ на всѣ четыре угла стола по грошу, а на средину гривенникъ. Получивъ такимъ образомъ выкупъ, братъ невѣсты встаетъ и уступаетъ мѣсто жениху. Въ то время, когда дружко вѣдается съ братомъ невѣсты, съ другой стороны стола идутъ переговоры между пріѣхавшей свахой и плаксой. Сваха, подходя къ плаксѣ, говоритъ: „пусти, свашенька, вѣдь ты не на своемъ мѣстѣ“.—„Нѣтъ, свашенька, отвѣчаетъ та, я на своемъ мѣстѣ сижу, а ужъ если такъ тебѣ желательно мое мѣсто, то напой меня виномъ, да накорми пирогомъ, тогда и пущу“. Дѣлать нечего, подноситъ ей сваха стаканчикъ винца, достаетъ изъ-за пазухи калачъ, и, когда свашеньки выпьютъ да закусятъ, тогда они поцѣлуются, а въ слѣдъ за поцѣлуемъ обѣ влѣзутъ на лавку и пойдутъ по лавкѣ между столомъ и стѣною, обойдутъ за спиною невѣсты, спустятся на полъ, продолжаютъ шествіе вокругъ стола и, когда дойдутъ до того мѣста, гдѣ прежде сидѣла плакса, сваха садится на это мѣсто, а плакса занимаетъ мѣсто возлѣ нея, но пониже. Мало-по-малу всѣ пріѣхавшіе садятся за столъ. Лице невѣсты закрыто накинутымъ на голову бумажнымъ платкомъ. Въ прежніе годы, когда набивные платки составляли не для всѣхъ доступную роскошь, тогда невѣсту покрывали холщевымъ полотенцемъ. Женихъ сидитъ возлѣ невѣсты, наряженный въ платокъ, сложенный косынкою и накинутый по-женски на плечи сверхъ кафтана. Подаютъ обѣдать: щи, пирогъ, крупень, студень и проч., брагу и пиво. Женихъ и невѣста сидятъ, потупя глаза, бабы и дѣвки также, какъ на дѣвичникѣ, стоятъ толпою въ заднемъ углу и поютъ пѣсни, славятъ жениха, всѣхъ должностныхъ и родныхъ,

и получаютъ деньги. Изба и сѣни биткомъ набиты должностными и любопытными, малыми и большими; на дворѣ и на улицѣ толпится народъ—всѣ ждутъ выѣзда невѣсты къ вѣнцу. Когда обѣдъ кончится, дружки подаютъ знакъ; всѣ обѣдавшіе встаютъ и молятся Богу. Отецъ съ матерью берутъ невѣсту за руки и подводятъ къ жениху. Отецъ говоритъ: „вотъ мы даруемъ невѣсту, ее люби, да сѣй ленъ да конопи, спрашивай съ жены рубахи да портки". Женихъ беретъ невѣсту за руку, но дѣвушки-подружки бросаются отнимать невѣсту, хватаютъ ее за другую руку и тянутъ къ себѣ. Женихъ не уступаетъ, и бѣдную невѣсту тянутъ то въ ту, то въ другую сторону, а она, что голубка, и „не пикнетъ". Разумѣется, побѣда, послѣ непродолжительной борьбы, остается за женихомъ. Тогда отецъ и мать берутъ икону и становятся предъ нареченными: икону сначала держитъ отецъ. Сперва женихъ, а потомъ невѣста, съ крестнымъ знаменіемъ кладутъ предъ иконою по три земныхъ поклона, прикладываются къ ней и цѣлуютъ отца. Потомъ отецъ передаетъ образъ матери, и женихъ съ невѣстою получаютъ благословеніе тѣмъ же порядкомъ. По совершеніи этого обряда, женихъ, предшествуемый дружками, ведетъ невѣсту къ телѣгѣ, чтобы ѣхать къ вѣнцу. Невѣста садится посрединѣ, а сваха и плакса, имѣя въ рукахъ образа, первая—благословеніе жениха, вторая—невѣсты, садятся съ боковъ. Въ туже телѣгу къ ногамъ ставятъ судницу, то есть, круглый коробъ со створчатой крышкой, въ который кладутъ пирогъ, говядину, вино. Повозникъ правитъ лошадьми; женихъ съ дружками и тысяцкій съ боярами ѣдутъ верхами, а иногда женихъ въ особой телѣгѣ позади невѣсты; далѣе остальной поѣздъ родныхъ. Весь поѣздъ крупною рысью выѣзжаетъ со двора и отправляется къ церкви.

Любители выпить на этотъ разъ устраиваютъ околишную, и снова дружко выкупаетъ проѣздъ виномъ. Говорятъ, что если силою проѣхать околишную, то ужъ въ такомъ случаѣ бѣды не миновать. Разсказываютъ, что разъ когда-то, а ужъ гдѣ, не знаю, ѣхалъ свадебный поѣздъ къ церкви, а какой-то прохожій возьми да устрой околишную; добро бы шестомъ перекинулъ, или веревку протянулъ, а то разпоясалъ съ себя кушакъ, да и положилъ его на землѣ поперекъ дороги. Дружки не хотѣли обратить на это вниманія,

поскупились что ль, или просто полѣнились, да такъ поѣздъ и проѣхалъ; но не успѣли они отъѣхать отъ околишной и десяти шаговъ, какъ колесо у невѣстиной телѣги хрустнуло, да и разсыпалось, и пока ѣздили за колесомъ, пока колесо привезли да приладили, поѣздъ простоялъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ. Да мало ли бывало такихъ случаевъ!—Въ церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоять жениху съ невѣстой подъ вѣнцемъ, подстилаютъ „подножки", то есть, кусокъ холстины. Невѣста съ женихомъ должны вступить на подножки въ одно время: первая правою ногою, а послѣдній лѣвою. Тысяцкій находится при женихѣ безотлучно въ продолженіе всѣхъ свадебныхъ продѣлокъ, а въ церкви, во время вѣнчанія, онъ держитъ женихову шапку. По совершеніи таинства, сваха съ плаксой отводятъ невѣсту на паперть, а зимнее дѣло—къ уголку; снимаютъ съ головы ея дѣвическій уборъ, платокъ, расплетаютъ украшенную лентой косу, заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову кичку, или повязываютъ по бабьему платкомъ. Пока такимъ образомъ убираютъ молодую, дружки тутъ же въ церкви угощаютъ священника и причтъ привезенымъ въ судницѣ запасомъ. Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ, какъ ѣхали къ вѣнцу, ѣдутъ въ домъ молодого. Отъѣхавъ не много отъ церкви, повозникъ остановитъ лошадей и скажетъ: „что супонь, молъ, лопнула"; сваха для повязки супони подаетъ ему шерстяной или шелковый поясъ, который повозникъ прячетъ въ карманъ, а между тѣмъ эта, повидимому, случайная остановка представляетъ новый случай къ попойкѣ. Пока сваха отыскиваетъ, чѣмъ замѣнить лопнувшую супонь, дружко, взявъ въ руки полштофъ и стаканчикъ, наливаетъ и подноситъ сперва полудружку, приговаривая что-то въ смыслѣ поздравленія: „съ благополучнымъ окончаніемъ"! или „желаемъ здравія"! Полудружко за учтивость платитъ взаимно учтивостію, подноситъ въ свою очередь дружку и, размѣнявшись такимъ образомъ учтивостями, продолжаютъ подносить уже всѣмъ. Послѣ этого ѣдутъ въ домъ къ жениху уже безъ остановки, чуть не во всю прыть; колокольчикъ подъ дугой такъ и заливается, бубенчики вызваниваютъ. Молодая и свахи только подпрыгиваютъ на тряской телѣгѣ. Въ сѣняхъ молодыхъ встрѣчаетъ „встрѣчная" сваха; должность ея непродолжительна. Встрѣчная

сваха одѣта въ овчинный, вывороченный шерстью наружу, тулупъ; въ рукахъ у нея деревянная чашка съ водою, въ которую насыпанъ хмѣль. Не успѣютъ молодые переступить порогъ двери, какъ сваха, взявъ изъ чашки въ пригоршню мокраго хмѣлю, бросаетъ имъ сперва въ новобрачныхъ, а потомъ и во всѣхъ участвовавшихъ въ свадебномъ поѣздѣ, и когда въ чашкѣ останется уже не много, то сваха, повернувшись ко входящимъ спиною, выплескиваетъ чрезъ себя назадъ, прямо изъ чашки, всю остальную воду и хмѣль опять на молодыхъ и на всѣхъ, кто ихъ сопровождаетъ. Войдя въ горницу, всѣ участвовавшіе въ поѣздѣ садятся за столъ, за которымъ на первомъ мѣстѣ красуются молодые. Послѣ полнаго и продолжительнаго обѣда, къ которому, по обычаю, новобрачные не прикасаются, дружко, полудружко, тысяцкій, сваха и плакса ведутъ молодыхъ въ клѣть. Клѣть есть не иное что, какъ небольшая, холодная и темная каморка, рѣдко съ маленькимъ волоковымъ окошечкомъ, а чаще всего только съ дверью. Клѣти по большей части строятся изъ самаго тонкаго лѣску, на дворѣ, и имѣютъ въ длину и ширину отъ 4 до 6 аршинъ, и рѣдко бываютъ просторнѣе. Въ нихъ сохраняется весь скарбъ крестьянской семьи; по стѣнкамъ развѣшана мужская и женская одежда, на полу тѣснятся коробьи и судницы; по полочкамъ торчитъ какая ни-на-есть каменная или стеклянная посуда, а за сундуками и по угламъ навалена всякая домашняя рухлядь. Къ одной изъ боковыхъ стѣнъ клѣти, къ углу, придѣлана кровать, иногда съ пологомъ, потому что клѣти служатъ для супруговъ отдѣльными спальнями почти круглый годъ: только суровая зима и морозы выгоняютъ ихъ въ избу. Но молодыхъ, будь хоть крещенскіе морозы, все таки ведутъ спать въ клѣть. Такъ какъ они съ утра еще ничего не ѣли, то тамъ для нихъ накрытъ столъ; ихъ тамъ „кормятъ“, то есть, подаютъ имъ обѣдать, угощаютъ ихъ и наконецъ кладутъ спать. Дружки немедленно послѣ того уходятъ въ избу; сваха и плакса, раздѣвъ молодую, или, какъ водится, снявши съ нее только шушунъ и повойникъ, также уходятъ всѣдъ за дружками; дверь клѣти затворяется, и молодые остаются одни....

Время идетъ, а между тѣмъ въ избѣ всѣ веселятся, всѣ пьютъ да закусываютъ, да гуляютъ въ ожиданіи „пове-

черниковъ". Повечерниками называется пріѣздъ родныхъ молодой: дядьевъ, братьевъ и проч., но ни отца, на матери при этомъ нѣтъ. Повечерники, подъѣхавъ къ воротамъ, начинаютъ стучаться, потому что въ ожиданіи ихъ пріѣзда ворота всегда бываютъ заперты. На стукъ повечерниковъ и на лай встревоженныхъ на дворѣ собакъ выходятъ дружки, и тогда между ними и пріѣзжими начинаются переговоры въ родѣ слѣдующихъ:

„Кто тамъ въ ворота стучитъ?

— Пріѣзжіе! отъ Ивана Григорьевича пріѣхали; пустите ночевать.

„Да что вы за люди за такіе?

— А вы вышлите къ намъ Никифора Демьяновича, да Анну Кондратьевну—они насъ знаютъ.

На призывъ дружковъ выходятъ свекоръ съ свекровью: „Здраствуйте! что пожаловали?",—спрашиваютъ они пріѣзжихъ. „Пріѣхали, родимые, отвѣчаютъ тѣ, молодыхъ спровѣдать и привезли имъ дорогой товаръ". Дорогимъ товаромъ называется приданое молодой: сундукъ или коробья съ ея вещами, подушка, дерюга, то есть, большая простыня изъ самой грубой, чуть не верченной ткани; ею покрывается постилаемая на кровати для мягкости солома, и такимъ образомъ дерюга въ крестьянскомъ приданомъ представляетъ или замѣняетъ пуховикъ.

Когда отворятъ ворота и повечерники съ приданымъ въѣдутъ на дворъ, тогда дружко проситъ ихъ передать ему дорогой товаръ; но повечерники не соглашаются на это предложеніе, говоря такъ: „выведите къ намъ прежде молодыхъ, мы имъ самимъ и отдадимъ, а вамъ не вѣримъ!" Тогда всѣ тѣ, кто отводилъ молодыхъ въ клѣть, идутъ тѣмъ же порядкомъ ихъ „поднимать", то есть, одѣвать ихъ, и выводятъ къ повечерникамъ. Не медля нимало, дружко тутъ же приступаетъ къ покупкѣ постели; кладетъ на всѣ четыре угла привезеннаго сундука по грошу, а для подсеребренья на самую середину сундука гривенникъ или пятакъ серебра. Повечерники берутъ деньги, отдаютъ ихъ тутъ же молодой и, окончивъ такимъ образомъ продажу и куплю дорогаго товара, и молодые, и пріѣхавшіе, и всѣ, кто тутъ есть, входятъ въ избу, а въ избѣ столъ снова накрытъ чистою скатертью, и на немъ поставлены пряники, орѣхи,

яблоки, рожки или цареградскіе стручки и прочія лакомства, при чемъ не забыто и вино.

Пока въ избѣ гуляютъ да закусываютъ, бабы, заранѣе ожидавшія на улицѣ, когда поднимутъ молодыхъ, входятъ въ избу и, какъ во время дѣвичника, „обыгрываютъ пріѣхавшихъ повечерниковъ", то есть славятъ ихъ и получаютъ отъ нихъ за это деньги; а молодая между тѣмъ даритъ подарками мужниныхъ родныхъ: свекру и свекрови по ситцевой рубахѣ, дядямъ и снохамъ по бумажному платку, и за эти подарки свекоръ отъ всего родства отдариваетъ молодую тремя или пятью рублями серебромъ. Послѣ этого садятся обѣдать за „княжой обѣдъ"—обѣдъ полный и обильный, но его мало ѣдятъ потому, что не идетъ въ душу; болѣе пьютъ. Послѣ обѣда опять ставятъ на столъ прежнія лакомства и закуски, и пока хмѣль окончательно не сшибетъ съ ногъ родныхъ и гостей, всѣ пляшутъ, гуляютъ и пьютъ.

Молодые подъ шумокъ уходятъ спать, но повечерники продолжаютъ гульбу во всю ночь до разсвѣта. На другой день утромъ, послѣ завтрака, молодые, въ сопровожденіи дружковъ и свахъ, ѣдутъ въ „новые гости", то есть, къ отцу и матери молодой, гдѣ проводятъ весь день, поютъ, гуляютъ и остаются ночевать. Теща для новаго зятя непремѣнно печетъ блины. На третій день теща и тесть съ родными ѣдутъ къ зятю и также проводятъ у него цѣлый день, а съ четвертаго дня жизнь опять потечетъ для всѣхъ обычнымъ порядкомъ. Годъ цѣлый молодая живетъ совершенно спокойно, развѣ когда, и то по своей охотѣ, вымоетъ ложки да чашки, или подмететъ избу, но работать ее не приневоливаютъ.

Женихъ съ невѣстой никогда почти не сочетаются бракомъ по избранію сердца, но всегда по волѣ родителей, которые безъ ихъ вѣдома улаживаютъ все дѣло, ударяютъ по рукамъ, запиваютъ—и дѣло въ шляпѣ. Но женихъ изъ зажиточнаго дома, или красивый наружностію, сильный, стройный, высокій всегда пріобрѣтаетъ и жену красивую. Родители хорошаго жениха бываютъ разборчивы и ежели прослышатъ на сторонѣ о дѣвушкѣ, которая подъ пару ихъ сыну, то или сами ѣдутъ, или посылаютъ сваху „осмотрѣть невѣсту". При этомъ осмотрѣ не только оглядываютъ дѣ-

вушку съ ногъ до головы, но велятъ ей даже пройтись; смотрятъ—твердо ли держится она на ногахъ, и одна нога не короче ли другой. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, чистота и свѣжесть лица, а главное здоровье, цѣнятся высоко. Всякое семейство желаетъ имѣть бабу, способную нести хозяйственные труды въ домѣ и въ полѣ и здоровье которой служило бы ручательствомъ за здоровье будущаго поколѣнія.

На другой день послѣ брака, молодые въ сопровожденіи дружка и свахи ѣдутъ къ господамъ съ караваемъ и съ дарами. Караваемъ называется пирогъ или хлѣбъ, который, въ ожиданіи пріѣзда молодыхъ отъ вѣнца, лежалъ на столѣ. Настоящій каравай къ господамъ не носится, но обыкновенно замѣняется калачемъ, кренделями, пряниками, а у дворовыхъ людей конфектами. Дары состоятъ, по большей части, изъ простыхъ холщевыхъ полотенецъ, разукрашенныхъ кружевами и прошивками собственныхъ дѣвическихъ трудовъ новобрачной; а если въ господскомъ семействѣ есть дѣти, то для поднесенія имъ въ даръ заготовляютъ какіе нибудь самые дешевые платочки. У свахи въ рукахъ дары, а у дружка на подносѣ водка въ полуштофѣ, рюмка, кусочикъ калача или крендель; дружко наливаетъ водки и, подпося барину, привѣтствуетъ его слѣдующею рѣчью: „просятъ васъ князь съ княгиней сыромъ-караваемъ; сыръ-каравай примите, золотую гривну положите, а ежели въ честь, то хоть рубликовъ шесть. Наше дѣло на-новѣ, всего много надобно, намъ на „тенца“, на веретенца, да на тонкія платенца, на шелчки, на торочки, на банное строеніе: старуху купить—баню топить; козла купить—воду возить; старика купить—дрова рубить“ и проч. Баринъ, взявъ рюмку поздравляетъ молодыхъ, желаетъ имъ любви и согласія и, отвѣдавъ вина, говоритъ „горько“—это значитъ, что надо подсластить, и молодые цѣлуются три раза. Потомъ сваха подноситъ на тарелкѣ полотенцо, баринъ принимаетъ даръ, а на тарелку кладетъ деньги, которыя поступаютъ въ пользу молодой. Тѣмъ же порядкомъ подносятъ дары барынѣ, дѣтямъ, и всѣ они отдариваютъ деньгами. Послѣ этого, поблагодаривъ господъ, молодые уходятъ.

Описывая свадебные обряды, я ничего не сказалъ о сговорѣ. Сговоръ бываетъ прежде дѣвичника. Исключая

благословеніе образомъ и присутствіе на сговорѣ священника, отъ дѣвичника онъ почти ничѣмъ не отличается.

Разсказавъ о свадьбахъ, нельзя не разсказать и о крестинахъ. Когда молодица почувствуетъ приближеніе родовъ, то уходитъ тихонько въ катухъ или клѣть, стараясь, чтобъ объ ея мукахъ не зналъ никто, кромѣ самыхъ близкихъ своихъ семейныхъ бабъ и мужа. Замѣчаютъ, что ежели многіе будутъ знать о мукахъ, то муки будутъ продолжительнѣе. Одна изъ бабъ или мужъ немедленно отправляется за бабушкой. Бабушка эта всѣ знанія свои пріобрѣла, разумѣется, одною опытностію, или, лучше сказать, она ничего не знаетъ, но, по свойственной русскому народу смѣтливости и сноровкѣ, эти русскія бабушки нерѣдко бываютъ искусны. Бабушка по большей части случается женщина пожилая или старушка, всегда умная, честнаго поведенія, степенная и пользующаяся общимъ уваженіемъ. По окончаніи родовъ, родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ переводятъ въ избу и кладутъ въ заднемъ углу на кровать, всегда наглухо прилаженную къ стѣнѣ, и завѣшиваютъ пологомъ или чѣмъ попало. Какъ скоро въ деревнѣ узнаютъ, что такая-то родила, хотя бы и не перваго ребенка, всякая баба спѣшитъ снести родильницѣ „на зубокъ“ пирогъ, чашку кислой капусты, блюдцо соленыхъ огурцовъ, горшечикъ кашки, или чашечку крупицъ. Войдя въ избу, всякая приходящая молится святымъ иконамъ, потомъ, обратясь къ родильницѣ, поздравляетъ „съ животомъ да съ сыномъ“ или „съ животомъ да съ дочерью“. Потомъ гостья поздравляетъ отца съ сыномъ, бабушку со внучкомъ и такъ далѣе, всѣхъ родныхъ, кто случится въ избѣ, а приношеніе свое отдаетъ старшей въ домѣ хозяйкѣ. Поздравительницу просятъ „присѣсть“, подносятъ ей винца, подчуютъ пирогомъ, мясомъ, или чѣмъ Богъ послалъ; закуситъ она и, взявъ свою опорожненную посуду, помолясь и пожелавъ всякаго благополучія, уходитъ домой. На другой день бываютъ крестины, для которыхъ, какъ ни бейся, а все уже четверть-то вина припасти надобно. Кума выбираетъ отецъ, куму—мать. Новорожденнаго несетъ въ церковь бабушка-повитушка. У крестьянъ таинство крещенія почти всегда совершается въ церкви; но ежели воспріемниками приглашены господа, то священника призываютъ въ господскій домъ. Когда въ день

крестинъ, по случаю праздника, должна быть обѣдня, то св. крещеніе совершается до обѣдни для того, чтобы можно было въ тотъ же день пріобщить младенца; но если въ этотъ день нѣтъ обѣдни, то таинство св. крещенія откладывается не далѣе, какъ до перваго воскресенья. Изъ церкви домой младенца несетъ крестная мать и, когда войдетъ въ избу, то кладетъ младенца въ передній уголъ подъ св. иконы на разостланную шубу и, обратясь къ матери, отцу и ко всѣмъ роднымъ, промолвитъ: „поздравляю васъ окрещеніи младенца“! „Какъ видѣли его подъ крестомъ, такъ дай намъ Богъ видѣть его подъ вѣнцемъ!“ Послѣ этого, пока до обѣда, кумъ, кума и бабушка садятся за столъ закусить пирожка и еще что случится.

Къ обѣду приглашаютъ всѣхъ родныхъ, а также и батюшку-священника. По окончаніи обѣда, бабушка беретъ горшокъ каши, ставитъ его въ шапку, потомъ шапку на блюдо и, насыпавъ, порядочную щепотку соли въ ложку, задѣнетъ ею не много каши и, положивъ ложку на кашу, обращается къ отцу, который, разумѣется, за столомъ не сидитъ. Какого бы рода ни было угощеніе, но въ крестьянскомъ быту хозяинъ и хозяйка не садятся съ гостями. „Нука, отецъ, скажетъ бабушка, подитка сюда, отвѣдайка каши!“ Когда тотъ, хоть и поморщится, да съѣстъ, отецъ-крестный нальетъ вина, поднесетъ ему и скажетъ: „осеребри-ка“,— и тотъ, выпивъ, кладетъ деньги на блюдо. Класть соль въ ложку отцу есть обычная шутка: глотая соль, отецъ долженъ сознавать, какъ солоно достается женѣ родить. Послѣ этого бабушка обноситъ кашей всѣхъ присутствующихъ по старшинству: сначала батюшку-священника, родныхъ и семейныхъ, потомъ гостей, а крестный-отецъ подноситъ вина, всѣ кладутъ на блюдо деньги въ пользу бабушки. Послѣ всѣхъ бабушка подчуетъ кашей кума и куму; а кумъ и кума, поздравивъ другъ друга, угощаются взаимно виномъ, но также кладутъ деньги, какъ и другіе. Вышедъ изъза стола, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяевъ, приглашенные уходятъ, остаются только крестный-отецъ, крестная-мать и бабушка; ихъ снова сажаютъ за столъ и угощаютъ лакомствомъ: медомъ, орѣхами, пряниками, яблоками и проч. Полакомившись и получивъ на дорогу по пирогу, кумъ и кума, распростившись, уходятъ домой.

Во всю рабочую пору, когда лошади почти не выходятъ изъ упряжи въ продолженіе цѣлаго дня, естественно, что для кормленія ихъ остается только ночь. Сухаго корма въ это время нѣтъ, да если бы и былъ, то и тогда неблагоразумно было бы тратить его, когда есть кормъ подножный. Поэтому лошадей гонятъ на пастбища съ вечера, когда окончится дневная работа. Это называется гонять лошадей въ „ночную". Ночная стража лошадей обыкновенно поручается мальчикамъ отъ 10 до 15 лѣтъ; тамъ въ полѣ или около лѣса, они раскладываютъ огонь, грѣются около него, шалятъ, или, сидя смирно и чинно, болтаютъ. Но случается, и нерѣдко, что этихъ юныхъ сторожей начинаетъ одолѣвать дремота, и мало-по-малу они засыпаютъ; а лошади, пользуясь свободой, заходятъ въ овсы или въ другой хлѣбъ, начинаютъ въ нихъ валяться, и не столько поѣдаютъ, сколько мнутъ. Подобныя опустошенія называются „потравами". Когда хлѣбъ съ полей уже убранъ, тогда въ продолженіе всей осени и до самаго первозимья крестьяне имѣютъ несчастный обычай выпускать лошадей безъ всякой сторожки, и лошади бродятъ день и ночь, гдѣ и какъ вздумается. Помѣщики, при всемъ стараніи искоренить этотъ вредный обычай, мало имѣютъ успѣха. Прекративъ этотъ безпорядокъ въ своихъ имѣніяхъ, не могутъ, не ссорясь, отучить отъ него крестьянъ чужихъ, оброчныхъ или казенныхъ. Обычай этотъ названъ мною несчастнымъ потому, что лошади, выпущенныя на свободу и привлекаемыя пушистой зеленью, прямо бѣгутъ на озимыя поля. Хорошо еще, если бы они чинно пользовались роскошью сладкаго корма, щипая его осторожно, то такъ бы еще и быть, но онѣ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ, часто выдергиваютъ скусившіеся всходы съ корнемъ; а если земля увлажена обильными дождями, выворачиваютъ и затаптываютъ копытами [1]). Конечно, когда поздніе осенніе морозы претворятъ землю въ камень, тогда лошадей гулять по зеленямъ можно допустить безъ всякаго опасенія. Но за то прогулка эта обходится не безъ послѣдствій: отъ употребленія въ кормъ мерзлыхъ зеленей, какъ замѣчаютъ опытные люди,

[1]) Когда отъ продолжительнаго осенняго тепла рожь растетъ очень сильно, тогда не только не вредно, но даже полезно вытравливать зелень овцами.

кобылы „выкидываютъ“. Самое же страшное для крестьянъ бѣдствіе, происходящее отъ упорства ихъ—выпускать лошадей безъ всякаго надзора, заключается въ томъ, что конокрадамъ открывается свободное поприще къ похищенію. Ночи темны, длинны; подмѣтитъ воръ, что сторожки нѣтъ, а лошадь хороша, поймаетъ, взнуздаетъ—и былъ таковъ. Поутру хватится хозяинъ своей лошади, но она, если не за шестьдесятъ, то навѣрное гдѣ нибудь за сорокъ верстъ отъ своей деревни. Изъ Зарайскаго уѣзда передаютъ ворованныхъ лошадей въ Тульскую губернію, оттуда и далѣе. Несчастный крестьянинъ напрасно подаетъ объявленіе, напрасно хлопочетъ и тратитъ для отысканія лошади и деньги, и время. Промысломъ конокрадства очень часто занимаются цыгане, а потому сосѣдства ихъ таборовъ сельское населеніе не очень жалуетъ.

Лошадь въ земледѣльческомъ быту составляетъ главнѣйшее условіе благосостоянія. Пропадутъ лошади, и мужикъ, когда-то возбуждавшій своею зажиточностію зависть сосѣдей, въ одну ночь видитъ себя совершенно разореннымъ. Много ему послѣ этого нужно употребить трудовъ, много лѣтъ пройдетъ, прежде нежели онъ придетъ въ прежнее состояніе.

Но есть еще бѣдствіе ужаснѣе самаго конокрадства, и тѣмъ болѣе оно ужасно, что посѣщаетъ не одно какое нибудь семейство, а цѣлыя селенія и даже многія вдругъ. Это бѣдствіе—скотскій падежъ. До сихъ поръ еще неизвѣстно лѣкарствъ къ излѣченію заразы и только въ случаѣ, если открылся падежъ въ сосѣдственномъ селеніи, то принимаютъ нѣкоторыя карантинныя мѣры: прекращаютъ сближеніе стадъ въ сосѣдственныхъ поляхъ одно съ другимъ, привязываютъ собакъ, чтобы онѣ не отыскивали брошенной и не вырывали худо зарытой падали и не затаскивали въ деревню костей. Многіе не покупаютъ на базарѣ говядины, изъ опасенія, что корова можетъ быть (чему и бывали дѣйствительные примѣры) зарѣзана на говядину въ то время, когда въ ней уже гнѣздилось начало страшной болѣзни. Но если необходимость или случай заставляетъ купить говядины, то, при обмываніи ея, помои выливаютъ въ такое мѣсто, куда корова не могла бы проникнуть или обнюхать, напр., въ подполье сѣней или избы. Принимаются нѣкото-

рыя и другія мѣры: мажутъ лобъ и крестецъ скотины дегтемъ, даютъ пить по стакану конопляного масла и потомъ, поймавъ какой нибудь некрупной рыбы,—плотвы, карасей или другой, какой случится, окунаютъ каждую рыбку въ деготь и впускаютъ въ горло коровѣ такъ, чтобы она проглотила рыбку живьемъ.

Въ нашихъ мѣстахъ существуетъ одинъ очень древній и весьма замѣчательный обычай. Въ случаѣ падежа скота, или повальныхъ болѣзней между людьми, какъ то: холеры и проч. въ позднюю ночь, когда всѣ преданы сну, непорочныя вдовы и дѣвицы, заранѣе согласясь, собираются гдѣ нибудь въ концѣ деревни. Всѣ онѣ одѣты въ однѣ бѣлыя рубашки и ничѣмъ не подпоясаны; волосы расплетены и распущены по плечамъ, съ ними соха. Цѣль этого сборища: опахать деревню кругомъ и тѣмъ оградить ее отъ общаго бѣдствія. Когда всѣ соберутся, шествіе открывается слѣдующимъ порядкомъ: впереди одна изъ дѣвокъ несетъ небольшую икону съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчкой, за ней другая, впрягшись въ оглобли, тащитъ соху, но такъ какъ для этого нужно имѣть силу лошадиную, то многія другія, подхватя соху съ боковъ за оглобли, помогаютъ тащить ее, и если соха не прорѣзываетъ глубокой борозды, то все-таки хоть слегка царапаютъ ей землю. Возлѣ сохи, съ противоположной деревнѣ стороны, идетъ третья дѣвка или вдова, вооруженная кнутомъ и, непрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ „нечистаго“, противъ котораго и всѣ, участвующія въ этомъ ночномъ шествіи, вооружены, кто рогачемъ или ухватомъ, кто хворостиной, кто кочергою, кто кнутомъ. Всѣ онѣ въ полголоса или нараспѣвъ читаютъ молитвы, какая кому придетъ на умъ, а по большей части: „Господи помилуй!“ Это совершается въ глубокой тайнѣ, и потому когда проходятъ близъ жилья, то начинаютъ молиться шепотомъ, чтобъ не быть открытыми. Горе тому, кто вздумаетъ подглядывать, или, увидавъ случайно, тотчасъ не скроется: всѣ участницы тайнаго хода съ остервененіемъ бросаются на любопытнаго и, если онъ не возложитъ своего спасенія, по народному выраженію: „на утекъ“, или „давай Богъ ноги“, его изобьютъ не на животъ, а на смерть. При встрѣчѣ препятствія, преграждающаго путь: прясла, канавы и т. п., всѣ начинаютъ колотить по немъ

своимъ оружіемъ, и въ изступленіи начинаютъ кричать: „что это за урядъ, чтобъ кровью смерть не унять!“, потомъ преграду уничтожаютъ и идутъ далѣе. Священники, на другой только день узнавъ о подобномъ ночномъ ходѣ, убѣждаютъ оставить этотъ полуязыческій обычай, но предупредить его почти не возможно. Случаи, вызывающіе его, по милости Божіей, довольно рѣдки [1]), такъ что иногда въ десять лѣтъ не встрѣтится ни одного; къ тому жъ и затѣявшія обезпечить, посредствомъ опахиванія, деревню свою отъ страшнаго посѣщенія падежа или смерти, затѣю свою хранятъ въ глубокой тайнѣ. Кромѣ этого, православные не могутъ сознать грѣхомъ дѣйствія, при которомъ есть образъ, молитва и то непремѣнное условіе, чтобы лица, участвующія въ этомъ, по ихъ понятію, почти святомъ дѣлѣ, были цѣломудренны и непорочны.

Сельское населеніе, особенно бабы, до сихъ поръ вѣрятъ еще въ колдовство и боятся порчи. Истерическіе припадки, падучую болѣзнь, вредныя послѣдствія родовъ, все это почти всегда приписываютъ порчѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ для извлеченія, и въ случаѣ какого нибудь воровства или пропажи, чтобы узнать, отыщется ли воръ или потерянное, прибѣгаютъ къ знахарю. Тотъ, разумѣется, прежде всего получаетъ за это приличное награжденіе, и потомъ отдѣлывается неопредѣленными общими выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „это у тебя укралъ человѣкъ со злобы, и теперь самъ сумлевается“ [2]) или: „хочетъ подкинуть да боится“ и тому п. Иногда молодая баба прибѣгаетъ къ знахарю за совѣтомъ, нельзя ль пособить горю, что вотъ-де мужъ ее разлюбилъ и проч. Знахарь опять морочитъ глупую бабу хитросплетенными таинственными словами, нашептываніемъ на воду, умываньемъ и другими увертками, но за труды все-таки получаетъ, что слѣдуетъ. Кромѣ знахарей есть еще люди, которыхъ зовутъ „колдунами“. Имъ-то приписываютъ страшное искусство „портить“, то есть наводить болѣзни, о чемъ я упомянулъ выше. Это бываетъ обыкновенно какой нибудь „непьющій“, умный, но хитрый старикъ, или старуха сѣдая, костлявая, сгорбленная, но

[1]) Кромѣ скотскихъ падежей, которые въ Зарайскомъ уѣздѣ случаются довольно часто.

[2]) Сомнѣвается.

хитрая, молчаливая, а иногда бранчивая и сердитая. Такихъ людей по наружности уважаютъ, но въ тайнѣ боятся и ненавидятъ; всѣ бѣды, болѣзни, семейныя распри—все худое приписываютъ ихъ „порчѣ“. Трудно иногда отличить припадки истерическіе, или падучей болѣзни отъ болѣзни, усвоенной разстроеннымъ воображеніемъ и убѣжденіемъ больнаго или больной, что они испорчены и что въ нихъ поселился бѣсъ. Часто у бабъ бываетъ и притворство, вызванное желаніемъ ничего не дѣлать, потому что и просто больнымъ въ семействѣ не даютъ никакой работы; но къ испорченнымъ питаютъ даже родъ особеннаго уваженія. Нѣкоторыя женщины, одержимыя непонятными для нихъ припадками, въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что онѣ испорчены. Встревоженное и раздраженное воображеніе до того возбуждено, что простой болѣзненный припадокъ сопровождается у нихъ неистовствомъ: онѣ лаютъ по собачьи, кудактаютъ курицей и, главный, неоспоримый признакъ порчи, кричатъ у обѣдни во время Херувимской пѣсни. Эти несчастныя называются „крикушами“ или „кликушами“. Всю обѣдню онѣ стоятъ смирно, но едва начинается Херувимская пѣснь, онѣ начинаютъ охать, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и громче; мало-по-малу глаза ихъ закрываются, лица багровѣютъ, грудь сильно вздымается, вздохи смѣняются лаемъ, пронзительнымъ крикомъ, и потомъ безъ чувствъ падаютъ на полъ или на руки окружающихъ. Съ года на годъ крикушки становятся рѣже; лучъ просвѣщенія, какъ лучъ теплоты, проникаетъ въ самые уединенные уголки и захолустья и разсѣваетъ мракъ суевѣрій, но къ уничтоженію крикушества способствовали много помѣщики. Умѣя отличить болѣзнь отъ притворства, они строго преслѣдовали послѣднее, употребляли убѣжденія, объясняли истину и тѣмъ сильно поколебали вѣру въ возможность порчи. Теперь, если въ приходской церкви случается помѣщикъ у обѣдни, то крикуша еще до начала Херувимской убирается тихонько изъ церкви, боясь обличенія или насмѣшки. Но въ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не живутъ, и въ имѣніяхъ казенныхъ, крикуши и теперь еще не рѣдки, въ особенности проявляются въ отдаленныхъ монастыряхъ, куда изъ дальнихъ мѣстъ стекается народъ для богомолья. Часто ихъ можно встрѣтить въ монастырѣ Николы Радовецкаго, Егорьевскаго уѣз-

да, куда богомольцы стремятся на поклоненіе древнему чудотворному образу Святителя Николая. Изображеніе Святителя рѣзное и величиною въ настоящій средній ростъ. Въ старинные годы монастырь этотъ былъ посѣщаемъ богомольцами изъ отдаленныхъ губерній и былъ очень богатъ; но съ открытіемъ мощей святителя Митрофана Воронежскаго, посѣщеніе богомольцами уединеннаго монастыря Радовецкаго значительно уменьшилось. Впрочемъ и теперь еще приливъ народа бываетъ довольно значительный. Хотя изъ нашего уѣзда богомольные люди въ большомъ числѣ ходятъ на поклоненіе къ Сергію чудотворцу въ Троицкую Лавру, другіе и несравненно въ меньшемъ числѣ—въ Воронежъ и даже Кіевъ, но всего чаще, и помѣщики, и купцы, и крестьяне посѣщаютъ монастырь Николы Радовецкаго. Для ходьбы или ѣзды на богомолье преимущественно посвящается осень—пора окончанія полевыхъ работъ. Монастырь Радовецкій отъ города Зарайска верстахъ въ шестидесяти, и путь къ нему съ нагорной или земледѣльческой, то есть, большой половины уѣзда лежитъ чрезъ посадъ—„Перевицкій Торжокъ“, бывшій въ древности городомъ, признаки котораго сохранились и понынѣ въ земляныхъ валахъ на высокомъ, крутомъ и гористомъ берегу рѣки Оки. Городъ въ древности именовался Перевитескомъ. Видъ за Оку отъ Перевицка на луговую сторону Оки великолѣпенъ. На луговой сторонѣ хлѣбопашества нѣтъ: преобладаютъ сѣнокосы и боровые лѣса. Села: Бѣлоомутъ, Ловцы, Любичи и большое государево село Дѣдново замѣчательны своею населенностію, великолѣпными для селъ церквами, тысяче-пудовыми колоколами и самымъ образомъ жизни своихъ обитателей. Не имѣя хлѣбопашества, они занимаются одними сѣнокосами и сѣно на баркахъ отправляютъ въ Москву. Многіе занимаются торговлею, а большая часть цѣловальничествомъ по питейнымъ домамъ во всѣхъ краяхъ необъятной Россіи. Отъ обитателей земледѣльческой стороны они отличаются опрятностію въ домахъ, и сильно склонны къ образу жизни горожанъ. Женщины носятъ сарафаны и шубейки, но многія не задумаются надѣть и городское платье, особенно если мужъ уже носитъ сюртукъ. Мущины вообще одѣваются по мѣщански, то есть, носятъ хотя и русское платье, но съ нѣмецкою примѣсью, напр. при каф-

танѣ и бородѣ картузъ; при плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ русскіе сапоги,—пестрый жилетъ. Нѣкоторые носятъ и долгополые сюртуки, но по большей части сибирки. Какъ въ Перевицкѣ, такъ и въ этихъ селахъ бываютъ значительные базары; кромѣ сельскихъ хлѣбныхъ произведеній всѣхъ родовъ, какъ-то: пшена, крупъ, гороха, овса, ржи, на которыя бываетъ довольно большой сбытъ и для покупки которыхъ изъ городовъ пріѣзжаютъ нарочно скупщики, на базары привозятъ ленъ, пеньку и шерсть, разнаго рода каменную и деревянную посуду, зимою—во множествѣ полозья и сани, а лѣтомъ—колеса; привозятся и всякаго рода желѣзныя и чугунныя издѣлія, необходимыя въ сельскомъ быту. Нарочно выстроенныя для базарныхъ дней лавки наполняются бумажными, набивными, разнаго рода шерстяными, дешевыми, пушными и даже шелковыми товарами. Есть также лавки и лавочки съ товарами москательными, пряниками, игрушками, и привозятся и выставляются во множествѣ воза кренделей.

Дойдя до Перевицка, богомольцы молятся на высокія церкви села Бѣлоомута, лежащаго за Окою, верстахъ въ пяти отъ Перевицка. Переправясь черезъ рѣку на поромѣ, они идутъ лугами до Бѣлоомута. Въ селѣ Бѣлоомутѣ четыре церкви, изъ которыхъ двѣ кладбищенскія. Въ главныхъ двухъ церквахъ служба круглый годъ отправляется ежедневно, и нельзя не обратить вниманія на прекрасный обычай: всѣ обитатели свыше шестидесяти лѣтъ должны непремѣнно посѣщать ежедневно всѣ божественныя службы. Изъ Бѣлоомута до монастыря двадцать пять или двадцать семь верстъ, и дорога идетъ боромъ. Однообразіе этого перехода нарушается въ двухъ мѣстахъ двумя или тремя дворами, при которыхъ выстроены деревянныя часовни съ рѣзными копіями образа Николая чудотворца Радовецкаго и другими образами. Тутъ богомольцы отдыхаютъ, пьютъ изъ колодца воду, или квасу на грошъ, а у кого ѣсть деньги,—ѣдятъ продаваемое тутъ мясо, печенку, пироги, калачи, яблоки, огурцы, рѣпу и проч. При часозняхъ живутъ старички, которые посвятили свою жизнь на денежный сборъ въ пользу Бѣлоомутскихъ и Ловецкихъ церквей, и которые, при проѣздѣ и проходѣ каждаго, звонятъ въ колокольчикъ, напоминая тѣмъ о молитвѣ и пожертвованіи.

Пройдя или проѣхавъ далѣе, богомольцы достигаютъ чистенькой деревеньки Нудушей, выселка изъ Ловецъ, окруженной отвсюду лѣсомъ и болотами; здѣсь также отдыхаютъ многіе богомольцы, а тамъ, пройдя еще немного, начинается граница Егорьевскаго уѣзда. Русскій народъ вообще богомоленъ: сходить на богомолье - почитается дѣломъ святымъ; это есть желаніе потрудиться для Бога. Съ двумя или тремя грошами въ карманѣ, сберегаемыми на свѣчку и общій молебенъ, иная старушка или старикъ, едва передвигая ноги, плетутся иногда, Богъ вѣсть, изъ какой дали на поклоненіе святынѣ. Богомольцы рѣдко ходятъ въ одиночку, но всегда идутъ небольшими толпами. У каждаго за плечами котомка или узелокъ съ лепешками или сухарями, да съ небольшимъ запасомъ бѣлья; къ поясу подвѣшенъ кувшинчикъ для воды; вотъ и всѣ запасы дорожнаго продовольствія; въ рукахъ палка. Ночлегъ гдѣ нибудь, Христа ради, подъ навѣсомъ, или просто у селенія подъ открытымъ небомъ. Ноги, часто больныя и опухшія отъ ходьбы, одежда и обувь, часто промоченная дождемъ насквозь; но ни жалобы, ни ропота, ни нетерпѣнія не выражается на спокойныхъ лицахъ, одушевленныхъ силою вѣры. И ходятъ такимъ образомъ не десятки, не сотни, а тысячи верстъ, и, возвратясь домой, не только не хвалятся своимъ подвигомъ, но даже иной и не скажетъ объ этомъ никому, развѣ къ слову придется.

Боръ, о которомъ я говорилъ, есть главнѣйшій въ Зарайскомъ уѣздѣ. Помню, что во время моего младенчества онъ былъ очень густъ и величественъ, но теперь въ немъ уже вырублены многія сотни десятинъ и запроданы на срубъ тысячи.

Грустно видѣть обнаженныя мѣста тамъ, гдѣ былъ крупный лѣсъ, тѣмъ болѣе, что сосновые лѣса не возстановляются почти никогда, если ихъ вырубаютъ огромными пространствами вдругъ; а на возвышенной, песчаной почвѣ новый лѣсъ не выростаетъ и вовсе. Добро бы еще, если бы эти исполинскія сосны шли на стройку, а то ихъ пилятъ на дрова, пожигаемыя всѣхъ родовъ печами. Эти лѣса, въ которыхъ вся Рязанская губернія имѣла свой единственный строевой матеріалъ, и большая часть нашего уѣзда—топливо, исчезнутъ невозвратно, приводя въ движеніе колеса

паровыхъ машинъ и паровозовъ, которые, быть можетъ, доставятъ намъ дешевѣйшія мануфактурныя издѣлія и дешевѣйшую перевозку товаровъ, но не построятъ земледѣльцу избы, не натопятъ печи, не сварятъ щей [1]). Страшно и подумать, какія бѣдствія ожидаютъ наше отечество, если истребленіе и нерадѣніе къ возстановленію лѣсовъ еще продолжится. Замѣтно изсякаютъ родники и высыхаютъ ручьи, болота обращаются въ сухіе луга, и край нашъ, не знавшій прежде засухъ, сталъ нынѣ часто ими посѣщаемъ.

Осень становится ощутительна. Ночи со дня на день холоднѣе, трава по утрамъ покрывается бѣлою морозною пеленою. Перелетныя птицы, гуси, журавли, длинными вереницами давно уже летятъ отъ сѣвера къ югу: лѣса обнажены, и желтый крупный листъ толстымъ слоемъ покрываетъ почву. Этотъ слой листа—шуба для корней деревъ, защита отъ морозовъ для молодой подрасли и одѣяльце для падшаго древеснаго сѣмячка, которое подъ нимъ пуститъ весною ростокъ и возродится деревцомъ.

Агрономія учила осенью сгребать листъ изъ лѣсовъ и вывозить его для удобренія полей, для чего нужно, чтобы листъ предварительно въ кучахъ или ямахъ перегнилъ или созрѣлъ. Пробовали, но это оказалось у насъ не удобно, потому что огромное количество листьевъ въ перегнившемъ состояніи представляетъ очень мало матеріала, тогда какъ трудовъ для сгребанія надобно употребить много. Но для лѣсовъ это совершенный вредъ, потому что почва, обнаженная отъ листьевъ, стужаетъ и теряетъ удобство къ возращенію падающихъ древесныхъ сѣмянъ; къ тому жъ и сѣмена, не будучи покрыты листьями, вывѣтриваются, сгниваютъ, или вымерзаютъ. Мелкіе древесные всходы вытаптываются и повреждаются граблями при сгребаніи листьевъ, и въ позднее безснѣжное, но морозное время вымерзаютъ. Корни большихъ деревъ также страдаютъ отъ морозовъ, и весною почва безъ листа скоро высыхаетъ и лишаетъ лѣсъ необходимой влаги.

Въ то время, когда на всѣхъ гумнахъ обмолачивается пшеница, что бываетъ обыкновенно по уборкѣ всѣхъ хлѣ-

[1]) Да не подумаютъ, что я враждую противъ паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ.

бовъ, по деревнямъ начинаютъ появляться съ предложеніемъ услугъ „подсѣвальщики“ съ грохотами. Это своего рода промышленность, иногда довольно удачная, потому что собственнаго грохота ни у кого изъ крестьянъ не водится, и кому нужно подсѣять пшеницу, нанимаетъ подсѣвальщика. Грохотъ есть необходимая принадлежность каждаго помѣщичьяго хозяйства и употребляется не только для одной пшеницы, но имъ подсѣваютъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и гречу для продажи и для сѣва.

Грохотъ есть большое сито, имѣющее въ діаметрѣ отъ 5 до 6 четвертей, съ металлическимъ полотномъ или сѣткой на столько частой, что ни ржаное, ни пшеничное зернушко сквозь нея проскочить не можетъ, исключая зеренъ самыхъ тощихъ и сѣмянъ тарицы, куколь и другихъ сорныхъ травъ. Грохотъ сверху снабженъ тремя веревками, идущими отъ краевъ къ центру, гдѣ соединяются трехконечнымъ желѣзнымъ крючкомъ, называемымъ якорь. Якорь этотъ имѣетъ вверху ушко, и гдѣ нужно работать, то за это ушко подвѣшивается посредствомъ другаго крюка на перекинутой, ежели это въ ригѣ, чрезъ балку веревкѣ, а ежели въ амбарѣ, то на веревкѣ же, привязанной за ввернутое въ потолокъ кольцо. Но не одни сѣмена сорныхъ травъ составляютъ нечистоту и недостатокъ зерноваго хлѣба. Въ пшеницѣ случаются зерна цѣлаго колоса, пораженныя болѣзнію, извѣстною подъ названіемъ „головня“, отъ чего зерно внутри чернѣетъ, какъ уголь, и, будучи раздавлено, маретъ собою всю пшеницу. Кромѣ головни, есть зерна, при молотьбѣ, не освободившіяся отъ шелухи, въ которой они замерли еще будучи въ колосѣ; эти въ шелухѣ зерна называются „бѣлью“ и при обилiи своемъ отнимаютъ у пшеницы много цѣнности. Кромѣ головни и бѣли, въ ржаныхъ колосьяхъ, вмѣсто зерна и также вслѣдствіе болѣзни, появляются небольшіе черные стручечки, извѣстные подъ названіемъ „ржаныхъ рожковъ“ или „спорыньи“, попадаются и стручечки мышинаго горошка, остаются не вывѣянные колосья и проч. Всѣ эти вещи просѣваться не могутъ и потому ихъ скруживаютъ, давая грохоту такое движеніе, что зерна подсѣваемаго хлѣба, будучи одной величины и вида, скруживаясь въ грохотѣ, выкидываютъ на поверхность все то, что не принадлежитъ ихъ роду и что лег-

че ихъ. Подсѣвальщику остается только снимать ихъ рукою и сбрасывать въ кучу; но такъ какъ не возможно, чтобы при этомъ не попадались и чистыя зерна, то съемки, по окончаніи работы, убираютъ и сохраняютъ для корма домашней птицы. Чтобъ умѣть хорошо, то есть, чисто подсѣвать и скруживать безъ большого ущерба зеренъ, потребенъ нѣкоторый навыкъ и искусство, которое дается не всякому. Для подсѣвокъ незначительныхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ употребляются обыкновенныя ручныя рѣшета съ полотномъ изъ узенькихъ лычковъ, а подсѣваютъ обыкновенно бабы.

Когда осенніе морозы дѣлаются уже очень ощутительными, тогда капустные вилки свертываются круче, увеличиваются, твердѣютъ, и тутъ является во всѣхъ жилищахъ, отъ бѣлокаменныхъ палатъ до убогихъ хижинъ, забота заготовлять впрокъ капусту. Горожане, и неимѣющіе своихъ огородовъ, покупаютъ эту овощь на базарахъ, которые въ городахъ и торговыхъ селеніяхъ въ это время наполнены возами кочней. Но большая часть обитателей нашего края имѣютъ свои капустники; тѣ же, кто не имѣетъ, или у кого капуста родилась дурно, стараются купить въ сосѣднихъ капустникахъ. Продажа эта производится грядами; за гряду, на которой до сотни кочней, берутъ отъ 1 руб. до 2 руб. серебромъ, судя по качеству капусты и по степени урожая. Продажа капусты на грядахъ бываетъ очень выгодна, такъ что пространство земли въ 150 саженъ квадратныхъ въ огородѣ, нерѣдко можетъ принести довольно значительный доходъ, особливо при урожаѣ. Капуста для русскаго народа есть предметъ необходимый, столько же почти, какъ и хлѣбъ, и потому развѣ при самомъ обильнѣйшемъ, общемъ урожаѣ требованія не нее бываетъ мало.

Во время заготовленія впрокъ капусты, что бываетъ съ послѣднихъ чиселъ Сентября и въ продолженіе Октября, проѣзжая по улицѣ какой нибудь деревни, въ каждомъ дворѣ услышишь однообразный, но частый стукъ сѣчекъ о корыта, производимый бабами, рубящими капусту. Для рубки капусты есть въ каждомъ домѣ особое корыто, которое ни для чего иного и не употребляется. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ эти корыта бываютъ довольно длинны, такъ что на

каждое корыто становится отъ 10 до 14 бабъ. Корыта эти дѣлаютъ изъ толстыхъ досокъ, а лучшія корыта выдалбливаются изъ липоваго или дубоваго бревна. Количество рубленой, то есть, кислой капусты высчитываютъ числомъ ушатовъ. Если спросите хозяина или хозяйку, сколько они нарубили капусты, то получите въ отвѣтъ: десять, двадцать или сто ушатовъ. Ушатъ и ведро есть принятая мѣра для кислой капусты, какъ четверти и четверики для хлѣба. Кислая капуста дѣлится по качеству: на сѣрую, полубѣлую и бѣлую. Сѣрая рубится изъ однихъ верхнихъ зеленыхъ листьевъ; полубѣлая изъ всего кочня, а бѣлая изъ однихъ только сердечекъ, то есть, изъ однихъ бѣлыхъ, круто-свернутыхъ, внутреннихъ листьевъ. Ту или другую всякій заготовляетъ по состоянію. По большей части сѣрая капуста у простого народа идетъ на щи, а полубѣлая и бѣлая съѣдается въ постные дни съ квасомъ. Въ простомъ народѣ есть хозяйственное обыкновеніе въ кадушки съ кислой капустой накладывать огурцы послѣднихъ сборовъ, самые крупные и по большей части самые желтые; они тамъ квасятся и употребляются въ постные дни съ капустой, а въ скоромные съ солониной и квасомъ. Въ помѣщичьихъ домахъ запасъ капусты бываетъ довольно великъ. Цѣлые выходы [1]) застанавливаются чанами съ капустой разныхъ сортовъ. При уборкѣ въ капусту кладется соль, лукъ, а въ бѣлую капусту кладутъ тминъ, китнецъ, чернушку и проч. для запаха.

Деревенскіе ребята очень любятъ грызть кочерыжки, и бабы во время рубки капусты всегда надѣляютъ ими своихъ дѣтей, очистивъ предварительно кочерыжку сѣчькой въ видѣ деревяннаго гвоздя, употребляемаго на затычку бочекъ. Ребята во все продолженіе работы отъ матери не отходятъ, и въ тѣ дни, когда рубится капуста, едвали даже что нибудь ѣдятъ, кромѣ кочерыжекъ. Въ вечеру, по окончаніи рубки, негодные въ дѣло капустные листы относятся коровамъ,—великимъ также охотницамъ до кочерыжекъ, но давать коровамъ кочерыжки очень опасно. Бывали случаи, что коровы, съ жадностію бросаясь на кочерыжки, подавливались ими и умирали.

---

[1]) Или подвалы.

Рубка капусты въ господскихъ хозяйствахъ производится всегда почти на дворѣ, противъ дверей подвала, и, какъ всѣ бабьи работы, сопровождается шумомъ, говоромъ, споромъ, пѣснями. Бабы, собравшіяся вмѣстѣ на какую бы то ни было работу, не могутъ исполнять ее тихо, но всегда поднимаютъ самые шумные разговоры. Частые споры доходятъ иногда до попрековъ, но ссоръ продолжительныхъ никогда не бываетъ. Гдѣ работаютъ двадцать мужиковъ, то, подойдя близко къ нимъ, часто не услышишь ни одного слова; но гдѣ сошлись хотя три бабы, то можно подумать, что тутъ цѣлый базаръ. Говорятъ, что ручная работа идетъ у бабъ скорѣе, когда онѣ разгорячены споромъ. Я зналъ одного добрѣйшаго старичка, который, выходя во время жатвы въ поле, когда видѣлъ, что жнитво идетъ вяло, подзывалъ къ себѣ ту или другую изъ бабъ и что нибудь очень наивно сплетничалъ, говоря: „что вотъ, молъ, та-то говоритъ о тебѣ то-то, а та то-то“, и проч. Мало-по-малу всѣ бабы начинали горячиться, спорить, браниться,—и десятина сжиналась неимовѣрно скоро. Самыя горячія и самыя бранчивыя, вымѣщая серпомъ на стебляхъ ржи свое сердце, далеко уходили впередъ и за то ранѣе другихъ оставляли ниву и уходили домой.

Въ чанахъ съ рубленой кислой капустой заквашиваютъ капусту и цѣлыми кочнами. Но самые лучшіе твердые кочны оставляютъ впрокъ и свѣжими. Для этого ихъ подвѣшиваютъ въ подвалахъ къ потолку, и въ такомъ видѣ капуста очень долго можетъ быть сберегаема.

Въ нашихъ мѣстахъ самою лучшею капустою считается Коломенская по величинѣ и спорости кочней. Но въ помѣщичьихъ огородахъ разводятъ много и другихъ сортовъ: цвѣтную, сифой, бронколь, ревельскую и много другихъ, съ разными нѣмецкими названіями. Капуста, пока она на грядахъ, подвергается разнымъ бѣдствіямъ отъ засухъ и червей. Первому горю еще можно пособить поливкой, но съ червями, когда они усилятся, справиться очень трудно. Червь этотъ, какъ говорятъ, не любитъ запаха конопли, и потому капустныя гряды кое-гдѣ изрѣдка засѣваютъ конопляннымъ сѣменемъ. Это средство употребляется, впрочемъ, очень рѣдко. Но, по большей части, когда черви сильно одолѣваютъ, то въ капустникъ пускаютъ индѣекъ, которыя

преслѣдуютъ и клюютъ червей безъ всякаго милосердія. Иногда за неимѣніемъ индѣекъ, или когда уже черви очень усилились, посылаютъ маленькихъ ребятъ и дѣвочекъ обирать ихъ руками. Обирая, маленькіе работники сначала складываютъ червей въ кучки или въ какую нибудь посудинку, а потомъ зарываютъ ихъ въ землю.

Послѣдняя овощь, убираемая съ огородовъ, есть, кажется, рѣдька, которую простой народъ очень любитъ и особенно тертую съ квасомъ. Самые поздніе фрукты, снимаемые съ деревъ, тернъ и озимая слива, а изъ ягодъ—барбарисъ и рябина, и все это тогда только получаетъ настоящій вкусъ, когда убито морозомъ.

Въ садахъ въ это время начинается осеннее подсаживаніе и пересаживаніе деревъ и кустарниковъ и засаживаніе новыхъ мѣстъ подъ сады. У кого въ саду заведена своя школа грушевыхъ и яблонныхъ деревъ, тотъ въ этомъ случаѣ обезпеченъ; но у кого своей школы нѣтъ, или она мала, то деревья для посадки покупаютъ. Разведеніемъ и сажаніемъ школъ занимаются не только помѣщики и купцы, но и крестьяне. Есть школы или питомники, въ которыхъ насчитываютъ десятки тысячъ молодыхъ прививковъ. Крестьяне, занимающіеся питомниками, вывозятъ въ это время года деревца на базаръ. Деревца обыкновенно связаны пучками изъ одного рода или сорта, по десяти штукъ въ пучкѣ, и продаются довольно выгодно, хотя и недорого. За двухлѣтки берутъ коп. по 6 или по 7 сереб. за штуку, а самые лучшіе трехлѣтки копѣекъ по 15 и 20 серебромъ. Продаютъ и на мѣстѣ прямо изъ питомника, и покупать такимъ образомъ гораздо лучше, потому что можно выбирать любыя деревца, хотя, быть можетъ, придется заплатить и дороже. Въ это же время въ садахъ занимаются обвязкою молодыхъ древесныхъ штамповъ лыками или дранками вершковъ на десять отъ земли, для предохраненія отъ мышей, а повыше этой обвязки все деревцо, или, ежели оно уже довольно высоко, то до половины сучьевъ обертываютъ соломой отъ зайцевъ.

Послѣ уборки съ полей, изъ садовъ и огородовъ, начинаютъ заботиться о заготовленіи дровъ. У кого есть свои лѣса, тамъ назначаются участки для сруба дровъ на зиму. У кого своихъ лѣсовъ нѣтъ, тотъ ищетъ нанять на срубъ

десятинами, или берется произвесть расчистку изъ-подъ мелколѣсья подъ лугъ или подъ пашню, гдѣ нужно,—и получаетъ не только дрова, которыя онъ вырубилъ, но и денежное вознагражденіе за труды. Другіе идутъ въ лѣсныя дачи и платятъ деньги за право собирать въ нихъ сухлецъ и валежникъ. Съ года на годъ дрова дорожаютъ и доставать ихъ становится труднѣе. Паровыя машины на фабрикахъ и заводахъ сильно истребляютъ лѣса и, Богъ вѣсть, что будетъ въ послѣдствіи съ нашимъ холоднымъ, безлѣснымъ краемъ!.. Дрова обыкновенно приготовляются съ осени и складываются „саженями“ и кучами тамъ, гдѣ ихъ рубили, а по первозимью ихъ уже перевозятъ на саняхъ, куда слѣдуетъ.

Съ морозами начинается бой скота на бойнахъ, а въ домашнихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ—заготовленіе солонины для своего стола и для прокормленія дворовыхъ людей. Прежде всего дѣлается разсчетъ, сколько, по количеству уродившихся кормовъ, то есть, соломы ржаной, овсяной и гречневой, можно оставить скота въ зиму. Ежели запасы эти по соображенію и разсчетамъ оказываются недостаточными, то старыхъ коровъ, старыхъ быковъ, валуновъ (послѣднихъ можно всегда и живьемъ продавать съ выгодою), старыхъ овецъ и барановъ, исключая оставляемыхъ на племя, бьютъ и обращаютъ въ солонину. Вырѣзываемое, лишнее и не идущее въ солонину сало продается, или мѣняется въ городѣ на свѣчи. Овчины отдаются въ выдѣлку бѣлыми и дубленными и идутъ на полушубки, тулупы и шубы дворовымъ мужчинамъ и женщинамъ, состоящимъ на господской одеждѣ. Шкуры рогатаго скота, гдѣ избытокъ, продаются, а то—такъ отдаются на выдѣлку чернаго товара, выростковъ, бѣлыхъ и черныхъ опойковъ и сыромятныхъ кожъ, необходимыхъ безпрестанно въ домашнемъ хозяйствѣ для обуви, для починокъ хомутовъ и проч. Въ это время, то есть, въ послѣднихъ числахъ Сентября и до зимы, по деревнямъ ходятъ шерстобиты съ своимъ одноструннымъ шерстобитнымъ инструментомъ. Ихъ нанимаютъ для „избитія“, то есть, для приведенія шерсти въ такое состояніе, чтобъ можно было прясть. Платятъ съ фунта отъ 1 до 1½ коп. серебромъ. Шерстобиты, по большей части, бываютъ и валяльщики полостей, потниковъ, валенокъ и валеныхъ са-

поговъ. Ихъ тутъ же кстати нанимаютъ и для этого дѣла. Валенки и сапоги, сваленные дома, бываютъ прочнѣе торговыхъ, потому что валяются изъ однихъ поярковъ, а для красы не проклеиваются клеемъ, какъ покупные.

Съ наступленіемъ морозовъ женскій полъ въ деревняхъ исключительно занятъ пряденіемъ шерсти и вязаніемъ шерстяныхъ чулокъ и варешекъ для семейства. Крестьянскія бабы очень искусно вяжутъ чулки и варешки одной спицей или иглой. Послѣ этого начинаютъ ткать сукна бѣлыя, сѣрыя и черныя. Тѣ и другія отдаютъ валять въ сукновальни, при водяныхъ мельницахъ. Сукна вообще очень грубы и толсты, а шириною бываютъ отъ 8 до 10 вершковъ. Купить такое сукно можно, платя за аршинъ отъ 12 до 15 и 20 коп. серебромъ. Бѣлое сукно исключительно употребляется для онучь, то есть, обертки ногъ, вмѣсто чулка для тѣхъ, кто носитъ лапти, то есть, башмаки, сплетенные изъ липовыхъ лыкъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ, увеличеніемъ цѣнности лыкъ на базарахъ и развитіемъ кожевенной промышленности—лапти съ года на годъ исчезаютъ примѣтно.

При имени лаптей у всякаго, смотрящаго на русскую жизнь въ велемудрые европейскіе очки, кривится лице улыбкой. Но ежели бъ на лапти можно было имѣть всегда неисчерпаемый источникъ—запасъ лыкъ, и лѣса липовые не переводились, то нельзя было бы отвергнуть и пользы лаптей. Нѣтъ обуви для ходьбы покойнѣе, а въ былое время и дешевле лаптей, и удобнѣе, особенно въ пахоту, а также и при провожаніи дальнихъ обозовъ зимою по снѣгамъ, или по дорогамъ въ осеннія колоти. Я думаю, что не всѣ знаютъ, а потому не мѣшаетъ разсказать, какъ носятся лапти. Сперва ноги отъ пальцевъ до колѣнъ завертываются онучами, длиною отъ $1^1/_2$ аршина до 3, а шириною вершковъ 12 и шире. Лѣтнія онучи рѣжутся изъ той же ткани, которая употребляется для веретьевъ, а зимою изъ бѣлаго сукна. Въ лапти внутрь настилается мягко солома и когда лапти надѣнутся, тогда двумя длинными бичевами, прикрѣпленными къ краямъ лаптей, обвязывается нога по онучамъ крестообразно нѣсколько разъ до самаго колѣна.

При трудныхъ работахъ земледѣльца на долго ли станетъ сапогъ? А для крестьянина, чтобы пріобрѣсть сапоги,

много надобно потратить труда и пота. За сапоги надобно заплатить по меньшей цѣнѣ отъ 2 до 3 руб. серебромъ, а лапти—дѣло домашнее. Для прочности въ подошву лаптей вплетается пеньковая веревка. Впрочемъ на лапти надобно смотрѣть не иначе, какъ на обувь рабочую. Въ дни праздничные, или при выѣздахъ на базаръ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, лапти носитъ развѣ только нищета.

№ 20 Рисунокъ обутой ноги.

Перваго Ноября—день Козьмы и Даміана, хотя и не праздничный, но очень чтимъ народомъ, особенно женщинами. Крестьянскія дѣвушки день этотъ считаютъ исключительно своимъ празднествомъ, какъ бабы—воскресенье въ недѣлю женъ Мироносицъ. По случаю этого праздника дѣвушки такъ же, какъ и бабы, ходятъ другъ къ другу въ гости, дѣлаютъ складчину и, собравшись гдѣ нибудь въ одной избѣ, на собранныя деньги угощаются сами и угощаютъ приходящихъ къ нимъ въ гости молодыхъ бабъ и другихъ гостей. Въ каждомъ дворѣ въ этотъ день непремѣнно убиваютъ на обѣдъ пѣтуха и курицу. Поводъ къ этому обычаю заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Еще весною, когда куры давно уже несутся, и приходитъ пора сажать насѣдокъ для вывода цыплятъ, хозяйка-баба идетъ по всѣмъ дворамъ своей деревни; войдя въ избу и помолясь, обращается къ хозяйкѣ съ просьбою: „Надежда Васильевна, пожалуйте мнѣ курочку да кочетка!“ и Надежда Васильевна даетъ ей парочку свѣженькихъ яичекъ, которыя

та, принявъ и поблагодаря, кладетъ за пазуху и идетъ далѣе въ другую избу Набравъ такимъ образомъ яицъ штукъ двадцать пять, съ полной пазухой возвращается домой. Яйца непремѣнно должно собирать въ пазуху. Вечеромъ, послѣ захожденія солнца, когда уже время сажать насѣдку, баба начинаетъ приниматься за дѣло такимъ порядкомъ: прежде всего возметъ собранныя яйца, положитъ ихъ въ шапку, помолится Богу, потомъ, сѣвъ на лавку и держа шапку предъ собою, скажетъ: „Матушка, Кузьма-Демьянъ, зароди цыплятокъ къ осени; курочку да пѣтушка тебѣ зарѣжемъ!“ Послѣ этого обѣта она кладетъ яйца въ гнѣздо, устроенное въ кошолкѣ, и сажаетъ курицу. Надобно замѣтить, что не по одному этому случаю призываются въ молитвахъ святые Козьма и Даміанъ. Чуть ли не всякая баба, въ какое бы то ни было время, чтобы ни зачинала, за какую бы работу не садилась, всегда перекрестится и промолвитъ: „Кузьма-Демьянъ матушка, помоги мнѣ работать!“

Въ это же время крестьянскимъ бабамъ раздаютъ оброки, то есть, также ленъ для пряжи, но съ тѣмъ, что она должна его отпрясть, и выткать простой рубашечной холстъ и принести его совсѣмъ выбѣленнымъ къ Петрову дню. Холсты эти бываютъ не шире 12 вершковъ, а длиною отъ 20 до 25 аршинъ, гдѣ какъ заведено. Для тонкихъ талекъ и для оброковъ, ежели домашняго льна нѣтъ или мало, то покупаютъ на базарахъ. Средняя цѣна льну за пудъ отъ $1^1/_2$ до 3 руб. сер., судя по качеству и урожаю льна. Изъ назначеннаго для раздачи льна сначала даютъ пробу благонадежнымъ хорошимъ пряхамъ по полуфунту или по фунту льна для узнанія: сколько изъ фунта самаго лучшаго льна выдетъ тонкихъ талекъ и сколько изъ льна низшаго сорта выдетъ талекъ толстой пряжи для холстовъ. Первыхъ среднимъ числомъ выпрядаютъ отъ 4 до 8 и болѣе талекъ, послѣднихъ отъ 1-й до $1^1/_2$ тальки, иногда болѣе, иногда менѣе, что также зависитъ отъ достоинства льна, и по этой пробѣ приступаютъ къ раздачѣ льна. На два аршина холста полагается одна талька. Весною, когда земля покроется зеленью, нитки, ткацкіе полотна и холсты бѣлятъ. Бѣленье это производится слѣдующимъ способомъ.

Назначенные къ бѣленью холсты сначала смачиваютъ

въ довольно густомъ щелокѣ [1]), потомъ кладутъ ихъ въ чугунъ или корчагу и ставятъ въ истопленную печь до слѣдующаго дня, то есть, до тѣхъ поръ, пока въ чугунѣ излишняя влага, вытекши изъ холста, испарится, или, говоря по бабьему, когда холстъ упрѣетъ; тогда холсты вынимаютъ, выполаскиваютъ чисто въ рѣкѣ или прудѣ и разстилаютъ на травѣ, гдѣ они бѣлятся отъ вліянія свѣта и росъ. Чрезъ недѣлю опять повторяютъ съ ними ту же продѣлку, какъ и вначалѣ, и опять стелютъ на недѣлю, и такимъ образомъ продолжаютъ бѣленье дней до тридцати. По истеченіи этого срока ихъ каждый день полощутъ въ рѣкѣ или прудѣ, каждый день колотятъ вальками, разстилаютъ по прежнему на травѣ, и это продолжаютъ повторять до тѣхъ поръ, пока холстъ совсѣмъ отбѣлится. Послѣ этого холсты уже окончательно бучатъ. Для этого бѣлившіеся холсты кладутъ въ кадушку, застилаютъ ихъ тряпицами, насыпаютъ на нихъ вершка на четыре сухой золы, на золу накладываютъ раскаленныхъ въ огнѣ кирпичей, и на все это льютъ кипятокъ, пока кадушка не наполнится наравнѣ съ краями. Въ буту холсты остаются до слѣдующаго дня, а на другой день ихъ вынутъ, выполощутъ начисто въ рѣкѣ, высушатъ, складываютъ по поламъ во всю длину и скатываютъ въ трубки, какъ обыкновенно вездѣ скатываются холсты. Нитки бѣлятся точно также, но ихъ не стелютъ, а расшивъ въ мѣшечки и продѣвъ въ нихъ палки, распяливаютъ между кольями на жердяхъ.

Но есть и другой способъ бѣленья холстовъ. Вмѣсто того, чтобы, по вынутіи изъ щелока, холсты класть въ чугунъ или горшокъ, ихъ кладутъ на разостланный въ печи навозъ; на другой день по обыкновенію вынимаютъ, полощутъ и стелутъ. Этотъ способъ бѣленья бабы предпочитаютъ первому, утверждая, что холстъ бываетъ тверже, чище и скорѣе бѣлится.

Съ хорошими ткацкими полотнами поступаютъ нѣсколько иначе. Прежде всего полотна выколачиваютъ въ рѣкѣ и разстелютъ дня на два на травѣ; на третій день полотна положатъ въ щелокъ, въ котелъ и кипятятъ въ немъ часовъ пять и болѣе. Вынувъ изъ котла, вымываютъ чисто

---

[1]) Щелокъ приготовляется изъ золы съ кипяткомъ.

въ рѣкѣ, колотятъ вальками и полощутъ до тѣхъ поръ, пока совершенно очистятся отъ золы; послѣ этого недѣли на двѣ разстилаютъ на травѣ, но каждый день по утрамъ полощутъ и колотятъ вальками. Чрезъ двѣ недѣли бучатъ въ кадкѣ, какъ я уже выше говорилъ, и опять бучатъ, и каждый день полощутъ, и колотятъ, что продолжается недѣль отъ шести до осьми. Послѣ этого колоченья кладутъ въ кадки, заливаютъ квассами, приготовленными изъ сыворотки съ мукою, а сверху закладываютъ плотнымъ слоемъ хрѣноваго листа. Залитыя въ квассахъ полотна остаются дни три, потомъ ихъ чисто вымываютъ въ рѣкѣ, сушатъ, снова бучатъ, но предварительно хорошо намыливъ, опять моютъ начисто въ рѣкѣ, катаютъ на каткѣ и такъ-же, какъ холсты, складываютъ и скатываютъ въ трубки.

Съ Ноябремъ наступаетъ время самое грустное. Дни короткіе; ночи темныя; вѣтеръ свищетъ по опустѣлымъ полямъ и въ обнаженномъ лѣсу; небо подернуто сѣрыми тучами; безпрестанные дожди, часто пополамъ съ снѣгомъ, и вездѣ непросыхаемая грязь. И люди, и природа ждутъ не дождутся зимы... Давно уже топятся печи въ господскихъ домахъ; давно уже мужичекъ отогрѣвается и обсушивается на печкѣ; давно уже ощутителенъ недостатокъ въ дровахъ, а ѣхать за дровами не на чѣмъ. На телѣгѣ подъ часъ не проѣдешь по грязнымъ дорогамъ, да и много ли привезешь? а на саняхъ.... еще нѣтъ снѣга, да и рѣка еще не стала, а лѣса наши всѣ за Окой. Много съ осени намолочено и ржицы, нужно бы продать,—денегъ намалѣ.... да все таже причина держитъ! Всѣ ждутъ, какъ благодати, саннаго пути.

IV.

ЗИМА.

Проснувшись на утреннемъ разсвѣтѣ и протерши глаза, земледѣлецъ смотритъ въ окно.... и радостію сіяетъ лице его. Снѣгъ валитъ хлопьями; и крыши сараевъ и избъ, и дворъ, и улица—все покрыто снѣгомъ, ослѣпительной бѣлизны. Куда дѣвалась осенняя грязь, чернота, мрачность? Все надѣло чистую, бѣлоснѣжную сорочку, словно новоокрещенный младенецъ.

И легко вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ мужикъ, вышедъ изъ душной теплой избы, и мысль его прежде всего обращается къ санямъ. Зима!... Телѣга уже не нужна, удѣлъ ея,—до весны стоять подъ навѣсомъ; а сани—вотъ, вотъ понадобятся, надо оглобли ввернуть, да и вязочки не совсѣмъ исправны. Почешетъ въ затылкѣ мужичокъ, надѣнетъ на себя старенькій дырявый полушубокъ, да и за топоръ,—и ну чинить, да прилаживать... гдѣ гвоздемъ, гдѣ веревочкой, аль лычкомъ... а глядишь, къ завтраку сани-то и готовы.

Но санной путь не устанавливается скоро. Первый снѣгъ, который всегда почти выпадаетъ на мерзлую землю, не бываетъ проченъ; скоро настаютъ оттепели, всегда почти бывающія въ нашемъ краю около праздника Ввведенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и первый снѣгъ пропадаетъ, оставивъ по себѣ страшную слякоть и огромныя лужи воды. Оттепели эти оканчиваются вторичнымъ снѣгомъ, а послѣдующія затѣмъ морозы устанавливаютъ уже прочный санной путь. Бываютъ случаи, что оттепель смѣняется не снѣгомъ, а морозами, и это для озимей бываетъ очень вредно:

вода, скопившаяся лужами во всѣхъ малѣйшихъ углубленіяхъ поля, застываетъ въ тонкій ледъ, и подъ этой ледяною корою всходы выпрѣваютъ. Когда же весна покроетъ все поле пушистой зеленью, выпрѣвшія мѣста представляются глазамъ въ видѣ черныхъ безобразныхъ пятенъ, а все поле подобно великолѣпному изумруднаго цвѣта ковру, съ прорванными въ немъ во множествѣ дырами.

Народъ замѣчаетъ, что когда рано съ осени начнутъ линять куры, то и зима бываетъ ранняя. Ежели грязь и мокрота до того велики, что *„лошадиное копыто заливаетъ водою“*, тогда выпавшій снѣгъ упрочиваетъ санный путь. Пока листъ съ вишневыхъ деревъ не спалъ, какъ бы много снѣгу не выпало, оттепели его сгонятъ. Ока подо льдомъ находится 20 недѣль; по дню ея замерзанія приблизительно опредѣляютъ, ранняя ли или поздняя будетъ весна.

Зима въ быту крестьянъ-земледѣльцевъ проходитъ, по крайней мѣрѣ, для многихъ по большей части внѣ дома. На барщинахъ едвали не у всѣхъ помѣщиковъ, развѣ за немногимъ исключеніемъ, съ Рождественскаго заговѣнья или, по простонародному, съ Филипповокъ, и вплоть до весны работаютъ по одному, или, какъ иначе называется, братъ на брата. Это значитъ то, что ежели семья состоитъ изъ двухъ тяголъ, то на барщину ежеднев но ходитъ одинъ работникъ; ежели изъ трехъ тяголъ, то одинъ работникъ ходитъ ежедневно, а другой черезъ день. По-крестьянски называется это выслать на барщину отъ трехъ тяголъ полтора работника. Ежели жъ на семьѣ лежитъ только одно тягло, то этотъ одинъ ходитъ на барщину черезъ день, подобная льгота даетъ возможность половинѣ работниковъ отлучаться изъ домовъ вплоть до праздника Благовѣщенія. Имъ даютъ паспорты, билеты, пропуски, на гербовой и простой бумагѣ за подписомъ помѣщика и съ приложеніемъ гербовой печати, а если помѣщикъ въ имѣніи не живетъ, то отъ конторъ; и идутъ мужички на заработки, иной въ Питеръ, другой на Гжельскіе фарфоровые заводы, или на другія фабрики Москвы и Московской губерніи. Есть и такіе, которые далеко не ходятъ, а ищутъ себѣ работъ гдѣнибудь въ окрестностяхъ—въ своемъ уѣздѣ, или идутъ на фабрики плисовыя, миткалевыя, нанковыя, или гдѣ ткутся полосушки, тики и другія нехитрыя издѣлія ткачевнаго ис-

кусства, берутъ тамъ неразмотанную бумажную пряжу, размотываютъ и ткутъ у себя дома, по заказу фабриканта. Когда заказы сотканы, онъ везетъ ихъ на фабрику, сдаетъ и получаетъ заработанную плату. Но занимающіеся этимъ промысломъ, какъ слышно, не зарабатываютъ себѣ лишней копѣйки, а напротивъ отъ постояннаго и продолжительнаго сидѣнья за станомъ, въ тѣсной и душной избѣ, теряютъ здоровье. Такихъ промышленниковъ всегда можно узнать по блѣдножелтоватому лицу и впалымъ щекамъ.

Зажиточные крестьяне, у кого наличныхъ есть рублей 50 или 100 серебромъ, отправляются на 2-хъ или 3-хъ подводахъ въ извозъ. Ѣдутъ въ Астрахань, или на Донъ за рыбой, въ Тамбовскую губернію за пшеномъ и солониной. Не имѣющіе своихъ денегъ нанимаются къ другимъ, для перевозки подобныхъ товаровъ. Отъ всего этого получается барышъ, хотя небольшой, но мужичекъ доволенъ и тѣмъ, что дома лошади не ѣли корма, овесъ его цѣлъ, да и самъ прокормился.

Для заработки на сторону изъ домовъ идутъ самые лучшіе, самые здоровые члены семейства, но рѣдко холостые. Неженатаго какъ-то не отпускаютъ далеко отъ двора, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко: все какъ будто еще „*молоденекъ*“.

Когда же парень достигаетъ узаконенныхъ лѣтъ, то его, какъ можно скорѣе, стараются женить. Но такъ какъ дома человѣку рабочему безъ дѣла болтаться нечего, то случалось нерѣдко, что молодаго на другой, или на третій день послѣ вѣнца отправляли по паспорту въ Питеръ, гдѣ онъ, работая два или три года, и ни разу не приходя домой для побывокъ, все это время своей жены и въ глаза не видалъ. Грустное положеніе молодой бабы! За то для свекрови это сущее благополучіе! Полелѣявъ и попокоивъ свою невѣстку первый годочикъ, на второй годъ старуха взваливаетъ на нее большую часть трудовъ и заботъ домашняго хозяйства; свекровь радуется отъ души, что Господь ей помогъ сынка женить и что она имѣетъ возможность чаще прежняго ничего не дѣлать и, сколько душѣ угодно, лежать на горячей печи.

Дома остаются старики, да подростки, да одиночки, т.-е. такіе, что ни самому отъ дома отлучиться нельзя, и

отпустить некого. Многія семейства, распуская членовъ своей семьи, въ надеждѣ на ихъ трудолюбіе и на способность пріобрѣтать деньги въ чужедальной сторонѣ, вмѣсто нихъ нанимаютъ работниковъ подешевле, такихъ, которые на сторону не отлучаются и съ которыхъ ничего болѣе и спросить нельзя, какъ только ходили бы молотить на барщину, провожали бы обозы, ѣздили бы за дровами и тому подобное.

Домашняя работа, какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ господскомъ хозяйствѣ, осенью и зимою, заключается—въ молотьбѣ и въ доставленіи хлѣба на рынки для продажи, въ вывозѣ изъ отдаленныхъ рощей дровъ и строевого лѣса и въ перевозкѣ сѣна изъ дальнихъ поемныхъ луговъ, гдѣ оно послѣ сѣнокоса оставалось въ стогахъ, огороженное жердями отъ гулявшаго осенью скота. Если луга, съ которыхъ собрано сѣно, не свои, а были только наняты для снятія съ нихъ покоса, то сметанные на тѣхъ лугахъ стога должны быть сберегаемы отъ потравы и огорожены жердями на счетъ того общества или деревни, въ чьемъ владѣніи луга тѣ состоятъ, или у кого они наняты. Между тѣмъ, послѣ сѣва и окончательной уборки съ полей, въ гумнахъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ тщательно занимаются молотьбою. Первая обмолачивается пшеница и другіе красные хлѣба, чтобъ они не занимали мѣста въ ригахъ; потомъ постоянно молотится рожь и нѣсколько овса, и окончательно молотьбу овса стараются начать съ половины зимы, чтобы свѣжая овсяная солома была по возможности сбережена къ концу зимы, къ тому времени, когда скотъ особенно требуетъ хорошаго корма. Конечно, можно бы было яровую солому сохранить и въ обметахъ, но долго лежавшая въ обметѣ солома, какъ говорятъ, не можетъ уже быть такъ свѣжа, какъ солома изъ только-что выбитаго скирда. Другая же причина—чисто практическая, утвержденная поговоркою: *„что не молочено, то и цьло“*. Молотьба у помѣщиковъ производится разнообразно. У иныхъ молотятъ только мужики, у другихъ мужики и бабы. Въ самый долгій и рабочій день ржи сухой и самой крупной вязи можно обмолотить по полной копнѣ на человѣка; обыкновенно же на каждаго человѣка въ сложности обмолачивается крестца по три; въ короткій зимній день болѣе полукопны на чело-

вѣка обмолотить почти невозможно. Умолотъ ржи зависитъ отъ чистоты и сухости ржи и налива зерна. Травнистая, кошеная и отволглая рожь даетъ менѣе умолота изъ копны, нежели рожь чистая и сухая. Умолотъ ржи считается у насъ обильнымъ, ежели получается изъ копны мѣръ одиннадцать или двѣнадцать; средній—мѣръ восемь, или девять; малый—все, что менѣе шести мѣръ изъ копны. Пшеница, при лучшемъ наливѣ, даетъ рѣдко болѣе четверти, но урожай пшеницы и тогда уже считается удовлетворительнымъ, когда даетъ изъ копны умолоту мѣръ шесть или семь.

Обильный умолотъ овса даетъ иногда отъ двухъ до двухъ съ половиною четвертей; такой умолотъ бываетъ впрочемъ рѣдокъ. Обыкновенный же умолотъ овса изъ копны—отъ полуторы до двухъ четвертей. У хорошихъ хозяевъ помѣщиковъ рожь обмолачивается ручною молотьбою до рождественскаго заговѣнья почти вся; молотьбой же овса, какъ я выше сказалъ, и не торопятся очень.

Въ нашихъ мѣстахъ весь хлѣбъ обмолачивается сыромолотомъ, т. е. прямо изъ скирдовъ, да и овиновъ для сноповой сушки ни у кого почти нѣтъ. Причина этому та, что въ нашихъ мѣстахъ ржаной соломой дорожатъ, какъ необходимымъ для скота кормомъ. Пересушенную же и прокуренную дымомъ солому скотина ѣсть не станетъ, и потому овины у насъ, если и существуютъ, то только какъ сушильни для зерноваго хлѣба. Въ продажу же по большей части у насъ идетъ рожь сыромолотная: въ Коломнѣ ее покупаютъ въ огромномъ количествѣ для солодовенъ [1]). Для сбора мякины строятся иногда въ гумнахъ особенныя помѣщенія подъ названіемъ „*мякинницъ*“. Ихъ строятъ и рубленныя изъ бревенъ, заплетаютъ и изъ хвороста, какъ случится, или какія у кого есть на то средства: лишь бы мякина была подъ крышей да замкомъ. Крестьяне сохраняютъ мякину просто въ ригахъ. Мякина идетъ въ употребленіе коровамъ, и можно смѣло сказать, что въ содержаніи рогатаго и всякаго домашняго скота составляетъ, ежели не необходимость, то величайшее подспорье. Для сообщенія мякинѣ

---

[1]) Городъ Коломна, Московской губерніи, есть главнѣйшій рынокъ вашего края для сбыта всякаго рода хлѣбовъ.

большей питательности и вкуса, ее немного посыпаютъ мукою, обдаютъ кипяткомъ и мѣсятъ.

Въ хозяйствахъ, агрономически усовершенствованныхъ по заграничнымъ образцамъ, содержаніе скота и самое устройство скотныхъ дворовъ чрезвычайно разнообразно. Вознаграждаются ли издержки, употребляемыя при подобныхъ усовершенствованіяхъ,—это не наше дѣло. Наше дѣло разсказать, какъ устраиваются скотные дворы, какое скотина получаетъ содержаніе и какой употребляютъ за ней уходъ въ нашемъ простомъ русскомъ хозяйствѣ. Первоначальнымъ образцомъ господскаго скотнаго двора есть крестьянскій дворъ. На углу изба для пастуха и скотницъ; кругомъ двора сараи, навѣсы, катухи, а внѣ двора погребъ, набитый льдомъ. Съ умноженіемъ рогатаго скота, какъ неизбѣжнаго условія удобренія, скотные дворы расширились во всѣ стороны, хотя первоначальный образецъ сохранился во всей полнотѣ. Необходимою потребностію скотнаго двора есть длинный и просторный сарай, въ которомъ вся скотина могла бы укрыться отъ зимнихъ непогодъ и стужи. Затѣмъ слѣдуютъ катухи, или отдѣлы, куда бы можно было отсадить телятъ, или больную скотину, или требующую по другимъ причинамъ особеннаго попеченія: и чѣмъ на скотномъ дворѣ болѣе такихъ отдѣловъ, тѣмъ скотный дворъ считается удобнѣе. Для овецъ на скотномъ же дворѣ отгораживается особый небольшой дворикъ и омшеникъ или сарай, выстроенный на мху съ потолкомъ. Въ этихъ омшеникахъ въ самые трескучіе морозы бываетъ иногда такъ жарко, что дверь остается незатворенною по нѣскольку часовъ въ сутки. При скотныхъ дворахъ строятся обыкновенно отъ двухъ до трехъ избъ, а иногда и болѣе. Въ одной избѣ живутъ пастухи съ женами, другая назначается для дойки коровъ зимой, для призора новорожденныхъ телятъ и проч. Въ третьей избѣ помѣщается птичница. По принятому истари обычаю, птичій дворъ всегда почти находится въ связи съ дворомъ скотнымъ. Обыкновенную домашнюю птицу составляютъ: куры, утки, гуси, индѣйки и очень рѣдко цесарки или цесарскія куры.

Такъ какъ главная цѣль содержанія скотнаго двора есть удобреніе земли, то рогатаго скота, по силѣ-возможности, стараются развести какъ можно болѣе. Величина

скотнаго двора обусловливается количествомъ водимаго скота; а чѣмъ просторнѣе скотный дворъ, тѣмъ болѣе предполагается получать съ него удобренія.

Обыкновенный зимній кормъ скоту составляетъ ржаная и яровая солома, да къ *„припуску“* при дойкѣ мякина, или немного сѣна. Овцамъ всю зиму отпускается яровая солома, а когда онѣ начнутъ *„котиться“*, т.-е. съ Февраля мѣсяца, даютъ по немногу сѣна. Многіе на скотныхъ дворахъ устраиваютъ для корма ясли, но по большей части предпочитается привозимую на скотный дворъ для корма солому раскидывать около стѣнъ по всему скотному двору; чрезъ это скотина, какъ говорятъ, не завидуетъ одна другой, не бьется и не толкается, а всякая сама по себѣ, роясь рыломъ въ соломѣ, спокойно выбираетъ то, что ей болѣе нравится. Въ то время, когда коровы начинаютъ телиться, а овцы котиться, скотницы и день и ночь, особенно въ холодное время, наблюдаютъ, чтобъ не прозѣвать новорожденнаго, да чтобъ не дать ему зазябнуть; и лишь только маленькое животное появится на свѣтъ, скотница немедленно беретъ его на руки, бережно относитъ въ избу и кладетъ въ отгороженномъ на этотъ предметъ уголкѣ, на постланную солому. Если родившееся существо ягненокъ, то съ нимъ впускается въ избу и мать.

Овцеводствомъ въ большомъ размѣрѣ, какъ это водится въ степныхъ губерніяхъ, у насъ не занимаются, за неимѣніемъ возвышенныхъ, сухихъ и просторныхъ пастбищъ; луговыя же пастбища на низменной и сыроватой мѣстности— для овецъ, какъ замѣчаютъ, гибельны. Отъ подобныхъ пастбищъ въ печени у овецъ заводятся піявки. Сначала болѣзнь не замѣтна, но мало-по-малу овцы начинаютъ кашлять, сохнуть и, съ наступленіемъ дней поздней осени, умираютъ, имѣя всю печень иногда совершенно изъѣденную піявками.

Каждый крестьянинъ и помѣщикъ держатъ овецъ столько, на сколько хватаетъ средствъ для ихъ продовольствія. Въ отношеніи же получаемаго отъ нихъ удобренія десять овецъ считаютъ равными одной коровѣ. Овецъ *„бреютъ“* т.-е стригутъ, два раза въ годъ: весною въ Апрѣлѣ, или Маѣ; а осенью въ Сентябрѣ, по народному, послѣ *„Семеня“* дня, т.-е. перваго Сентября. Для бритья употребляютъ особыя ножницы безъ ручекъ. Чтобъ обрить животное, связы-

ваютъ ему ноги такъ, чтобы оно не шевелилось. Шерсть Апрѣльской стрижки называется *вешника*, или вешняя, а снятую съ овецъ въ Сентябрѣ называютъ *осеннею*. Осенняя шерсть въ продажѣ дороже, нежели вешника; причина та, что осенняя шерсть выростаетъ въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, по большой части на открытомъ воздухѣ, а потому она чище и мягче, тогда какъ вешняя, выросшая въ душныхъ и сорныхъ омшеникахъ, бываетъ нечиста, спутана и сваленная въ комья подобно войлоку; самая же цѣнная шерсть есть *поярки*. Поярки снимаются съ негодовалыхъ еще ягноковъ и ярокъ, почему эту шерсть и называютъ поярки.—Свиней въ нашихъ мѣстахъ разводятъ тоже не въ большомъ количествѣ, болѣе для своего продовольствія, потому что, по цѣнности хлѣба на нашихъ рынкахъ, выкармливаніе свиней для продажи не можетъ приносить значительныхъ выгодъ. Выкармливаніемъ свиней въ нашихъ мѣстахъ, едва ли не исключительно, занимаются только мельники, но для корма они не тратятъ много муки, или другого какого хлѣба въ зернѣ, а довольствуютъ свиней единственно мучною пылью, которой на мельницахъ всегда бываетъ достаточно.

Итакъ зима! На дворѣ трещатъ морозы. Зады, т.-е. заднія стороны деревень, на которыхъ обыкновенно расположены гумна и риги, засыпаны подъ самыя пелены крышъ сугробами, и нерѣдко случается, что этотъ привалъ сливается въ одинъ бугоръ съ покрывающимъ крышу толстымъ слоемъ снѣга. Вся природа находится будто бы въ какомъ-то оцѣпененіи. Веселая рѣчка сначала покрылась тоненькимъ прозрачнымъ ледкомъ, но мало-по-малу мятели да вьюга занесли ледъ снѣгомъ, и рѣчки какъ не бывало. Мертвенно-тихо оцѣпенѣлъ и всегда-то тихій прудъ и безжизненно торчитъ надъ нимъ, поднимаясь изъ сувоя, темный оставъ старой ветлы, такъ роскошно когда-то дремавшей въ теплыя лѣтнія ночи, отражаясь словно въ зеркалѣ въ зеленой мутной водѣ, изъ которой во множествѣ бывало торчали, то скрываясь, то вновь появляясь на поверхности, головы пучеглазыхъ обитательницъ тины и болотъ лягушекъ, оглашая далеко окрестность шумнымъ кваканьемъ. И поле, и холмъ, и долина, и вся окрестность— и что только глазъ можетъ окинуть, все-то покрыто снѣгомъ; и на этомъ необозримомъ бѣломъ покровѣ только одни лѣса темнѣютъ черными пятнами: все какъ будто уснu-

лю сномъ непробуднымъ. Даже и солнышко не часто радуетъ землю своимъ появленіемъ, а если когда и вздумаетъ посіять на радость людямъ, то сіяетъ не по лѣтнему: нѣтъ отъ него тепла, лучи его не растапливаютъ длинныхъ ледяныхъ сосулекъ, висящихъ по краямъ крышъ; не согрѣваютъ даже замерзающихъ и уже побѣлѣвшихъ отъ мороза щекъ прохожаго, идущаго противъ вѣтра, да и само-то солнышко, какъ будто стыдясь своего безсилія, или не шутя боясь озябнуть, далеко не достигая того мѣста, гдѣ оно обыкновенно привыкло лѣтомъ садиться, спѣшитъ поскорѣй укрыться на югѣ, забывая нерѣдко второпяхъ на блѣдно-сѣроватомъ вечернемъ небѣ свою багряницу, или, по просту сказать, багряную зорю, предвѣстницу стужи еще сильнѣйшей.

Зимою сумерекъ почти не бываетъ: не успѣло сѣсть солнышко, а вотъ уже и ночь. На потемнѣвшемъ небесномъ сводѣ зажглися алмазныя звѣзды; въ морозную ночь онѣ какъ будто и сіяютъ ярче, и счетомъ-то ихъ больше.

Холодна и длинна зимняя ночь!... Давно на деревнѣ и уже не разъ послѣ полуночи кричали пѣтухи, давно ужъ въ избахъ началось движеніе житейскихъ заботъ, давно уже изъ трубъ подымается столбами кой-гдѣ сѣрый дымъ, хотя въ потьмахъ и непримѣтный, но дающій о себѣ знать по вылетающимъ съ нимъ вмѣстѣ по временамъ искоркамъ; давно и въ окнахъ блестятъ огоньки, возбуждая зависть перезябшихъ отъ мороза проѣзжихъ, зависть ко всѣмъ тѣмъ, кто въ такую стыдь не въ дорогѣ; а на дворѣ все еще темно, и нѣтъ и признака, чтобы свѣтало. Только морозъ передъ наступленіемъ утра такъ и хруститъ подъ ногами, такъ и деретъ за лицо и бѣлымъ инеемъ пушитъ овчинные треухи и бороды мужичковъ, идущихъ съ обозомъ.

Въ ясные земніе дни, когда морозъ одѣнетъ пушистымъ инеемъ вѣковую дубраву, высокій березнякъ, и каждый кустикъ, и даже былинку сухой полыни, растущей на межѣ и торчащей изъ ровно-покрывшаго поле снѣга, этотъ серебряно-матовый нарядъ, при сіяніи солнца, иногда до того прекрасенъ, что дѣлается какъ-то жаль, зачѣмъ природа такъ рядитъ только на время. Ненаглядны особенно бываютъ въ этомъ нарядѣ старинныя деревья, когда очерки ихъ рисуются на безоблачной синевѣ полдневнаго неба,

или на пурпурѣ вечерней зари. Тогда, тогда бываетъ хорошо, и я не разъ испытывалъ это: хорошо бываетъ стоять въ лѣсу одному, проникнувъ туда по проселочной, проложенной чрезъ лѣсъ дорогѣ,—но почему хорошо, не знаю. Стою, смотрю, слушаю.... Прислушиваюсь къ невозмутимой тишинѣ, напрасно ожидая отъ мертвенно-оцѣпенѣлой природы какого-то звука, почти такъ же, какъ, желая открыть признакъ жизни въ бездыханномъ трупѣ, напрасно къ его груди, боясь даже дохнуть, прикладываетъ чуткое ухо осиротѣвшій другъ, съ тоскливо-тревожнымъ ожиданіемъ прислушиваясь, не бьется ли еще сердце. Стою, смотрю, слушаю, и не чувствую, что край уха уже щиплетъ морозъ, что рѣсницы слипаются; но какъ легко дышетъ грудь, какъ легко пьетъ она зимній, ничѣмъ непропитанный, кромѣ холода, воздухъ. Но вотъ, наконецъ, и признакъ жизни. Чу! Что-то хрустнуло надъ моей головою въ обледенѣвшихъ вѣтвяхъ столѣтняго дуба; вотъ посыпался сверху иней, и холодно-мокрою пылью засыпалъ мнѣ лицо, насыпался за воротникъ, проникъ до самой шеи: иней этотъ сшибла ворона, перелетѣвшая съ одного дерева на другое. А вотъ и еще, шелестя, встрепенулся орѣшникъ, и обильно падаетъ нависшій въ густыхъ вѣтвяхъ его пушистый снѣгъ: орѣшникъ расшевелилъ заяцъ. Вотъ и самъ онъ, заяцъ, выскочилъ на дорогу, присѣлъ проворно на заднія лапки, чутко поводитъ длинными ушами, посидѣлъ, послушалъ и снова прыжокъ,—и снова летитъ морозный пухъ съ растревоженныхъ вѣтвей орѣшника. Для проѣзжихъ, по народнымъ примѣтамъ, заяцъ, перебѣжавшій дорогу—признакъ дурной.

При глубокихъ снѣгахъ, по проселочнымъ дорогамъ, ѣзда возможна только въ одну лошадь, и потому помѣщики, ѣдущіе въ возкахъ, кибиткахъ или троечныхъ саняхъ, принуждены запрягать лошадей гуськомъ или гусемъ. Эта упряжка названа гуськомъ по сходству ея съ полетомъ дикихъ гусей, летающихъ всегда длинной вереницею одинъ за другимъ. Впереди коренной, запряженной въ оглобли, на длинныхъ веревочныхъ постромкахъ, пристегивается другая лошадь, а впереди этой—третья. По узкимъ проселкамъ эта ѣзда очень удобна, потому что передняя лошадь, боясь утонуть въ сувояхъ снѣга, не сворачиваетъ съ бойной дороги, и всѣ три лошади одна за другой дружно бѣгутъ,

управляемыя веревочными возжами, и ободряемыя голосомъ и длиннымъ бичемъ кучера. Но при выѣздѣ на дорогу большую, много-проѣзжую, или въ улицахъ городовъ и большихъ селеній, лошади начинаютъ сбиваться, и въ такомъ случаѣ часто бываетъ необходимо перепрягать снова лошадей изъ гуськовой въ обыкновенную упряжь.

Часто вьюги и мятели гуляютъ по пустыннымъ полямъ, бьютъ снѣжнымъ потокомъ въ окна домовъ, свищутъ и завываютъ въ лѣсахъ и строеніяхъ, и ревомъ своимъ наводятъ какой-то ужасъ и на тѣхъ, кто подъ кровлей. Горе тому, кого застигнетъ такая погода въ дорогѣ, особенно ночью. Не разъ бывали случаи, что, проплутавши всю ночь, и выбившись изъ силъ, путникъ въ отчаяніи останавливался ожидать разсвѣта, и когда разсвѣтъ появлялся, путникъ съ удивленіемъ узнавалъ крыши и плетни родного селенія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста своего холоднаго ночлега. Для предупрежденія подобныхъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, съ наступленіемъ зимы, по обѣимъ сторонамъ проселочныхъ дорогъ втыкаются вѣшки изъ крупнаго хвороста, а чтобъ въ темныя ночи вѣшки эти были виднѣе, привязываютъ къ нимъ иногда еще и пучки соломы. Эта мѣра бываетъ часто спасительна, но въ темныя и бурныя ночи и она не всегда помогаетъ. Къ счастію, въ нашихъ мѣстахъ селенія довольно часты, и блеснувшій случайно въ окнѣ огонекъ не разъ спасалъ многихъ, ежели не отъ смерти, то отъ непріятности провести страшную ночь въ открытомъ полѣ.

Вся семейная жизнь землевладѣльцевъ зимой сосредоточивается въ избахъ, которыя и по сіе время дѣлятся на избы бѣлыя и избы черныя или курныя. Бѣлая изба та, въ которой печь съ трубой, и вслѣдствіе этого она чиста и свѣтла. Черная или курная та, въ которой печь безъ трубы, дымъ выходитъ чрезъ чело обратно въ избу, а изъ избы въ растворенную дверь и въ волоковое окошечко, устроенное надъ печью. Курная изба внутри отъ дыма совершенно черна, въ продолженіе времени покрывается сажей, особенно потолокъ, который, при вечернемъ освѣщеніи, блеститъ подобно кристалламъ. Еще не такъ давно курныя избы были въ общемъ употребленіи у простого народа, но теперь онѣ съ года на годъ исчезаютъ и повсемѣстно за-

мѣняются бѣлыми. Много преимуществъ имѣетъ бѣлая изба предъ черной: въ бѣлой избѣ, во время топки, не нужно отворять дверей, и дымъ не препятствуетъ заниматься работой, тогда какъ въ черной, во время топки, страшный холодъ стремится въ растворенную дверь, а дымъ выѣдаетъ глаза, такъ что въ это время нельзя не только чѣмъ-нибудь заняться, — да и просто-то, чтобъ усидѣть на лавкѣ и не задохнуться, надобно нагнуться пониже. Кто будетъ смотрѣть на предметъ поверхностно, не изслѣдуя его въ подробности, тотъ, пожалуй, назоветъ жизнь въ курной избѣ, если не варварствомъ, то, по меньшей мѣрѣ, бѣдствіемъ, и очень въ этомъ ошибется: курная изба имѣетъ свои удобства, которыхъ также отвергать нельзя. Курная изба не бываетъ сыра; воздухъ въ ней постоянно сухъ и совершенно очищается дымомъ и ежедневно наружнымъ воздухомъ чрезъ отворенную дверь; когда печь истопится, дверь затворяютъ и изба мгновенно наполняется отрадной теплотой, и, что замѣчательнѣе всего, въ курной избѣ никогда не бываетъ угара.

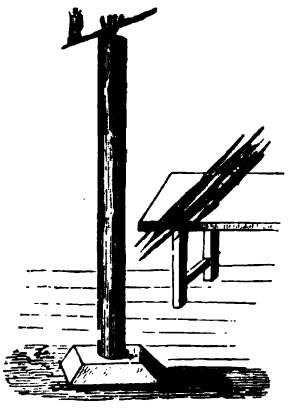
Возвратившійся съ надворья изъ дороги, изъ лѣса или другой какой зимней отлучки, мужичекъ, иногда измокшій, въ обледенѣломъ платьѣ, скоро обогрѣвается, а еще скорѣе обсушиваетъ свое платье, развѣсивъ его на веревкѣ или на жордочкѣ, надъ челомъ печи, изъ которой постоянно бѣжитъ струя горячаго, сушащаго воздуха, чего въ печи съ трубой нѣтъ, или очень мало. Печи въ курныхъ избахъ дѣлались прежде очень просто, безъ печника и даже кирпичей. Въ углѣ, назначенномъ для печи, устраивался деревянный опечекъ на деревянныхъ, врытыхъ въ землю, столбахъ, возвышавшихся надъ поверхностію пола на аршинъ, или четверти на три. Подобный опечекъ употребляется нерѣдко и теперь подъ кирпичныя печи, для избѣжанія расхода на покупку лишняго кирпича. На такомъ-то деревянномъ основаніи сбивали глиняную печь слѣдующимъ способомъ. Сперва дѣлали на обручахъ изъ досокъ сводъ, долженствующій составлять внутренность печи; потомъ досками же обгораживали стороны обращеннаго внутрь избы мѣста, гдѣ должна быть воздвигнута печь. Въ это обгороженное кубическое пространство въ углу избы накладывали глину, нисколько не смачивая ея предварительно водою, а прямо въ томъ

видѣ, какъ она вынута изъ ямы, и утаптывали ногами, и убивали чакмарями до тѣхъ поръ, пока вся печь складывалась въ одинъ плотный комъ. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а въ готовой печи, чтобъ ее просушить. немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается, и по истеченіи многихъ лѣтъ бываетъ такъ крѣпка, что иногда нужно употребить много усилій, чтобъ ее разрушить.

Бѣлыя избы болѣе соотвѣтствуютъ нашему просвѣщенному вѣку, но, при всѣхъ своихъ удобствахъ, онѣ имѣютъ свои невыгоды, которыя со временемъ, конечно, устранятся. Въ бѣлыхъ избахъ нерѣдко бываетъ сыро, потому что русская печь съ трубою рѣдко можетъ устранить это неудобство, а влѣдствіе сырости, въ избѣ бываетъ угарно, и случается это тѣмъ чаще, что, желая поскорѣе тепла, бабы торопятся закрыть трубу, когда уголья еще не вовсе перегорѣли. За неимѣніемъ форточекъ, совершенно невѣдомыхъ народу, воздухъ очищается мало, да и какая форточка въ состояніи очистить воздухъ избы, гдѣ иногда живетъ отъ десяти до пятнадцати и до двадцати душъ. Конечно, такія многолюдныя семьи очень рѣдки, но все таки онѣ есть. Впрочемъ не надобно думать, что всѣ спятъ въ одной избѣ. Въ избѣ ночуютъ только старики да малолѣтніе; мужья же съ женами, одаренные здоровьемъ, пользуются ночлегомъ въ холодныхъ клетяхъ, изъ которыхъ развѣ одни Крещенскіе морозы, и то рѣдко, вгоняютъ ихъ въ избу.

День зимній коротокъ и не видать какъ проходитъ. Въ рукахъ бабъ жужжатъ веретенцы; старый дѣдъ ковыряетъ лапти; мужика-работника днемъ въ избѣ не сыщешь: мужицкая работа не въ избѣ. На полатяхъ мурлычитъ кошка, она либо спитъ, свернувшись въ клубочекъ, либо обмываетъ рыльцо лапкой. По полу ползаетъ младенецъ, иногда и не одинъ; съ выпачканными молочной кашей рожицами, они поднимаются на ножки, падаютъ, ссорятся, или смотрятъ съ вниманіемъ и радостію на играющихъ и шумно бѣгающихъ котятъ. Но вотъ распахнулась дверь и въ избу вбѣгаютъ перезябшія ребята. Съ утра они на улицѣ играли въ шары, кричали, бѣгали, и имъ наконецъ приходитъ желаніе погрѣться. Но въ избѣ и безъ нихъ тѣсно; они надоѣдаютъ вознею и шумомъ старухѣ и та, чтобы отъ нихъ

избавиться, гонитъ ихъ опять на улицу, гдѣ они предаются игрѣ съ новымъ азартомъ. Вотъ, наконецъ, начинаетъ вече-



№ 21. Свѣтецъ.

рѣть; сверчокъ за печкой заводитъ свою однообразную пѣснь. Дѣдъ лезетъ на печь распаривать свои старыя кости, да грѣть остывающую кровь. Невѣстка достаетъ изъ-за печки березовыя или осиновыя полѣнья и косыремъ щеплетъ длинныя лучины, которыя вкладываетъ въ свѣтецъ, зажигаетъ и освѣщаетъ избу. Лучина пылаетъ ярко: то вдругъ меркнетъ, то опять вспыхнетъ. Безпрестанно надобно обламывать обгорѣлые концы, безпрестанно надобно перемѣнять догорающую лучину. Но всѣ ли знаютъ, что такое свѣтецъ? Свѣтецъ есть небольшой, аршина полтора или менѣе вышиною столбикъ въ вершокъ толщины, утвержденный на двухъ крестообразно сложенныхъ брусочкахъ, четырехъугольной доскѣ или чуракѣ. Въ верхній конецъ стоящаго столбика вбита трехъ или четырехъ-конечная желѣзка, въ которую вкладываютъ лучину однимъ концомъ. Когда лучина горитъ, на полъ подъ нее подставляютъ либо тазъ, либо чугунъ съ водой, въ которой падаютъ огарки.

Когда на дворѣ сдѣлается совершенно темно, въ избу возвращаются мужики съ работы, лѣзутъ также на печь или на полати, гдѣ разуваются, снимаютъ холодную, сырую обувь и одежду, которую развѣшиваютъ въ тепломъ духу. Изба оживлена. Мать успокоиваетъ и убаюкиваетъ грудного младенца, ребята то хохочутъ, то ссорятся на полатяхъ;

старуха бранитъ невѣстокъ, или что-то бормочетъ сквозь зубы, на что никто и вниманія не обращаетъ. Молодая невѣстка, сидя на донцѣ, поетъ въ полголоса, а на дворѣ косматая жучка, чуя бродящаго по окрестности волка, и лаетъ, и завываетъ. Но вотъ ужъ время и ужинать. Деньщица накрываетъ столъ скатертью, достаетъ изъ выдвижного въ столѣ ящика деревянныя чашки, ставитъ на столъ деревянную узорочную солоницу, кладетъ ложки и огромный укругъ хлѣба. Мужики умываютъ руки изъ висящаго надъ лаханкой возлѣ печи рукомойника и утираютъ, тутъ же на стѣнкѣ всегда висящимъ, полотенцемъ. Русскій человѣкъ не сядетъ ни обѣдать, ни ужинать, ни завтракать, предварительно не умывъ рукъ. Для этого-то въ рукомойникѣ всегда есть вода.

Рукомойникъ дѣлается въ видѣ горшка, имѣющаго съ двухъ противоположныхъ сторонъ по горлышку, съ отверстіями для воды, а съ другихъ двухъ сторонъ по ушку, за которыя привязанный веревочками онъ повѣшенъ къ потолку, или къ балкѣ, поддерживающей полати. Лѣтомъ этотъ рукомойникъ виситъ подъ навѣсомъ крылечка, но зимою, такъ какъ вода на дворѣ стала бы мерзнуть, его переносятъ въ избу. Итакъ, умывъ руки, всѣ садятся за столъ, и когда изъ печи достанетъ денщица горшокъ горячихъ щей и нальетъ въ чашку, то всѣ, перекрестясь и помолясь, принимаются за скромный ужинъ. Дѣло не праздничное, перемѣнъ немного. Щи часто варятся только съ кускомъ сала, а въ постъ пустыя, да каша гречневая или пшенная съ масломъ или съ молокомъ, вотъ и весь ужинъ. За ужиномъ бываютъ шутки и разговоры, сообщаются слухи о происшествіи на базарѣ, о войнѣ, о манифестѣ по случаю рекрутскаго набора, или *„загадываютъ“* работу на слѣдующій день. Отойдетъ ужинъ, всѣ встанутъ, оборотятся къ Святымъ иконамъ, помолятся и идутъ кто спать въ клѣть, кто на полати, кто на печь. Маленькихъ дѣтей уложатъ гдѣнибудь въ сторонкѣ, покроютъ ихъ старымъ шушунишкомъ или тулупомъ и, успокоивъ такимъ образомъ ребятишекъ, трудолюбивыя бабы опять принимаются за веретена и, мурлыча въ полголоса пѣсенку, съ припѣвомъ сверчка, просиживаютъ съ работою до позднихъ пѣтуховъ. Наконецъ лучина погасла, и изба, и всѣ въ ней живущіе потонули въ

№ 22. Рукомойникъ.

глубокомъ мракѣ. Въ тишинѣ только слышно сонное дыханіе дѣтей, да храпѣніе стариковъ. Временемъ вскрикнетъ во снѣ младенецъ и чуткая мать протянетъ руку къ веревочкѣ люльки. Заскрипитъ на своемъ кольцѣ качающаяся люлька, младенецъ смолкнетъ, и все опять тихо. Рано проснется старуха, ощупью слѣзетъ съ печки, выгребетъ изъ печи горящій уголекъ, приложитъ къ нему сухую лучинку и начнетъ вздувать огонь. Это бываетъ часовъ пять пополуночи, когда поютъ третьи пѣтухи. Лишь только освѣтится изба, спавшіе въ клѣтяхъ бѣгутъ въ избу отогрѣваться и одѣваться; бабы опять берутся за свои донца и веретенца; мужикъ обувается, надѣваетъ полушубокъ и идетъ посмотрѣть лошадей. Не много погодя, затапливается изба, а когда разсвѣнетъ, садятся завтракать. Послѣ завтрака денщица продолжаетъ стряпню для обѣда и выметаетъ избу; мужи-

ки опять выходятъ вонъ, кто идетъ съ топоромъ или съ цѣпомъ—куда кому нужно; бабы опять принимаются за пряжу, да за тканье, а тамъ—и обѣдъ. Такъ проходятъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы. Подъ Воскресенье, съ сумерекъ субботы, въ зажиточныхъ домахъ зажигаются лампадки предъ святыми иконами, и рано поутру, когда все погружено въ глубокій сонъ, старуха зажжетъ предъ образами пятаковую свѣчку изъ желтаго воска, читаетъ шопотомъ молитвы и творитъ земные поклоны.

Зима дѣлится на три части: на первозимье, или время до Рождества, на средину зимы отъ Рождества до Масляницы—большой мясоѣдъ, и наконецъ съ Масляницы до Благовѣщенія. Самые холодные морозы считаются Рождественскіе, предъ Рождествомъ; Васильевскіе—отъ Рождества до Новаго Года и Крещенскіе—отъ Рождества и до Крещенія. Самые глубокіе снѣга бываютъ въ Февралѣ. Праздниками, съ Рождества и до Крещенія, нарушается однообразіе деревенской жизни, и самый праздникъ Рождества, какъ разговѣнье послѣ продолжительнаго поста, встрѣчается не безъ удовольствія.

Къ этому празднику почти въ каждомъ дворѣ выкармливаютъ свинью, но сверхъ того всѣ базары и городскіе, и сельскіе завалены свиными тушами и привозною изъ степныхъ губерній солониною. Послѣдніе базары предъ Рождествомъ бываютъ очень многолюдны, и торговля кипитъ. Всякій запасаетъ и закупаетъ къ празднику все необходимое. Кто мучицы для пироговъ, кто пшенца, кому нужно солонины, кто покупаетъ бычьи ноги и губы на студень, а кто и самъ продаетъ избытокъ отъ своего хозяйства. Искупивъ или продавъ, что кому нужно, мужичекъ идетъ довершать пріятное пребываніе на базарѣ въ кабакъ, и потому, при окончаніи базара, около кабака всегда кучи народа... Мужикъ выпьетъ и съ бодрымъ духомъ, завалясь въ сани и не справляясь ни съ ухабами, ни съ косогорами, ни съ оврагами по пути, скачетъ домой, сломя голову; иногда заснетъ, но добрая лошадка такъ хорошо знаетъ дорогу съ базара домой, что остановится только тогда, когда добѣжитъ до затворенныхъ воротъ хозяйскаго двора. Тутъ мужикъ проснется, перекрестится на мѣдный крестъ или образокъ, врѣзанный надъ воротами, отворитъ ихъ, введетъ

лошадь, и скрипучія ворота затворяются опять... Теперь на сельскихъ базарахъ не одни уже кабаки, но почти вездѣ появились дома съ вывѣсками, изображающими чайныя чашки, самовары, и съ надписью подъ ними: *Ресторація* или *Вновь открытый трактиръ*, или *Входъ въ заведеніе*. Тамъ мужички пьютъ чай, въ перемѣшку съ травникомъ, или просто съ горѣлкой. Другіе, бывалые въ Питерѣ и проживавшіе тамъ по паспорту, проникнутые духомъ цивилизаціи, курятъ сквернѣйшій табакъ изъ трубокъ съ длинными чубуками, которыя вертлявый половой въ красной рубахѣ, безпрестанно встряхивая головой, подаетъ по требованію съ большимъ проворствомъ и учтивостію. Часто цивилизація эта обходится дорого нецивилизованнымъ обитателямъ края, и часто цѣлыя селенія бываютъ жертвою неосторожнаго обращенія съ трубкою. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что курильщиковъ, особенно въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, гдѣ цивилизацію подобнаго рода почти не допускаютъ, между крестьянъ очень немного. Кстати также замѣтить, что между жителями столицъ, и не живавшихъ никогда въ деревняхъ, господствуетъ общая мысль, будто русскій народъ часто предается пьянству—это не справедливо. Правда, русскій крестьянинъ, хотя между ними и есть вовсе непьющіе, никогда не откажется и всегда съ удовольствіемъ выпьетъ рюмку или стаканъ вина, что можно извинить климатическими условіями и тяжкими физическими трудами рабочаго человѣка; но часто ли на долю его достается это удовольствіе? Кто знаетъ, какъ трудно достается крестьянину каждая копѣйка, тотъ пойметъ, что ему вино, по цѣнности своей, для частаго употребленія недоступно. Крестьянинъ покупаетъ вино къ Рождеству, къ Масляницѣ, къ Святой Недѣлѣ, къ храмовому празднику, но покупаетъ его не столько для себя, сколько для угощенія посѣтителей и родныхъ. Положимъ, въ это время онъ выпьетъ и лишнее, но этихъ дней немного въ году; въ другихъ же случаяхъ покупаютъ вино только для свадебъ, крестинъ, похоронъ и поминокъ.

На канунѣ Рождества, т. е. въ Рождественскій сочельникъ, многіе православные, до появленія первой звѣзды на небѣ, не ѣдятъ ничего. Такъ какъ зимній день не дологъ, то и ожиданіе звѣзды бываетъ непродолжительно. Въ этотъ

день, съ утра, когда только что затопятъ печи, въ избахъ начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и дѣвки, собравшись гурьбою, ходятъ по улицѣ и кличутъ *коляду*. Подойдутъ подъ окно какой нибудь избы и запоютъ голосомъ протяжнымъ и заунывнымъ:

„Коляда, подай блина, коляда!
Не подадите блина—коляда!
Корову за рога—коляда!
Подадите блина, прочь пойдемъ—коляда!“

При звукахъ этой пѣсни оконце избы, подъ которымъ они поютъ, открывается, и протянутая изъ него щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами; потомъ колядницы идутъ далѣе и, проходя отъ одной избы къ другой и продолжая кликать подъ окнами коляду, обходятъ всю деревню. Иная веселая баба наваритъ овсянаго киселя и, прежде нежели примется завтракать, пропоетъ:

Коляда, коляда!
Отворяй ворота!
Морозъ, морозъ, не бей нашъ овесъ!
Ленъ, да конопи
Какъ хочешь колоти!

Въ вечеру, въ господскихъ домахъ, какъ подо всѣ двунадесятые праздники, служатся всенощныя; столовая и лакейская господскаго дома наполняются народомъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Самый праздникъ Рождества Христова, какъ и всѣ большіе праздники, православный народъ начинаетъ заутреней и обѣдней. Потомъ въ домахъ разгавляются, обѣдаютъ и отдыхаютъ. Послѣ обѣда, въ господскій домъ опять пріѣзжаетъ священникъ съ крестомъ и святою водою. Зажигается предъ образомъ въ залѣ свѣча, собирается все семейство съ домочадцами, а священникъ съ дьячками, пропѣвъ тропарь и кондакъ празднику и давъ каждому присутствующему поцѣловать крестъ, снимаетъ облаченіе и остается пить чай. Иные священники привозятъ съ собою отпущенныхъ, по случаю праздниковъ, на побывку изъ духовнаго училища сыновей, которые произносятъ въ стихахъ поздравительныя привѣтствія, за что, разумѣется, вознаграждаются конфектами, коврижками или чѣмъ-нибудь подобнымъ. На другой день священникъ съ крестомъ и причтомъ обходитъ всѣ дворы своего прихода, въ каждой

избѣ славитъ Христа и, кромѣ небольшой платы деньгами, получаетъ какъ онъ, такъ и дьячекъ, по пирогу четверти въ три длиною, большею частію изъ ситной муки. На третій день начинаются Святки, т. е. дни наряжанья, гаданій и проч.

Вечеромъ когда въ избахъ запылаютъ лучины, или зажгутся сальники или свѣчи, молодые парни, бабы и дѣвки затѣваютъ наряжаться. Наряды для этого маскарада очень не дороги, и все нужное подъ руками. Бабы одѣваются стариками, парни старухами, дѣвки цыганками, и все то подъ часъ такъ одѣнется, что просто ни на что не похоже; но главныхъ условій два: первое, чтобъ нарядиться какъ можно уродливѣе и смѣшнѣе, а второе, чтобъ наряженнаго не скоро могли узнать. Выворачивается шерстью вверхъ овчинная шуба, нерѣдко сшитая въ перемежку изъ овчинъ черныхъ и бѣлыхъ; за спину набивается солома, представляющая горбъ; длинная, всклокоченная борода и всклокоченные волосы подвязываются изъ пакли; вмѣсто кушака, обрывокъ веревки, въ рукахъ—дубина, и старикъ готовъ. Иная баба ухитряется надѣть шушунъ рукавами на ноги, а полы подвяжетъ подъ шею; иной молодецъ завернется въ дырявую и грязную дерюгу; другой, напяливъ на себя мѣшокъ, уберетъ голову въ мочалы, или одѣнется домовымъ, чертомъ и т. п., и всѣ-то личины въ этомъ родѣ; но вымысламъ и конца нѣтъ, а потому исчислить всѣ наряды невозможно. Наряженные ходятъ по избамъ и, сообразно принятымъ ими на себя личинамъ, говорятъ не своимъ голосомъ, шутятъ, острятъ и возбуждаютъ непринужденные, иногда чуть не истерическіе, порывы хохота. Войдя въ избу и попривѣтствовавъ хозяевъ, наряженные поютъ и пляшутъ, и пляски эти своимъ безобразіемъ и изобрѣтательностію совершенно соотвѣтствуютъ нарядамъ. Старикъ выдѣлываетъ удивительныя и преотчетливыя фигуры ногами, но кончаетъ тѣмъ, что отъ мнимаго изнеможенія и усталости спотыкается и летитъ на полъ вверхъ тормашками. Иная сухая старуха, съ угловатыми движеніями, обыкновенно разыгрываемая рослымъ дѣтиною, сначала пляшетъ скромно и жеманно, но потомъ пускается въ присядку, или кувыркается черезъ голову.... Наряженныхъ изъ избы въ избу всегда провожаетъ толпа ребятишекъ, которые отъ

чистаго сердца радуются веселымъ вечеромъ Святокъ. Подъ Новый Годъ вечеромъ опять собирается толпа молодежи: ходятъ подъ окнами и поютъ *авсень* или по ихнему *усень*, и также, какъ въ коляду, выпрашиваютъ съѣстныхъ подачекъ. Положимъ, что хозяина дома, подъ чьимъ окномъ собрались затѣйщицы кликать авсеня, зовутъ Степаномъ, тогда онѣ поютъ:

„На Степанушкѣ куделюшка, да-ту-усень,
„Да не сами завивались, да-ту-усень,
„Завивала ему матушка, да-ту-усень,
„Завивала, приговаривала, да-ту-усень;
„Рѣки-озера разольются, да-ту-усень,
„А кудри не разовьются, да-ту-усень;
„Не ломайся, да все подай, да-ту-усень,
„Не тряси, да все понеси, да-ту-усень.
„Не пора-ли, сударь, игрицъ дарить, да-ту-усень,
„Не рублемъ, не полтиною, да-ту-усень,
„Золотою гривною, да-ту-усень".

Онѣ поютъ, а имъ подаютъ, кто пирога, кто кусокъ вареной свинины,—подаютъ, что у кого случится на ту пору.

Вечеръ подъ Новый Годъ исключительно посвящается гаданіямъ, въ слѣдующемъ родѣ: когда бьютъ къ празднику свинью, то отъ свиной туши отрѣжутъ хвостикъ и спрячутъ; въ святочный вечеръ, когда молодымъ ребятамъ и дѣвкамъ вздумается погадать, то хвостикъ принесутъ въ избу, изрѣжутъ поперекъ кружечками на нѣсколько частей, и всякій, участвующій въ этой игрѣ, получаетъ свой кружечекъ, вздѣваетъ его на деревянную тычину и, занявъ свое мѣсто въ общемъ кругу, тычинку съ свининой водружаетъ передъ собою въ полъ, т. е. въ щель, которыхъ между половицъ всегда много. Окончивъ эти приготовленія, въ избу впускаютъ собаку, и у кого у перваго собака схватитъ кружечекъ хвостика, то если парень, женится непремѣнно, а если дѣвка, то, на тотъ же годъ выходить ей за мужъ. Подслушиваютъ разговоры подъ окнами: ежели въ разговорѣ помянется рубаха, то подслушивающій или подслушивающая жди себѣ смерти; если помянутъ хомутъ, то лошадь недобрые люди со двора сведутъ. А то такъ пойдетъ дѣвушка на огородъ, ляжетъ тамъ спиною на ровный снѣгъ, раскинетъ руки и потомъ, чтобъ отпечатка своего на снѣгу

не испортить, старается подняться прямо на ноги, что иногда дѣлается съ помощію другой, такой же проказницы-дѣвушки; на другой день приходитъ и смотритъ то мѣсто, гдѣ лежала: ежели отпечатокъ чистъ и ясенъ, то выдти за мужъ; ежели-жъ снѣгъ изсѣченъ на отпечаткѣ, то предвѣщаетъ горе. Хоронятъ золото. но не по рукамъ. какъ это водится обыкновенно въ купеческихъ и барскихъ домахъ, а ставятъ на столъ четыре блюда, покрытыя полотенцами или платками. Въ одно блюдо кладутъ уголь, въ другое печинку, т. е. кусокъ сухой глины отъ печки, въ третье—щетку, въ четвертое—кольцо. Хоръ дѣвушекъ поетъ:

Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро прокачу;
Я у батюшки во дому и проч.

И подъ эту пѣсню, гадающая дѣвушка вынимаетъ на удачу изъ блюда судьбу свою: ежели вынетъ уголь, то ей предстоитъ дурная участь; ежели печинку, то смерть; ежели щетку, то будетъ у ней старый мужъ; и ежели вынетъ кольцо, то будетъ жить въ радости, и мужъ будетъ молодой.

Въ домахъ господскихъ святочные вечера проводятся почти такъ же, какъ и въ домахъ крестьянскихъ. Никто такъ не любитъ святокъ, какъ дѣти, никто такъ не радуется ихъ приближенію. Еще за нѣсколько недѣль до Рождества, любимымъ предметомъ вечернихъ разговоровъ между дѣтьми, предметомъ, никогда неистощимымъ, есть святки; и нянькѣ, чтобы утѣшить подъ часъ разблажившагося дитятку, стоитъ только разсказать ему, или напомнить, что вотъ де-скоро Святки придутъ, всѣ дѣвушки станутъ наряжаться, придетъ старикъ-такой горбатый, борода длинная и проч.; у маленькаго плаксы при этомъ разсказѣ готовая уже выкатиться слезинка замретъ, или повиснетъ на нижней рѣсничкѣ, какъ перекатная жемчужинка; глаза заблестятъ любопытствомъ и ожиданіемъ чего-то веселаго, а на полураскрытый ротикъ слетитъ улыбка. Наконецъ, къ великой радости маленькаго поколѣнія, давно желанныя Святки наступили. Каждый вечеръ, во всѣхъ дворовыхъ избахъ, чуланахъ, углахъ идетъ суматоха. Одни ужъ почти совсѣмъ нарядились, другіе все еще пріискиваютъ во что нарядиться, хлопочутъ, бѣгаютъ безъ всякаго толку изъ угла въ

уголъ, толкаются со встрѣчными, сами бранятся и ихъ бранятъ.... а третьи, такъ-себѣ молча, да не торопясь, сбираются идти въ барскія хоромы только бы посмотрѣть на ряженныхъ. Часу въ седьмомъ вечера, столовая въ домѣ освѣщена болѣе обыкновеннаго: зажжены лишнихъ двѣ или три свѣчи, или лишняя лампа; ненужные столы и стулья для простора вынесены, и барскія дѣти, давно разодѣтыя куколками, съ радостными лицами бѣгаютъ по столовой въ ожиданіи наряженныхъ. Ожиданіе продолжается недолго. Скоро шумъ и хохотъ въ передней возвѣщаетъ о приходѣ ихъ; двери въ столовую отворяются, и наряженные, въ сопровожденіи разнообразной толпы деревенскихъ зрителей всѣхъ половъ и возрастовъ, одѣтыхъ совершенно по домашнему, наполняютъ половину комнаты. Въ господскомъ домѣ что и въ крестьянской избѣ: наряжающіеся ни о чемъ болѣе не заботятся, чтобы только нарядиться какъ можно смѣшнѣе; но самыя средства, которыя доставляетъ присутствіе въ имѣніи господъ, даютъ возможность придумывать наряды, хотя не менѣе уродливые и смѣшные, но болѣе затѣйливые, нежели въ избахъ крестьянскихъ. Тутъ идутъ нерѣдко въ ходъ старинные дѣдовскіе мундиры и французскіе кафтаны, парики старинные и нестарinные, изношенные чепцы, шляпы и шляпки, надѣваемые въ самомъ уродливомъ видѣ; но бываетъ также и старикъ съ безконечной бородой изъ пакли, съ горбомъ въ вывороченной дырявой, овчинной пѣгой шубѣ, съ толстой палкой, чуть не съ дубиной, въ рукахъ, съ котомкой за плечами; старикъ, надъ которымъ чистосердечно хохочутъ дѣти, а втайнѣ не желаютъ, чтобъ онъ подходилъ къ нимъ близко. Тутъ непремѣнно бываетъ и старуха, чуть не въ три аршина ростомъ, костлявая, угловатая, иногда въ шляпкѣ и въ капотѣ, съ платочкомъ въ рукахъ, сначала танцующая жеманно, но потомъ пускающаяся въ присядку.... тутъ бываютъ—да чего тутъ не бываетъ?

Сначала наряженные пляшутъ подъ музыку какого нибудь самоучки-скрипача, или доживающаго на мѣсячинѣ свои преклонные дни стариннаго музыканта съ щетинистой отъ рѣдкаго бритья сѣдою бородою, съ неулыбающимся, но довольнымъ и добродушнымъ лицемъ; или подъ новомодный инструментъ-гармонію, или подъ плясовыя пѣсни, подъ дуд-

ку, подъ балалайку, подъ органъ или фортепіано, однимъ словомъ подъ что придется; потомъ, уставши плясать, собираются въ кружокъ и хоромъ поютъ пѣсни. Тутъ услышишь—какъ палъ туманъ на сине море, услышишь и про новыя, тесовыя, рѣшетчатыя сѣни, и про траву шелковую, растущую возлѣ рѣчки, возлѣ моста и о каменныхъ палатахъ моей любезной, забѣлѣвшихся что не бѣлы снѣги,—слушаешь... и въ уснувшей памяти начинаетъ пробуждаться что-то былое, и, словно при видѣ падающаго на сине море тумана, тихо западаетъ тоска въ ретивое сердце. Послѣ пѣсенъ затѣваются разныя святочныя игры, хоронятъ золото, поютъ подблюдныя пѣсни, водятъ хороводы, и святочный вечеръ проходитъ незамѣтно.

Но ночь, скрывающая своимъ непроницаемымъ мракомъ равно и красоту, и безобразіе, и порокъ, и добродѣтель, и доброе, и худое, и въ наши времена бываетъ еще свидѣтельницею ночныхъ гаданій. Гдѣ нибудь, въ уединенной комнатѣ барскаго дома, или въ тѣсномъ чуланѣ дворовыхъ помѣщеній, въ банѣ или свѣтелкѣ, нескромный, любопытный глазъ, заглянувъ въ замочную скважину, или дверную щель этой комнаты, не разъ бы увидѣлъ дѣвушку, а подчасъ и пожилую женщину, блѣдную отъ подавленнаго сна, волненія и страха, одѣтую небрежно, если не полураздѣтую, тихо сидящую предъ зеркаломъ и неспускающую глазъ съ безконечной цѣпи зеркалъ, отражаемыхъ въ завѣтномъ стеклѣ другимъ, наведеннымъ гадальщицею зеркаломъ. Что видитъ она въ немъ? Возможно-ли что нибудь видѣть?.. Говорятъ и утверждаютъ, что многимъ дѣвицамъ удавалось видѣть своихъ суженыхъ такъ ясно, что онѣ мгновенно узнавали ихъ въ своихъ женихахъ, за которыхъ скоро и выходили за мужъ; другія увѣряютъ, что, гадая объ родныхъ и о близкихъ сердцу, удаленныхъ отъ нихъ за сотни верстъ, удавалось видѣть ихъ въ зеркалѣ, или на одрахъ болѣзни, или въ обстоятельствахъ болѣе пріятныхъ, при такой подробной и отчетливой обстановкѣ, что впослѣдствіи при замѣчаніи дня и часа, все видѣнное подтверждалось со всею точностію. Инымъ являлся въ зеркалѣ предвѣстникомъ смерти черный или розовый гробъ, или похоронное шествіе,—и ничѣмъ неразвлекаемая тоска одолѣвала послѣ этого все существо ихъ. Съ горькою улыбкою на устахъ открывали

онѣ близкимъ роднымъ и подругамъ о своемъ видѣніи, впадали въ уныніе, удалялись людей, со дня на день таяли какъ воскъ и тихо умирали, не переживъ и года послѣ своего страшнаго гаданія....

Боже мой! какъ скоро летитъ время. Давно-ли было Рождество, а вотъ уже и Новый Годъ прошелъ, не видали, какъ прошли Святки, не видали, какъ дожили и до Крещенскаго сочельника. Въ сочельникъ до святой воды, т.-е. до возвращенія отъ вечерни, не ѣдятъ, а вечерня совершается послѣ обѣдни. Забыты святочныя дурачества, всѣ, и старый и малый, идутъ и ѣдутъ въ церковь, и везутъ, и несутъ и кувшины, и кувшинчики, и бутылки, и полуштофы, для наполненія ихъ святою водою. Около чана, въ которомъ освящалась вода, по окончаніи обряда, бываетъ страшная давка: всякій торопится зачерпнуть святой воды прежде другого.... Сколько кувшиновъ бываетъ тутъ перебито, сколько бываетъ розлито по полу, залито въ рукава, расплеснуто по одеждамъ прихожанъ воды, отъ крещенской стужи въ холодныхъ церквахъ быстро застывающей въ ледъ.

Во время освященія воды многіе становятъ особыя свѣчи предъ образомъ Богоявленія Господня. Свѣчи эти, по окончаніи вечерни, берутъ домой и тщательно сохраняютъ за образами; ихъ зажигаютъ только во время сильныхъ грозъ, для отвращенія отъ жилья ударовъ молніи.

Въ старину во многихъ господскихъ домахъ въ этотъ день подавалось за столъ *коливо*, по просту—нынѣшняя деревенская кутья, т.-е. разваренная пшеница, подслащенная медомъ. Впослѣдствіи коливо это замѣнялось *сочивомъ*, кушаньемъ, состоящимъ изъ разваренныхъ въ горшкѣ всякихъ сухихъ домашнихъ плодовъ и ягодъ, варимыхъ съ медомъ или сахаромъ. Это послѣднее блюдо за многими помѣщичьими столами употребляется еще и понынѣ въ Крещенскій сочельникъ.

Ввечеру въ господскихъ домахъ, по обыкновенію, служатся всенощныя, а послѣ всенощной, или на другой день послѣ заутрени, на всѣхъ притолкахъ, косякахъ, дверяхъ и шкафныхъ дверцахъ, не только въ избахъ, но и во многихъ господскихъ домахъ, даже безъ вѣдома и безъ участія господъ, появляются начерченные мѣломъ кресты. Въ день Богоявленія Господня опять и старый, и малый и ѣдутъ, и

идутъ въ приходскую церковь къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни съ хоругвями и образами открывается торжественное шествіе на Іордань, къ ближайшей рѣкѣ или ручью, гдѣ бываетъ иногда довольно трудно, не только добраться до воды, но даже до покрывающаго воду льда, занесеннаго сугробами снѣга. Разумѣется, что мѣсто для освященія воды приготовляется заранѣе, раскидываютъ лопатами сугробы и прорубаютъ ледъ. Несути изъ церкви хоругви и образа на Іордань, или лучше сказать, при всѣхъ установленныхъ Церковію крестныхъ ходахъ, желающихъ изъ крестьянъ всегда бываетъ много: иные заранѣе сговариваются съ церковнослужителями и тѣ, при раздачѣ образовъ, вручаютъ имъ хоругви или иконы, сообразно изъявленному ими желанію. Замѣчаютъ, что, если, во время освященія водъ, Іордань заметается снѣгомъ, или, по-просту сказать, когда въ то время бываетъ *паземка*, или мятель, или обильный снѣгъ валитъ хлопьями, то годъ тотъ будетъ урожаенъ. Очень нерѣдко случается, что кто-нибудь, по окончаніи обряда, раздѣвается до-нага, и бросится въ Іордань, въ прорубь, гдѣ, при пѣніи „Спаси Господи люди твоя“, былъ погруженъ крестъ; разумѣется, что, окунувшись разъ, онъ сейчасъ же выскакиваетъ изъ воды, накидываетъ тулупъ, стремглавъ бѣжитъ въ жилье и прямо вскарабкивается на печь, гдѣ обтирается, обогрѣвается и надѣваетъ чистое бѣлье. Кажется, не бывало примѣра, по крайней мѣрѣ, я не слыхивалъ никогда, чтобы кто-нибудь поплатился горячкою, или хоть малѣйшею простудою: все сходитъ благополучно. Мысли, заставляющія рѣшиться на это купанье, бываютъ различны: одни погружаются въ Іордань для сохраненія или возстановленія и укрѣпленія здоровья; другіе надѣются этимъ купаньемъ смыть грѣхъ, что, наряжаясь на Святкахъ, принимали на себя подобіе бѣса, или, по крайней мѣрѣ, тѣшили его.

Въ праздникъ Крещенья, какъ и наканунѣ въ сочельникъ, православные, отправляясь въ церковь, запасаются кувшинами или другой какой посудиной и, по окончаніи водоосвященія, наполняютъ ихъ изъ Іордани святою водою, и разносятъ по домамъ. Святую Богоявленскую воду тщательно сберегаютъ, приписывая ей чудесное свойство никогда не портиться. Богоявленскую воду даютъ младенцамъ

отъ падучей и многихъ другихъ болѣзней и скорбей и, какъ я въ началѣ еще моего разсказа говорилъ, прибѣгаютъ къ св. Богоявленской водѣ, выставляя ее на открытомъ мѣстѣ въ стаканѣ, или чашкѣ, завидя приближеніе градовыхъ тучъ, какъ къ единственному спасенію полей отъ истребительнаго ихъ нашествія.

Отъ Крещенія и до Масляницы, съ молотьбой да съ обозами, да съ домашними заботами, цѣлыя недѣли и не видать, какъ проходятъ. Дни начинаютъ прибывать ощутительно. Въ обращенныя на полдень окна солнце пригрѣваетъ, по-весеннему, да и вся природа какъ будто подтверждаетъ старинную приговорку, что „время идетъ не къ Рождеству, а къ Великому дню". Масляницу обыкновенно начинаютъ праздновать со вторника или съ среды; праздновать въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. предаваться совершенной праздности или гульбѣ. Первая забота всякаго порядочнаго хозяина предъ наступленіемъ Масляницы запастись гречневой мукой для блиновъ и рыбой, какой Богъ пошлетъ добыть на базарѣ, рыбой чаще всего самаго крутого засола, и по большой части бѣлужиной; потому что бѣлужина засольная и дешевле, и мясистѣе. Сырная недѣля есть почти единственное время, когда простой деревенскій людъ допускаетъ роскошь—имѣть на своемъ столѣ соленую рыбу. Соленую рыбу варятъ во щахъ, но въ народѣ охотнѣе ѣдятъ ее невареною, не заботясь даже о томъ, чтобъ рыбу предварительно обмыть, а такъ прямо, какъ была привезена съ базара, изрѣжутъ кусочками въ чашку, да и ѣдятъ съ квасомъ, съ капустой, или солеными огурцами. Употребленіе въ ѣду сырой соленой бѣлужины бывало часто для многихъ семействъ причиною скоропостижной смерти, но подобные примѣры мало имѣютъ вліянія на обычаи народа: *стало быть имъ ужъ такъ на роду было написано*, говорятъ они о несчастныхъ, отравившихся рыбою.

Въ Зарайскомъ уѣздѣ, такъ же какъ и во всей матушкѣ Россіи, блины на Масляницѣ ѣдятъ за завтракомъ, а завтракъ въ зимнюю пору у простого русскаго народа чуть не до свѣта. Къ Масляницѣ мужички покупаютъ вино, варятъ браги, и въ послѣдніе дни пресыщеніе доходитъ до такой крайности, что можно подумать, будто всякій только и заботится о томъ, чтобъ запасти въ своемъ желудкѣ

продовольствіе на весь Великій постъ, Въ послѣдніе дни Масляной недѣли, послѣ завтрака и послѣ обѣда, запрягаются тройками, парами и одиночками розвальни и пошевни, и въ нихъ бабы и дѣвки, засѣвши цѣлыми кучами, чуть не одна на одну, разряженныя, приглаженныя, катаются, чинно играя пѣсни во все горло. Такъ какъ главная цѣль прокатиться есть не столько исполненіе обычая, сколько желаніе себя показать и другихъ посмотрѣть: то при вопросѣ упитаннаго брагою лѣниво-веселаго повозника *„куда жъ мнѣ, тетеньки, васъ везти?“*, возникаетъ споръ: однѣ кричатъ въ ту-то деревню, другія въ другую, и наконецъ оканчивается общимъ приговоромъ—объѣхать нѣсколько окрестныхъ селеній. Въ какую деревню ни пріѣдутъ, вездѣ веселье, шумъ, пѣсни; народъ съ утра и до ночи съ улицы почти не сходитъ: всѣ гуляютъ, всѣ разодѣты въ лучшіе наряды, у всѣхъ лица сіяютъ удовольствіемъ. Бабы и дѣвки бывшаго экономическаго вѣдомства блестятъ широкими сплошными галунами на кичкахъ и по всей одеждѣ. Въ ушахъ къ сергамъ вмѣсто подвѣсокъ прицѣплены бѣлые пушки изъ цѣлыхъ заячьихъ хвостиковъ, что чрезвычайно идетъ особенно къ молодымъ, разрумяненнымъ морозомъ, лицамъ. Веселыя толпы прекраснаго пола, въ нарядахъ, въ которыхъ преобладаютъ цвѣта красный и бѣлый, издали походятъ на участки земли, засѣянные макомъ, въ то время года, въ которое макъ бываетъ въ полномъ цвѣту. Крестьяне помѣщичьихъ имѣній любятъ также употреблять въ обиліи красный цвѣтъ во всемъ, что касается до наряда, любятъ также употреблять и галунъ, но только въ меньшемъ количествѣ, предпочитая галуну издѣлія мануфактурныя, какъ-то: пунцовые и другихъ яркихъ цвѣтовъ набивные платки, ситецъ съ разводами на рукава и фартуки, черный плисъ на шубы, хотя и овчинныя, и прочую роскошь новѣйшаго времени.

Въ послѣднее Воскресенье передъ Великимъ постомъ, вечеромъ, всѣ просятъ другъ у друга прощенія, и родные, и чужіе, ежели кто кого чѣмъ нибудь умышленно или неумышленно обидѣлъ или огорчилъ. Въ нѣкоторыхъ господскихъ домахъ ведется еще до сего времени старинный обычай, что въ этотъ вечеръ дворовые люди обоихъ половъ приходятъ къ господамъ испрашивать христіанскаго про-

щенія, и поздравлять ихъ съ наступленіемъ Великаго поста, да съ заговѣньемъ *на горохъ да на капусту*. Всякаго, приходящаго *прощаться*, господа цѣлуютъ и обоюдно просятъ простить ихъ, ежели когда по слабости человѣческой, или по ошибкѣ, съ кого что либо напрасно взыскали, или неумышленно чѣмъ-нибудь обидѣли. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста крестьянскія бабы-хозяйки замѣчаютъ, къ какому полу принадлежать будетъ то лицо, которое съ утра первымъ войдетъ къ нимъ въ избу; если это мужикъ, то овцы будутъ котить болѣе баранчиковъ, ежели жъ женщина войдетъ первою, ярочекъ будетъ болѣе.

Великій постъ во всемъ православномъ отечествѣ нашемъ преимущественно посвящается покаянію, и потому во все продолженіе Великаго поста въ приходскихъ сельскихъ церквахъ отправляется Божественная служба ежедневно. Это можно сказать вообще, но въ церквахъ приходовъ небольшихъ, малолюдныхъ, служба отправляется только на первой, средокрестной и страстной недѣлѣ. Всякій говѣетъ на той недѣлѣ, въ какую ему болѣе благопріятствуютъ обстоятельства, или въ какую кто свободнѣе отъ дѣлъ; но многіе изъ простого народа предпочитаютъ говѣть на 1-й недѣлѣ, чтобъ, по ихъ словамъ, въ продолженіе слѣдующихъ шести недѣль отгавливать. Говѣть на страстной недѣлѣ было бы и хорошо, да и разгавливаніе близко, долго ли до грѣха? Пожалуй, останется еще на совѣсти, что, не успѣвъ принять Св. Причастія, въ день свѣтлаго праздника лишнее и съѣлъ, лишнее и выпилъ, и бражки и винца.... Не равенъ часъ бываетъ—и выбранишь еще невзначай кого черными словомъ, а это не хорошо.... Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ господскій домъ не въ селѣ, то съ господами въ одно время говѣетъ большая часть дворовыхъ и крестьянъ. Священникъ пріѣзжаетъ служить въ столовой господскаго дома заутрени, вечерни и часы, а въ тѣ дни, когда Церковію положена обѣдня, то за экипажами господъ тянется въ церковь длинный поѣздъ въ саняхъ или телѣгахъ, смотря по погодѣ, и толпы пѣшихъ.

Великій постъ строго соблюдается народомъ. Рыбу ѣдятъ только въ Благовѣщенье, да въ Вербное Воскресенье. Въ Лазареву субботу разрѣшаютъ только на икру. Разумѣется, эта роскошь далеко не для всѣхъ: ею пользуется

только очень и очень зажиточный торговый народъ. Вообще простой народъ въ постъ употребляетъ въ пищу пустыя щи, рѣдьку съ квасомъ, да кашу. Многіе не ѣдятъ даже постнаго масла. Младенцы, отнятые отъ груди, раздѣляютъ постъ наравнѣ съ большими. Грудью кормить младенца - разсчитываютъ не по мѣсяцамъ, или недѣлямъ, а по постамъ: обыкновенно кормятъ грудью три поста, два Великихъ и одинъ Успенскій, или два Успенскихъ и одинъ Великій.

На средокрестной недѣлѣ, въ среду, пекутъ кресты изъ сдобнаго на постномъ маслѣ тѣста, что соблюдается и въ господскихъ домахъ.

Марта 1-го, на день св. Евдокіи, ежели бываетъ красный день, то и всѣ весенніе праздники будутъ ведрены. Марта 4-го, день Герасима, по народному „Грачевника", прилетаютъ грачи на свои гнѣзда. Грачи любятъ вить свои гнѣзда на старыхъ дубахъ, липахъ и другихъ высокихъ деревьяхъ, въ самыхъ селеніяхъ или въ ближайшихъ къ селеніямъ рощахъ. Часто они своими крупными гнѣздами покрываютъ сучья многихъ растущихъ недалеко другъ отъ друга деревъ, и эта воздушная колонія постоянно бываетъ обитаема однимъ и тѣмъ же племенемъ, переходя потомственно отъ поколѣнія къ поколѣнію чрезъ многія десятки лѣтъ. Нѣкоторые помѣщики, вычитавъ гдѣ-то, что отъ грачей сохнутъ деревья, приказывали разорять ихъ гнѣзда, но крестьяне смотрятъ на этотъ предметъ совсѣмъ другими глазами. Они твердо убѣждены, что если кто разоритъ гнѣзда для сохраненія деревъ, у того ужъ не одно дерево, а какъ есть вся роща, и не увидишь, какъ изгибнетъ. Вообще русскій народъ считаетъ грѣхомъ разорять гнѣзда. Ко дню 40 мучениковъ 9 Марта, по народному повѣрью *„сорокъ птицъ прилетаютъ"*, т.-е. возвращается на родину сорокъ породъ перелетныхъ птицъ,—и въ числѣ ихъ жаворонки. Въ честь этихъ послѣднихъ, и въ крестьянскихъ, и господскихъ домахъ изъ сдобнаго же тѣста, какъ и кресты, пекутся жаворонки или пичужки. Узоры по головкѣ, крылышкамъ и хвостику, обыкновенно выжимаются или вытѣсняются ключомъ. Съ этого же времени для другихъ пернатыхъ гостей— скворцовъ устраиваютъ и выставляютъ на шестахъ и на деревьяхъ, растущихъ возлѣ усадьбъ, скворешницы. Весен-

няя теплота со дня на день становится ощутительнѣе, и 17 Марта, въ день Алексѣя человѣка Божія, ужъ съ *горъ потоки бѣгутъ*..

Марта 19, день св. Дарьи, прозывается Дарьи *нечистыя проруби*, потому что въ проруби на рѣкахъ и прудахъ начинаетъ стекать всякая нечистота. Маріи Египетскія, 1-го Апрѣля, время идетъ или на *полую воду или на синій ледъ*. Апрѣля 8 Церковь празднуетъ св. Иродіона—*ревучія воды*, а ко дню св. Руфа *„путь рушится“*; 16 Апрѣля празднуется день св. Ирины—*„рви берега“*.

Наконецъ, отъ простуды или другого чего, захворалъ земледѣлецъ; долго переламывалъ онъ болѣзнь. Нѣтъ мочи, а все таки пойдетъ да помолится, или съѣздитъ на базаръ, или топоромъ что постучитъ на дворѣ. Лицо его пожелтѣло, глаза впали, остались кожа да кости; но ропоту нѣтъ, страданій не слышно. Наконецъ болѣзнь свалитъ его на жесткую постель. Аптекъ и докторовъ въ простомъ народѣ не знаютъ. Попоятъ больного травой, натрутъ рѣдькой, попарятъ въ печи, умоютъ съ уголька отъ призора-глаза, и еще кое-чѣмъ вздумаютъ полѣчить, что часто очень бываетъ ко вреду, по отсутствію воздержанія и предосторожности.

Въ настоящее время многіе помѣщики съ помощію лѣчебниковъ и практическаго навыка, занимаются лѣченіемъ простого народа. Въ продолженіе лѣта запасаются травами и кореньями, покупаютъ лѣкарства и на этотъ предметъ издерживаютъ довольно денегъ. Но дѣло не въ деньгахъ. Надобно обладать въ нѣкоторой степени самоотверженіемъ въ употребленіи времени, потому что въ тотъ домъ, гдѣ занимаются лѣченіемъ, приводятъ и привозятъ больныхъ по нѣскольку человѣкъ въ день и, что всего несноснѣе, въ разные часы; одинъ или два человѣка въ день случается очень рѣдко. Къ лѣкарямъ въ города народъ, въ случаѣ болѣзни, обращаться не любитъ и въ этомъ совершенно правъ: положимъ, что лѣкарь безвозмездно пропишетъ рецептъ, но вѣдь надобно взять лѣкарства въ аптекѣ. Лѣкарства—не по средствамъ простому народу. Двѣ три стклянки микстуръ могутъ лишить мужика возможности заплатить подушныя; нотамъ, гдѣ господа занимаются лѣченіемъ, тамъ и распросятъ больного, и лѣкарство дадутъ ему да-

ромъ, безъ разбора, чей бы онъ ни былъ и откуда бы не пришелъ: сосѣдній ли помѣщичій, или государственныхъ имуществъ, ближній, или дальній, все равно. Простой человѣкъ такъ боится лѣкарей и аптекъ, что лучше предпочитаетъ остаться безъ всякаго пособія, чѣмъ ѣхать по болѣзни въ городъ.

Со дня на день слабѣетъ больной; родные и чужіе приходящіе провѣдать, говорятъ ему открыто, по просту: „видно ужъ ты не встанешь: знать ужъ тебѣ помереть, родимый!“, и больной спокойно выслушиваетъ приговоръ этотъ. Болѣе всего торопятся во время пригласить священника исповѣдать и пріобщить больного Св. Таинъ, заботясь о душѣ гораздо болѣе, нежели о здоровьѣ или жизни. Въ болѣзняхъ продолжительныхъ, особенно когда больной находится долгое время въ трудномъ положеніи, его соборуютъ масломъ, съ полной вѣрою, что ужъ если умереть больному, то Господь пошлетъ ему тихій и скорый конецъ; но если больному суждено остаться въ живыхъ, то быстро пойдетъ на выздоровленіе. Есть примѣта, что ежели во время соборованія масломъ трещитъ стѣна, то больной непремѣнно умретъ.

Передъ смертію, больной отдаетъ ключъ отъ своей коробеи, кому довѣряетъ, прощается со всѣми и, отвернувшись къ стѣнѣ, отдаетъ душу Богу, иногда такъ тихо, что никто изъ бывшихъ въ избѣ и не замѣтитъ. Съ такимъ же терпѣніемъ въ болѣзняхъ и съ такою же твердостію умираютъ и женщины. Пока тѣло еще не остыло, а иногда и за полчаса до смерти, умирающаго обмываютъ, надѣваютъ на него чистую рубаху и кладутъ подъ святыя. Такъ называется мѣсто въ переднемъ углу на лавкѣ. Положатъ головой къ образамъ и, покрывъ холстиной, затеплятъ предъ образомъ восковую свѣчку.

Лишь только кто нибудь въ деревнѣ умретъ и вѣсть о томъ разнесется по всѣмъ дворамъ, всѣ, и родные, и чужіе спѣшатъ въ тотъ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ и каждый изъ усердія несетъ въ даръ ему восковую свѣчу; этими-то приносными свѣчами и поддерживается постоянно огонь предъ иконою въ головахъ усопшаго. Но если у кого свѣчи на этотъ разъ въ домѣ не случились, тотъ, пришедши къ одру умершаго, полагаетъ на столъ грошь, что

считается за одно и то же, потому что пожертвованныя такимъ образомъ деньги употребляются также на покупку свѣчей; и этотъ обычай приносить свѣчи, или вмѣсто нихъ деньги, значительно уменьшаетъ расходы, неизбѣжные при похоронахъ. Вдова, мать, или другія самыя близкія покойнику родныя женщины, начинаютъ голосить, т.-е. вмѣстѣ съ воплемъ и слезами приговаривать на распѣвъ о своей потерѣ, о своей горькой участи, о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ умершаго, при чемъ припоминаютъ разныя событія изъ его жизни, его хлѣбосольство, досужество, припоминаютъ послѣдніе его дни и часы и послѣдніе разговоры. Поголосить надъ умершимъ значитъ воздать ему должную честь, и потому, кто умираетъ сиротою, не оставляя послѣ себя ни матери, ни жены, ни близкихъ родныхъ, то поголосить надъ нимъ считаетъ своею обязанностію или долгомъ какая нибудь очень дальняя родственница, или даже чужая какая старуха или хозяйка того дома, гдѣ онъ умеръ. Все время, пока покойникъ лежитъ въ избѣ подъ святыми, и до выноса продолжаютъ оплакивать его такимъ образомъ по нѣскольку разъ въ день, то есть, съ отдыхами и кромѣ ночи: отдохнутъ, а тамъ опять начинаютъ голосить и причитать. Между тѣмъ приходскій дьячекъ или пономарь читаетъ надъ покойникомъ псалтирь, за что платятъ ему копѣекъ 50 серебромъ. Сначала онъ бодро принимается за чтеніе, но случается, что въ долгую зимнюю ночь и не выдержитъ: сначала позѣваетъ, а тамъ и уснетъ, особенно, если утомленныхъ печалью родныхъ невольно одолѣетъ сонъ.

Въ день выноса, опять въ тотъ дворъ и избу, гдѣ лежитъ покойникъ, собираются всѣ ближніе и дальніе для выноса, прощанья и проводовъ, и когда запоютъ вѣчную память, то вмѣстѣ съ этимъ грустно-отраднымъ возгласомъ церкви, разражается и даже заглушается ею, раздирающій безотрадный вопль голосьбы ближнихъ родныхъ бабъ. Причитанья при голосьбѣ бываютъ очень разнообразны, вотъ одно для примѣра:

„Родимый ты сударь, мой батюшка!
„Погости ты у меня послѣдній часокъ,
„Послѣднюю минуточку!
„Скажи ты мнѣ, батюшка, отколь тебя ждать будемъ?

„Гдѣ дожидаться?

„Гдѣ мнѣ съ тобой—будетъ повидаться?...“ и т. д.

Конечно въ подобныхъ причитаніяхъ часто встрѣчаются выраженія условныя, заимствуемыя одними отъ другихъ, но должно сказать, что они не подготовляются и не обдумываются заранѣе, а выливаются прямо изъ груди, мгновенно связанныя мыслію, подъ вліяніемъ скорби истинной, или только по обычаю. Во всякомъ случаѣ обычай свободнаго изліянія печали очень облегчаетъ скорбящихъ, но иногда этотъ необузданный крикъ сильно дѣйствуетъ на нервы и бываетъ причиною продолжительныхъ болѣзней.

По выносѣ изъ избы, гробъ съ покойникомъ опускаютъ на приготовленную для этого на дворѣ скамью, и пока священникъ вторично войдетъ въ избу для прочтенія на томъ мѣстѣ, гдѣ покойникъ скончался, очистительныхъ молитвъ, на дворѣ прощаются, и снова раздирающіе душу вопли оглашаютъ деревню. Вышедъ съ гробомъ за околицу и дойдя до перваго распутія или перепутія, или, лучше сказать, до мѣста опредѣленнаго во всякой деревнѣ извѣчнымъ обычаемъ, носильщики останавливаются, гробъ снова опускаютъ на землю, и тутъ всѣ, кому обстоятельства и другія домашнія дѣла не позволяютъ быть въ церкви при отпѣваніи и похоронахъ, даютъ покойнику послѣднее цѣлованіе и потомъ, поклонясь низко въ слѣдъ уносимому гробу, снова возвращаются въ ту избу, изъ которой былъ выносъ. Лишь только тѣло покойника изъ избы вынесутъ, хозяйка или денщица, или кто изъ бабъ посвободнѣе, оставаясь дома, немедленно приступаетъ къ дѣлу. Прежде всего торопятся подмести и притереть въ избѣ полъ; вымываетъ столъ, лавки и употребленныя для этого дѣла тряпицы и вѣникъ, также солому, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду при обмываніи его тѣла гребень, которымъ расчесывали ему волосы послѣ смерти собираетъ все это вмѣстѣ, относитъ за околицу и бросаетъ на перепутье или на то мѣсто, гдѣ происходило прощаніе. Возвратясь домой, расторопная баба умывается сама, скидаетъ съ себя все грязное и надѣваетъ чистое бѣлье, покрываетъ столъ чистою скатертью, ставитъ на него пирогъ, блины и канунъ. Кануномъ зовутъ разваренную пшеницу, облитую разсыченнымъ медомъ. Все это дѣлается на скорую

руку, и когда провожавшіе гробъ только за околицу, при вторичномъ приходѣ въ домъ усопшаго, переступятъ порогъ опустѣвшей избы, въ ней уже все на своемъ мѣстѣ, все приведено въ порядокъ, какъ будто ни въ чемъ и не бывало. По предложенію хозяйки помянуть, печальные гости чинно подходятъ къ столу, берутъ по кусочку блина или пирога, погружаютъ въ канунъ и, пожелавъ усопшему царствія небеснаго, крестятся и съѣдаютъ за упокой его души.

По уходѣ этихъ первыхъ посѣтителей, хозяйка приготавливаетъ обѣдъ для родныхъ, носильщиковъ и могильщиковъ. Священника и льячковъ въ день похоронъ не угощаютъ, или, по крайней мѣрѣ, это случается рѣдко; но въ церкви имъ даютъ пироги и блины, по большой части одинъ пирогъ и шесть блиновъ на всѣхъ.

За упокой души новопреставленнаго заказываютъ священнику служить по нѣскольку обѣденъ; богатые заказываютъ обѣденъ по десяти, но крестьяне средняго состоянія болѣе трехъ обѣденъ заказываютъ рѣдко. Кромѣ этихъ заупокойныхъ обѣденъ еще справляются и поминки. Поминки эти обыкновенно бываютъ въ 3-й, въ 9-й и 20-й день, еще послѣ шести недѣль, или въ 40-й день, и чрезъ годъ. Во всѣ заказанныя обѣдни и поминки, особенно если эти дни совпадаютъ съ праздниками, когда у обѣдни бываетъ много народу, то на паперти при главномъ входѣ въ церковь, около стѣнки, на самомъ виду, разстелютъ платенцо или платокъ, и выставятъ на деревянномъ или каменномъ блюдѣ блины или кусками нарѣзанный пшеничный хлѣбъ, извѣстный подъ именемъ ситника или папушника, да въ чашкѣ разведенный на водѣ медъ-канунъ. Всякій, выходящій изъ церкви, приглашается стоящею при канунѣ бабою всегда почти пожилою, или старушкою, одѣтою съ ногъ до головы въ бѣломъ (это народный трауръ), помянуть покойника, и проходящіе останавливаются, ѣдятъ, обмакнувъ въ медовую сыту, предлагаемые куски, крестятся, поминаютъ и молятся за упокой души, часто и не вѣдая —чьей. Но просьба помянуть покойника не ограничивается только храмомъ, или тѣмъ, кто былъ въ немъ. Поминавшая баба, неся изъ церкви обратно домой остатки кануна и блиновъ, предлагаетъ помянуть своего покойника всякому встрѣчному, и встрѣч-

ный этотъ счелъ бы грѣхомъ не исполнить ея желанія. На третій день въ церковь приносятъ причту блины и канунъ, въ 9-й и въ 20-й дни одни блины, а въ сороковой день заказывается обѣдня и панихида въ домѣ. Къ панихидѣ приглашенные собираются по прежнему съ своими свѣчами, а у кого свѣчи нѣтъ, тотъ несетъ грошъ. Послѣ панихиды хозяйка собираетъ обѣдъ, за которымъ на этотъ разъ уже непремѣнно угощается священникъ и весь причтъ. Поминальный обѣдъ стараются приготовить, какъ можно, и обильнѣе, и лучше, чтобы всякій присутствующій, кушая въ сласть, искреннѣе помянулъ покойника. Родные убѣждены, что этимъ они доставятъ отлетѣвшей душѣ на томъ свѣтѣ покой и отраду. Послѣ обѣда бываютъ „отпиванія чаши". Этотъ обрядъ у крестьянъ совершается такъ: возьмутъ кувшинъ браги, разсытятъ ее медомъ, и священникъ, послѣ пѣнія съ дьячками многихъ печально-отрадныхъ каноновъ, наливаетъ подслащенную брагу въ стаканъ, сперва самъ пьетъ, а потомъ предлагаетъ и всѣмъ. Всякій въ свою очередь беретъ изъ рукъ священника стаканъ, крестится и выпиваетъ за упокой души усопшаго. Также точно поминки совершаются чрезъ годъ, и также отпивается чаша; на прощанье священнику съ дьячками даютъ пирогъ и три или шесть блиновъ на каждаго, или всѣмъ вдругъ.

Во всѣ мною разсказанные дни поминальные, оставшаяся послѣ умершаго мужа вдова, или дочь, послѣ матери или отца, отправляясь для совершенія поминокъ въ приходскую церковь, выходя изъ воротъ своего двора на улицу и проходя по деревнѣ по пути къ церкви, голоситъ и причитаетъ во все горло, точно такъ же, какъ и при выносѣ тѣла. Заслышавъ этотъ вопль, собравшіяся гдѣ нибудь для работъ или по другому какому случаю бабы, переглядясь сначала между собою, на минуту примолкнутъ, прислушаются къ голосу и потомъ промолвятъ: „Это знать Матрена идетъ по матери сорочины справлять". Еще поминки по покойникамъ бываютъ въ родительскіе дни—а именно: на Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, въ субботы передъ Троицынымъ и Дмитріевымъ днями и на пестрой недѣлѣ, что передъ Масляницею, и въ субботы на 2-й, 3-й и 4-й недѣляхъ Великаго поста. Тутъ всѣ, желающіе поминать, приходятъ въ церковь и служатъ общую панихиду, платя вся-

кій, сколько кому по силамъ, или кто что пожелаетъ, разумѣется, по малости, а для причта церковнаго отъ каждой поминающей семьи приносятъ по шести блиновъ и канунъ. Столики, предъ которыми совершаются панихиды въ церквахъ, а иногда за тѣснотою ихъ приставленныя къ нимъ лавки, въ родительскіе дни бываютъ совершенно заставлены канунами, принесенными въ разныхъ горшочкахъ, стаканахъ, блюдечкахъ, чайныхъ чашкахъ и даже въ фарфоровыхъ чайничкахъ съ отбитыми ручками и безъ горлышка, покрытыми и завязанными нерѣдко писанною или газетною бумагою, и съ прилѣпленными къ нимъ пяти-копѣечными или грошевыми зажженными свѣчками; а на паперти и въ углахъ церкви бываютъ кучами навалены узелки и узлы съ блинами и другимъ запасомъ.

По окончаніи панихиды, поминавшіе расходятся по кладбищу, разстилаютъ на могилкахъ скатерти, ставятъ на нихъ принесенные въ узлахъ и деревянныхъ блюдцахъ пироги, блины, говядину, драчену, подчуютъ другъ друга и сами поминаютъ. Между тѣмъ работникъ батюшкинъ обходитъ по кладбищу съ сѣвалкой, и всѣ поминающіе откладываютъ въ нее кое-что отъ своей печальной трапезы: куски пирога, говядины, драчены,—кто что принесъ.

Сначала на могилу насыплютъ бугорокъ, обложатъ дерномъ и поставятъ деревянный крестъ; но пройдетъ немного годовъ, бугорокъ опадетъ и сравняется съ землею; крестъ распадется и истлѣетъ. Еще немного лѣтъ и уже не знаютъ и мѣста, гдѣ лежитъ земледѣлецъ. Память о немъ мало-помалу исчезнетъ въ преданіяхъ, и только до второй ревизіи имя его еще можно будетъ отыскать въ ревизскихъ сказкахъ.

И спитъ земледѣлецъ на Божіей нивѣ, какъ пшеничное зернышко во вспаханной бороздкѣ, и много разъ перепашутся его кости на тѣсномъ кладбищѣ, и много разъ прахъ его смѣшается съ прахомъ поколѣній грядущихъ, пока, по гласу послѣдней трубы, не возродится онъ къ новой, купленной земными лишеніями и трудами, лучшей жизни.

ДЕНЬ ПОМѢЩИКА.

(ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) [1]).

Не смотря на тишину и прохладу лѣтней ночи, при закрытыхъ ставняхъ и поднятыхъ оконницахъ рамъ, помѣ-

[1]) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Русская Бесѣда" за 1858 г. Издатель А И. Кошелевъ, предпослалъ ей слѣдующее примѣчаніе: „Мы помѣщаемъ эту статью, замѣчательную по живости и вѣрности разсказа о нашемъ помѣщичьемъ бытѣ, хотя и не раздѣляемъ сожалѣній автора объ утратѣ патріархальности, будто когда-то существовавшей вообще между помѣщиками и ихъ крестьянами. Мы думаемъ, во-первыхъ, что въ видѣ общаго правила или обычая никогда ея не было, а являлась она тамъ и сямъ—по свойственной Русскимъ людямъ общительности, любви къ ближнимъ и недостатку правомѣрныхъ, вполнѣ каждаго человѣка ограждающихъ учрежденій. Во-вторыхъ, мы полагаемъ, что будущее, намъ предлежащее устройство отношеній между поселянами всѣхъ разрядовъ, на столько совершеннѣе противъ патріархальности, на сколько взрослый совершеннѣе ребенка. Конечно, иной возмужалый, свихнувшійся съ пути, хуже младенца или отрока; но нельзя же, изъ опасенія ошибокъ, намѣренно оставаться въ дѣтствѣ, и изъ любви къ его невинности и беззаботности грустить о прошедшемъ, невозвратномъ и притомъ несоотвѣтственномъ ни нашему теперешнему возрасту, ни его нуждамъ и потребностямъ. Мнѣніе о патріархальности отношеній между господиномъ и его слугами истекаетъ преимущественно изъ сердечной доброты и любви къ ближнимъ помѣщика, преданнаго заботамъ о благѣ своихъ крестьянъ; но невозможно, на такомъ случайномъ и исключительномъ основаніи, удерживать судьбы нѣсколькихъ милліоновъ людей.—Эта статья написана и доставлена въ Бесѣду еще *лѣтомъ*. Съ тѣхъ поръ утекло много воды; но мы думаемъ, что это сочиненіе будетъ прочтено съ удовольствіемъ и пользою, какъ вѣрная, безпристрастная картина отходящаго положенія, крайне тяжкаго для добросовѣстнаго помѣщика".

щику не спалось. Поздно онъ потушилъ свѣчу, горѣвшую у кровати, закрылъ глаза, но сонъ бѣжалъ отъ него. Мысли смѣнялись мыслями, путались съ какими-то неопредѣленными грезами; возникали какіе-то образы, давно забытые, съ лицами, постоянно ему встрѣчающимися въ настоящее время, и онъ ворочался съ боку на бокъ. Стѣнные часы въ залѣ давно пробили полночь, пробили часъ, пробили два. На сиреневыхъ и жасминныхъ кустахъ, растущихъ подъ окнами его спальни, изрѣдка чиликали воробьи, и кто-то скрипнулъ воротами на конномъ дворѣ. Бьетъ три часа, бьетъ четыре,—и помѣщикъ вскочилъ съ постели, утомленный напраснымъ ожиданіемъ сна болѣе, нежели какой-нибудь работой. Надѣвъ халатъ и спальные сапоги, онъ вышелъ въ гостинную. Вставшее солнце ярко озаряло бѣлыя стѣны, и онъ долго не могъ успокоить зрѣнія, пораженнаго внезапнымъ свѣтомъ послѣ темной комнаты. Онъ отворилъ дверь на балконъ и чистый утренній воздухъ Мая пахнулъ на горячую грудь и освѣжилъ истомленное лице. Какъ все хорошо было въ это время и предъ нимъ и надъ нимъ! Роскошно—пестро были убраны арабатки цвѣтника весенними цвѣтами; пушиста была трава лужаекъ, освѣженныхъ и увлаженныхъ росою; весело разсѣкали воздухъ ласточки, трудясь надъ устройствомъ гнѣздъ, то летая на прудъ за грязью, то принося ее въ видѣ крошечныхъ кирпичиковъ и выкладывая изъ нихъ висячій пріютъ подъ карнизами господскаго дома. Тишина и прелесть утра манили помѣщика въ садъ,—и онъ вошелъ опять въ домъ, чтобъ взять картузъ. Проходя черезъ переднюю, онъ увидѣлъ спящую прислугу. На тоненькихъ войлокахъ съ подушками, сплюснутыми, какъ блинъ, покрытые кое-чѣмъ, спали одинъ мальчикъ и двое совершеннолѣтнихъ дѣтинъ-лакеевъ; — и какъ спали!... Остановился помѣщикъ и съ завистію посмотрѣлъ на это безмятежное спокойствіе. Мухи залѣпили глаза, лѣзутъ въ носъ и полуоткрытые рты, а богатыри спятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. „Отчего же я не сплю такъ?“— подумалъ про себя помѣщикъ, и невольно онъ сравнилъ свое спокойное съ пуховыми подушками ложе—съ жесткими войлоками и тощими полукирпичными подушками своей прислуги. „Пора бы имъ вставать, да убирать комнаты“, подумалъ онъ еще, хотѣлъ разбудить, покликать: Иванъ,

Петръ!—но, вмѣсто всего этого, на цыпочкахъ прошелъ мимо спящихъ, отворилъ тихонько дверь и вышелъ на крыльцо.

Отчего же въ самомъ дѣлѣ не спалъ онъ и отчего такъ мраченъ? Судя по всему, совѣсть его должна была быть покойна, а окружающая его природа такъ прекрасна!... Неужели справедливо говорили объ немъ близкіе и сосѣди, что онъ чудакъ, что все принимаетъ близко къ сердцу?... Порокъ ли это? Виноватъ ли онъ въ этомъ? Виноватъ ли онъ, что Провидѣніе сдѣлало его наслѣдникомъ родового недвижимаго имѣнія и онъ называется помѣщикомъ? Счастливые сосѣди-помѣщики безмятежно проводятъ ночи и смѣются надъ неспокойнымъ духомъ сосѣда-мечтателя. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ мечтатель? И что такое за слово мечтатель? Кто опредѣлилъ всю глубину, все значеніе этого слова? И можно ли назвать мечтою думы, стремящіяся къ осуществленію истины: примиренія правъ гражданскихъ съ закономъ любви евангельской, правъ власти съ правами человѣка?... И кто рѣшился разъяснить эти вопросы на словахъ и на дѣлѣ, кто не потерялъ еще вѣру въ возможность этого примиренія, — неужели можно назвать того пошлымъ именемъ: мечтатель?

Садъ былъ въ это время во всемъ своемъ весеннемъ убранствѣ: яблоки, груши, сливы, вишни—все было усыпано, какъ будто зимнимъ инеемъ, благоухающимъ цвѣтомъ; роскошно цвѣла клубника, и въ каждой чашечкѣ цвѣтовъ, и въ глубинѣ каждаго листка, и на концахъ длинныхъ острыхъ листьевъ пырея блистали капли росы, сіявшія на солнцѣ алмазными искрами. По деревьямъ во множествѣ порхали и чиликами птички; въ густой травѣ усердно стрекоталъ кузнечикъ; однимъ словомъ, природа въ это утро хотѣла показать подобіе того утраченнаго рая, о которомъ непрестанно тоскуетъ нашъ духъ.

Помѣщикъ остановился; взоръ его упалъ на пчелу, собиравшую медъ съ золотистаго одуванчика. Все вниманіе его, повидимому, было устремлено на эту пчелу; но вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ его отразилось какое-то тягостно-грустное впечатлѣніе. Сначала ему какъ будто показалось.... Но нѣтъ, это вопли, вопли, раздиравшіе душу, неслись изъ деревни. Помѣщикъ схватилъ себя за голову, — отчаяніе и

блѣдность покрыли лице его. „Что жъ дѣлать мнѣ?“—прошепталъ онъ про себя и повернулъ по дорогѣ въ рощу, чтобъ не слыхать раздиравшихъ душу его воплей. Эти вопли имѣли связь съ его ночною безсонницей; а дѣло, повидимому, очень просто. — У помѣщика былъ мастеровой, одаренный золотыми руками, кажется, столяръ. Помѣщикъ былъ охотникъ заниматься работами мебели и другими затѣями столярнаго производства: столяръ былъ у него не одинъ, а потому работа шла успѣшно. Одному изъ столяровъ, о которомъ именно идетъ дѣло, непремѣнно захотѣлось быть на оброкѣ, во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ накладывалъ на мастеровыхъ, жившихъ внѣ дома, оброкъ самый умѣренный. Столяръ приходилъ проситься на оброкъ; ему было кротко представлено, что онъ нуженъ дома, что есть много домашней работы и потому онъ отпущенъ быть не можетъ. Вмѣсто того, чтобы спокойно покориться своей участи, на лицѣ столяра явилось выраженіе самой грубой непокорности: онъ бормоталъ что-то о проклятой жизни, о каторжной жизни и проч., и вышелъ изъ передней барскаго дома, сильно хлопнувъ дверью. Помѣщикъ видѣлъ и слышалъ все это, но, не желая прибѣгать ко взысканію, показалъ видъ, что ничего не слыхалъ и не видалъ. Въ душѣ онъ былъ оскорбленъ; но — другая мысль: „онъ человѣкъ,—развѣ я самъ не сержусь когда нибудь? развѣ не приходятъ на меня минуты безсознательной досады или каприза?“ — Это дѣло такъ бы и прошло, но столяръ надѣялся достигнуть своей цѣли другимъ путемъ: онъ рѣшился надоѣсть барину во что бы то ни стало, и, зная все его отвращеніе къ мѣрамъ строгости, думалъ, что баринъ самъ прогонитъ его на оброкъ. Приводя въ исполненіе свой планъ, онъ немедленно началъ портить работу, всякій разъ, когда только представлялся случай, грубилъ барину и словомъ и дѣломъ. Баринъ взыскивалъ когда бранью, когда угрозой или толчкомъ, и все надѣялся, что столяръ опомнится, но, наконецъ, мѣра его терпѣнія исполнилась. Наканунѣ безсонной ночи, уже передъ вечеромъ, баринъ, войдя въ мастерскую, нашелъ тамъ страшный безпорядокъ; а на замѣчаніе его, столяръ сдѣлалъ такую дерзость, что перенесть или простить ее было бы преступленіемъ противъ правъ, дарованныхъ закономъ. Помѣщикъ

вспыхнулъ и, въ порывѣ гнѣва, велѣлъ готовить лошадей, чтобъ на другой же день везти грубіяна въ губернскій городъ, для представленія въ рекрутское присутствіе.

Возвратясь въ домъ, онъ былъ сильно взволнованъ. Гофманскія капли, холодная вода и нѣжныя попеченія семейныхъ едва могли его успокоить. А негодяй столяръ, сидя подъ карауломъ въ мастерской, торжествовалъ, что вывелъ барина изъ терпѣнія. Напрасно жена его, добрая и кроткая женщина, съ маленькими дѣтьми, чуть ли не съ шестью ребятишками, ползала въ ногахъ его, прося, чтобъ онъ не губилъ себя; напрасно мать-старушка, бывшая когда-то горничной матери и чуть ли еще не нянькой самого барина, умоляла *покориться* барину и просить прощенія;— ничто не помогало. Казалось, мольбы матери и жены порождали въ немъ еще большее упорство и ожесточеніе. Помѣщикъ видѣлъ и слышалъ страданія несчастныхъ женщинъ; какъ отецъ семейства, онъ понималъ сиротство дѣтей. Но что же въ самомъ дѣлѣ ему было дѣлать? Оставить такъ, внявъ голосу общечеловѣческой любви, и простить? Но имѣетъ ли онъ на то право? Не посѣетъ ли онъ этимъ сѣмянъ непокорности и развращенія въ той, хотя и непризнанной, общинѣ, гдѣ онъ поставленъ главою, гдѣ онъ орудіе судьбы для многихъ? Простить нельзя! Мѣрами строгихъ наказаній переломить волю упрямаго человѣка? При этой мысли помѣщикъ вздрогнулъ и невольно обратилъ глаза къ Распятію, стоявшему въ углу его кабинета, какъ будто прося защиты отъ страшнаго помысла. Пошли въ Земскій Судъ къ исправнику,—продолжалъ было нашептывать ему голосъ холоднаго благоразумія,—исправникъ расправится съ нимъ; дѣти не останутся безъ отца, мать и жена не лишатся близкаго имъ человѣка.... Но голосъ сердца говорилъ другое: что можетъ быть общаго у меня съ человѣкомъ, наказаннымъ въ полиціи? Смягчится ли упорная душа жестокостію, когда не смягчилась ни снисхожденьемъ, ни любовью, да и не запятнаю ли я себя подобною просьбою къ исправнику?...

Удалясь отъ долетавшихъ до слуха его воплей, помѣщикъ углубился въ рощу. Безотчетно шелъ онъ къ тому краю, гдѣ вышедшая изъ околицы дорога проходила возлѣ самой опушки рощи,—и вдругъ снова плачъ, и рыданія, и

вопли начали долетать до его слуха; а въ Божьемъ мірѣ въ это время все было и мирно и радостно. Въ чащѣ, образованной изъ купы молодыхъ кленовъ и орѣшника, разсыпалъ свои весеннія чудныя пѣсни соловей голосистый; на суку столѣтняго дуба сидѣли рядышкомъ, прижавшись другъ къ другу, двѣ горлинки, по временамъ уныло воркуя, и сколько любви было слышно въ этомъ непонятномъ для человѣка говорѣ! Въ вѣтвяхъ, собравшихся въ кучку вѣковыхъ дубовъ и липъ, устроилась цѣлая колонія грачей — цѣлая республика пернатыхъ, и въ этой колоніи, повидимому, шли страшные хлопоты. Одни летѣли добывать кормъ, другіе смирнехонько сидѣли на яйцахъ, или охраняли птенцовъ, еще неоперившихся. Въ воздухѣ жужжала мошкара; и вверху, и въ воздухѣ, и на землѣ кипѣла жизнь, представителями которой были милліарды мельчайшихъ насѣкомыхъ, и надъ всѣмъ этимъ сіяло сквозь вершины дубовъ синее, глубоко уходящее небо.

Какъ счастливъ былъ бы помѣщикъ въ эту минуту, еслибъ онъ не былъ помѣщикомъ! Съ какимъ восторгомъ онъ бросился бы въ объятія этой чудной природы, слился бы жизнію со всѣми Божьими тварями!... Глупая мечта,— подумалъ онъ. Однакожъ, еслибъ продать имѣніе и тѣмъ спастись отъ подобныхъ столкновеній, которыхъ я не въ состояніи выносить?... Продать гробы моихъ предковъ, покоящихся подъ сѣнію нашей мирной церкви,—мѣста, гдѣ я впервые созналъ свое бытіе,—тотъ храмъ, гдѣ я еще съ пеленокъ сообщился съ моимъ Спасителемъ чрезъ кровь и тѣло Его, гдѣ я такъ радостно, бывало, встрѣчалъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія! Продать... продать и того старика, который меня еще нянчилъ на рукахъ и разсказывалъ сказки; продать и мою добрую старушку няню; отдать въ чужія безвѣстныя руки мое родовое имѣніе, которое завѣщали мнѣ предки для передачи потомству... Какой отвѣтъ я дамъ впослѣдствіи моимъ дѣтямъ? Не въ правѣ ли они будутъ упрекнуть меня въ малодушіи и въ эгоизмѣ? Наконецъ, какое право имѣю я ввѣрять чужому произволу судьбу людей, которые сжились со мною, которые засыпаютъ и просыпаются спокойно, ничего не боясь ни за свою собственность, ни за личность?... Нѣтъ,—это преступленіе, это грѣхъ! Одна крайность могла бы оправдать только меня въ моихъ

собственныхъ глазахъ. Отпустить на волю? Но у меня дѣти, да и самъ-то, наконецъ, чѣмъ я стану жить?

Нечувствительно подошелъ онъ къ канавѣ и городьбѣ, отдѣлявшей рощу отъ поля, и слышанные имъ уже издали клики раздались почти возлѣ него; телѣга, запряженная тройкой, съ четырьмя или пятью сѣдоками, а за ней другая съ женщинами, очутились предъ нимъ въ 6 или 10 шагахъ. Помѣщикъ хотѣлъ было свернуть на ближнюю дорожку, но было уже поздно—его замѣтили. „Баринъ, баринъ!“ раздалось съ телѣги,—и столяръ, вырвавшись изъ рукъ стерегшихъ его мужиковъ, бросился чрезъ канаву, чрезъ плетень, и стремглавъ упалъ въ ноги барину, прежде нежели тотъ опомнился. „Баринъ, помилуйте, простите!“ — кричалъ онъ задыхающимся отъ отчаянія голосомъ. Восторгъ помѣщика былъ неизъяснимъ. Онъ проглотилъ готовыя хлынуть изъ глазъ его слезы,—онъ радъ былъ, что имѣлъ случай простить, но не хотѣлъ показать себя слабымъ. Спокойно посмотрѣлъ онъ на валявшагося у ногъ его преступника и твердымъ голосомъ сказалъ: возмите его и везите—куда велѣно!—„Баринъ, родимый, отецъ ты нашъ, помилуй“—раздались вопли женщинъ. Столяръ схватилъ его ноги и крѣпко держался за нихъ, вырываясь отъ тащившихъ его мужиковъ. Бабы ловили барина за руки и обливали ихъ слезами.

— Будешь ли ты вести себя хорошо? Даешь ли ты слово не грубить впередъ?

„Помилуйте,—кричалъ столяръ,—не буду! разрази меня Господь, не буду!“

— Довольно, — сказалъ помѣщикъ, — Богъ съ тобою, я прощаю тебя для твоей матери старухи, ступай домой, но помни, что я прощаю тебя теперь въ послѣдній разъ!

Кто былъ больше радъ этой неожиданной рязвязкѣ: прощенный ли крѣпостной человѣкъ, или простившій баринъ—рѣшить было трудно. Но баринъ шелъ домой съ лицемъ, сіявшимъ отъ радости, безпрестанно повторяя: слава Богу!

Когда помѣщикъ сталъ подходить къ крыльцу, вдругъ слышитъ за угломъ дома страшный шумъ и ему показалось, что это какъ будто спорятъ и даже бранятся его лакеи. „Что-бъ это такое было, и за что?“ — подумалъ по-

мѣщикъ, и пріостановился. Споръ не умолкалъ, а развивался все сильнѣе; самыя жесткія выраженія и неслыханные попреки сыпались безъ склада и лада изъ устъ споривших; а дѣло-то все состояло въ томъ, кому въ этотъ день приходилось открывать ставни.

— Я сряду три дня открывалъ, а ты только дрыхнешь—чертъ ты этакой!

— Отворялъ! Гдѣ ты отворялъ? Ты только и знаешь тарелки лизать, да корки съ барскаго стола коровѣ таскать!

— Что ты врешь—нечистое твое рыло! коровѣ.... а ты и не коровѣ да таскаешь, подлецъ ты этакой, право!

— Да хоть ты тутъ издохни, а я отворять ставни не стану!

— Да что ты шумишь? Вѣдь тебѣ сказано отворять?

— Нѣтъ, тебѣ!

— Врешь, тебѣ!... Ну, ты не очень руками-то маши: я вѣдь затрещину-то и самъ дамъ!

— Чтожь вы ставень-то не открываете? — кричалъ тоненькій голосокъ горничной съ дѣвичьяго крыльца.—Барыня ужъ два раза приказывала открыть: ужъ болѣе часу ждетъ, а вы тутъ бранитесь.

— Сей часъ!—пробормоталъ протяжно Иванъ.

— А вы бы,—продолжала горничная,—Павелъ Васильевичъ, шли бы скорѣе самоваръ ставить: барыня сей часъ выйдетъ.

— Куда тутъ ставить: вишь еще ставни не открыты,— отвѣчалъ онъ.

Помѣщикъ былъ разсмѣшенъ и слегка раздосадованъ: пять человѣкъ лакеевъ, почти праздно живущихъ, до того излѣнились, что подмести полъ, открыть ставни считаютъ тяжкой работой. Лучше бы имѣть двухъ наемныхъ, которые бы дорожили мѣстомъ, и не трудно было бы имѣть, и можно ручаться, что во всемъ былъ бы большой порядокъ. Но кудажъ дѣть своихъ? Отпустилъ бы на оброкъ; — да изъ числа пяти лакеевъ трое женатыхъ съ дѣтьми, имѣютъ своихъ коровъ на барскомъ скотномъ дворѣ, которымъ они безъ милосердія таскаютъ хлѣбъ изъ застольной. Нерѣдко, подъ предлогомъ будто самъ хочетъ пополудновать, или такъ—проголодался, отхватитъ ломоть хлѣба, посолитъ, и

пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Изъ этого ломтя часть съѣстъ самъ, а остальное покрошитъ въ ведерку, соберетъ туда же оставшіяся отъ обѣда корки, польетъ помойцами и отнесетъ въ катухъ. Помѣщикъ самъ знаетъ, самъ видитъ все это. Но какъ предупредить подобное злоупотребленіе? При его отцѣ, при его дѣдѣ было такъ. Всякому женатому позволялось имѣть корову, и дѣйствительно, что семейному человѣку съ младенцемъ безъ коровы и жить почти невозможно. Встарину это ровно ничего не составляло: пастбища были свободны и тучны,—во всемъ былъ просторъ; мякины и другого кормеца всякій мужикъ давалъ дворовому человѣку, по просьбѣ, даромъ; сѣно не развѣшивалось изъ барскаго сѣнника, какъ нынѣ, пудами. А потому, когда дворовые женились и обзаводились семьями, господа радовались. Бывали даже такіе господа, что оказывали особенную милость, выражаемую подарками и льготами, той женщинѣ, которая народила много дѣтей. Въ наше время этого нѣтъ. Разсчетъ, порождаемый новыми нуждами, о которыхъ не чудилось нашимъ предкамъ, измѣнилъ все; природа оскудѣла въ дарахъ своихъ. Но дворовые держатъ коровъ по прежнему, продовольствуютъ ихъ воровствомъ отъ крупицъ господскаго хозяйства. Ктожъ велитъ имъ идти на оброкъ? А если и пойдутъ, то, заплатя въ годъ оброка рублей 15, много 20 серебромъ, всетаки оставятъ своихъ женъ и свои семейства съ коровами на попеченіи у барина. Есть другое средство;—но кто осмѣлится прибѣгнуть къ нему, или даже открыто высказать его, не краснѣя? Средство это—не дозволять жениться дворовымъ,—средство вѣрное имѣть прислугу въ дѣятельности, обращенной единственно только къ господской пользѣ. Но этимъ запретомъ нарушилось бы ученіе евангельское о цѣломудріи, и потому подобный запретъ является преступленіемъ противу Церкви Христовой. И такъ уже преданность дворовыхъ людей къ господамъ много уменьшилась, въ сравненіи съ прошлымъ вѣкомъ, и если нѣтъ той любви къ своимъ господамъ и того безкорыстнаго усердія, какъ сохраняются о томъ преданія, переходя изъ рода въ родъ, едва ли не въ каждомъ дворянскомъ семействѣ,—то причину объяснить нетрудно. Не смотря на низшую, быть можетъ, степень образованія въ сравненіи съ настоящимъ поколѣніемъ, не смотря на жесто-

кость, часто неразлучную съ невѣжествомъ, и на полный разгулъ почти ничѣмъ неограниченнаго произвола, народъ, по большей части, искренно былъ преданъ своимъ помѣщикамъ, потому что въ жизни ихъ господствовалъ тотъ же православный складъ и не существовало различія между помѣщиками и народомъ въ ихъ духовныхъ стремленіяхъ,— однимъ словомъ, они были несравненно ближе другъ къ другу, нежели теперь.

Преданность и вѣрность старинныхъ слугъ были не слѣдствіемъ невѣжества или тупого обычая, какъ иные думаютъ, а слѣдствіемъ иного просвѣщенія. Правда, что по наружности то просвѣщеніе было какъ-будто сходно съ нынѣшнимъ, но на дѣлѣ разница огромная: нынѣшній дворовый человѣкъ учится по гражданской азбукѣ и читаетъ (если у него есть любовь и призваніе къ чтенію) повѣсти и романы въ переводахъ съ Французскаго, или пошлѣйшаго издѣлія домашняго Русскаго производства. Тогда же, то есть, въ старину, учились читать по Церковно-Славянскому букварю, и первая книга, которую они старались прочесть, по выучкѣ грамотѣ, была — Псалтырь. Чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ не удовлетворяло ихъ по прочтеніи одинъ разъ; нѣтъ, за неимѣніемъ книгъ для легкаго чтенія, они читывали его такъ часто, что многіе псалмы выучивались на память и настраивали душу къ высокимъ помысламъ и къ смиренію. Но не одна Псалтырь читалась ими; они съ жадностію читали всѣ книги церковныя, читали Библію по нѣскольку разъ въ жизни, читали Апостоловъ и всѣ эти книги они всегда имѣли подъ руками, потому что встарину въ каждомъ господскомъ домѣ книгъ духовнаго содержанія, то есть книгъ церковныхъ было въ обиліи, такъ что въ рѣдкомъ зажиточномъ барскомъ домѣ не было Минеи-Четьи. Слѣдствіемъ подобнаго чтенія было нравственно-духовное сознаніе своего долга, какъ къ самому себѣ и къ ближнему вообще, такъ, наконецъ, и къ господамъ. Слова ученія Ап. Павла: „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога“—были краеугольнымъ камнемъ уваженія, усердія и вѣрности старинныхъ слугъ къ своимъ господамъ. Грамотные люди распространяли между неграмотными слова христіанскаго ученія, и тѣ съ полнымъ довѣріемъ слѣдовали ихъ

наставленіямъ. Господа уважали грамотныхъ, потому что дѣйствительно, за немногимъ исключеніемъ, они рѣдко не пріобрѣтали съ грамотностію свѣтлаго взгляда и нравственной жизни. Старушка барыня въ свободные часы призывала къ себѣ грамотнаго и приказывала читать житія Св. Отцовъ, или бесѣдовала съ нимъ о дѣлахъ семейныхъ, часто дѣлая его единственнымъ хранителемъ тайны ея загробной воли. Баринъ вручалъ ему безотчетное управленіе имѣніемъ, довѣрялъ нерѣдко значительныя суммы денегъ, въ полномъ убѣжденіи, что подобному человѣку онъ можетъ довѣрить не менѣе, какъ самому себѣ. Дѣтей такихъ близкихъ къ господамъ людей съ младенчества ласкали, кормили подачками и лакомили ихъ. Большую часть времени они проводили въ барскихъ хоромахъ, забавляя своею дѣтской болтовнею господъ, и такъ свыкались съ ними, особенно съ юнымъ поколѣніемъ, участвуя съ нимъ въ общихъ дѣтскихъ играхъ, что впослѣдствіи любовь къ господамъ дѣлалась любовію не по условію, а по привычкѣ и по чувству.

Теперь это значительно измѣнилось. Часто слышатся жалобы господъ: нѣтъ ужъ такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ встарину бывало! И странное дѣло: одѣваемъ мы ихъ хорошо, кормимъ хорошо, взысканій большихъ нѣтъ,—такихъ, какъ бывали встарину!... Что бы тому была за причина? А причина, какъ мы видѣли проста.

Но воротимся къ застольной. Всякому читателю моего очерка непремѣнно придетъ на мысль: почему хозяину—помѣщику не имѣть хлѣбъ въ заперти и выдавать его только во время завтрака, обѣда и ужина? Но подобная мѣра назвалась бы стѣснительною для людей и возбудила бы ропотъ, какъ это и есть тамъ, гдѣ это заведено. Хлѣбъ въ глазахъ русскаго народа есть такой даръ Божій, которымъ можно пользоваться, когда бы ни захотѣлось ѣсть. Между дворовыми работы чрезвычайно разнообразны, и потому по часамъ опредѣлить время завтрака и полдника бываетъ затруднительно. Часто приходилось бы одному ждать, а другому опаздывать, и время для многихъ часто проходило бы попустому. Не дожидаться опоздавшаго—значитъ лишить его хлѣба и оставить голоднымъ; да хотя бы онъ и не остался голоденъ, все-таки не преминетъ поропгать и

непремѣнно скажетъ: ужъ и хлѣба-то имъ, то есть, господамъ, жаль! Къ тому жъ въ застольной бываетъ всегда множество малолѣтнихъ, стариковъ, старухъ, которые подъ часъ сами придти не могутъ, а по просьбѣ ихъ кто-нибудь имъ принесетъ. Есть и малолѣтніе, какъ я сказалъ, которымъ хочется ѣсть не чстыре раза въ день, а двадцать, и лишить ребенка куска хлѣба, когда потребуетъ его желудокъ, грѣшно. Такъ ли, не такъ ли, но описываемый мною помѣщикъ видѣлъ частыя злоупотребленія въ расходѣ хлѣба и терпѣлъ только потому, что, если и привести въ точную систему эту статью, то можно поддержать ее только строгостію неумолимою, къ которой не всякій же сроденъ. Многіе помѣщики даютъ отвѣсную муку въ руки каждому лицу особенно, 1 п. 20 ф. или 1 п. и 30 ф.; но малолѣтнимъ, безроднымъ старикамъ, горничнымъ дѣвкамъ и сиротамъ дать мукою нельзя, и потому все-таки должно для нихъ печь хлѣбъ особо - и тогда является расходъ двойной. Вообще можно сказать, что ѣдящихъ хлѣбъ въ каждой дворнѣ пропасть, а работниковъ мало, и тѣ работаютъ плохо, потому что знаютъ, что не кормить ихъ нельзя, что сколько ни работай — не выработаешь ничего; да и зачѣмъ,—когда его отецъ-старикъ сытъ, его малолѣтнія дѣти прокормлены, да и работу, сколько ни работай, не переработаешь никогда. Надобно сознаться — и помѣщикъ мой понималъ, что они правы съ ихъ точки зрѣнія, что будь онъ самъ на ихъ мѣстѣ, онъ думалъ бы точно также и потому не могъ и не хотѣлъ прибѣгнуть къ мѣрамъ жестокимъ, которыя однѣ могли бы способствовать къ вознагражденію несоразмѣрныхъ расходовъ содержанія съ получаемыми отъ работъ выгодами.

Помѣщикъ, послѣ своей утренней прогулки, и довольный изъ глубины души тѣмъ, что успѣлъ переломить упорство и привести къ раскаянію своего крѣпостного человѣка, съ сіяющимъ лицемъ вошелъ въ столовую, гдѣ семейство его уже сидѣло за чайнымъ столомъ. Спокойно и весело, подъ непрерывный говоръ дѣтей, выпилъ онъ первую чашку, какъ жена отвлекла его вниманіе къ другому.

— Ахъ, Боже мой! Другъ мой, я забыла тебѣ сказать, что многія бабы не принесли холстовъ. Я вчера принима-

ла,—многія совсѣмъ не принесли, а другія принесли очень дурной холстъ—толстый, рѣдкій....

— За чѣмъ же ты принимала дурной холстъ?

— Да что же мнѣ дѣлать съ ними? Говорятъ, что ленъ дуренъ; а я какъ теперь помню, что ленъ былъ очень хорошъ. Когда я ихъ спросила: отчего жъ у Надежды, у Дарьи, у Аксиньи холстъ хорошъ, когда ленъ былъ оди наковъ,—онѣ утверждали, что вѣрно былка что ли попалась кому получше, кому похуже. Я не хотѣла брать, онѣ подняли такой ревъ,—говорятъ, что гдѣ имъ взять берда, что мужья имъ и на лапти-то не даютъ, а ужъ не то что берды покупать. Одна кричитъ, что у ней 10 ребятъ, малъ мала меньше, а она одна въ домѣ; говорятъ, что и льну имъ взять негдѣ,—расплакались, раскричались такъ, что я рѣшилась, наконецъ, принять. Въ самомъ дѣлѣ - есть такія что право жаль. Что дѣлать? я не могу.

— Отчего жъ совсѣмъ-то не принесли?

— Одна говоритъ, что больна, что два мѣсяца не могла работать, спросите, говоритъ, хоть старосту. Другая говоритъ, что сына въ послѣдній наборъ отдала въ солдаты—такъ что его снаряжала, да, говоря это, такъ расплакалась, что я ужъ ей простила. Третья говоритъ, что родила дурно и провалялась долго очень; въ самомъ дѣлѣ, она и теперь очень блѣдна. Сдѣлай пожалуйста что нибудь, чтобъ бабы были впередъ осторожнѣе, а то право мы когда-нибудь безъ холстовъ останемся!

Помѣщикъ промолчалъ и задумался. Сдѣлай что-нибудь! Да что жъ онъ сдѣлаетъ съ ними? Прикинуть имъ холсты? Но у нихъ другихъ нѣтъ. Соткать другіе? Но тутъ наступаетъ самая дѣятельная рабочая пора,—тутъ уже не до пряжи и не до тканья. Оштрафовать деньгами, какъ это завелъ велемудрый управляющій нѣмецъ и еще другой потомственный русскій дворянинъ, проводящій большую часть жизни въ Парижѣ и плохо говорящій по-русски? Но штрафовать деньгами—все равно, что грабить своихъ собственныхъ крестьянъ и довести ихъ до разоренія, какъ доказывается примѣрами честнаго нѣмца и благодѣтельнаго полурусскаго помѣщика. Наложить на неисправныхъ бабъ двойной оброкъ холста на будущій годъ? Но въ состояніи ли онѣ будутъ его исполнить?

Какъ хорошо было бы штрафовать деньгами и неисправныхъ мужиковъ и бабъ за ихъ лѣнь и нерадѣніе! Какъ спокойно было бы тогда жить на свѣтѣ помѣщику! Умирать не надо.... Но вотъ горе: деньги мужичку достаются куда какъ горько, и съ какимъ тяжкимъ трудомъ добывается каждая копѣйка! Повинности государственныя, кажется, не тяжелы, а между тѣмъ, когда нужно платить подушныя, часто изъ двухъ копѣекъ серебромъ иной бѣднякъ мыкается, пріискивая средства, откуда бы ихъ добыть и нельзя ли гдѣ перехватить. Мысль эта мелькнула въ головѣ помѣщика—и онъ машинально протянулъ руку къ книгѣ, куда вносились подушные сборы и отмѣчались недоимки. Развернувъ книгу, онъ началъ перелистывать статьи недоимокъ лѣтъ за 10 или за 12, и во всѣхъ годахъ оказывались недоимки, иногда довольно значительныя, которыя всѣ пополнялись имъ изъ своего кармана.

Напрасно помѣщикъ всякій разъ грозно спрашивалъ старосту, почему такой-то и такой-то не взносятъ всѣхъ подушныхъ и даже совсѣмъ не взносятъ; каждый разъ стращаетъ старосту карой своего гнѣва за послабленіе; но каждый разъ слышитъ отъ старосты всевозможную брань, расточаемую имъ на виновныхъ въ свое оправданіе: говоритъ, что мужиченки эти избаловались, что съ ними съ мошенниками ничего больше не остается дѣлать, какъ взять корову со двора да и продать;—тогда впередъ умнѣе будутъ,—прибавлялъ староста. Помѣщикъ, выслушавъ все это и еще побранивъ старосту, корову все-таки не приказывалъ брать. Дѣло очень понятное: законъ о взысканіи со стороны правосудія государственнаго долженъ быть неумолимъ, иначе онъ останется безъ исполненія. Но помѣщику было бы безумiемъ разорять своего крестьянина, для семейства котораго корова часто есть единственная кормилица. Разорить не мудрено, поправить если не возможно, то до безконечности трудно; а разоривши разъ, придется уже всегда государственныя повинности взносить самому; да и работать будетъ некому, если крестьянинъ не будетъ имѣть на дворѣ нужную скотину. Такимъ образомъ недоимки на крестьянахъ росли, а взыскать нечего; такъ и остается, пока помѣщику надоѣстъ и онъ не уничтожитъ статьи недоимокъ крестообразною помаркою.

— Позвать ко мнѣ Никиту, Зиновея, Евграфа—Пришли они.—Почему вы не платите подушныхъ?

— Что жъ дѣлать-то,—отвѣчалъ Никита.—Рады бы душею, да гдѣ же взять? Вы знаете, хлѣбъ уродился плохо: ржица таки еще туда-сюда, а овсеца вовсе мало, дай Богъ, чтобъ на сѣмена стало!

— Да какъ же другіе платятъ?

— Да какъ же платятъ?... Такъ и платятъ: вотъ у Платона сынъ-то на барщину ходитъ, а самъ-то колесами промышляетъ. Петруха Харьковъ?—вотъ ужъ у него мальчишка на возрастѣ лѣтъ, да и другой ужъ скотину стережетъ,—ни много ни мало за лѣто цѣлковыхъ шесть получилъ.... А мое дѣло одинокое, какъ есть: жена хворая, дѣти малъ мала меньше, а на сторону отлучиться некому. Вотъ, батюшка, подрастутъ ребяты и за нами ничего стоять не будетъ.

Помѣщикъ сознавалъ въ душѣ всю основательность оправданія тѣмъ болѣе, что зналъ Никиту за мужика добраго и честнаго.

— Ну, а ты, Зиновей, что не платишь?

Зиновей, наклонивъ нѣсколько голову впередъ, растопырилъ руки, выпучилъ глаза и, вытянувъ еще длиннѣе свое, и такъ уже длинное, рябоватое лицо, произнесъ глухимъ, выходившимъ изъ груди, голосомъ:

— Что жъ платить-то станешь?... Негдѣ взять. Вотъ ужъ третій годъ, сами вы, батюшка, знаете, жена лежитъ, какъ пластъ. Вы и лѣкарства давали и лѣкарю показывали, дай Богъ вамъ здоровья, а лучше нѣтъ; сокрушила она меня совсѣмъ!—И слезы навернулись у Зиновея, голосъ его дребезжалъ, онъ проглотилъ слезы и продолжалъ:

— Ребятишки малыя: старшей дѣвчонкѣ 11-й годъ,—какая помошь ? и она то еле, еле... совсѣмъ замоталась. Самъ и печь истоплю, самъ и щи сварю; отлучится никуда нельзя. Была старуха Фекла, мать хозяйкина,—прихаживала бывало походить за больной и печь бывало истопитъ, да и та, вотъ ужъ пятая недѣля пошла, по...ме...рла!

Глядя на страданіе, выражавшееся въ лицѣ Зиновея, у помѣщика у самого защемило на сердцѣ; но онъ сохранилъ спокойный видъ и обратился къ третьему:

— Ты почему, Евграфъ, не платишь?

Евграфъ почесалъ въ головѣ, посмотрѣлъ по сторонамъ и опять на барина, и наконецъ промолвилъ:

— Да мы заплатимъ!

— Да когда-жъ ты заплатишь? Въ Мартѣ надобно было платить, а ты все только обѣщаешь, да все не платишь.

— Да что-жъ мнѣ съ братомъ-то съ подлецомъ дѣлать? Послалъ брата въ Питеръ съ пашпортомъ, а онъ вотъ ужъ другой годъ ни денегъ не шлетъ и ничего таки—скажи ты—ничего не шлетъ: умеръ что ли онъ тамъ... Разорилъ онъ меня совсѣмъ. Я тутъ за него работника нанималъ, семьдесятъ рублевъ заплатилъ,—кобылу продалъ, телушку продалъ,—бѣда да и только! Хоть бы словечко-то написалъ. Вонъ Ѳедоровскіе ребяты оттелева пришли, изъ Питера-то; говорятъ, что въ больницѣ мѣсяца три провалялся,—весь вылѣзъ, а то безъ мѣста долго шлялся.... Да ужъ заплатимъ, батюшка баринъ! Вотъ придетъ братъ—и за нами подушныя не постоятъ.

— Увидимъ, увидимъ, подождемъ,—сказалъ помѣщикъ! Теперь ступайте съ Богомъ; впередъ хлопочите какъ-нибудь, чтобъ подати за вами не стояли.

Они поклонились и хотѣли уже уйти, но Зиновей пріостановился.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ помѣщикъ.

— Батюшка, вѣдь я не одолѣю посѣва, если милости вашей не будетъ! У меня залишняго нѣтъ, а самъ изъ дому рано не выберешься: надобно печь истопить....

— Хорошо, я велю тебѣ міромъ помочь спахать землю.

— Что жъ міромъ?—міръ, знама, какъ работаетъ: нешто міру нужда, только землю изгадятъ. Ужъ если милость ваша будетъ уволить меня отъ барской пахоты, такъ ужъ я самъ какъ нибудь справлюсь съ своей землей.

Странная вещь! Тягло владѣетъ помѣщичьею землею,—нн подушныхъ не платитъ, ни на барщину не ходитъ, и помѣщику ничего дѣлать болѣе не остается, какъ уволить Зиновея, за болѣзнію жены, отъ барщины и платить за него подушныя.

Когда они ушли, помѣщикъ пошелъ въ кабинетъ, взялъ со стола газету и только что было расположился читать, какъ услыхалъ звонъ колокольчика, который то гудѣлъ, то

заливался, все ближе и ближе приближаясь къ крыльцу. Помѣщикъ взглянулъ въ окно; у крыльца остановился довольно легкій, запряженный тройкой обывательскихъ лошадей, тарантасъ, и изъ него выходилъ становой, а за нимъ и письмоводитель.

Увидавъ пріѣздъ станового, котораго любилъ, какъ добраго и порядочнаго человѣка, помѣщикъ вышелъ въ переднюю и, ласково поздоровавшись съ пріѣзжими, просилъ ихъ въ гостиннную. Посадивъ гостей, предложивъ имъ трубки и распорядившись о приготовленіи завтрака, онъ спросилъ Петра Егоровича (такъ звали станового): откуда онъ пожаловалъ къ нему, пилъ ли чай и не прикажетъ ли чаю?

— Покорнѣйше благодаримъ! чай мы пили въ Кожаковѣ.

— Вы въ Кожаковѣ ночевали?

— Точно такъ; слѣдствіе небольшое тамъ.

— А что такое?

— Мертвое тѣло рѣкою принесло и выкинуло на отмель около крестьянской усадьбы. Знаете, тамъ поселокъ однимъ краемъ подходитъ къ рѣкѣ, такъ что въ полую воду рѣка даже и огороды затопляетъ. Оно бы и ничего, да хозяинъ двора, еще съ согласія управляющаго, вмѣсто того, чтобы объявить сотскому, возьми да и убери тѣло-то, да и схоронили въ огородѣ. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, да на мужика такая тоска напала,—не можетъ выдти на конопляникъ да и только; пошелъ, объявилъ. Къ счастію его, что схороненное тѣло оказалось извѣстное—изъ села Горностаевки рыбакъ. Вѣтромъ опрокинуло лодку; искали, искали, да такъ и пропалъ. Вотъ ужъ другая недѣля этому, помните, буря-то была?

— Бѣдный мужикъ! И какъ глупъ этотъ народъ! Ну, чего имъ бояться объявить, когда самъ не виноватъ? — воскликнулъ помѣщикъ.

— Намъ смѣшно то,—отвѣчалъ становой,—что, боясь насъ, именно земской полиціи, совершаютъ преступленія.

— И вамъ это не стыдно?

— Что-жъ дѣлать? Насъ становыхъ въ губерніи около тридцати человѣкъ; такъ вѣдь не всѣ одинаковы. Въ прежніе годы, когда засѣдатели избирались дворянствомъ, тогда они знали, что черезъ три года, если онъ ведетъ себя нагло,

то потеряетъ мѣсто. А теперь мѣсто станового рѣдко дается даромъ; теперь надобно выручить заплаченное....

— Какъ же вы-то?

— Да я-то поступилъ въ становые случайно: я былъ сослуживцемъ по гренадерскому корпусу съ графомъ В.; я скоро, впрочемъ, вышелъ въ отстаку штабсъ-капитаномъ, а графъ былъ переведенъ въ гвардію, потомъ служилъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ назначенъ для исправленія должности начальника губерніи. Жаль, что онъ у насъ не остался! Рѣдкій человѣкъ. Еслибъ я зналъ, что онъ у насъ такъ непроченъ, ни за что бы не пошелъ служить. И какъ народу не бояться земской полиціи? Вотъ хоть бы предмѣстникъ мой Кротовъ...

— Да, извините! я васъ перебью: гдѣ онъ теперь?

— Кто? Кротовъ?—уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста.

— Ну, что вы хотѣли сказать?

— Я хочу вамъ сказать, какъ онъ бралъ. Вы знаете деревню Ракову? Тамъ весною размыло берегъ рѣки и выкинуло на поверхность берега какой-то, чуть ли не столѣтній, полуистлѣвшій черепъ и прядь женской косы. Что жъ! онъ узналъ, пріѣхалъ, началъ производить самое строгое изслѣдованіе. Мужики, видя, что онъ намѣренъ еще не скоро окончить, спрашивая то того, то другого, въ то время, когда дѣло идетъ объ уборкѣ хлѣба, сложились да и принесли ему 30 цѣлковыхъ,—тѣмъ и слѣдствіе кончилось. Послѣ этого, какъ же вы находите, чтобъ насъ не боялись. Этотъ-то страхъ и доводитъ до преступленія: вмѣсто того, чтобъ объявить о найденномъ мертвомъ тѣлѣ, крестьянинъ, рискуя быть заподозрѣннымъ въ убійствѣ, какъ дѣйствительный убійца, прячетъ мертвое тѣло въ своемъ огородѣ. Бываютъ, впрочемъ, случаи еще замѣчательнѣе и вреднѣе по своимъ послѣдствіямъ, и все изъ опасенія страшнаго наѣзда земской полиціи.

— Прошлую зиму,—помните, около Николина дня,—была неимовѣрная мятель при 25 или при 30 градусохъ мороза. Баба, и уже довольно пожилая, изъ того же села Кожакова, съ племянникомъ своимъ, мальчикомъ лѣтъ 12, ѣздила въ сосѣднюю деревню на праздникъ къ роднымъ. На

возвратномъ пути ее застигла ночь. Дорога была потеряна, и несчастная съ своимъ юнымъ проводникомъ тщетно бродила по сугробамъ, ища дороги; наконецъ лошадь, выбившись изъ силъ, стала. Несчастная женщина, закутавъ коекакъ замерзающаго мальчишку, пошла одна искать спасенья. Это было уже на разсвѣтѣ, и она въ довольно близкомъ разстояніи увидала гумна и риги своего роднаго села Кожакова. Прибѣжавъ въ деревню, она объявила народу, что покинула въ полѣ мальчишку. Мужики бросились искать, скоро нашли лошадь, сани и уснувшаго мальчика. Мужики сказывали мнѣ послѣ по откровенности, что изо рта и носа выходилъ еще паръ, что одна щека играла румянцемъ и грудь была тепла, и что легко можно было бы спасти его. Я было и схватился за него,—говорилъ разсказчикъ,—еще мальчикъ мнѣ и племянникъ доводится; а другіе кричатъ: нетрошь! — А что-жъ не трогать? — А то-жъ не трогать, неравно не оживишь, такъ наѣдетъ судъ — ты и будешь въ отвѣтѣ: мертваго тѣла трогать не велятъ! — Да какое-жъ тутъ мертвое тѣло, когда, вишь ты, онъ еще живъ, — говорю я: а они свое: нетрошь, коли не хочешь, чтобъ въ тюрьму посадили? Пока мы спорили да рядили, мальчикъ-то замерзъ окончательно.

— Какое страшное невѣжество!—проговорилъ помѣщикъ.

— Правда, что невѣжество; но еслибъ не было становыхъ, подобныхъ Кротову, то и при невѣжествѣ мальчикъ былъ бы спасенъ, а не замерзъ. Случай съ черепомъ и волосами былъ еще въ свѣжей памяти.

— Но какъ же терпятъ такихъ негодяевъ? Что смотритъ исправникъ?

— А что могъ бы сдѣлать исправникъ становому, котораго поддерживаетъ губернское правленіе? Исправникъ самъ не беретъ и туда не даетъ (становой указалъ рукою по направленію къ губернскому городу); а становой, такой, какъ Кротовъ, и самъ деретъ съ живого и съ мертваго, съ праваго и виноватаго, и туда отвозитъ приличный оброкъ. Тамъ имъ были очень довольны.

— Впрочемъ я лично не могу пожаловаться на Кротова,—замѣтилъ помѣщикъ, и у меня въ въ деревнѣ бывали

случаи, гдѣ могъ бы онъ прицѣпиться, но при всемъ томъ онъ велъ себя, какъ нельзя лучше.

— Еще бы,—возразилъ, смѣясь, становой, — онъ могъ себя вести иначе, когда самъ помѣщикъ живетъ въ деревнѣ! Ваши мужики не боятся пріѣзда станового, зная очень хорошо, что вы не дадите безвинно запутать вашего крестьянина. Но тамъ, гдѣ помѣщикъ самъ не живетъ, или въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ и свое начальство возметъ и отъ земской полиціи не спасешься, тамъ—другое дѣло.

Пока они разговаривали, завтракъ былъ поданъ, и помѣщикъ предложилъ гостямъ закусить.

— Къ вамъ у насъ есть бумажка!—произнесъ съ сладкой улыбкой письмоводитель, подавая сложенный пополамъ исписанный листъ сѣрой бумаги.

— Что такое?

— Небольшое взысканьице: 8 руб. 23¼ коп. серебромъ.

— За что же это?

— А вотъ извольте прочесть!

Помѣщикъ прочелъ, и лице его выразило досаду. Дѣло вотъ въ чемъ. Природная глупость мужика и необузданная злость бабы разорили когда то процвѣтавшій дворъ. Злость бабы доходила до безумнаго состоянія, такъ что трудно было не усомниться, чтобъ она не была помѣшана. По три дня валялась она, прикидываясь убитою за-мертво отъ одного прикосновенія, или лучше сказать самаго легкаго толчка, выведеннаго изъ терпѣнія простака-мужа, и подъ предлогомъ увѣчья, сама не ѣла, не пила, не топила печь, не варила обѣда и морила голодомъ мужа. Долго помѣщикъ придумывалъ средства къ исправленію неистовой бабы, но съ простакомъ-мужемъ нельзя было ничего устроить. Изба развалилась, дворъ упалъ, скотина и лошади дохли, и помѣщикъ принужденъ былъ взять все семейство на свое содержаніе. Кромѣ мужа и жены, семейство составляли двое дѣтей-мальчиковъ. Помѣщикъ, чтобъ удалить дѣтей отъ заразительныхъ примѣровъ нерадѣнія отца и злости матери, отдалъ мальчиковъ въ ученье: старшаго въ колесники, а младшаго въ портные. Прошло лѣтъ семь; колеснику исполнилось лѣтъ двадцать, ученье кончилось и помѣщикъ, прежде, нежели наложилъ на него оброкъ, далъ ему годъ

заработать на себя. Онъ вышелъ мастеръ хоть куда: отлично могъ собирать колеса, телѣги, работать кадушки и сани. Но сѣмена порока, посѣянныя въ дѣтствѣ, гнѣздились въ сердцѣ его и, наконецъ, принесли плодъ.

У проходившихъ ли, или у проѣзжавшихъ по большой дорогѣ, стянулъ ли, или такъ нашелъ онъ брошенный мѣшокъ съ разными вещами: платьями, платками и проч.; укрывъ все это и не объявивъ никому, онъ отправился съ своей находкой или покражей въ губернскій городъ на базаръ и началъ тамъ сбывать платки и платья. Скоро его заподозрили, и одинъ изъ воиновъ въ бронѣ сермяжной потащилъ его къ допросу въ полицію. Въ мѣшкѣ у него нашли прожженную ветошку да складной ножикъ,—и это дало поводъ дѣятельной городской полиціи составить великолѣпный рапортъ къ начальнику губерніи, что пойманъ разбойникъ, потому что найденъ у него ножъ,—и зажигатель. потому что нашлась у него прожженная тряпка. Началось слѣдствіе, допросы; дѣло тянулось года три; наконецъ, колесникъ, наказанный по приговору суда розгами, былъ возвращенъ помѣщику окончательно развратившимся въ продолженіе трехгодичнаго своего пребыванія въ острогѣ между отъявленными мошенниками. Помѣщикъ не долго думалъ, и, чтобъ не распространить заразы въ своемъ имѣніи, въ тотъ же день отослалъ его въ рекрутское присутствіе и отдалъ въ солдаты.

Бумага, которую вручилъ помѣщику письмоводитель, относилась къ этому дѣлу: съ помѣщика взыскивали прогонныя деньги, издержанныя чиновникомъ, пріѣзжавшимъ для слѣдствія изъ губернскаго города.

— Да за что-жъ я буду платить?—проговорилъ помѣщикъ.—Человѣкъ, который ходилъ по пашпорту, сдѣлалъ воровство, онъ и долженъ отвѣчать за свое преступленіе. Положимъ, что онъ и наказанъ, но я-то чѣмъ виноватъ?

— Онъ вашъ человѣкъ.

— Но если бъ у меня не было денегъ?

— Тогда бы описали ваше имѣніе, что нибудь продали, а все-таки деньги, издержанныя на прогоны, были бы взысканы.

— Хорошо что за одного нужно платить,—думалъ помѣщикъ, доставая деньги и вручая ихъ становому;—но еслибъ

эти случаи повторялись часто, и если бъ не одинъ чиновникъ и не одинъ разъ пріѣхалъ на слѣдствіе?

Наконецъ, становой, побесѣдовавъ въ волю, посмѣявшись, позавтракавши и выкуривъ не одну папироску, обратился къ письмоводителю и вѣжливо попросилъ его велѣть подавать лошадей.

— Куда же вы такъ торопитесь?—спросилъ хозяинъ,— обѣдали бы у насъ!

— Ей Богу нельзя! — отвѣчалъ гость. Къ вечеру мнѣ надобно быть верстъ за 30 отсюда и сегодня же окончить одно дѣло.

Когда письмоводитель ушелъ, становой нагнулся къ помѣщику и въ полголоса сказалъ ему:

— Я бы не рѣшился вамъ сказать, еслибъ не зналъ вашей заботливости о благосостояніи вашихъ крестьянъ, а потому съ полнымъ моимъ къ вамъ уваженіемъ я долженъ васъ предупредить, что одинъ старикъ изъ вашего имѣнія и, кажется, дворовый побирается на большой дорогѣ.

Помѣщикъ поблѣднѣлъ и стоялъ неподвижно отъ удивленія и досады. Кровь прилила ему къ сердцу. Какъ! У него, пользовавшагося своею властію съ самоотверженіемъ, у него, говорившаго всегда съ омерзѣніемъ о тѣхъ, которые изъ своекорыстныхъ видовъ и эгоизма разоряютъ имѣнія, у него, привыкшаго думать, что хоть съ этой-то стороны онъ можетъ быть совершенно спокоенъ, что честь его не пострадаетъ отъ протянутой за подаяніемъ руки его человѣка,—и вдругъ увѣренность эта потрясена на основаніи: его предупреждаетъ чиновникъ земской полиціи! Пробормотавъ что-то въ родѣ благодарности и проводивъ станового до крыльца, помѣщикъ немедленно велѣлъ позвать къ себѣ старосту.

— Ты слышалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему въ кабинетъ старостѣ,— кто изъ нашихъ побирается на большой дорогѣ?

— О! слышалъ, слышалъ! Вотъ сей-часъ станового кучеръ говорилъ: что вотъ, молъ, такъ и такъ — вашъ старикъ побирается.

— Кто же это?

— Долженъ быть Филиппъ Елисеевъ. Онъ каженное утро за грибами ходитъ; да, вѣрно, какъ выбредетъ на боль-

шую дорогу, такъ у проѣзжихъ и собираетъ себѣ на табакъ. Онъ старикъ съ придурью. Акромя его некому.

— Старый онъ хрычъ! – вскричалъ помѣщикъ. Позвать его ко мнѣ!

Филипъ Елисеевичъ, или какъ просто звали его Елисеичъ, съ молоду учился въ Москвѣ въ заведеніи одного знаменитаго портного. По возвращеніи изъ ученья, ему дали сшить жилетъ, но онъ до того его испортилъ, что никуда не годился, и оказалось, что новый мастеръ выучился только вздѣвать нитку въ иголку, да пить зелено вино. Все это было тогда, какъ помѣщикъ, день котораго мы разсказываемъ, еще не родился, а когда началъ себя помнить, то Елисеичъ былъ уже лѣтъ 50-ти, отличаясь пьянствомъ, буянствомъ и искусствомъ искать грибы. Прежде онъ былъ сдѣланъ пастухомъ, но и эту должность исполнялъ очень скверно, и когда помѣщикъ, по смерти отца своего, принялъ управленіе имѣніемъ, то отставилъ Елисеича за старостію на покой. Для жизни его опредѣленъ былъ уголъ въ скотной избѣ; ему давались рубахи, кафтанъ, шуба, мѣсячина, а дѣло ему было — лежать на печи зимою, а лѣтомъ, для личнаго своего удовольствія, ходить за грибами.

Елисеичъ вошелъ. Сѣдые волосы и длинная борода были растрепаны, онучи на ногахъ были грязныя кафтанъ въ дырахъ, а въ рукахъ дубина. Выраженіе глазъ и лица было мрачное и тупое. Онъ въ эту минуту былъ въ полномъ смыслѣ похожъ на нищаго, какими ихъ изображаютъ на картинкахъ или въ повѣстяхъ; но при всемъ томъ въ этой фигурѣ было столько смѣшного, что помѣщикъ, не смотря на свою досаду, невольно улыбнулся — что замѣтивъ, Елисеичъ также улыбнулся.

— Отчего у тебя кафтанъ въ дырахъ?

— Старенькій, батюшка, старенькій! Новый-то по праздникамъ надѣваю.

— А рубашка, а онучи — зачѣмъ такія грязныя? Чего жена твоя смотритъ?

— Жена такая-то песъ! ей хоть не говори: самъ, говоритъ, мой!

— А борода-то, а волосы-то — зачѣмъ въ сыпухѣ? Ну, смотри ты на себя: вѣдь ты больше похожъ на свинью, чѣмъ на человѣка!

— Борода!—борода, батюшка, ничего. Что жъ борода? Признаться, прилегъ на солнушкѣ на дворѣ на скотномъ полежать, такъ, знать, какъ-нибудь колосокъ, аль соломка какая запуталась...

— Ты гдѣ нынче былъ?

— Гдѣ былъ-съ? Гдѣ-жъ я былъ? Дай Богъ памяти! Да, да, былъ въ Камаровскомъ березникѣ, груздиковъ поискалъ.

— А на большой дорогѣ былъ?

— Перешелъ только, перешелъ на Тетеревскій асинникъ.

— Ты, старый мошенникъ, ходишь на большую дорогу да меня срамишь, милостину собираешь.

— Никакъ нѣтъ-съ! Такъ развѣ когда на табачишка у проѣзжаго выпросишь.

— Ахъ ты сѣдой чертъ!—вскричалъ помѣщикъ.—Ну, что мнѣ съ тобою дѣлать? Смотри ты у меня! Если ты осмѣлишься впередъ хоть носъ показать на большую дорогу, я тебя на веревку посажу.

— Староста! скажи его женѣ, что если только я узнаю, что онъ будетъ побираться, я съ нея взыщу, да и ты мнѣ отвѣчаешь.

— Пошелъ домой!— снова вскричалъ помѣщикъ, обращаясь къ Елисеичу, да смотри, впередъ не попадайся! Въ другой разъ со мной такъ дешево не раздѣлаешься.

Старикъ ушелъ, а помѣщикъ, повторивъ старостѣ приказаніе и оставшись одинъ, подумалъ про себя: конечно, много угрозы, а что съ нимъ сдѣлаешь, если опять уйдетъ? Не посадить же его въ самомъ дѣлѣ на веревку, не запереть же его въ тюрьму? Старъ, глупъ: его одѣваютъ, кормятъ, поятъ, даютъ ему пріютъ, платятъ за него подушныя, а онъ, пятная мою честь въ общественномъ мнѣніи, остается совершенно покоенъ и вполнѣ убѣжденъ, что дѣлать съ нимъ болѣе нечего, какъ поить, кормить и одѣвать.

Съ этими мыслями помѣщикъ вошелъ въ столовую. Окна были открыты. Запахъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ чистымъ весеннимъ воздухомъ лился въ комнату и мѣшался съ ароматомъ пирога и жирныхъ щей, стоявшихъ на столѣ. Шумъ и веселый говоръ дѣтей, веселое лице жены и аппетитъ оживили помѣщика. Многія впечатлѣнія утра начали раз-

сѣяваться. Онъ самъ сдѣлался веселъ и шутилъ и смѣялся. Вотъ уже два кушанья съѣдены—и горячее съ пирогомъ, и телячьи ножки съ горошкомъ; семейство, въ ожиданіи жаркого, сидитъ за столомъ и разговариваетъ. Жена помѣщика окончила изготовленіе салата, а жаркого не несутъ. Помѣщикъ раза два уже обращался къ людямъ съ приказаніемъ подавать скорѣе; одинъ за однимъ они отправлялись на кухню и не возвращались. Господа сидятъ, ждутъ, а жаркого нѣтъ. Помѣщикъ вышелъ изъ терпѣнія, побѣжалъ на кухню самъ, и—что же застаетъ? Поваръ играетъ на балалайкѣ, двое лакеевъ пляшутъ въ присядку, другіе предстоящіе кто присвистываетъ, кто прикрикиваетъ, и вообще было очень весело. При видѣ помѣщика, сцена перемѣнилась: одинъ лакей, схвативъ блюдо съ остывшимъ жаркимъ, опрометью бросился въ дверь, другіе послѣдовали за нимъ, а оставшійся поваръ извинялъ себя тѣмъ, что ему лакеи сказали, что господа еще холоднаго не покушали. Когда раздосадованный помѣщикъ, распекши порядкомъ негодяевъ, сѣлъ за столъ и разсказалъ о весельѣ, бывшемъ на кухнѣ, всѣ начали смѣяться, въ особенности дѣти, и смѣхъ этотъ сообщился и отцу. Онъ, хотя и скрылъ отъ людей, но долго не могъ вспомнить, безъ улыбки, ни повара съ балалайкой, ни двухъ плясуновъ.

Послѣ обѣда, поигравъ съ дѣтьми и выкуривъ папироску, помѣщикъ отправился въ кабинетъ. Такъ какъ онъ не спалъ всю ночь и всталъ рано, то его естественно клонило ко сну. Теперь онъ былъ спокоенъ духомъ и потому едва успѣлъ склонить голову къ сафьянной подушкѣ, всегда лежавшей на турецкомъ диванѣ, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись черезъ часъ, онъ всталъ и первая его мысль была поѣхать въ поле взглянуть на пахоту. Бѣговыя дрожки стояли у крыльца, и лишь только сошелъ онъ со ступеней и хотѣлъ сѣсть, какъ двѣ пары мужей съ женами изъ его крестьянъ повалились къ нему въ ноги съ самымъ умоляющимъ видомъ. Помѣщикъ взбѣсился: онъ ненавидѣлъ подобное униженіе и потому грознымъ и вмѣстѣ оскорбленнымъ голосомъ закричалъ на нихъ, чтобъ они встали.

— Батюшка, разведите насъ—жить не можно! только грѣхъ одинъ.... Къ печкѣ не даетъ подойти, горшка не дастъ

поставить, ругается, какъ собака! Вчера мнѣ, собака, въ лице наплевала, такъ таки прямехонько и наплевала въ лице!— Кричали въ одинъ голосъ просители — и мужья и жены, энергически размахивая руками.

Помѣщикъ заткнулъ уши.

—Молчать—молчать—молчать! наконецъ вскричалъ онъ.

Они замолчали

— Ну, говорите по одиночкѣ, чего вамъ надобно?

Они вторично закричали всѣ вдругъ.

— Да замолчите ли вы?—вскричалъ снова взбѣшенный помѣщикъ.—Говори сначала ты, Степанъ!

Степанъ почесалъ затылокъ, посмотрѣлъ на другихъ, поклонился барину и сказалъ:

— Мы, батюшка, пришли васъ просить, чтобы вы насъ съ братомъ раздѣлили.

— Вы знаете, что я не люблю, чтобъ вы дѣлились. Какъ же вы осмѣлились придти ко мнѣ съ такою просьбой?

— Воля ваша: что хотите, то и дѣлайте; вы наши, отцы, мы ваши дѣти (обыкновенная поговорка), а жить намъ вмѣстѣ нельзя: съ утра до ночи ругательски ругаетъ....

— Когда я тебя ругалъ? врешь ты все, — заговорилъ Иванъ,—врешь ты! не грѣши! грѣхъ!

— Не грѣхъ стало быть, когда ругаешься. Бабу мою вчера такъ толкнулъ, что она замертво покатилась.

Казалось, баба его только и ждала своей череды, чтобъ разразиться воплями и жалобой:

— Песъ ты этакой! живодеръ ты этакой! окаянный ты этакой! Ты меня каженный день съ своей женою только и знаешь, что ругать да бить....

Тутъ она завыла на весъ дворъ и повалилась въ ноги къ барину:

— Дѣтей моихъ съ голоду уморилъ! о, о, о, охъ! дашь имъ кашки-о, о, о, охъ! дашь имъ кашки, такъ сей-часъ начнутъ попрекать: что ты, сука, своимъ дѣтямъ-то суешь? Каша нынче дорогая. Все то попрекаютъ, не даютъ ложки ко рту поднести.

— Молчи—молчи—молчи!—снова кричалъ помѣщикъ.

Но слова его не остановили бы потока слезъ и жалобъ, еслибъ мужъ не дернулъ бабы сзади за платокъ, шепнувъ: довольно! Баба сейчасъ перестала, и помѣщикъ очень хо-

рошо видѣлъ, что, не смотря на слезливую гримасу лица ея, слезъ вовсе не было.

Другая баба, во время изліяній своей снохи, приговаривала, покачивая головою:

— Все то вретъ! и что она выдумываетъ? Все то вретъ! Грѣхъ тебѣ, грѣхъ! на томъ свѣтѣ отвѣчать будешь....

— Отъ вашей злости и раздоръ-то у васъ въ семействѣ,— сказалъ помѣщикъ, обратясь къ бабамъ.—Вы обѣ злы, ссоритесь да бранитесь; а мужья ваши дураки—за васъ вступаются. Вотъ васъ надобно бы обѣихъ выдрать хорошенько, хоть крапивой, чтобъ вы не бранились, — и мужей-то вашихъ, чтобъ васъ учили; тогда бы лучше было! Подлецы вы — дураки — скоты! — прибавилъ помѣщикъ, обратившись къ мужикамъ. Домъ-то только разоряете! Пока отецъ вашъ былъ живъ, дворъ вашъ былъ самый богатый во всей деревнѣ, а теперь сталъ чуть ли не самый бѣдный.

— Что-жъ съ эвтимъ дѣлать-то?—возразилъ Степанъ.

— Что дѣлать? Надобно жить въ ладу. Подумайте хорошенько: ну, что вы станете дѣлить? Изба у васъ плохая, лошадей мало. А коровъ-то сколько у васъ?

— Корова одна, да телушка ужъ по третьему году, четыре овечки, свинья,—сказалъ скороговоркой Иванъ.

— И только! Чтожъ вы станете дѣлить? Сколько лѣтъ отецъ-то умеръ? — спросилъ не много помолчавъ помѣщикъ.—Три года будетъ?

— Три года вотъ объ вешнемъ Николѣ было.

— Въ три года вы разорили домъ и довели его до такой бѣдности! Ни стыда, ни совѣсти въ васъ нѣтъ!

— Что, батюшка, хотите, то съ нами и дѣлайте, а жить мы вмѣстѣ не можемъ! Если мы будемъ жить такъ, какъ жили доселѣ, то у насъ и ничего не останется, — на ваши хлѣбы придемъ. Что-жъ, что мы живемъ въ одной избѣ: у насъ все врозь. Корову надыть подоить, ни та, ни другая баба нейдетъ, начнутъ перекоряться: ты такая, а ты сякая... Я-то свою бабу иной разъ и уйму, а братъ потворствуетъ и вступается за свою. Обѣдаемъ врозь, въ печь два горшка ставимъ; бабы бранятся такъ, что и на свѣтъ бы не глядѣлъ. Вотъ хоть бы третьяго дня: я на вашей барской работѣ былъ, а братъ взялъ да послѣднюю, что была, ржицу отвезъ на базаръ.

— Врешь ты, осталась!

— Что осталось-то?

— Мучицы осталось.

— Зачѣмъ же ты продалъ хлѣбъ? – спросилъ помѣщикъ.

— Подушныя взнесъ за пять душъ, а тамъ сольцы купилъ, деготьку, долженъ былъ Юфиму—отдалъ полтинникъ; а остальныя спряталъ.

— И соль-то спряталъ,—добавилъ Иванъ.—Купитъ кашки, да одни и ѣдятъ; я приду съ барщины и корки мнѣ нѣтъ; жена съ дѣтьми крикомъ кричатъ.

— Ну, что ты все врешь? Самому сынъ, что въ работникахъ въ Тетеревкѣ у попа, прислалъ ко Святой семь цѣлковыхъ; они бы должны были въ семью поступить, а ты ихъ куда дѣвалъ?

— Куда дѣвалъ? Соли купилъ, за колеса мы были должны куму Степану....

— Ну-ка спроси кума Степана, много ли онъ съ тебя получилъ?

— Да спроси самъ, что онъ получилъ. Цѣлковый съ пятакомъ получилъ.

Долго продолжались взаимные попреки, брань и слезы бабъ. Часто помѣщикъ долженъ былъ принимать строгій видъ, чтобы удерживать порывы ненависти, выражавшіеся въ потокахъ ѣдкой брани, и, наконецъ, чтобъ дать себѣ время сообразить: къ какой прибѣгнуть мѣрѣ ихъ примиренія, или чѣмъ рѣшить это дѣло, прогналъ ихъ, сѣлъ на бѣговыя дрожки и поѣхалъ въ поле.

Скоро проѣхалъ онъ деревню и выгонъ; но когда миновалъ околицу и выѣхалъ въ лѣсъ, чрезъ который лежала дорога, онъ сдержалъ лошадь, лѣниво опустилъ возжи и поѣхалъ тихонько. Ему нравился лѣсной воздухъ въ тихое послѣ-обѣденное время, наполненный летающими мошками и комарами, отъ которыхъ нужно было поминутно отмахиваться; но это его не тревожило. Ему пріятно было это одиночество, при которомъ онъ давалъ свободную волю спокойному созерцанію природы. Какъ и поутру ворковала горлинка; тихую, но сладкую пѣснь заводила малиновка; то тамъ, то сямъ куковала кукушка. Вспомнивъ свое дѣтство съ безмятежными днями, въ которые онъ часто гулялъ по этой самой дорогѣ, онъ припоминалъ свое давнишнее зна-

комство съ каждымъ вѣковымъ деревомъ, съ каждымъ изломчатымъ сукомъ дуба. Онъ какъ-будто на минуту возвратился къ этому возрасту, забылъ все горе настоящаго и, прислушиваясь къ однообразно-мѣрному кукованью кукушки, спросилъ машинально: кукушка-кушка! сколько мнѣ лѣтъ жить? Кукушка продолжала куковать; а онъ считалъ и ѣхалъ тихонько, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ Вотъ ужъ кукушка прокуковала 25 или 30 разъ, и вѣроятно можно было бы насчитать еще и болѣе, если-бъ тихій плачъ не вывелъ помѣщика изъ пріятнаго самозабвенія. Онъ взглянулъ впередъ и увидалъ, что на встрѣчу къ нему шла крестьянская баба и горько плакала.

— О чемъ ты плачешь, Акулина?—спросилъ помѣщикъ, остановивъ лошадь.

Акулина сначала вздрогнула, потомъ отерла слезы, замялась и, совершенно смѣшавшись, отвѣчала:

— Такъ-съ.

— Не можетъ быть! Говори сей-часъ: о чемъ ты плакала?

— Коровѣ въ стадѣ что-то подѣялось, смертію издыхаетъ.

— Да вѣдь она еще жива? О чемъ же ты плачешь? Можетъ быть и пройдетъ... Развѣ у васъ нѣтъ другихъ коровъ?

— Послѣдняя была! Видно, Бога прогнѣвали: одну по осени Гаврилина корова ударила рогами въ бокъ... Нашато сердечная чахла-чахла, да и пала. Другая вотъ Великимъ постомъ не растелилась; призывали бабушку Власьевну, она и усердствовала, да не было помочи... тоже пала. А вотъ теперь и послѣдняя... А ребятъ-то, малъ мала меньше, у насъ пятеро въ избѣ; двое изъ нихъ грудные. Что станешь дѣлать-то?—И баба заплакала снова.

— Неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ у васъ ни одной не осталось?

— Осталась теперь одна телушка-зеленчакъ, да скоро ли дождешься? Горе наше да и только!

— Довольно, не плачь!—перебилъ помѣщикъ,—ужъ я какъ-нибудь пособлю вашему горю. Поди на скотный дворъ и скажи скотницѣ Матренѣ, что я велѣлъ тебѣ отдать корову коротоушку, что третьяго года я купилъ въ Матуринѣ.

Я, конечно, отдаю вамъ ее на время; когда телушка ваша будетъ коровой и станетъ давать молоко, тогда вы мнѣ коротоушку возратите обратно, а что въ продолженіе этихъ лѣтъ нателитъ телушечекъ, то все ваше.

Случаи подобные бывали неоднократно. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы помѣщикъ не давалъ кому-нибудь изъ крестьянъ коровы, и все на тѣхъ же условіяхъ; но на дѣлѣ всегда выходило такъ, что коровы никогда уже болѣе не возвращались на барскій дворъ.

Баба, услышавъ такую милость, поклонилась чуть не до земли, бормотала несвязную благодарность; а помѣщикъ, пріударивъ лошадь возжей, чрезъ двѣ или три минуты, выѣхалъ изъ лѣса въ открытое поле. Тутъ картина природы измѣнилась: пропала тѣнь и прохлада лѣсная; паръ, выходящій изъ земли, наполнялъ воздухъ; хорошо удобренная земля, только что вспаханная, свѣтилась блестками; а десятины ранняго посѣва были подернуты какъ-будто изумрудною щетинкою. На землѣ царствовала совершенная тишина, а надъ головою высоко, то утопая въ сіяніи лазурнаго неба, то опять мелькая и трепеща въ воздухѣ, порхало множество жаворонковъ, распѣвавшихъ нескончаемыя пѣсни. Работавшіе въ полѣ тягловые—иные, окончивъ урочную распашку нивъ, перевернувъ соху сошниками и палицею вверхъ и посадивъ на лошадь верхомъ четырехъ или пяти-лѣтняго мальчика, вели за поводъ лошадей, возвращаясь домой; другіе уже давно уѣхали; а третьи еще оканчивали перепашку. Выѣхавъ въ поле помѣщикъ не поѣхалъ по дорогѣ, а свернулъ прямо на пашню. Все вниманіе его было поглощено пахотою, и, казалось, вообще онъ былъ доволенъ, — какъ вдругъ, въѣхавъ на средину одной десятины, онъ почувствовалъ, что дрожки его потеряли плавность хода, нарушаемую нерѣдко толчками: самое вѣрное доказательство, что земля была очень дурно взметана и остались огрѣхи, которые, засорясь землею, для глазъ неопытныхъ были совершенно незамѣтны. Онъ остановился. Посмотрѣвши вокругъ, помѣщикъ увидѣлъ старосту, невдалекѣ отъ него разъѣзжавшаго верхомъ по полю и наблюдавшаго за работами. Помѣщикъ кликнулъ его и тотъ подъѣхалъ.

— Кто пахалъ эту десятину?—спросилъ онъ старосту.

— Карпъ Горошковъ!

— Что-жъ, развѣ ты не видишь, какъ десятина-то вспахана? Чего смотришь ты?

— Какъ не видать, — отвѣчалъ тотъ, снявъ шляпу и почесавшись; — да чтожъ съ нимъ дѣлать-то мнѣ? Ругаешься, ругаешься... и не смотрѣлъ бы.

— Такъ онъ не слушается?

— И радъ бы слушаться, да лошаденки у него плоховаты. Вотъ онъ идетъ; извольте-ка его самого порасспросить.

Подошелъ Карпъ и молча поклонился барину.

— Отчего ты такъ скверно пахалъ? Я заставлю тебя перепахать въ свой день.

— Оно, что говорить, нехорошо-то, нехорошо,—отвѣчалъ Карпъ. — Нешто я самъ-то не вижу, что нехорошо? Я, чай, и самъ то бы на свѣтъ Божій не глядѣлъ! Одна лошаденка, и та жеребая, насилу ноги волочитъ, а въ боронѣ жеребенокъ полутора года....

— Что ты врешь! Куда-жъ ты подѣвалъ лошадей? У тебя славныя лошади были.

— Были, точно были, да вы, баринъ, знать изволили позабыть, что у меня трехъ лошадей осенью цыгане покрали.

— Ахъ, да! Помню, помню! Что-жъ, не слышно объ нихъ ничего?

— Чего тамъ слышать! И слышалъ да толку нѣтъ. Передъ масляницей я былъ на базарѣ; тамъ Ѳедька Качаловскій—мошенникъ первѣющій — отвелъ меня въ сторону, да и говоритъ: что, молъ, Карпуша, лашь.—скажу, гдѣ лошади? Я такъ и обрадовался: говорю ему, что хочешь Ѳедя, то и бери! Давай говоритъ 15-ть цѣлковыхъ! Я ему и посулилъ. Посулилъ, да и думаю: хорошо подлецъ, воръ ты эдакой! Пойду я къ становому: пускай онъ тебя допроситъ. А вѣдь Ѳедька-то Качаловскій извѣстный конокрадъ во всѣмъ уѣздѣ и у него всякій притонъ бѣглыхъ. Являюсь къ становому, да и говорю: вотъ такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, молъ, — вора нашелъ!

— Кто такой?

— Да Ѳедька Качаловскій! Проситъ съ меня 15-ть цѣлковыхъ отыскать....

— Ну что-жъ? ты бы ему и далъ.

— Да у меня и одного-то цѣлковаго нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ самъ своихъ лошадей ищи! Мнѣ съ тобою дуракомъ говорить нечего. Пошелъ!

— Вышелъ я отъ станового, а Ѳедька какъ тутъ. „Что жаловался?—говоритъ мнѣ, ухмыляясь. Нѣтъ же тебѣ и лошадей! У насъ, говоритъ, становой человѣкъ свой: нами молъ, и живетъ“.—Я опять къ становому, чтобъ ему разсказать; а тутъ десятскій меня къ становому въ другой разъ-то ужъ и не пустилъ.

— Что-жъ ты мнѣ тогда не сказалъ? спросилъ помѣщикъ.—Ваша милость въ тѣ поры въ Москвѣ были, а когда возвратились, то становой, вишь, уѣхалъ въ Питеръ въ минестерію, сказываютъ, служить: а послѣ него и Ѳедька безвѣстно пропалъ. Такъ ужъ я не говорилъ вашей милости; да и объ чемъ же и говорить-то станешь? Не объ чемъ!

Тутъ Карпъ сдѣлалъ шагъ впередъ и продолжалъ:

— Коли-бъ милость ваша, родимый, была, лошадку-то бы мнѣ дали!—и поклонился.

— Какъ лошадку? — вскричалъ помѣщикъ; — скверно вспахалъ, да еще лошадку! Гдѣ я тебѣ лошадку возьму?“

— У васъ-то лошадка, батюшка, есть: вонъ сѣрая маленькая —въ разгонѣ у вашей милости ходитъ. Она ужъ таки стара, а мнѣ-то была бы таковская, пахала бы, да пахала.—Скверно вспахалъ... да и вовсе не станешь пахать, какъ лошаденки-то нѣтъ. Сами знаете: три лошади первыя по деревнѣ были; зимою въ Саратовъ ѣзжалъ за рыбой, а теперь и своя земля не пахана остается. Не дай, родимый, по міру подти!... Справлюсь-то, хоть деньги возьмите, что тамъ положите....

Ужасное положеніе крестьянина, у котораго свели вдругъ всѣхъ лучшихъ лошадей, можетъ быть понятно только тому, кто взросъ въ сельскомъ быту. Помѣщикъ понялъ, что, если онъ не поддержитъ Карпа въ это бѣдственное для него время, онъ будетъ нищій, а рано или поздно перейдетъ къ нему на хлѣбы. Крестьянинъ можетъ разсориться скоро, но поправить его и возстановить бываетъ почти невозможно.

— Ну, ужъ Богъ съ тобой!—проговорилъ, подумавъ помѣщикъ,—возьми себѣ сѣраго, но смотри, чтобъ десятина была перепахана хорошо!

Обрадовался мужикъ, но пока собирался благодарить, баринъ былъ уже далеко, оставивъ за собою почти неподвижное и долго стоявшее въ воздухѣ, позлащаемое вечернимъ солнцемъ, густое облако пыли.

Осмотрѣвъ поля, пашни, луга, помѣщикъ шагомъ возвращался домой изъ своей поѣздки; но лишь только въѣхалъ въ ворота своего двора, какъ увидалъ дожидавшихся мужика и бабу съ двумя дѣвочками и грудным младенцемъ на рукахъ.

— Что тебѣ надобно, Антонъ? Ты ко мнѣ что ли?— спросилъ помѣщикъ.

— Къ вашей милости, батюшка, пришли: нужда больно велика,— отвѣчалъ Антонъ.

— Какая же это нужда?

— Вотъ бабу отъ насъ съ дѣтьми сведите: намъ и однимъ съ братомъ жить-то въ избѣ тѣсно. У брата три мальчика, да не то одна, не то, дай Богъ памяти, двѣ дѣвочки; аль нѣтъ,—это у меня-то двѣ, а у брата-то Павла одна дѣвочка, а у меня-то еще два мальчика. Такъ вы, батюшка, явите Божескую милость—сведите отъ насъ бабу-то эту.

— Да вѣдь это жена вашего же меньшого брата? и вамъ не грѣхъ ее сгонять?

— Оно нешто, что грѣхъ, да и кормить-то ее намъ нѣтъ охоты. Мало ли они хлѣба-то съѣдятъ?

— Но братъ-то вашъ когда-нибудь вѣдь къ вамъ придетъ, а вы его жену и его дѣтей сбываете со двора? Къ тому-жъ вотъ и племянникъ подростаетъ, мальчикъ славный, будетъ вамъ помогать.

— Скоро-ль его дождешься! Какой еще онъ!

— Я у васъ и землю братнину не отнималъ,—продолжалъ помѣщикъ,—такъ можно ради земли прокормить одну бабу съ тремя малолѣтними.

— А пахать-то кому-жъ?—перебилъ Антонъ.—У насъ и отъ своей-то земли хрипъ болитъ, а тутъ еще на нихъ работай. Братъ-атъ не то вернется, не то нѣтъ; съ самаго съ того времени, какъ въ солдатахъ, ничего не писалъ. Кто его тамъ вѣдаетъ, гдѣ онъ?

— А я то куда-жъ ее дѣну? —спросилъ помѣщикъ.

— Батюшка, родимый, голубчикъ, отецъ ты нашъ! Не покинь ты меня съ сиротами горькую! Хоть какой уголочекъ ты намъ дай!—завопила баба.—Съ деверьями мнѣ житья нѣтути; со свѣту сжили—попрекаютъ, да ругаются!—И баба разразилась слезами...—Ругаются, говорятъ: иди къ барину! пусть тебя, куда хошъ, туда и дѣваетъ!

— Вы съ братомъ-то,—сказалъ помѣщикъ, обращаясь къ Антону,—жену брата съ кровными племянниками сбываете со двора! Ни стыда, ни совѣсти въ васъ нѣтъ!

— Ступай съ дѣтьми,—прибавилъ помѣщикъ, обращаясь къ бабѣ, — ступай въ птичную избу и займи тамъ пока уголъ!

Сказавъ это, помѣщикъ пошелъ на крыльцо, а мужикъ и баба, поклонившись ему вслѣдъ, отправились своими дорогами.

Не найдя никого въ залѣ, помѣщикъ чрезъ гостинную пошелъ на балконъ. Тамъ говоръ и шумъ дѣтей, голосъ жены и нянекъ,—все это, прерываемое звонкимъ смѣхомъ, долетавшимъ до ушей его, еще когда онъ шелъ, пролило въ душу его тишину и спокойствіе, въ которыхъ онъ очень нуждался. Семейство собралось пить чай. На столѣ, покрытомъ скатертью Ярославскаго тканья съ видомъ города Ярославля, гордо и величественно возвышалъ свою конфорку блестящій самоваръ, шипя, свистя и извергая изъ себя обильными потоками клубы пара. На самоварѣ стоялъ чайникъ, а у подошвы самовара были расположены чашки, какъ зданія маленькаго уѣзднаго города вокругъ коллосальнаго собора. За особымъ столомъ лепетали дѣти и, въ ожиданіи чая, ѣли молоко съ хлѣбомъ. Жена помѣщика въ бѣлой блузѣ, хлопоча около чайнаго стола и нарѣзывая хлѣбъ, привѣтливо и весело улыбалась вошедшему мужу. Это былъ уже восьмой часъ по-полудни. Солнце еще свѣтило ярко, но лучи его уже не жгли и не сушили, какъ въ полдень. Весело кружились мошки, золотимыя солнцемъ; кудактала гдѣ-то курица, жужжала по временамъ пчела, собиравшая медъ въ цвѣтникѣ, и отдаленные звуки пѣсни, прерываемой звонкимъ хохотомъ, неслись изъ-за прудовъ, гдѣ ребята стерегли лошадей, а дворовыя дѣвчонки караулили барскую птицу. Есть что-то обаятельное, сладкое, какъ

будто напоминающее всегда свѣтлое прошедшее, въ мирной семьѣ за вечернимъ самоваромъ, подъ открытымъ небомъ. Всѣ понимаютъ, что тутъ все очень обыкновенно: тѣ же лица, тотъ же хлѣбъ, какъ и всегда; но на сердцѣ дѣлается какъ-то весело, какъ-то спокойно, что и передать нельзя; и личики дѣтей кажутся красивѣе, и чай ароматнѣе, и жена добрѣе, и цвѣты роскошнѣе. Помѣщикъ любилъ часы вечерняго чая, и потому, откинувъ всѣ заботы и стараясь забыть все то, что было ему не по-сердцу, весь предался своему семейству; наконецъ, чай отпитъ, дѣти ушли гулять и бѣгать, и на балконѣ воцарилась тишина. Жена поѣхала на короткое время повидаться къ недалеко жившей молодой сосѣдкѣ-пріятельницѣ, а помѣщикъ, куря папироски, сидѣлъ одинъ за простывшей чашкой.

Однѣ мысли въ головѣ его смѣнялись другими, и дѣльное и недѣльное, смѣшное и грустное, настоящее и прошедшее проходили въ его памяти, какъ видѣнія мимолетныя. Вотъ ужъ закатилось солнце и западъ засіялъ зарею; шли минуты за минутами, часы смѣнялись часами; заря то блѣднѣла, то темнѣла, и на небѣ блеснула звѣзда. Давно уже прошла скотина съ пастбища, гонимая пастухомъ на скотный дворъ, поднявши страшную пыль и наполняя воздухъ разнообразнымъ мычаньемъ, блеяньемъ и хрюканьемъ. Давно табунъ лошадей, кобылъ съ жеребятами пробѣжалъ рысью на варокъ [1]) съ луга, гдѣ они въ продолженіе дня щипали сочную траву. Сначала довольно долго еще были слышны на варкѣ и ржаніе и топотъ, но мало-по-малу и тамъ все затихло. Помѣщикъ видѣлъ, какъ баба прошла на барскій скотный дворъ и черезъ нѣсколько минутъ вела оттуда на кушакѣ привязанную за рога корову, вела съ самымъ пріятнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ видомъ какого-то нежданнаго торжества, и помѣщикъ, глядя на нее, невольно улыбнулся. Прошелъ и Карпъ на варокъ съ уздою и отвелъ къ себѣ домой подаренную ему лошадь, съ видомъ человѣка, получившаго справедливое удовлетвореніе своему требованію. Мысль помѣщика остановилась на этихъ двухъ лицахъ. Помѣщикъ подарилъ корову; она стоитъ не менѣе 12-ти рублей серебромъ; лошадь — не менѣе 18-ти; итакъ

[1]) Конный дворъ.

настоящій день принесъ ему тридцать рублей серебромъ убытку. Онъ могъ бы не дать имъ ни коровы, ни лошади; но за то непремѣнно услышалъ бы когда-нибудь плачь младенцевъ, лишенныхъ необходимаго и единственнаго для нихъ продовольствія—молока. „Да что-жъ бы тебѣ до нихъ и за дѣло?" шепталъ эгоизмъ: „съ такими разсужденіями не будешь богатъ; пожалуй, раздай все и ничего не останется". А другой голосъ, выходившій изъ сердца, говорилъ: „твои дѣти пресыщены всѣмъ; много у нихъ и молока, и сливокъ; каждый день у нихъ и чай, и крендели, и булочки, и всякое лакомство. А тѣмъ одна радость, одно утѣшеніе—молоко".—Такъ говорило сердце, и помѣщикъ невольно сличилъ обильный свой обѣдъ съ пустыми щами и кашей съ скуднымъ кускомъ масла своихъ крестьянъ и, подумавъ объ этомъ, ему стало неловко. При этой мысли грустное чувство стѣснило грудь помѣщика, и онъ рѣшился разобрать и обсудить свои отношенія. Вотъ результатъ его обсужденій.

Равенство состояній исторіею человѣчества признано дѣломъ невозможнымъ. Пока существуютъ деньги, государство, образованіе,—будутъ существовать и бѣдные, и богатые. Богатые будутъ наслаждаться матеріальнымъ благосостояніемъ, платя за это благосостояніе бѣднымъ, которые за деньги всегда служили и будутъ служить богатымъ. Богатство и возвышеніе надъ братьями-человѣками пріобрѣтается или торговлею, или военными и гражданскими заслугами тѣмъ же братіямъ-человѣкамъ, составляющимъ общество или государство; а они за эти услуги обогатили и возвысили услужившаго имъ брата, а тотъ богатство свое и значеніе въ обществѣ передаетъ своимъ потомкамъ. Не я виноватъ, что человѣчество развило эти права; а я свое право наслѣдовалъ законно. Но я буду виноватъ, если права эти употреблю во зло и не воспользуюсь ими на всевозможное благо моимъ меньшимъ братіямъ; я буду виноватъ не предъ людьми—Богъ съ нимъ, съ людскимъ приговоромъ, - а предъ своею совѣстію, если я не воспользуюсь данными мнѣ средствами, чтобъ воспитать дѣтей и образовать ихъ такъ, чтобъ они службою отечеству пріобрѣли безукоризненное право быть наслѣдниками завѣщаннаго имъ предками достоянія. Я буду виноватъ предъ отечествомъ и

предъ будущимъ поколѣніемъ, если, какъ эгоистъ, буду только смотрѣть на мое личное благо, а тамъ будь, что будетъ; истощу землю усиленными посѣвами, оставлю ее безъ удобренія, истреблю лѣса и распашу ихъ, чтобы воспользоваться временнымъ барышемъ; пусть отъ безлѣсья пересохнутъ источники и земля перестанетъ родить; пускай хоть замерзнутъ будущія поколѣнія,—что мнѣ за нужда, на мой вѣкъ станетъ!—Увлекаясь потокомъ мыслей, помѣщикъ незамѣтно перешелъ къ вопросу: выполняетъ ли онъ дѣйствительно свою обязанность въ отношеніи къ ближнему въ лицѣ своихъ крестьянъ и, какъ хозяинъ-хлѣбопашецъ, приноситъ ли пользу отечеству?

Вникнувъ въ оба эти вопроса, онъ съ грустію въ сердцѣ сознался предъ своею совѣстію, что нѣтъ,—что если и выполняетъ, то очень мало. Развѣ это добро, что онъ даетъ лошадь тому, корову другому; призритъ сироту, то есть, дѣвочку возьметъ въ дѣвичью, мальчика отдастъ въ ученье въ какое-нибудь ремесло, вдову возьметъ на мѣсячну; въ случаѣ неурожая прокормитъ крестьянъ или обсѣменитъ ихъ поля, въ случаѣ пожара поможетъ обстроиться, или дастъ лѣсу на починку или поправку строенія,—тому верейку къ воротамъ, тому осинки три или четыре—ригу или сарай исправить; подастъ помощь больному, отправивъ его въ больницу на свой счетъ, или показавъ лѣкарю, и купивъ для него лѣкарства въ аптекѣ, заплатитъ подушныя? Добра нѣтъ. Тутъ только желѣзная необходимость, или лучше разумная необходимость. Разоренный мужикъ, не имѣющій возможности купить лошади, и себя и барина оставитъ при непаханной землѣ. Разорившійся и неподдержанный во время крестьянинъ не въ состояніи будетъ справить обоза, лишась здоровья, не въ состояніи будетъ работать,—и тогда помѣщикъ даромъ будетъ кормить его цѣлую жизнь. Нельзя не призрѣть вдову, дѣтей, старухъ, стариковъ, потому что пустить ихъ по міру помѣщикъ не имѣетъ права и можетъ рисковать попасть въ опеку. Нельзя не заплатить и подушныхъ, подъ-часъ и за нерадиваго, потому что увеличившаяся недоимка можетъ довести имѣніе до продажи съ молотка. Гдѣ же тутъ добро? Тутъ эгоизмъ, своя польза, своя выгода, и за все это добро спасибо только на словахъ, а не на душѣ.

Помѣщикъ лишенъ наслажденія, такъ свойственнаго слабости человѣческой, видѣть благодарность облагодѣтельствованныхъ имъ, потому что всякое добро принимается народомъ, какъ обязанность или прихоть со стороны владѣльца. Если помѣщикъ за трескучими морозами отложитъ посылку обоза на ближній рынокъ или пристань, по человѣчеству жалѣя крестьянъ своихъ, и чрезъ то, потерявъ время, понесетъ убытокъ: они не поймутъ, что дѣйствіемъ этимъ управляла любовь къ человѣчеству, а просто скажутъ: не разсчиталъ баринъ. Они не знаютъ, что каждый рекрутскій наборъ помѣщикъ страдаетъ душею, какъ бы теряя что-то близкое сердцу, когда долженъ назначать кого везти, и— не изъ личнаго интереса, а будучи мужемъ и отцемъ, понимаетъ всю горесть семейства. А онъ воленъ отдать того или другого, и на него съ горестію и съ тайнымъ упрекомъ смотритъ семья отданнаго, такъ что помѣщикъ и самъ долго не можетъ, какъ будто виноватый, безъ какого-то тягостнаго чувства смотрѣть на отца, мать или покинутую жену огорченной семьи.

Что бы ни совершилъ онъ по влеченію своего сердца для крестьянъ своихъ, ничто не будетъ замѣчено ими, и потому, что мудренаго, если въ чужихъ краяхъ, какъ подвиги добра, описываются въ назиданіе юношеству, что богатая владѣтельница замка, какъ-то расчувствовавшись, сама въ корзинкѣ несетъ кусокъ бѣлаго хлѣба и бутылку вина какой-нибудь вдовѣ дровосѣка и проч. Очень понятно, что тамъ это считается величайшимъ добромъ, потому что судьба и выгоды этой бѣдной женщины не связаны съ судьбою благогодѣтельной графини. Тамъ оно и добро; а у насъ что хочешь дѣлай, все будетъ добромъ по долгу необходимости, или добромъ, не признаннымъ людьми и особенно тѣми, кому оно дѣлается.

Часто думалъ помѣщикъ, отчего крестьяне его не такъ богаты, что, за немногимъ исключеніемъ, не могутъ варить мясо во щахъ, однимъ словомъ—не могутъ назваться благодатнымъ именемъ зажиточныхъ? На тягло они работаютъ не болѣе двухъ тридцатныхъ десятинъ, обозовъ дальнихъ не дѣлаютъ, а сбываютъ хлѣбъ на ближнихъ базарахъ; въ нуждѣ онъ имъ помогаетъ, и, конечно, хотя они далеко не бѣднѣе сосѣдей своихъ—крестьянъ государствен-

ныхъ, но все еще не такъ, какъ бы ему хотѣлось. На совѣсти его лежало какъ-будто и проявленіе невѣжества, и лѣнь, и недостатки въ средствахъ, и плохія лошади, и негодныя коровенки, и все это онъ приписывалъ своей слабости и недостатку воли. Онъ видѣлъ примѣры, что бывали помѣщики, которые покупали имѣнія разоренныя, народъ, спившійся съ круга, развращенный, а въ десять или пятнадцать лѣтъ доводили эти имѣнія до цвѣтущаго состоянія. Но сколько надобно тутъ имѣть воли и твердости, чтобъ олицетворить въ себѣ законъ и правосудіе, чтобы, карая безъ милосердія каждый проступокъ, входя въ обстоятельство каждаго семейства, преслѣдуя всѣ домашнія упущенія, нерадѣніе по хозяйству, и по необходимости ссылая на поселеніе, взыскивая за большую и за малую вину, искореняя и жестоко наказывая пьяницъ, довести народъ до сознанія пользы труда и честной жизни! Но вѣдь для этого надобно быть человѣкомъ необыкновеннымъ. А я что? думалъ помѣщикъ. Не далѣе какъ сего-дня я допустилъ дѣлежъ – первый шагъ къ разоренію. Но что-жъ мнѣ было дѣлать съ ними? Не позволить просто дѣлиться? Они бы пришли къ разоренію конечному; ненависть между родными не слабѣетъ, а растетъ съ годами. Жестокими наказаніями всѣхъ лицъ семейства, ужасомъ неумолимой власти заставить забыть домашнія дрязги и распри?—и это было бы имъ во благо. Но, Боже мой, гдѣ мнѣ взять столько воли, и, наконецъ, что же это за жизнь, если ее посвятить такой широкой опекѣ? Но положимъ, что воли бы и достало; но вездѣ—въ каждомъ хозяйствѣ, въ каждомъ дворѣ, заставивъ признавать распоряженія своего ума и воли, не скуешь ли умъ и волю крестьянъ своихъ до того, что они отвыкнутъ мыслить и дѣйствовать самобытно и превратятся изъ живыхъ людей въ безсмысленныя машины? Все можно сдѣлать силой; но на-долго ли? Все можно сдѣлать силой: но силой не возстановишь любви, если она оскудѣла въ семействѣ; а безъ любви, живутъ ли они вмѣстѣ, живутъ ли врозь—это совершенно все равно. Одиночество, какъ ни худо, но все лучше озлобленнаго семейства: въ одиночествѣ—только тяжело, а во враждующемъ семействѣ—адъ.

Отчего же встарину жили большими семьями, не знали тѣсноты, во всемъ было обиліе и народъ былъ несрав-

ненно веселѣе? Тогда помѣщичьи крестьяне, кромѣ барщины обложены были поборами съ тягла по барану, по полпуду или по пуду свинины, по двѣ курицы и по полсотни яицъ и проч.,—и все это тогда не считалось обременительнымъ, потому что все это ничего не стоило. Тогда крестьяне не покупали дровъ, ихъ было вездѣ много; не тужили объ избѣ и ставили ее чуть не за даромъ; свободно водили свиней, никто не гонялъ ихъ съ луговъ, потому что при обиліи водъ луга были тучны и обиліе покосовъ казалось неистощимымъ; сапогъ не носили, а лыковъ на лапти было въ волю; не платили печнику за печь, а сбивали ее изъ глины сами; не нужно было ни вьюшекъ, ни заслона, ни кирпича: заслонъ замѣняла доска, трубъ не было, народъ не боялся дыма, лучины для освѣщенія было вдоволь; не было денегъ или было очень мало,—но въ нихъ для мужика и потребности не было. Все, что составляетъ первую потребность, было свое, все было подъ руками. А теперь не то: побывавъ въ Петербургѣ или Москвѣ, познакомившись съ трактирами и трубкой табаку, лапти сдѣлались обувью, въ которой кое-какъ еще прилично идти съ обозомъ въ дорогѣ, а то непремѣнно нужно имѣть сапоги. Прежде крестьянская баба одѣвалась въ произведеніе своихъ издѣлій, а теперь ситецъ, французскій платокъ, коленкоръ и миткаль и кожаные или сафьянные коты составляютъ потребность. Нужды увеличились; а природа, съ помощію цивилизаціи, безразсудно истребившей лѣса, оскудѣла страшно, рѣки высохли, влага въ воздухѣ пропала и урожаи сдѣлались рѣдкостію. Утратилось равновѣсіе между средствами, даваемыми природою, и возросшими нуждами; а неудовлетвореніе ихъ заронило въ сердца духъ унынія. Чтобъ примирить средства, какими располагаютъ крестьяне, съ цивилизаціею, выражаемой у насъ фабричными произведеніями на женщинахъ, куреньемъ трубки, картузомъ, жилетомъ нѣмецкаго покроя и посѣщеніемъ трактировъ мужчинами, надобно бы совершенно было отказаться отъ обычаевъ народныхъ и вмѣстѣ съ наружной цивилизаціей европейской позаимствовать и духъ эгоизма европейскаго. Народъ нашъ въ храмовые и другіе большіе праздники на угощеніе родныхъ гостей не жалѣетъ ничего. Мяса дня въ три истрачивается столько, что семейству своему достало бы

по меньшей мѣрѣ на мѣсяцъ имѣть по куску мяса за столомъ; тогда какъ, употребивъ все свое достояніе на праздничныя угощенія, остальные дни въ году они ѣдятъ пустыя щи. Встарину праздники были веселы; но веселіе возможно только при избыткѣ, а избытокъ вина есть главный источникъ веселья. Встарину достаточно было отвезти одну четверть ржи, чтобъ получить съ винокуреннаго завода ведеръ шесть отличнаго качества вина, чуть не спирту; тогда какъ теперь нужно продать двѣ четверти ржи, чтобъ получить одно ведро и то очень плохого достоинства. Пойдетъ ли на умъ веселье? Размысливъ такимъ образомъ, что причиною утраты народной веселости не онъ, и что сосѣдніе крестьяне государственныхъ имуществъ живутъ не веселѣе, и что не въ его власти помочь горю, помѣщикъ нѣсколько успокоился и перенесъ свою мысль на второй вопросъ: приноситъ ли пользу государству его хозяйственная дѣятельность?

Но тутъ онъ окончательно былъ разочарованъ. Правда, что избытокъ произведеній его хозяйства свозится на рынки для продажи, но земля могла бы и должна давать несравненно болѣе, нежели сколько онъ получаетъ. Отъ чего же это? Отъ того, что у него земля не воздѣлывается такъ тщательно и совершенно, какъ у нѣмцевъ; а нѣмецъ, нанявъ работника, старается такъ, чтобы уплата его не пропала, но возвратилась со сторицею. Что ему за нужда, что рабочій утомленъ, что онъ голоденъ или холоденъ? Въ Западной Европѣ работникъ не выше рабочаго скота; тогда какъ помѣщикъ, чтобъ совершенно не разориться, по неволѣ долженъ жалѣть лошадь своего крестьянина и быть снисходительнымъ часто къ несовершенной работѣ. А крестьянину его что за нужда: дурно ли, хорошо ли онъ работаетъ, много ли, мало ли сработалъ? Онъ знаетъ, что самъ баринъ неспособенъ къ строгимъ взысканіямъ, то бояться нечего, извиняясь предъ своею совѣстію тѣмъ, что барской работы не переработаешь; землю отъ него не возмутъ, его не прогонятъ, а старость его обезпечена, иначе за него самъ баринъ отвѣтитъ предъ закономъ. Боясь отягощенія крестьянъ своихъ, помѣщикъ часто долженъ отказываться, или самымъ медленнымъ образомъ достигать тѣхъ усовершенствованій, которыя онъ давно замыслилъ. И при всемъ томъ онъ вѣчно долженъ страдать и душею и карманомъ, чтобъ не отвѣчать

и предъ своею совѣстію и предъ закономъ за положеніе своихъ крестьянъ.

Давно уже десятая папироска истлѣла въ рукахъ помѣщика, а онъ все еще сидѣлъ неподвижно на балконѣ своего дома, теряясь въ потокѣ мыслей. Вдругъ шумъ и крикъ въ деревнѣ пробудили тишину вечера,—и, не много погодя, пожилая крестьянская баба стремглавъ вбѣжала въ цвѣтникъ и съ воплемъ бросилась на колѣна предъ бариномъ.

— Что, что съ тобою, Аграфена?—вскричалъ испуганный помѣщикъ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Батюшка родимый, спаси ты меня отъ сына, дѣвай, куда хочешь!

— Отъ какого сына?

— Да отъ сумасшедшаго дурака-то моего, сумасшедшаго Петрушки! Сей-часъ чуть деревни не спалилъ. Легъ было спать, да и всталъ тихонько, да къ печкѣ. Я смотрю, что будетъ? Досталъ уголь съ огнемъ, вышелъ изъ избы, да подъ пелену въ солому и суетъ. Я такъ и обмерла. Что ты, кричу, разбойникъ, дѣлаешь?—бросилась выхватить у него уголь; а онъ меня камнемъ однимъ въ голову, другимъ въ грудь, да какъ захохочетъ—точно сатана, прости Господи!—Родимый ты мой батюшка, возьми ты его, куда хочешь, а мнѣ нѣтъ житья съ нимъ, я съ нимъ не справлюсь!

— Гдѣ же онъ теперь?

— Староста его связалъ, да въ чуланъ заперъ; а я къ тебѣ, родимый, прибѣжала. Возьми куда хочешь!

— Ну хорошо, Аграфена! Ступай теперь домой, а завтра я распоряжусь; посмотримъ, что намъ дѣлать съ нимъ.

Аграфена пошла, охая и всхлипывая, и вплоть до двора все приговаривала: куда хочешь, баринъ, туда и бери; нѣтъ мнѣ житья, а дѣло мое бабье; онъ, разбойникъ, меня убьетъ!

А баринъ, оставшись одинъ, думалъ: „а мнѣ-то куда жъ дѣвать сумасшедшаго?“ Въ имѣніи его есть уроды: одинъ безногій, двое слѣпыхъ, да два дурака, — одинъ-то еще на что-нибудь годится, а другой совершенный идіотъ. Всѣ они, кромѣ одного слѣпого, да идіота—круглыхъ сиротъ, живутъ въ семействахъ. Но и для двухъ нуженъ пріютъ, присмотръ и содержаніе, а теперь вотъ и сумасшедшій приходитъ на его руки, да еще какой сумасшедшій: или убьетъ кого, или деревню подожжетъ. Думалъ, думалъ помѣщикъ, и порѣ-

шилъ отвезти его въ домъ умалишенныхъ. „Этихъ еще хлопотъ и расходовъ не доставало“,—горько улыбнувшись, подумалъ онъ.

Чудный, таинственный вечеръ лѣтній накинулъ свои покровы на природу. Въ неопредѣленныхъ очеркахъ рисовались старыя ветлы, неподвижно отражая свои профили въ темной зеркальной поверхности пруда. Вдали съ болотъ подымались сѣдые туманы, кричалъ дергачъ, стрекоталъ лѣниво кузнечикъ; и что за пѣсни высвистывалъ опять соловей въ купѣ цвѣтущихъ деревъ сада! Помѣщикъ долго и безотчетно смотрѣлъ вдаль. Грустныя и мрачныя мысли мало-по-малу разлагались въ созерцаніи спокойной, тихой, лѣтней ночи; и когда до слуха его началъ долетать знакомый шумъ катившагося вдали и приближавшагося экипажа возвращавшейся изъ гостей жены, онъ всталъ съ своего мѣста, весело взглянулъ на небо и, войдя въ домъ, велѣлъ подавать ужинъ.

МІРСКОЙ СХОДЪ [1]).

I.

На площадкѣ, образовавшейся соединеніемъ трехъ концовъ деревни къ одному мѣсту, собирался мірской сходъ. Пришелъ кумъ Иванъ, пришелъ сватъ Кузьма Парамонычъ, пришелъ и Парамонъ Парамонычъ; — поклонились другъ другъ, сказавши „здравствуйте“, постучали палочками кто о земь, кто о камлышку,—и, въ ожиданіи всего общества, присѣли на обрубокъ срубленной ветлы, возлѣ сарая дужника Еремы,—и начали смотрѣть, то на синее послѣ-полуденное небо, то на пѣтуха, кричавшаго во всю мочь, поднявшаго перья на вытянутой шеѣ и особеннымъ выраженіемъ голоса приглашавшаго куръ склевать найденное имъ зернышко. Зернышекъ по улицѣ было насорено не мало, дѣло было передъ Ильинымъ днемъ; рожь уже совсѣмъ, вотъ таки совсѣмъ, почти поспѣла, тогда какъ въ закромахъ, развѣ что у дѣда Трифона, и то прошлогодней ржицы, не то либо осталось, не то нѣтъ, а у другихъ такъ уже давнымъ давно закромы были выметены чисто и мыши изъ амбаровъ отъ голода сбѣжали въ поле.

Вотъ бабы понемножку и жнутъ да жнутъ: когда сожнетъ сноповъ десятокъ, когда и полкопны обстарнуетъ разсыплетъ на веретьяхъ противъ избы на улицѣ, посушитъ на солнышкѣ, да и смелетъ ручнымъ жерновомъ въ мучицу. Такъ что же мудренаго, что была пожива курамъ: при на-

---

[1]) Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ издаваемомъ А. Д. Желтухинымъ „Журналѣ земледѣльцевъ“ за 1858 г. въ № 17.

сыпкѣ на веретья, при уборкѣ въ кадушку, все ужъ щепотка какая просыплется на земь, безъ чего ужъ нельзя; а потому не только куры, но и голуби—цѣлыми тучками, то спускались на улицу поклевать невинной добычи, то спугнутые перебѣжавшими съ крикомъ ребятенками или проѣзжавшимъ съ возомъ сѣна на скрипучей телѣгѣ мужикомъ, поднимались, шумя крыльями, и садились на ближайшіе сараи, да на кровли и на крестъ часовни.

А сходъ все себѣ сходился, да сходился и уже слышенъ былъ споръ. Въ срединѣ площадки стояла рубленая въ четыре угла, бревенчатая, почернѣвшая отъ времени часовня, съ поросшею мхами тесовою крышею. Съ одного боку дверь была замкнута висячимъ ржавымъ замочкомъ, а возлѣ двери, къ одному боку, было прорублено большое окно, или лучше сказать стѣна была разобрана, и, вмѣсто рамы, въ это широко отверстіе вставлена была деревянная рѣшотка. Сквозь рѣшотку видны были три потемнѣвшіе полуоблупившіеся большіе образа: въ срединѣ Господь Вседержитель, съ одного боку Предтеча, а съ другого Пречистая Матерь. У рѣшоточки придѣлана снутри желѣзная кружка, съ прорѣзанною для денегъ щелкою — на случай, если бы кто пожелалъ пожертвовать что нибудь въ приходскую церковь Рождества Пресвятыя Богородицы. Старый желѣзный крестъ на часовнѣ совсѣмъ почти что свалился на бокъ и таки ужъ давненько; а набожный мужикъ Кондратій каждый разъ на мірскомъ сходѣ говорилъ, что „вотъ молъ не хорошо; часовню Божію покидаемъ; надобныть бы молъ, православные, послать въ Любозорово за Иваномъ Васильевичемъ“ — (кузнецъ въ ближайшемъ помѣщичьемъ имѣніи Любозоровѣ), „чтобы креста-тъ онъ поставилъ на мѣсто; да что жъ бы и стоило то, плевое дѣло: дать бы ему какой гривенникъ съ міру!...“ Мужики слушали его благоговѣйно — смотря на часовню, иной мужикъ крестился, другой чесалъ въ затылкѣ; всѣ говорили „надыть! давно надыть:“ а крестъ въ такомъ положеніи оставался уже десятый годъ, считая съ вешняго Миколы. Сходъ собрался, а вмѣстѣ съ собравшимся сходомъ кипѣлъ и споръ... Дѣло было не спроста, надобно было разрѣшить общественное дѣло и вотъ въ чемъ оно состояло. Селеніе было малоземельное, а лужку мало. Въ Сивомъ оврагѣ, вотъ, что за

урочищемѣ Портками—лужокъ бы и хорошъ былъ, и мѣсто не то, чтобъ сырое, а такъ себѣ потное, травы ростутъ отличныя, даже и въ самый сухменный годъ все пырей, да клеверъ, ни чемерики, ни кочкарничка нѣтъ, да только требуетъ бережи, а то ребятенки въ ночной съ лошадьми нѣтъ-нѣтъ да и забредутъ туда изъ болота, да и стравятъ прежде покоса. Надоѣло мужикамъ оставаться безъ сѣна. Оно что говорить! Хоть и немного, а все копны по двѣ, а то и по три на дворъ привезли;--подумали и положили весною, на мірскомъ сходѣ лужокъ заказать, а старостѣ крѣпко накрѣпко приказали, что если онъ кого изъ ребятъ поймаетъ съ лошадьми въ Сивомъ оврагѣ, чтобъ вспоролъ того хворостиной, чтобъ до петровскаго заговѣнья не забылъ, а отца сорванцова чтобъ тащилъ на сходъ: —„поставитъ тогда песъ ведро вина старикамъ!...“ Весна на этотъ годъ была дождливая, лѣто теплое, грозное: всѣ злаки такъ и нѣжились, такъ и потѣли въ постоянномъ пару, наполняя воздухъ ароматомъ цвѣтовъ. Пырей поднялся высоко, клеверъ тянулся за нимъ, помахивая головками своихъ розовыхъ цвѣтовъ, однимъ словомъ, никогда еще не было такой густой, не прорѣзной травы, какую уродилъ Господь въ тотъ годъ въ Сивомъ оврагѣ, что за урочищемъ Портки. Время. Давно уже наступило время косить. Господскіе давнымъ давно метали стога, да убирали послѣднія копны съ луговъ. Огромные остроконечные стога сѣна красовались въ виду Мошкина, въ селѣ Любозоровѣ, на гумнѣ у помѣщика, и часто служили поводомъ разсужденія для Мошкинскихъ крестьянъ. „Ишь ты любозоровскій то баринъ сколько наставилъ стожковъ“, говорилъ въ тотъ день Федосѣй-мужикъ умный сосѣду Егору, мужику богатому, но съ придурью. „Что жъ мудренаго, сяновъ много“, отвѣчалъ тотъ, „а я вотъ что дивуюсь не надивуюсь: какъ песъ ихъ знаетъ успѣваютъ любозоровскіе убираться только, вотъ ужъ и свое и господское все то почитай убрано, а у насъ Сивый то лугъ все не косятъ, да не косятъ, а старики, раздуй ихъ, и не думаютъ“. „Тото вотъ оно то и есть“, замѣтилъ съ достоинствомъ Федосѣй, обративъ къ Егору свое красное отъ частыхъ попоекъ лицо -что держава то одна. Оно все и идетъ и убирается. А у насъ и всего то по двѣ копны на дворъ накосить и то вотъ ужъ третій разъ нынѣ будетъ, староста

мірской сходъ собираетъ: косить, аль стравить лошадьми?... „Пора, братъ Егоръ, на сходъ идтить“,—продолжалъ поднимаясь Федосѣй, мигнувъ лукаво, и пошелъ.

На сходѣ спорили сильно, но спорили немногіе, а другіе кто сидѣлъ, кто стоялъ, а которые и вовсе прилегли къ плетню сарая и слушали, и только по времени вмѣшивались въ разговоръ. Дѣло шло о томъ: *скосить Сивый лугъ міромъ, али стравить лошадьми?*

— Надыть скосить, говорили одни...

— Что тамъ косить? нынѣ вотъ пора рабочая,—говорилъ сватъ Кузьма,—хлѣбъ жать пора, какого тамъ ляду косить.

— Лошади, старики, отощали: вонъ мой пѣгой меринъ, на что тебѣ конь, и то вчера на гати, какъ завязли въ грязи колеса, привсталъ?...

— Привсталъ!—перебилъ съ удивленіемъ Иванъ.

— Привсталъ—вотъ, какъ Богъ святъ, привсталъ; привсталъ, таки совсѣмъ привсталъ... то-то, старики, что жъ лошадей то томить? лучше пустить ихъ въ Сивый лугъ: пусть себѣ пасутся.

— Вишь ты, прытокъ больно;—раздалось нѣсколько голосовъ — у него лошадей то табунъ, такъ онъ наровитъ стравить... Надыть косить!

— Стравить, старики! стравить лошадьми; пора рабочая, какого пса косить....

А въ это время, пока шумѣли, да спорили, Андрюха, сынъ Степана косого, малый лѣтъ девятнадцати, слывшій въ деревнѣ за перваго озорника, ѣхавшій въ сопровожденіи толпы босоногихъ ребятъ на лошадяхъ, ведя на обрывкахъ, привязанныхъ за шею еще по сторонамъ двухъ лошадей, остановился посреди улицы, противъ схода и сталъ вслушиваться въ разсужденіе стариковъ. Андрюха съ ребятишками гналъ лошадей пасти въ лѣсъ; но лишь только услыхалъ, что на сходѣ приговариваютъ стравить Сивый оврагъ, какъ гаркнетъ ребятамъ: „ворочай въ Сивый!“

— Въ Сивый! въ Сивый!—кричали ребята, и вся ватага, повернувъ круто направо, понеслась по улицѣ, въ ту сторону, куда лежалъ путь къ урочищу Порткамъ.

Услышавъ вопль ребятъ, весь сходъ съ изумленіемъ обратилъ глаза на удалявшихся удальцовъ, а староста, сообразивъ дѣло, началъ кричать во все горло:

— Стой, стой, черти! куда васъ несетъ лѣшій?—и, не смотря на свои тяжелые сапоги, бросился со всѣхъ ногъ догонять ребятъ, продолжая кричать: стой!

Тяжелый, долгополый сѣрорыжій кафтанъ путался въ ногахъ....

— Сними кафтано-тъ! сними — сними! — кричали со схода мужики.... Шапка слетѣла съ удалявшагося старосты. —Шапку потерялъ, шапку то, шапку то подыми, — кричали во все горло православные до тѣхъ поръ, пока староста, ругаясь и крича, не скрылся изъ виду.

— Экой озорникъ этотъ Андрюха,—глубокомысленно промолвилъ Федосей.

— Мать избаловала свинова сына,—замѣтилъ Кузьма,— кабы ему настегать хорошенько.... такъ не сталъ бы озорничать.

Наконецъ староста, весь раскраснѣвшійся и обтирая полою кафтана, катившійся со лба, потъ, возвратился къ сходу.

— Что староста, догналъ?—насмѣшливо спросилъ сватъ Иванъ....

— Догналъ—прытокъ ты больно, самъ бы догналъ: нешто пѣшій коннаго догонишь.

— Да зачѣмъ же ты бѣжалъ то и сапоги то топталъ?

— Ничего,—сказалъ кто то,—староста у насъ легкій....

— Да что жъ это, староста, что же въ самомъ дѣлѣ то Андрюха озорничаетъ? — говорилъ Кузьма, — настегать бы ему задъ-отъ.... вѣдь вотъ стравитъ теперь Сивой то луѓъ.

— Я послалъ своего парнишку верхомъ догнать, да воротить его съ лугу,—сказалъ староста,—а что жъ взаправду, старики, постегать бы Андрюху напыть?

— Надыть, надыть,—порѣшили всѣ въ одинъ голосъ.

— А Сивый то оврагъ стравить штоль, аль скосить?

— „Скосить.... стравить.... скосить.... не нужно.... побойся ты Господа Бога.... врешь ты все.... слухай, слухай.... я жъ тебѣ говорю—и прочія подобныя выраженія и слова только и можно было разслышать. Но такъ какъ всякому дѣлу бываетъ конецъ, то приговоръ въ-пользу *стравить* одолѣлъ. За „стравить“ стояли всѣ богачи,—а за „скосить“ бѣдняки. Для богача три, четыре копны сѣна плевое дѣло;

онъ сѣнца то себѣ ужъ запасъ наймомъ за рѣкою, въ поемныхъ лугахъ, да и лошадей то у него шесть, либо семь, а у бѣдняка то одна—первая, а другой то и обчелся. Что для богатаго пользы косить? пойдетъ сѣно въ раздѣлъ, всѣмъ дворамъ достанется поровну, тогда какъ стравить, ясно, что шесть или семь лошадей больше съѣдятъ одной или двухъ.

Мрачная досада выразилась на лицѣ бѣдняковъ; но они замолчали. Замолчали оттого, что всякій, кто алтыномъ, кто мѣрой ржи, былъ долженъ богатымъ. Когда говоръ позатихъ, Федосей, подмигнувъ плутовскимъ образомъ и осклабивъ насмѣшливо ротъ, привсталъ съ обрубка ветлы, на которомъ сидѣлъ, привсталъ и обратился къ міру съ таковыми рѣчами:

— Вотъ, что, старики, я вамъ скажу.... оно нешто, хорошо и скосить—хорошо и стравить, а я бы вамъ.... слухай, слухай—не мѣшай,—перебилъ онъ себя, обратясь къ Кузьмѣ, который не зная еще самъ въ чемъ дѣло, собирался уже перечить,—не мѣшай.... вотъ что старики: крестъ—отъ на часовнѣ того и жди, что вовсе свалится, да и крыша то чай течетъ, тяснички три, либо четыре надо бы смѣнить. Слушайте, старики, дѣлаю на свой коштъ!

— Дай Богъ здоровья тебѣ, Федосей Калиновичъ,—сказали мужики и поклонились Федосею, — Божье дѣло, хорошо.

— А вы ужъ, старики, за таковую мою послугу міру уступите мнѣ скосить Сивый оврагъ....

Такое внезапное предложеніе озадачило весь міръ. Нѣкоторые покривили рты, другіе съ негодованіемъ отвернулись.

— Хи! хи! хи!—просмѣялся въ кулакъ Федосей; прищурилъ глаза, подмигнулъ значительно и продолжалъ свою рѣчь: что вы тово подумали—оно не тово, чтобъ примѣрно укрѣпить крестъ, тутъ и всего то какой нибудь гривенникъ, ну тоже тамъ теску — все это дрянь.... а ужъ я бы все поштенное общество, примѣрно стариковъ, угостилъ бы; ну, старики, говорите—что ставить вамъ, ведро ли, два ли?

— Ну что жъ, старики, думай что ли,—говорилъ староста.—Оно конечно, Федосей Калинычъ хочетъ намъ сдѣлать милость; примѣрно и крестъ на часовнѣ укрѣпить, и все такое, — что жъ пользы то и стравить? не столько ло-

шади поѣдятъ, сколько потопчатъ; притомъ же и не всѣ остаются тѣмъ приговоромъ въ удовольствіи, а тутъ, по крайней мѣрѣ, пускай ужъ достается доброму человѣку; одно, что развѣ двумя то ведрами стариковъ то не упоишь? Маленько два то ведра, проговорилъ кто то въ толпѣ,— четыре надыть.

Федосей посмотрѣлъ съ негодованіемъ въ ту сторону, откуда возникло замѣчаніе, и, обратившись къ старикамъ, сказалъ рѣшительно.

— Хотите три—и квитъ, нѣтъ такъ и не нужно—и показалъ видъ, что хочетъ уходить со схода.

— Отдать Федосею Калинычу, отдать, отдать,—завопили бѣдняки, которые смекнули, что вино то они выпьютъ поровну съ богачами, а траву то стопчутъ, да поѣдятъ не ихъ лошади.—Отдать, отдать! Владѣй Федосей Калинычъ, владѣй травою.

Федосей вытащилъ изъ-за пазухи кожанную мошонку, висѣвшую у него на шеѣ, на тоненькомъ ремешкѣ, тщательно растянулъ, вынулъ, не торопясь, нѣсколько трехрублевыхъ засаленныхъ бумажекъ и съ самымъ величественнымъ видомъ подалъ старостѣ.

— Ну, староста, посылай за виномъ къ Степанидѣ.

— Ступай, Микита, къ Степанидѣ,—сказалъ староста,— неси штоли три ведра.... Никита переминался съ ноги на ногу, но не шелъ.

— Ступай, Авилъ, ты,—говорилъ Никита, обращаясь къ Авилу.

— А ты что?—спросилъ Авилъ.

— Нельзя мнѣ къ Степанидѣ, Авилушка, совѣстно какъ то: кушакъ въ залогѣ—неровенъ часъ вычтетъ деньги за кушакъ....

Дѣло въ томъ, что Степанида была солдатка и шинкарила въ Мошкинѣ виномъ. Она была душа добрая,—поила виномъ и безъ денегъ, былъ бы только представленъ залогъ.

— Пожалуй пойду, - промолвилъ уходя Вавила, направляя путь къ Степанидѣ, а Федосей, съ сіяющимъ лицомъ думалъ про себя: слава тебѣ, Господи, надулъ барановъ. Федосею впрочемъ не диковина была надувать своихъ односельцевъ, да и не надуть то было бы глупо. Федосей былъ

человѣкъ оборотливый, торговалъ и дегтемъ, и солью, и кренделями; деньжонки всегда были у него наготовѣ, а съ умомъ, да съ деньжонками въ общественномъ дѣлѣ всегда будешь панъ. Начнутъ бывало мужики дѣлить землю по душамъ, земли возлѣ околицы никто не беретъ и въ жеребьи съ нею нейдетъ, не смотря на то, что на десятину цѣлую четверку даютъ лишняго. Земля навозъ, первая земля во всей дачѣ, а какъ взять? Скотину ли пригонитъ пастухъ съ поля, — разбредется скотина и пошла прямо въ хлѣбъ, чуть не притворена околица; земля на самомъ на бою... А Федосей тутъ какъ тутъ, сейчасъ готовъ выручить міръ изъ бѣды: беру, говоритъ, землю, коли міръ накинетъ еще хоть саженки три къ осминнику.

Что стоять за три саженки, и всего до десятая часть десятины. Бери Федосей,—и Федосей великодушно беретъ самую ближайшую, самую навозную землю, да еще съ значительнымъ надбавкомъ.

У Федосея скотина хлѣба не побиваетъ: купитъ на цѣлковый, а не то на два жердей, обгородитъ ими свою землицу со стороны деревни, вотъ и хлѣбъ не побитъ и родится хлѣбъ непролѣзный, а работа и уборба близкая....

Экой счастливый Федосей, толкуютъ между собою мужики: — хлѣба то, хлѣба то у него сколько.... А придетъ пора дѣлить землю, — опять никто не беретъ ближняго участка.

Не прошло четверти часа, и Авила приволокъ на себѣ двухведерный боченокъ.

— А чѣмъ же пить то?—промолвилъ Федосей.

— А вотъ сейчасъ стаканъ принесу, — сказалъ староста,—да ужъ кстати пожертвую міру и закуску.

Побѣжалъ и принесъ стаканъ, да пукъ зеленаго длиннаго луку фунтовъ съ десять, роздалъ всѣмъ по пучку, и попойка началась большимъ кваснымъ стаканомъ, съ закусываніемъ лукомъ безъ хлѣба. Выпили два ведра.

— А третье что же Авилъ не принесъ? третье жъ гдѣ? подавай третье,—кричитъ пьяный сходъ.

— Нѣтъ, слышь, нѣтъ у Степаниды, все отдала, что было, говоритъ до завтра.

— Когда тутъ до завтра, завтра Богъ вѣсть что будетъ, подавай теперь.

— До завтра, до завтра,—говорилъ съ наслажденіемъ Кузьма, до завтра лучше будетъ.—Видите, старики: Андрюха нагрубилъ міру, надыть ему настегать задъ-отъ.... а съ Косова вина, не то его Андрюху въ расправу.

— Давай сюда Косова сейчасъ.

— Что Косова,—говоритъ староста,—слышь, у Степаниды все вино вышло, до завтра.

— Ну до завтра,—порѣшилъ сходъ, и собирался было ужъ расходиться...

— Постойте ка еще, — говорилъ, покачиваясь, староста, —завтра по утру собирайтесь опять на сходъ старики, да пойдемъ къ Любозоровскому барину на счетъ мѣны земляной.

— Хорошо—мылъ, придемъ.

И пошли мужики въ разныя стороны. Кумъ Иванъ, сватъ Кузьма Парамоновичъ и Парамонъ Парамоновичъ пошли, обнявшись, втроемъ, и отъ удовольствія загорланили: „выходила молода за новыя ворота“, а бабы и парни, собравшись кое гдѣ у воротъ кучками, и высунувшіяся изъ оконъ головы старухъ, смотря на проходившихъ со сходки, говорили: ишь нализались то какъ, черти. Пропили лугъ, да еще и пѣсни играютъ!...

II.

На другой день у кузнеца Ивана Васильевича, въ селѣ Любозоровѣ, собрались по немногу, подходя по два, да по три и по четыре, Мошкинскіе мужики-старики,—все тѣ-же, что были на вчерашнемъ сходѣ. Всѣ къ кузнецу Ивану Васильевичу обращались съ почтеніемъ; а Иванъ Васильевичъ продолжалъ постукивать молоточкомъ на своей наковальнѣ, по раскаленному желѣзу, поворачивая его такъ и сякъ клещами и привѣтствуя приходившихъ добрымъ словомъ. Иванъ Васильевичъ слылъ человѣкомъ, одареннымъ золотыми руками: сковать ли, примѣромъ, сошникъ, отбить ли серпъ, починить ли замокъ — на все, на все былъ мастеръ, и не смотря на то, что былъ человѣкъ не безъ глупости, и больше занимался охотой съ собаками, ружьемъ, изъ котораго, стрѣляя, вмѣсто вороны попадалъ въ корову, былъ отъ окрестныхъ мужиковъ почитаемъ, во первыхъ за хлѣбъ за

соль, а во вторыхъ, и главное, большая часть заказовъ производилась въ долгъ и потому въ Мошкинѣ не было двора, въ которомъ не были бы ему должны—кто четвертакомъ, кто гривною, а другой такъ, пожалуй, и полтиною, и рублемъ серебра.

— Никакъ сынка то женилъ, Василичъ?—промолвилъ вкрадчиво Федосей, подошедъ къ раствореннымъ дверямъ кузницы, и привѣтствовалъ словомъ—здравствуйте! А въ это время молодоженъ сынокъ, малый дюжій, съ курчавою головою и глупымъ лицомъ, обѣими руками раздувалъ мѣха горна.

— Женилъ, издохни онъ совсѣмъ,—проворчалъ Иванъ Васильевичъ добродушно и, пріударивъ раза два покрѣпче по сошнику, повернулся къ горну, и сунувъ въ огонь свою работу, не выпуская ее однако изъ клещей, продолжалъ: разорился совсѣмъ, рублевъ полтораста ассигнаціями свадьба то обошлась, а по васъ то ходи, собирай долги. Пойдешь къ нимъ за деньгами, а они мякиной суютъ,—что бъ вамъ пусто было!

— И, Иванъ Васильевичъ, всѣ заплатятъ, что ужъ больно такъ серчаешь?

— А гдѣ, примѣрно. невѣсту то получили?—выспрашивалъ сватъ Кузьма, обратясь къ Ивану Ивановичу, продолжавшему раздувать мѣхами.

— У рябининскихъ ...

— Господская?

— Господскую взялъ; дорога, раздуй ее горой!

— Какъ примѣрно?...

— Да семьдесятъ пять ассигнаціями-то, за выводную, да вина роднымъ поднесли—глядишь, безъ малаго развѣ, что рублевъ восемьдесятъ, али девяносто обошлось.

— Ну это еще не дорого,—замѣтилъ Федосей; значитъ и дороже платятъ, каковъ товаръ.

— Не догадались прежде посмотрѣть, — продолжалъ счастливый супругъ, — сказываютъ за рѣкой въ волостяхъ по 25 ассигнаціями, а ужъ за десять то цѣлковыхъ невѣстами хоть прудъ пруди.—И, проговоривъ это, еще прилѣжнѣе занялся раздуваніемъ мѣховъ.

— Никакъ навозъ-отъ вы совсѣмъ въ поле то не вывозили? — спросилъ кузнецъ пришедшихъ къ нему гостей,

сунувши опять клещи въ горнъ и обтирая черной, какъ сажа, рукой катившійся со лба потъ, отчего на лицѣ образовались грязные потоки.

— Нѣтъ не возили, сказалъ угрюмо одинъ изъ приведшихъ.

— То-то вотъ я на базарѣ былъ, шелъ черезъ ваше поле—дивлюсь, не надивлюсь, что за притча, нѣтъ ни одной кучи.—И, вытащивъ желѣзо на наковальню, онъ началъ ковать со всѣмъ усердіемъ, отчего сильно посыпались во всѣ стороны блестящія искры и заставили нѣкоторыхъ изъ гостей торопливо выбраться изъ кузницы....

— А ужъ давно, кажись, не возили?—продолжалъ хозяинъ кузницы, сунувъ желѣзо въ огонь.

— Да ужъ третій годъ,—проговорилъ Федосей, смотря вверхъ,—третій годъ, и когда вывозить то будемъ, Богъ ихъ знаетъ!

— Экая притча....

— Что причта то? причта то та, что вотъ уже который годъ все говорятъ ревизія,—пойдетъ спять дѣлежка по душамъ, кому охота свое то доброе отдавать?

— Тотъ не везетъ, — другой не везетъ. Пропадай они пропастью.

— Такъ то пожалуй и навозу то чай много пропадетъ?

— Половины не вывезешь; горитъ да перегораетъ, да въ соръ обращается. И нонче на дворахъ то ужъ не въ моготу отъ навозу, проходу на дворѣ нѣтъ, дворы тѣсные; вывозили еще съ прошлаго года по осени навозъ-отъ со дворовъ на выгонъ, да плохо все,—говорилъ Федосей, плюнувъ въ сторону и махнулъ рукою.

— Ну какой ужъ тутъ, Иванъ Васильевичъ, навозъ? вымерзъ, вывѣтрилъ, высохъ, скотина раскопала...

Всѣ эти разговоры у кузницы происходили часовъ въ шесть утра. Ставни господскаго дома были еще не всѣ отворены. Вышелъ съ крыльца на дворъ человѣкъ изъ передней, въ утренней полуодеждѣ, безъ платка на шеѣ, безъ сюртука, и въ одномъ сапогѣ. Сильно потянулся и зѣвнулъ такъ громко, что стоявшіе у кузницы мужики невольно обратили глаза на барскій дворъ. Иванъ Васильевичъ тоже, оставивъ клещи и молотокъ, вышелъ изъ кузницы, чтобы

взглянуть, кто бы это такъ зѣвнулъ, и увидѣлъ, что это Степанъ вышелъ съ метелкой подместь около крыльца соръ. Посмотрѣлъ Иванъ Васильевичъ и промолвилъ: это Степанъ.—Хотѣлъ было ужъ вернуться въ кузницу, но, увидѣвъ собравшихся въ кузницѣ мужичковъ, человѣкъ болѣе сорока, опустилъ руки и спросилъ:

— Что вы собрались?

— Къ вашему барину, Иванъ Васильевичъ.

— О! что жа? зачѣмъ къ барину?

— Да вотъ что: землица, видите, наша подошла подъ самую вашу околицу,—намъ то она выходитъ и не сподручна, а вашему то барину куда бы съ руки. А къ намъ то со стороны Желуткова подошла земля Трещеткинова барина, знаете, пустошь Летинская. Трещетникову то барину должно быть пришло тонко, вотъ онъ и продаетъ. Въ Летиникѣ то десятинъ шестьдесятъ всей то земли будетъ; сорокъ десятинъ раскупаютъ нашей же общины с. Кривова мужики, на шесть участковъ, а двадцать то десятинъ, признаться сказать, я за себя сторговалъ, затѣмъ, чтобы перепродать вашему барину. Мы имъ всегда были очень довольны, завсегда докучаемъ безъ всякой милости. Если бы онъ купилъ у Трещоткина то барина эту землю, наше общество смѣнялось бы съ нимъ на землю, что подъ вашей околицей, и было бы хорошо и очинно хорошо. Да вотъ никакъ и самъ баринъ вышелъ изъ дома.—И всѣ мужички, гурьбой, снявъ шапки, пошли на барскій дворъ. Какъ шли переговоры, Иванъ Васильевичъ отъ кузницы разслушать не могъ, только видѣлъ, что старый буфетчикъ вынесъ сперва одинъ штофъ вина и стаканъ, тамъ другой штофъ, третій, мужички выпили. „Упоишь ихъ чертей".—подумалъ Иванъ Васильевичъ и со вздохомъ, покачавъ головою, скрылся въ кузницу, а мужички, выпивъ по квасному стакану вина, закусили хлѣбцемъ съ солью, раскланялись и пошли со двора, очень довольные добрымъ началомъ.

Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Писали приговоръ за подписомъ всѣхъ домовладѣльцевъ дер. Мошкиной и при этомъ выпили три ведра вина. Нашлось еще препятствіе. Мужички пожелали вырубить себѣ на дрова кустарничекъ, зашелъ споръ и опять загорланилъ міръ, и опять три ведра уладили дѣло. Два года прошло въ перепискѣ

между окружнымъ правленіемъ, палатою и департаментомъ, но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то въ исходѣ третьяго года полюбовный промѣнъ состоялся.

Предъ вечеромъ, когда садилось солнышко, въ тотъ самый день, когда уѣздный землемѣръ сдѣлалъ нарѣзки окружныхъ межъ промѣненнымъ землямъ, порылъ ямы и поставилъ межевые столбы, двое парней изъ Мошкина, въ красныхъ рубашкахъ, пришли къ Ивану Васильевичу по какому то нужному дѣлу. Одинъ изъ нихъ былъ озорникъ Андрюха. Мало-по-малу собралось въ кузницѣ кое какое общество изъ крестьянъ, да изъ дворовыхъ села Любозорова — посмотрѣть, какъ Иванъ Васильевичъ стукаетъ на наковальнѣ молотомъ, по раскаленному докрасна желѣзу, и какъ искры летятъ, да поговорить о событіяхъ дня.

— Слава Тебѣ Господи! покончили кажись дѣло, и ямы вырыты, и столбы поставлены, чай ваши то, мошкинскіе, довольны? — спросилъ любозоровскій староста, случившійся тутъ же, не смотря на жаръ, одѣтый въ кафтанъ нараспашку изъ толстаго сукна, и съ палочкой или батожкомъ въ рукахъ, признакомъ его сана, обращая рѣчь свою къ пришедшимъ.

— Покончить то покончили, нечто, — отвѣтилъ одинъ изъ пришедшихъ,—да пьяницы то наши ожидали еще было угощенія....

— Пропили галманы,—перебилъ съ досадой Андрюха,— пропили землю. И какъ ихъ только не разорвало? земля вотъ подъ бокомъ, вотъ таки совсѣмъ подъ бокомъ, а они мѣнять....

— Подъ бокомъ то у насъ,—перебилъ староста.

— Что жъ что у васъ подъ бокомъ,—продолжалъ горячась Андрюха;—взялъ бы ихъ пьяницъ, тамъ же бы въ полѣ, разложилъ бы.... легко ли, земля подъ бокомъ....

— Да вѣдь у насъ подъ бокомъ, а не у васъ.

— Все равно подъ бокомъ. Слышь ты, еще разговаривали старики, что межевому съ міру то цѣлковыхъ съ десять дали, чтобы хоть что нибудь урѣзалъ у барина то, такъ нѣтъ, деньгами то межевой не побрезговалъ, взялъ,— а вотъ, скажи ты, хоть на пальчикъ бы сфальшивилъ, такъ нѣтъ, вотъ таки нѣтъ. Кабы да моя воля была, я бы ихъ хря-

ковъ разложилъ бы тамъ бы на полѣ, да поролъ бы, поролъ.... земля подъ бокомъ....

— А отецъ то твой, что глядѣлъ? вѣдь и онъ на сходкѣ былъ, когда порѣшали промѣнъ, да и руку на приговоръ давалъ?

— Ну и его стараго чорта, разложилъ бы, да поролъ бы, поролъ....

Раздался общій взрывъ хохота, и озорникъ Андрюха и его товарищъ, покончивъ свое дѣло, пошли изъ кузницы домоій, никому не поклонясь и видимо недовольные.

ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.[1)]

Изъ записокъ моего покойнаго друга Чертолюбова *).

ГЛАВА I.

Открытіе Собранія.

На дворѣ было очень холодно. Морозу градусовъ 20, что нерѣдко случается въ среднихъ губерніяхъ нашей матери Россіи въ декабрѣ мѣсяцѣ. Наступалъ вечеръ; солнышко сѣло, оставивъ послѣ себя на западѣ багряное зарево. Звѣздочки одна за другою начинали зажигаться на потемнѣвшемъ небѣ; а народъ на базарной площади и прилегавшихъ къ ней ближнихъ улицахъ губернскаго города—кипѣлъ и шумѣлъ, какъ въ теплый майскій день. Особенно дѣятельность была замѣтна между извозчиками, да около воротъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ. Сколько тутъ явилось новыхъ лицъ въ видѣ кучеровъ, лакеевъ разныхъ сортовъ, и въ видѣ молоденькихъ вертлявыхъ горничныхъ-дѣвушекъ, поминутно выскакивавшихъ на улицу то себя показать, то другихъ посмотрѣть. Во всѣхъ окнахъ домовъ блистали огни, вездѣ была жизнь. Тамъ лакей несъ торопливо лимонъ изъ лавочки и пару французскихъ хлѣбовъ; тамъ другой, одѣтый въ дубленый овчинный полушубокъ,

---

[1)] Разсказъ этотъ печатается въ первый разъ. *А. С.*

*) Другъ мой Чертолюбовъ въ послѣдніе годы своей жизни немного рехнулся умомъ и вслѣдствіе того ударился въ литературу. „Дворянскіе выборы"—плодъ его литературнаго бреда—я нашелъ въ бумагахъ покойнаго. *Душеприкащикъ.*

бѣжалъ съ полуштофомъ водки, да съ парою селедокъ, завернутыхъ въ сѣрой оберточной бумажкѣ. Тамъ отъ всѣхъ заставъ къ центру города въѣзжали прытко и тянулись на употѣвшихъ въ мыло лошадяхъ, съ которыхъ паръ валилъ столбомъ, кибитки, возки, троичныя сани различныхъ видовъ, имѣя подъ дугами колокольчики валдайскіе съ привязанными ремешкомъ языками и съ гремучими берлинскими бубенчиками, болтавшимися подъ мордами у пристяжныхъ. Бороды у кучеровъ и ямщиковъ заиндивѣли; съ усовъ повисли сосульки. Лакеи, сидя на облучкахъ, вскакивали или съ тѣмъ, чтобы промять ноги, или спросить на постоялыхъ на счетъ комнаты, и, получая отказы, сновали изъ двора во дворъ.... Откуда взялось такое многолюдство? Ярмарки въ городѣ нѣтъ. Что заставило помѣщиковъ различныхъ состояній и средствъ, холостыхъ и женатыхъ, съ женами и безъ женъ, съ красавицами дочками-невѣстами и безъ оныхъ, бросить теплые деревенскіе пріюты, бросить родовыя лежанки и мягкіе пуховики,—и въ трескучій морозъ ѣхать въ губернію, какъ выражается православный народъ. Квартиры въ губерніи поднялись страшно. За одну комнату въ сутки въ гостинницахъ платятъ отъ пяти до десяти рублей. За одну комнату на постоялыхъ дворахъ торгуются крѣпко и съ трудомъ уступаютъ дрянныя, грязныя, вонючія комнаты за два, да за три рубля серебромъ въ сутки. Дома изъ десяти или двѣнадцати комнатъ нанимаютъ на восемь или на десять дней за 100 или болѣе рублей. Что значитъ этотъ приливъ общества? Какая потребность собрала его въ городъ?

Такіе торжественные вопросы задаетъ обыкновенно писатель, чтобы озадачить читателя, а читателю почему знать? Вотъ еслибы читатель, напримѣръ, подошелъ къ воротамъ, гдѣ у воротъ камердинеръ г. Рысакова, Петрушка, въ дубленомъ полушубкѣ, прислонясь однимъ плечомъ къ стѣнѣ, выигрываетъ на гармоніи что-то вродѣ „вѣетъ вѣтерокъ“, и услыхалъ бы его разговоръ съ подошедшимъ къ нему княжескимъ поваромъ, проходившемъ мимо для закупки дичи въ мясную лавку,—тогда бы узналъ въ чемъ дѣло.

— Наше вамъ почтеніе, Петръ Спиридоновичъ.

— И наше стократно-отвѣчалъ Петрушка.... Ну что вашъ-то?

— Нашъ въ предводители-съ. Вотъ иду въ мясную посмотрѣть филею, да нѣтъ ли дичинки.

— А развѣ обѣдъ?

— На пятьдесятъ персонъ. Очень, очень заботно. Вчера только что вонъ пріѣхали, а завтра обѣдъ. Сами знаете, Петръ Спиридоновичъ, что плиты порядочной нѣтъ; дровъ нарубить—Ванькѣ хоть и не говори—наровитъ въ рыло.... Безпорядокъ такой.... Оставить, повѣрите ли, на кухнѣ ничего оставить нельзя: чуть заглядись, музыканты, примѣрно, голодные, слижутъ такъ, что и не увидишь.

— Что-жъ завтра то, имянины что ль у васъ?

— Нѣтъ, какой тамъ имянины, видете-ли, Петръ Спиридоновичъ, нашъ-то наровитъ въ предводители, такъ господъ задабриваетъ.... Въ прошедшіе выборы такъ наши обѣды и пропали ни за алтынъ, остался на бобахъ нашъ князь. Одначе прощайте, какъ бы Еремей Синавскихъ не перехватилъ филея.... И они, слышно, съ бариномъ то тоже мѣтятъ въ предводители.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: въ губернскомъ городѣ Морозовскѣ выборы.

На другой день съ ранняго утра, почти что со свѣтомъ,—въ декабрѣ извѣстно разсвѣтаетъ поздно,—на улицахъ города началось страшное движеніе. И туда, и сюда, и по всѣмъ то улицамъ скакали ухорскія сани, запряженныя тройками съ блестящими ямскими наборами; то проѣзжалъ степенный возокъ, то парныя легкія сани съ тысячнымъ рысакомъ въ корню, то проѣзжали щегольскія кареты, то лубочныя санки, покрытыя бѣднымъ коврикомъ, съ маленькою, сытенькою, трусившею рысью лошадкою; извощичьи санки всѣхъ цѣнъ, и ваньки и не ваньки обгоняли другъ друга, и во всѣхъ этихъ экипажахъ и саняхъ и ѣхали степенно, и скакали, сломя голову, съѣхавшіеся на выборъ дворяне и въ трехуголкахъ на головѣ, не смотря на морозъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, или выношенныхъ картузахъ, везя трехуголки на колѣняхъ; и въ бывшихъ военныхъ шляпахъ съ обношеннными и изъѣденными молью бѣлыми и черными султанами, и въ гусарскихъ киверахъ, и въ гвардейскихъ и армейскихъ каскахъ, съ волосами и безъ волосъ. Всѣ ѣхали къ своимъ уѣзднымъ предводителямъ. Многіе съ

трудомъ отыскивали ихъ квартиры; тамъ, встрѣчаясь съ дворянами своихъ уѣздовъ, обмѣнивались привѣтствіями, здоровались другъ съ другомъ, письмоводители предводителей записывали имена дворянъ, пріѣхавшихъ на выборы, и тутъ, пакуривши трубочки или сигары и объявивъ другъ другу, что на дворѣ очень морозно, (потому что современная выборамъ политика не допускаетъ говорить лишняго, особенно въ началѣ съѣзда, чтобъ какъ нибудь не выболтать своихъ намѣреній), дворянство, имѣя впереди себя своего уѣзднаго предводителя, свадебной вереницей ѣдетъ къ губернскому предводителю. Двѣнадцать такихъ вереницъ изъ разныхъ улицъ и концовъ города съѣхались къ крыльцу дома губернскаго предводителя. Въ передней и пріемной залѣ господствовала толкотня и шумъ говора. Губернскій предводитель Брагинъ, въ бѣлыхъ панталонахъ съ золотымъ лампасомъ, съ усиленной вѣжливостью раскланивался и привѣтствовалъ приходящихъ. Не разъ сжималось его сердце при пожатіи нѣкоторыхъ рукъ,—сердце вѣщунъ: оно сейчасъ докладывало его владѣльцу, въ какую сторону ящика полѣзетъ чья рука, а большинство пріѣхавшихъ заискивало не только пожатія временно превосходительной руки, но даже взгляда губернскаго предводителя. Впрочемъ, опытный въ дѣлахъ выборовъ взглядъ сейчасъ могъ различить тѣхъ, кто истинно преданъ настоящему губернскому предводителю, и очень часто бывало, что тѣ, которые принимали на себя особенно сладкія выраженія въ лицѣ, при встрѣчѣ своихъ глазъ съ глазами губернскаго предводителя, и особенно низко, и съ чувствомъ раскланивались, имѣли уже противъ него камушекъ за пазухою и вербовали лигу.

Постъ губернскаго предводителя ищутъ по большей части люди честолюбивые, богатые и малочиновные. Занявши постъ этотъ — разстаться съ нимъ жаль. Чтобы удержаться на немъ, должно, во первыхъ, имѣть отличнаго повара, всегда наготовѣ живыхъ стерлядей, льстить самолюбію каждаго изъ дворянъ, потворствовать ихъ страстямъ, выручать ихъ изъ бѣды, если они, вслѣдствіе самоуправства и невѣдѣнія закона, приходили въ столкновеніе со всякаго рода полиціею,—а главное, какъ можно чаще приглашать къ столу своему всякаго изъ дворянъ, въ особенности по какимъ бы то ни было случаямъ пріѣзжающихъ въ губернскій городъ.

Чтобы удержать за собою кресло губернскаго предводителя, ему нужно тонко знать политику выборовъ, и кто удержался въ этой почетной должности нѣсколько трехлѣтій сряду, для того политика Людовика-Наполеона III—мелочь. Такой ветеранъ—губернскій предводитель, когда возвращается подъ старость на покой въ свои помѣстья, нерѣдко теряетъ способность говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ выборовъ. О чемъ бы не заговорили съ нимъ, не нарочно, а такъ Богъ вѣсть почему, рѣчь опять обратится къ выборамъ,—и жизнь для него лишается уже того интереса, во имя котораго у него много перепортилось крови и утекло здоровья.

— Не угодно ли, господа, представиться къ начальнику губерніи,—заявилъ Брагинъ и, вѣжливо раскланявшись и взявъ поданную ему камердинеромъ шляпу, вышелъ на крыльцо, сѣлъ въ двухмѣстную щегольскую карету и поѣхалъ къ начальнику губерніи. Вся масса дворянъ пестрымъ и разнообразнымъ поѣздомъ двинулась за нимъ, обгоняя другъ друга, иные тщеславясь рысаками, другіе ямской упряжью или гусарской красной шапкой, снисходительно смотря на уполномоченныхъ изъ мелкопомѣстныхъ, трусившихъ на ванькахъ и насмѣшливо въ свою очередь смотрѣвшихъ на богатыхъ міра сего.

Начальникъ губерніи съ черными бакенбардами и аршиннымъ носомъ, въ камергерскомъ мундирѣ, имѣя одесную губернскаго предводителя, къ которому безпрестанно обращался съ вопросами, величественно раскланивался съ представляемыми ему поименно уѣздными предводителями дворянства, нѣкоторыхъ удостоивалъ разговоромъ,—и когда онъ сдѣлалъ окончательный вѣжливый поклонъ и попросилъ дворянъ пожаловать въ залъ собранія, всѣ ринулись въ переднюю для разборки шубъ, гдѣ съ безпорядкомъ въ это время могло равняться развѣ только одно Вавилонское столпотвореніе.

Когда въ залѣ собранія дворянство собралось и жужжало, какъ пчелиный рой,—вдругъ пробѣжало по залѣ: губернаторъ пріѣхалъ, губернаторъ пріѣхалъ...—и вотъ его превосходительство во всѣхъ орденахъ проходитъ, чрезъ почтительно уступавшую ему дорогу толпу, и прямо направляется къ губернскому столу. Столъ окруженъ тѣсно

дворянами, и начальникъ губерніи; вынувъ изъ-за борта мундира двѣ сложенныя бумаги, разбираетъ ихъ. Сначала прочелъ высочайшій манифестъ объ открытіи выборовъ; потомъ взялъ бумагу, которая заключала рѣчь отъ его имени,—началъ ее читать, но, взглянувъ на дворянъ и принявъ подобострастную улыбку нѣкоторыхъ за сдерживаемую насмѣшку, заикнулся разъ, потомъ другой и, окончивъ что-то скороговоркою, спряталъ опять бумаги и, пригласивъ все дворянство въ соборъ для принятія присяги, быстро вышелъ изъ залы, раскланиваясь на обѣ стороны.

Кончилось? Нѣтъ не кончилось. Кому кончилось, а кому нѣтъ. Для другихъ самая суть-то только что начиналась. И въ самомъ дѣлѣ, любезный читатель, зачѣмъ же княжескій поваръ искалъ дичи и филею? Вы сами слышали, что у князя въ день открытія собранія обѣдъ. Заглянемъ къ нему въ залу, что дѣлается тамъ.

Столъ накрытъ на тридцать человѣкъ. Вазы итальянскаго фаянса, бронзовые канделябры со множествомъ свѣчей, граненый хрусталь и блестящее серебро обременяютъ столъ массивною тяжестью. Въ углу залы стоятъ пюпитры и музыканты, приглаженные, причесанные, во фракахъ, но блѣдные и съ выраженіемъ унынія на лицахъ, настраиваютъ и пробуютъ инструменты. Всѣ свѣчи и лампы зажжены; свѣтъ яркій отражается въ граняхъ хрусталя. Самъ князь съ княгинею похаживаютъ и принимаютъ пріѣзжающихъ гостей, дворянъ уѣзда, партіи князя—ихъ патрона. На лицахъ пріѣзжающихъ выражается удовольствіе взысканной чести—быть гостемъ его сіятельства и своей энергіею и дѣятельностью способствовать избранію въ предводители своего великолѣпнаго князя. На лицѣ князя играетъ улыбка самодовольствія: судя по количеству гостей своихъ, князь увѣренъ, что онъ непобѣдимъ. Что застаявляетъ его такъ хлопотать быть уѣзднымъ предводителемъ? Нужны ли ему почести? Но богатство и происхожденіе доставляютъ ему и такъ не малое количество льстецовъ. Преданъ ли онъ интересамъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, для которыхъ усердный предводитель бываетъ чрезвычайно нуженъ? Нѣтъ. Князь не разъ бывалъ предводителемъ и мелкопомѣстные были имъ очень недовольны. Зачастую они сиживали у него въ передней и иной

разъ ихъ и въ домъ не пускали. Такъ вы не знаете, что за поводъ князю такъ хлопотать о выборахъ. Если не знаете, такъ я вамъ скажу. Князю нужно на этотъ разъ быть непремѣнно избраннымъ въ уѣздные предводители затѣмъ, чтобы сдѣлать шагъ въ губернскіе предводители. Губернское предводительство не даетъ покоя князю; онъ видитъ его во снѣ, оно мерещится ему наяву. Представьте шитые клапаны на мундирѣ, бѣлые панталоны съ золотымъ лампасомъ; стоять во главѣ дворянства цѣлой губерніи, стоять всегда бортъ о бортъ съ начальникомъ губерніи. Къ тому же сколько достоинства у князя: у него свой оркестръ, онъ мастеръ устраивать всѣ эфектныя удовольствія, былъ ли благородный-ли спектакль,—онъ самъ мастеръ; онъ отличный комикъ и плясунъ, онъ у цыгана Илюшки бралъ уроки плясать поцыгански и выучился отлично. Носились слухи, что въ головѣ у него пусто; конечно, оно и пусто, а все-таки губернскимъ предводителемъ быть очень, очень лестно.

Другомъ, помощникомъ и руководителемъ князя при настоящихъ выборахъ былъ помѣщикъ Жучковъ. Жучковъ собралъ партію, Жучковъ еще въ сентябрѣ при выборѣ мелкопомѣстныхъ устроилъ выборъ депутатовъ, преданныхъ его интересамъ. Вы подумаете, какъ же это можно устроить? А я скажу вамъ, что это дѣлается очень просто.

Мелкопомѣстные дворяне съ тѣхъ поръ, какъ потеряли личный представительный голосъ на выборахъ, мало интересуются ходомъ ихъ; но между мелкопомѣстными есть личности, у которыхъ родители были богаты, но имѣнія раздробились, а дѣти обратились въ мелкопомѣстныхъ. Другіе малодушные сдѣлались таковыми черезъ рекрутскіе наборы, или же по милости холеры; такъ, иной холостякъ выдалъ свою дочь за дворянина и отдалъ ей въ приданое половину своей вотчины, и мало-ли подобныхъ обстоятельствъ; но всѣ эти лица сохранили свое значеніе въ обществѣ и всегда желаютъ участвовать въ выборахъ, примкнувши къ той или другой партіи, поддерживая ту или другую личность, и ими нерѣдко и рѣшается участь избираемыхъ. Главная задача предъ предстоящими выборами всякаго соискателя по уѣзду заключается въ томъ, чтобы какъ можно болѣе имѣть на своей сторонѣ этихъ господъ, но такъ какъ выборы предва-

рительные въ депутаты зависитъ отъ мелкопомѣстныхъ, то люди съ вѣсомъ и великодушные соискатели стараются приглашать на предварительные выборы какъ можно болѣе преданныхъ имъ мелкопомѣстныхъ, выбирающихъ въ депутаты тѣхъ, на которыхъ имъ будетъ указано. Устраивать все это помѣщикъ Жучковъ былъ великій мастеръ. Онъ умѣлъ во время одолжить то тѣхъ, то другихъ многихъ мелкопомѣстныхъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ господъ часто очень нуждается въ мѣркѣ ржи, чтобы не умереть съ голода,—и такимъ образомъ выборы депутатовъ почти всегда были согласны съ его личными соображеніями.

Другое средство увеличить силу партіи—это набрать поболѣе дамскихъ уполномочій. Для этого, задолго еще до выборовъ, головы партій и ихъ дѣятельные сподвижники принимаютъ всѣхъ стодушныхъ помѣщицъ. Это большею частію старыя дѣвицы или вдовы. Къ живущимъ въ деревняхъ ѣдутъ сами, даже дѣлаютъ новыя знакомства, дѣйствуютъ на нихъ чрезъ родныхъ, на старухъ ханжей чрезъ поповъ, разсыпаются предъ ними въ любезностяхъ, увѣряютъ въ преданности къ нимъ и въ святости своего дѣла, и затѣмъ получаютъ отъ нихъ бланковыя письма, въ которыхъ оставляется только пробѣлъ для вписанія имени и отчества милостиваго государя, кому предоставленъ въ распоряженіе шаръ. Если же барыни эти живутъ въ столицахъ, или въ отдаленныхъ губерніяхъ, то стараются пріискать человѣка, чрезъ котораго можно бы было написать и выманить бланкъ. Все это иногда стоитъ значительныхъ хлопотъ и расходовъ, но честолюбцы ничего не жалѣютъ. Въ этомъ случаѣ имъ помогаютъ лица, жмущіяся къ ихъ сильнымъ партіямъ, чтобы чрезъ сихъ попасть въ судьи, въ исправники, въ непремѣнные засѣдатели и даже въ смотрители магазиновъ.

Количество пріобрѣтенныхъ бланокъ даетъ на выборахъ главнѣйшій перевѣсъ той или другой партіи, и потому для пріобрѣтенія ихъ не жалѣютъ ни лести, ни лжи, ни клеветы, и благо тому, кто успѣлъ набрать поболѣе уполномочій.

На все это Жучковъ былъ несравненный мастеръ, впрочемъ, для него существовалъ и свой интересъ. Конфи-

денціально было положено: князю изъ уѣздныхъ предводителей шагнуть въ губернскіе, а Жучкову изъ кандидатовъ его на уѣзднаго попасть въ уѣздные предводители.

Въ продолженіе обѣда музыка гремѣла, неумолкая, и заглушала шумъ и говоръ гостей. Бутылки, стоявшія на столѣ, почти опустѣли; лица гостей рдѣлись живымъ румянцемъ; дѣло дошло до шампанскаго.

— Здоровье его сіятельства, будущаго нашего предводителя,—возгласилъ Жучковъ. — Ура....а....а....ра....ра....— завопили гости, поднявъ бокалы,—и да расточатся врази его,—закричалъ кто-то, и бокалы были выпиты.

— За здоровье будущаго нашего исправника,—предложилъ тостъ князь, обратясь къ г-ну Дантистову съ привѣтливой улыбкой. „Ура!...“ опять закричали гости, и господинъ Дантистовъ, вставъ изъ-за стола съ бокаломъ, пошелъ благодарить всѣхъ гостей, обнимаясь со всѣми по очереди....

За здоровье того — другого — пробки начали щелкать часто; бокалы пѣнились; музыка играла туши; никто уже не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Подлецъ будетъ тотъ, кто положитъ бѣлый Баронину,—кричалъ князь.

—Подлецъ!... подлецъ!..—кричали гости.

— А вы чтожъ молчите?—спросилъ помѣщикъ Кривандосовъ Петра Антоновича Пупикова.—Вы что же молчите. Вы думаете измѣнить, а?

— Ваше сіятельство!... Ваше сіятельство!... Пупиковъ хочетъ намъ измѣнить...

— Какъ!—вскричалъ гнѣвно князь.—Пупиковъ, вы хотите измѣнить? Говорите сейчасъ, куда вы кладете Баронину?

— Направо, Ваше сіятельство,—рѣшительно отвѣчалъ Пупиковъ;—не могу иначе, какъ направо.

— Какъ вы смѣете?..,

— Не могу иначе; направо-съ. Меня дворянство три трехлѣтія уже удостоивало избранія въ депутаты... Я, ваше сіятельство, всѣмъ кладу бѣлые, ей Богу всѣмъ... если меня теперь дворянство удостоитъ избранія,—я получу-съ Св. Владиміра 4-й степени. Ей-Богу, не могу-съ; я всѣмъ, всѣмъ бѣлаго-съ.

— Безъ отговорокъ,—кричалъ разгорячившись князь,— да, или нѣтъ?...

Дѣло принимало оборотъ дурной, но Жучковъ выручилъ.

— Что вы дѣлаете, ваше сіятельство?—сказалъ онъ князю, отведя его въ сторону.—Если вы обидите Пупикова, онъ съ двумя своими шарами, да братъ его тоже двумя шарами примкнутъ къ Боронинской партіи. Тогда и судья Трепалкинъ, у котораго есть своя маленькая партійка, какъ увидитъ, что Боронинская партія сильна, присоединится къ нимъ, тогда дѣло будетъ плохо...

Выслушавъ умныя рѣчи Жучкова, князь сейчасъ перемѣнилъ тонъ, подошелъ къ Пупикову, извинился въ своей горячности и разрѣшилъ ему класть его шары по усмотрѣнію, и обѣщая содѣйствовать его избранію въ депутаты.

На другой день Гологанскій, извѣстный по всей губерніи сплетникъ и нувелистъ, измучилъ свою пару лошадей, рыская изъ дома въ домъ, и разсказывая всѣмъ по секрету, что вотъ такъ и такъ у князя вчера былъ обѣдъ и что вся партія поочередно присягала передъ образомъ, въ присутствіи князя, класть черные губернскому предводителю, товарищу предсѣдателя палаты, судьѣ, исправнику, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, кто стоялъ на пути князя или служилъ помѣхою его сподвижникамъ.

Четвертый день, т.-е. четвертый разъ собиралось дворянство въ залу собранія, а объ выборахъ и рѣчи еще не было. Дворянство занималось слушаніемъ чтенія отчетовъ о приходѣ и расходѣ дворянскихъ суммъ, о смѣтахъ на земскія повинности и проч. Всѣ болѣе или менѣе понимали, что знать это не мѣшаетъ всякому, что можно бы спросить: зачѣмъ были, напримѣръ, дворянскія деньги употреблены на сооруженіе мостовъ въ губернскомъ городѣ, на починку казармъ и проч. Но такъ, какъ за губернскимъ столомъ, на которомъ стоитъ зерцало и губернскіе избирательные ящики, на одномъ концѣ сидитъ губернскій предводитель, а съ боковъ по шести уѣздныхъ предводителей, а возлѣ губернскаго предводителя сбоку стоитъ секретарь съ сухою грудью и слабымъ голосомъ, читающій отчеты, и столъ съ предводителями окруженъ стѣсненною говоря-

щею толпою, то большинство дворянъ, не имѣя возможности разслышать ни одного слова, расходятся въ разныя стороны и начинаютъ вести болѣе полезные разговоры о шести въ червяхъ, о самъ—пятъ въ пикахъ, или о сѣромъ рысакѣ Кудышкина. Шумъ и жужжаніе въ залѣ усиливаются до того, что и стоящіе около стола ничего уже не слышатъ и расходятся по сторонамъ и говоромъ своимъ и частымъ звонкимъ смѣхомъ увеличиваютъ жужжанье и гулъ, ходящій по залѣ. Остаются, наконецъ, слушать одни предводители, но и тѣ ничего не слышатъ. Голосъ секретаря, читающаго скороговоркою, начинаетъ шипѣть, а затѣмъ замолкаетъ.

Господа, не угодно-ли пожаловать къ губернскому столу,—кричитъ губернскій предводитель.

Вся масса дворянъ, ожидая чего нибудь новаго, интереснаго, опять, сначала притихнувъ на время, стѣсняется около губернскаго стола; но видя, что дѣло идетъ о читаемыхъ скороговоркою тѣхъ же цифрахъ, опять расходится и снова начинаетъ жужжаніе. Не разъ уже во время чтенія зала собранія пустовала на половину; одни уходили въ ближайшіе пустые залы курить папиросы, иные шли, припомнивъ адмиральскій часъ, въ сосѣднюю гостинницу закусить, а другіе, примкнувшись гдѣ нибудь къ окошку въ пустой залѣ, закусывали и запивали изъ принесеннаго чьимъ нибудь лакеемъ узла съ запасомъ съѣстного и водочкой.

Такъ продолжалось дней пять; опытные въ выборахъ дворяне говорили изъ подъ руки, что это штуки губернскаго предводителя....

Большинство дворянъ всегда съѣзжается болѣе только затѣмъ, чтобы устроить выборы согласно своихъ видовъ по уѣзду. Каждый изъ нихъ ѣдетъ поддержать избраніе своего кандидата въ исправники, въ судьи и въ предводители. Выборами же губернскихъ чиновъ и губернскаго предводителя интересуется болѣе избранное, такъ сказать, аристократическое меньшинство, которое руководствуетъ избраніемъ губернскаго предводителя, предсѣдателя палаты, совѣстнаго судьи, почетнаго попечителя и проч. Къ этому меньшинству примыкаетъ масса...

Старому губернскому предводителю всего выгоднѣе, когда большинство, наскучивъ продолжительною жизнью

въ губернскомъ городѣ. по окончаніи выборовъ на уѣздныя должности, поразъѣдется и передъ нимъ обнаружится сила враждебныхъ для него партій, противъ которыхъ ему легче бороться и обѣдами съ стерляжьей ухой, и вѣжливыми пріемами, и другими и нравственными и желудочными соблазнами, и тѣмъ легче, что лица, рѣшившіяся поддержать стараго предводителя, уже не разъѣдутся, не окончивши выборовъ.

Чтобы имѣть къ тому законный предлогъ, всѣ эти дни занимаются чтеніемъ проектовъ: объ учрежденіи новаго училища или предложеніе такого-то дворянина, положимъ Семена Семеновича, предлагающаго просить министра довести всеподданнѣйшую просьбу о томъ-то чрезвычайно полезномъ...

— Чтожъ вы не пройдете послушать, что тамъ читаютъ,—обратился одинъ худой и прехудой господинъ къ господину толстому и претолстому, силящемуся выпучить сонные глаза и сидящему въ единственномъ лицѣ за своимъ уѣзднымъ столомъ?

— А что такое читаютъ?

— Семенъ Семеновичъ предлагаетъ на обсужденіе дворянства проектъ освободить всѣ дворянскія имѣнія изъ залога Опекунскаго Совѣта, внесши единовременно по три рубля съ души и потомъ платя по одному съ четвертью проценту... Вотъ главное основаніе... Очень, очень хорошо развито... Опекунскому Совѣту въ одинъ годъ прибудетъ по 25 копѣекъ съ рубля выгоды и дворянскія имѣнія свободны!..

Толстый господинъ махнулъ рукою и просопѣлъ носомъ: не примутъ.

— Кто-съ? Дворянство?

— Нѣтъ, Правительство. Семенъ Семеновичъ каждые выборы предлагаетъ разные проекты... да что? Ни на одно представленіе ни привѣту, ни отвѣту. Вотъ если бы какія нибудь пожертвованія, примѣрно, въ пользу кадетскаго корпуса, или на казармы въ губернскомъ городѣ, или тамъ на губернаторскій домъ. Ну, примутъ. А то я ужъ, знаете, ужъ и рукой махнулъ — никогда не слушаю ни проектовъ, ни предложеній.

— Господа! покорнѣйше прошу пожаловать къ губернскому столу, — раздался голосъ губернскаго предводителя.

— Что тамъ еще за шумъ?

— Кажется будутъ читать предложеніе генерала Песосыпкина.

— Песосыпкина? А онъ что еще тамъ, старый хрѣнъ, предлагаетъ?

— Вотъ, видите-ли, одного съ генераломъ уѣзда и даже сосѣдъ его по имѣнію, губернскій секретарь Шелудявкинъ...

— Знаю Шелудявкина: бестія страшная!

— Онъ, говоритъ, совсѣмъ невинно пострадалъ... по наговорамъ и вотъ уже семь лѣтъ, какъ по указу Сената взятъ въ опеку.

— Невинно?.. Да такого шельмы и на свѣтѣ то другого нѣтъ. Съ утра до ночи пьянъ, съ утра до ночи всѣхъ билъ да колотилъ, а то такъ съ бабами плясать. А покажется не такъ пляшетъ, не усердно, такъ кнутомъ. Да ужъ неистовства-то какія дѣлалъ... сколько погубилъ дѣвокъ... и добро бы имѣніе большое было, а то вѣдь душъ 35, что ли...

Снова раздался голосъ губернскаго предводителя:

— Господа! покорнѣйше прошу пожаловать къ губернскому столу... у... у!

— О чемъ? о чемъ? — спрашивали со всѣхъ сторонъ, сходившіеся и столпившіеся дворяне.

— О Шелудявкинѣ, отвѣтили другіе.

— Я думалъ,—проговорилъ отставной съ длиннѣйшими усами прапорщикъ, извѣстный собачій охотникъ и цыганолюбецъ,—что насъ зовутъ о чемъ нибудь интересномъ, а тутъ чертъ знаетъ что! Пойдемте, господа, курить — и три или четыре его пріятеля пошли отъ стола.

— Куда же вы, господа? Сейчасъ будутъ баллотировать мнѣніе, — говорилъ пузыреобразный господинъ на коротенькихъ ножкахъ, съ краснымъ лицомъ, съ усами съ просѣдью, въ дворянскомъ мундирѣ съ красною гусарскою фуражкою въ рукахъ.

— Положите, пожалуйста, наши шары, куда сами вздумаете, — отвѣтилъ отставной прапорщикъ, идя къ дверямъ залы.

— Не забудь, пожалуйста, другъ, за меня два положить, у меня два шара....

— Хорошо положу, — отвѣчала красная фуражка и слегка присвиснула.

Красная фуражка, лѣтъ 30 назадъ, служила корнетомъ какого то гусарскаго полка и, не прослужа года въ офицерскомъ чинѣ, вышла въ отставку. Съ тѣхъ поръ пузыреобразный господинъ не пропускалъ ни однихъ выборовъ и съ незапамятныхъ временъ въ собраніи дворянства исполнялъ должность церемоніймейстера. Называться корнетомъ даже на визитной карточкѣ и быть церемоніймейстеромъ въ залѣ собранія онъ почиталъ для себя величайшею честью, если не наслажденіемъ.

Не смотря на просѣдь и вылѣзшіе волосы, не смотря на синія и багровыя дорожки по носу, на морщины и на огрубѣлую красную кожу лица, онъ все еще продолжалъ разыгрывать удалого гусарскаго корнета, и когда по обязанности церемоніймейстера стоялъ у губернскаго ящика во время баллотировокъ, то красную и измятую свою фуражку безъ козырька клалъ на ящикъ.

Когда около стола закишѣла густая толпа собравшихся дворянъ и губернскій предводитель всталъ съ своего мѣста, на мгновеніе воцарилась тишина.

Губернскій секретарь Иванъ Кустодіевичъ Шелудявкинъ,—провозгласилъ предводитель, — былъ взятъ въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами и недостойное дворянина поведеніе. Въ послѣднюю войну Шелудявкинъ служилъ по избранію благороднаго дворянства въ одной изъ дружинъ ополченія подъ начальствомъ его превосходительства Андрея Андреевича Песосыпкина....

При этихъ словахъ едва держащійся отъ старости на ногахъ и бѣлый, какъ лунь, его превосходительство, стоящій возлѣ губернскаго предводителя, охорошился и придалъ себѣ бодрый видъ.

— Его превосходительство, — продолжилъ губернскій предводитель,—нѣсколько мѣсяцевъ имѣя подъ начальствомъ своимъ г. Шелудявкина, удостовѣрился въ отличномъ пове-

деніи его, въ совершенномъ исправленіи, и потому предлагаетъ дворянству единодушно повергнутъ предъ его императорскимъ величествомъ всеподданнѣйшую просьбу о снятіи опеки...

Воцарилось молчаніе.

Помолчавъ немного, губернскій предводитель нагнулся нѣсколько впередъ и самымъ вѣжливымъ голосомъ спросилъ уѣздныхъ предводителей: какъ будетъ вамъ угодно?

Тѣ переглянулись другъ на друга и молчали....

Видно было, что никому не хотѣлось говорить первому. Всѣ чувствовали, что предложеніе никуда не годится, да и старика то обидѣть отказомъ казалось неловко... Старый генералъ хорошій человѣкъ... хлѣбосолъ, всегда у него пулька...

— Да что, онъ пересталъ пить-то—спросилъ кто-то изъ толпы?

— Пересталъ, пересталъ, совершенно пересталъ,—свидѣтельствовалъ генералъ.—Вотъ хоть спросите у г-на уѣзднаго предводителя, онъ самъ служилъ со мною, и всѣхъ господъ, бывшихъ на службѣ съ нами.

— Пересталъ,—сказалъ сквозь зубы уѣздный предводитель,—да... не то, чтобы совсѣмъ не пилъ, а очень, очень...

— Много? — подхватилъ кто то. Раздался дружный хохотъ.

— Нѣтъ дѣйствительно пересталъ, — говорили сослуживцы,— примѣрнаго поведенія, ваше превосходительство.

— Примѣрнаго поведенія,—повторилъ генералъ.

— Кто? Шелудявкинъ-то что ли,—сказалъ кто-то,—да онъ вчера пьяный плясалъ передъ гостинницею Варваринова... Я видѣлъ самъ... извозчики составили около него кружокъ, а онъ то выплясывалъ.

— Это вѣрно не онъ,—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Я его не знаю; но на мой вопросъ у хохотавшихъ извозчиковъ: что это за пьяница? мнѣ сказали: Шелудявкинъ, дворянинъ.

— Онъ! онъ!—вскричало нѣсколько голосовъ.

— Можетъ быть кто нибудь напоилъ развѣ, а впрочемъ не смѣю спорить.

— Вотъ еще за пьяницу и мерзавца входить съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, — кричали одни, заглушая общій говоръ, и уже возникшіе между многими споры.

— Надобно, надобно быть снисходительну,—говорилъ генералъ;—человѣкъ молодой, мало-ли что въ молодости бываетъ... теперь-же съ горя, съ отчаянія...

— Какое тамъ снисхожденіе! Самого предводителя бы слѣдовало спросить: куда онъ дѣвалъ деньги-то, оставшіяся отъ ополченія, — сказалъ одинъ молодой человѣкъ въ полголоса... Но слова его были заглушены криками: просить!... не просить!... пьяница! негодяй! исправился!... я его знаю... за всякаго мерзавца... со всякимъ можетъ быть... ууууу... слилося въ общій гулъ.

Предводитель зазвонилъ въ колокольчикъ и знаками просилъ его выслушать.

Шш... ш... ш... ш...—зашикали многіе и тишина мало-помалу начала водворяться.

— Это все губернскій предводитель хотѣлъ погубить молодого человѣка, — сказалъ одинъ господинъ съ вѣсомъ, мѣтившій самъ въ губернскіе и своими интригами надѣявшійся уронить стараго предводителя въ общественномъ мнѣніи.

— Неугодно ли вамъ пожаловать къ губернскому столу и повторить ваши слова,—замѣтилъ другой, подступая къ господину съ вѣсомъ.

Господинъ съ вѣсомъ началъ пятиться назадъ...

— Пожалуйте же къ столу, говорите, — говорилъ, наступая, другой.

Чѣмъ бы кончилось объясненіе—неизвѣстно, если бы нахлынувшая толпа, приглашенная губернскимъ предводителемъ рукой разойтись по уѣзднымъ столамъ для разобранія шаровъ, не разлучила спорящихъ.

— Да, теперь не тѣ выборы, какъ бывало при Екатеринѣ,—говорилъ одинъ почтенной наружности съ добрымъ и умнымъ выраженіемъ лица господинъ, сидя у одного изъ уѣздныхъ столовъ двумъ сосѣдямъ среднихъ лѣтъ, не подходившихъ къ губернскому столу по случаю возникшаго вопроса.

Собесѣдники вытянули головы и, смотря въ глаза говорившему, ожидали продолженія.

Тогда выборы,—продолжалъ старый господинъ, имѣли общественное, можно сказать, государственное значеніе... въ широкомъ смыслѣ слова. Отецъ мой при Государынѣ Екатеринѣ Второй былъ губернскимъ предводителемъ .....ской губерніи. Во время выборовъ онъ занемогъ, и сильно занемогъ, а общество его уважало. Онъ зналъ, что безъ него не разрѣшатся многіе вопросы, а потому въ креслахъ велѣлъ нести себя въ собраніе. Другое было время, всякое представленіе дворянства уважалось. Дворянское собраніе было выраженіемъ общественныхъ интересовъ. Отецъ мой разсказывалъ, что онъ былъ выбранъ собраніемъ по окончаніи выборовъ, въ числѣ двухъ депутатовъ въ Петербургѣ, благодарить Государыню, какъ это водится и теперь, за дарованныя права. Когда они пріѣхали въ Петербургъ, если память мнѣ не измѣняетъ, то имъ отвели квартиру во дворцѣ, но объявили, что Государыня занята дѣлами и ранѣе двухъ недѣль они представлены быть не могутъ. Между тѣмъ въ распоряженіе ихъ былъ данъ придворный экипажъ, имъ показывали всѣ достопримѣчательности Петербурга и дворцы, приглашали на придворные балы въ театръ, а чаще всего ихъ приглашали къ Потемкину. Онъ принималъ ихъ привѣтливо, разговаривалъ, сидя съ ними, подолгу, разспрашивалъ не только о нуждахъ дворянства, но и о состояніи губерніи вообще, о губернаторѣ и о другихъ правительственныхъ лицахъ, о состояніи торговли, о мѣрахъ, какія по ихъ мнѣнію было бы полезно принять къ развитію промышленности и благосостоянія народа; вызывалъ ихъ на откровенныя выраженія мыслей,—они говорили, а Государыня-то сама стояла за ширмами, да все слушала... За то и всякое представленіе дворянства уважалось. Великая была Государыня!..

Вдругъ по сосѣдству къ разговарившимъ въ ближайшемъ уѣздномъ столѣ раздался страшный хохотъ и привлекъ къ себѣ многихъ лицъ, бродившихъ отъ нечего дѣлать изъ уѣзда въ уѣздъ и прислушивавшихся вездѣ къ разговорамъ. Поводомъ къ смѣху былъ 85-ти лѣтній старикъ помѣщикъ, отъ природы весельчакъ, любитель поиграть въ картишки, но отъ старости довольно слабый во всѣхъ отношеніяхъ и порядочно одурѣвшій.

— Какъ же вы взошли-то, Степанъ Карповичъ,—спрашивала окружавшая его молодежь?

— Какъ вошелъ, такъ сейчасъ къ ручкѣ,—продолжалъ Степанъ Карповичъ, — а ея превосходительство потрепали меня по щекѣ. Потомъ повели меня представляться всѣмъ дамамъ; тѣ только улыбались, а я себѣ иду.

— Что же вы и поплясали?

— Какже-съ, какже-съ, плясалъ. Я каждый день у ея превосходительства пляшу.

— Какже пляшете?—спросилъ съ удивленіемъ и недовѣрчивостью подошедшій молодой человѣкъ, помѣщикъ, пріѣзжій изъ Москвы и потому не знавшій почти никого въ губерніи.

— По цыгански,—невозмутимо спокойно говорилъ старикъ,—по цыгански; я очень хорошо пляшу по цыгански. Третьяго дня я даже плясалъ въ костюмѣ. Да с..... сынъ губернаторскій камердинеръ Ванька. Я попросилъ его вывести мнѣ усы угольком, а онъ, подлецъ, всю рожу мнѣ испачкалъ сажей...—При этихъ словахъ опять раздался хохотъ окружающихъ...—Однакожъ ничего: барынямъ это понравилось, посадили меня и начали цѣловать...

— Васъ цѣловать! Во что?

— Въ щечку все изволили цѣловать. Ея превосходительство первая приложилась,—и при этомъ Степанъ Карповичъ такъ комически усмѣхнулся, что всѣ разразились хохотомъ...

Въ это время опять послышался голосъ губернскаго предводителя, просившаго пожаловать къ губернскому столу.

Опять около стола собралась густая толпа.

— По предложенію Станислава Николаевича,—началъ говорить Губернскій Предводитель, указывая на одного изъ уѣздныхъ, — всѣ господа уѣздные предводители положили касательно всеподданнѣйшаго прошенія о возвращеніи Шелудявкину его правъ собрать мнѣніе дворянства по уѣздамъ, а завтрашній день мы приступимъ къ баллотировкѣ.

Въ это время подошелъ къ губернскому предводителю секретарь и, подавая какое то прошеніе, сказалъ:—Ваше Превосходительство вѣроятно изволили забыть.

— Ахъ, да, господа. Вдова коллежскаго ассесора Свайкина, служившаго дворянству секретаремъ въ продол-

женіи 12 лѣтъ, остается безъ пропитанія. Не имѣя права на пенсію, она проситъ единовременнаго пособія полтораста рублей серебромъ. Не угодно-ли будетъ пробаллотировать ваше рѣшеніе: дать или не дать ей пособіе?

Жирный господинъ съ огромнымъ брюхомъ подошелъ къ губернскому предводителю: ваше превосходительство Право уже пора обѣдать; скоро пятый часъ.

— Пора бы обѣдать, ваше превосходительство.

— Нѣтъ ужъ господа, — съ вѣжливой улыбкой говорилъ предводитель;—пожертвуйте какими нибудь четвертью часами, а между тѣмъ въ канцеляріи изготовятъ для подписи журналы принятыхъ вами мнѣній и проектовъ касательно пожертвованій...

Протоколисты отъ уѣздовъ съ шариками явились къ губернскому столу и, отсчитывая нужное количество шаровъ, разносили по своимъ столамъ. Не успѣвали они еще дойти до своихъ столовъ, какъ дворяне расхватывали шары и торопились скорѣй отнести и положить въ ящикъ.

— Что это такое баллотируютъ?—спросилъ бѣжавшій, какъ сумасшедшій, съ своимъ шаромъ и въ сопровожденіи своимъ четырехъ пріятелей тоже съ шарами въ рукахъ знакомый уже намъ отставной усатый прапорщикъ, бывшій въ это время, Богъ вѣсть, въ какой отлучкѣ и явившійся съ сіявшими глазами и румяными щеками...

— Вдова тамъ какая то проситъ пособіе.

— Вдова? Пособіе? Ну дудки, — налѣво... Изъ-за нее тамъ до пятаго часа въ собраніи,—говорили другіе, и шары безъ милосердія сыпали въ лѣвый ящикъ.

— Вы куда идете,—спросилъ въ одномъ уѣздѣ бѣлокурый господинъ, съ выраженіемъ глубокой апатіи въ лицѣ, другого господина въ отставномъ военномъ мундирѣ.

— Класть шаръ,—отвѣчалъ отходя.

— Возьмите, пожалуста, мой шаръ и положите куда знаете.

— И мой, и мой,—раздалось нѣсколько голосовъ

Набравши шаровъ семнадцать услужливый господинъ пошелъ къ ящику чуть ли не отъ лица всего уѣзда, а въ это время церемоніймейстеръ разсказывалъ у ящика окружавшей его небольшой хохотавшей толпѣ, какъ онъ двухъ монашенокъ, пришедшихъ къ нему за подаяніемъ для мона-

стыря, угостилъ баней, и когда они распарились, велѣлъ парильщицѣ обтереть ихъ перцовкой. — Вотъ была уморительная сцѣна,--говорилъ онъ,—когда святыя сестры-то, какъ ихъ защипало, да закололо, выскакали изъ бани нагишами... а я схватилъ фуражку,—и дѣйствительно схватилъ съ ящика свою красную фуражку и что-то хотѣлъ еще представить въ лицахъ, какъ подошелъ господинъ съ двумя полными горстями шаровъ.

— Укажите пожалуйста, куда,—спросилъ онъ стараго корнета,—куда кладутъ болѣе?

— Налѣво,—отвѣтилъ тотъ, не смотря и продолжая свой разсказъ съ жаромъ.

Пришедшій господинъ обоими руками сложилъ шары свои налѣво и пошелъ.

— Всѣ ли положили?—крачалъ церемоніймейстеръ, потрясая ящикомъ.

— Всѣ,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Выдвинули ящики и начали считать шары: налѣво оказалось болѣе двухъ третей.

— Забаллотировано,—вскричалъ церемоніймейстеръ.

— Да помилуйте,—продолжалъ съ жаромъ усатый прапорщикъ,—гдѣ намъ взять денегъ для всякой вдовы? И такъ дворянство ужъ жервуетъ, жертвуетъ....

— Только не изъ своего кармана,—отвѣтилъ кто-то и замолчалъ.

— Какъ не изъ своего-съ, какъ не изъ своего-съ; развѣ крестьяне не наши-съ.... Они, такъ сказать, дѣти наши-съ... —говорилъ рябой пожилой господинъ, имѣвшій привычку говорить подъ самый носъ слушающихъ и въ это время брызгать слюнями.

Объясненіе на этотъ разъ пришлось на долю усатаго прапорщика, и тотъ началъ отступать, приведенный въ совершенное отчаяніе, что далъ поводъ къ прекеканію.

Замѣтивъ это движеніе, рябой господинъ обратился къ церемоніймейстеру, но тотъ, предвидя послѣдствія, схватилъ свою красную фуражку и поспѣшилъ прочь. Рябой господинъ къ другимъ, но и тѣ разбѣжались.

Пока шла баллотировка, канцелярскіе изъ депутатскаго собранія носили отъ одного уѣзднаго стола къ другому журналы для подписи, и дворяне хватали шапки и, торопясь

скорѣй домой, чуть не вырывали другъ отъ друга имѣющіяся на каждомъ уѣздномъ столѣ два или три пера и подмахивали, не смотря.

— Что вы это хотите подписать, — вскрикнулъ одинъ дворянинъ, говорившій, что не изъ своего кармана приносятся жертвы, обращаясь къ бѣлокурому господину.—Вѣдь это отбирается согласіе отъ дворянъ о ходатайствѣ за Шелудявкина.

Бѣлокурый господинъ швырнулъ отъ себя списокъ, какъ что то поганое и движеніемъ головы поблагодарилъ за предупрежденіе... Но за то сидѣвшій тутъ же совѣтникъ казенной палаты, да исправникъ, по назначенію начальника губерніи, пододвинули къ себѣ листъ и, презрительно посмотрѣвши на предупреждавшаго, тщательно подписались.

Выходившая изъ залы толпа тѣснилась на лѣстницѣ; съ нею мѣшались сидѣвшія на хорахъ и выходившія дамы; фразы на французскомъ языкѣ и звонкій смѣхъ слышались среди общаго шума; молодежь хлопотала около сходящихъ съ лѣстницы дамъ, какъ мухи около меда. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, пользуясь случаемъ, приглашали дамъ на контрдансъ предстоявшаго на другой день бала въ благородномъ собраніи.

ГЛАВА II.

Интрига.

Залъ клуба кипѣлъ народомъ. Многія сотни стеариновыхъ свѣчей и въ канделябряхъ, и подъ карнизомъ, и по простѣнкамъ, и подъ хорами разливали ослѣпительный свѣтъ. Описывать балъ въ благородномъ собраніи въ провинціи во время выборовъ нѣтъ надобности. Балъ, какъ балъ: и по многолюдству, и по нарядамъ дамъ—настоящій балъ, неуступающій ни въ чемъ даже лучшимъ столичнымъ баламъ. Благодаря реформѣ Петра Великаго, выдвинувшаго насъ въ европейскіе тиски, мы такъ умѣемъ ловко маскироваться въ французскіе или въ общечеловѣческо-европейскіе костюмы, что пожалуй на балахъ нашихъ, даже и на провинціальныхъ, можно подумать, что мы въ Версалѣ, на балу у незабвенной м-мъ Помпадуръ. Обнаженныя шеи, плечи и другія роскош-

ныя части женской красоты, неумолкаемая французская живая болтовня—все совершенно такъ, какъ слѣдуетъ въ столицахъ, по общечеловѣчески,—а въ губерніи по столичному. Пора щепетильно-привязчивой литературѣ перестать насмѣхаться надъ провинціальными нравами, т.-е., я хотѣлъ сказать, надъ губернскими модниками и модницами, надъ ихъ наружной оболочкой или надъ ихъ обстановкой.... смѣло увѣряю, что все, что пишутъ—все преувеличено. Дамы и дѣвицы въ губерніяхъ точно также, какъ и дамы и дѣвицы столичныя учатся въ институтахъ да въ столичныхъ модныхъ пансіонахъ, или у гувернантокъ англичанокъ и француженокъ; точно также лепечутъ и на французскомъ и на англійскомъ языкѣ милый вздоръ, точно также поютъ подъ акомпанементъ Виртовскихъ роялей итальянскія аріи и, пожалуй, ни за какія блага въ мірѣ не запоютъ русской пѣсни, боясь компрометировать себя передъ почтенной публикой. Прувда, что столичныя дамы чрезъ петербургско-европейское окно прежде другихъ пользуются уроками изъ Парижа касательно того, что тамъ принято или не принято, напримѣръ: слѣдуетъ ли быть скромными въ обществѣ или веселыми до нескромности, позволительно ли удивляться, пугаться и быть безстрашными и рѣшительными, по драгунски, разсуждать ли сантиментально, или врать безстыдно, но благодаря желѣзной дорогѣ,—это все очень скоро переносится изъ Петербурга въ Москву, а оттуда, какъ изъ сердца Россіи, быстро разливается по всѣмъ жиламъ обширнаго нашего царства. Про наряды же и про уборы и говорить нечего: ихъ цѣликомъ выписываютъ изъ петербургскихъ и московскихъ модныхъ магазиновъ.

Конечно, въ губерніяхъ общество, поддерживающее собраніе, дающее балы и пользующееся балами, далеко не такъ велико, какъ въ столицахъ, за то ужъ въ куклообразныхъ механическихъ манерахъ провинціальныя дамы нисколько не уступаютъ образцамъ, въ особенности въ томъ, что называется совершенно простымъ и естественнымъ обращеніемъ.... любезнымъ обращеніемъ.

Особенно этимъ простымъ непринужденнымъ обращеніемъ, какъ это водится и въ столицахъ, отличается губернская аристократія, безъ которой ни одинъ губернскій городъ обойтись не можетъ. Разумѣется, они непринужденны

и кукольно свободны только въ своемъ кругу, какъ это водится и въ столицахъ; но за то къ другимъ ко всѣмъ, т.-е. къ лицамъ, непринадлежащимъ къ ихъ кругу, бываютъ только непринужденно-снисходительны и держатъ себя въ отношеніи ихъ такъ, что, какъ будто отъ разговора съ ними боятся закоптить свои платья. Какъ составляется губернская аристократія и кѣмъ она комплектуется — положительно трудно опредѣлить. Безъ всякаго сомнѣнія, значеніе служебное и независимое состояніе составляютъ главнѣйшее условіе аристократическаго бытія, къ чему, впрочемъ, и доходныя мѣста способствуютъ не мало, напримѣръ: если предсѣдатель казенной палаты соединяетъ въ себѣ значеніе истаго петербургскаго чиновника и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то хотя-бы и не имѣлъ родовыхъ помѣстій и на щитѣ его герба въ красномъ полѣ изображенъ былъ вѣникъ или сапожная щетка, онъ всетаки, съ помощью деликатнаго обращенія съ виннымъ откупомъ и другими доходными статьями, проживая тысячъ 10 или 12 серебромъ и имѣя при томъ дочерей, непремѣнно будетъ членомъ губернской аристократіи.

Точно также и инженерное вѣдомство, въ видѣ дистанціоннаго начальства, съ помощью смѣтъ на сооруженіе дорогъ и оброчно-шоссейныхъ заставъ, украшая остающимися отъ насыпки на дорогу камешками уши и шеи своихъ супругъ, на которыхъ они изъ грязнаго известняка преобразуются въ сіяющіе алмазы,—вдругъ ни съ того, ни съ сего чувствуетъ себя въ самой средѣ губернской аристократіи. Съ нѣкотораго времени многіе блестящіе гвардейскіе полковники, стремясь за лаврами, не чуждаются принимать на себя званія командировъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ. Вмѣсто лавровъ находятъ полушубки, голенищи, переда рубашечнаго холста, приварочныя, кормовыя и проч. и проч., и все это позволяетъ имъ окружать себя комфортомъ и приличіемъ петербургскихъ гостинныхъ, имѣть щегольскіе экипажи, щегольскія уборы для женъ, хорошаго повара.... и тѣмъ они пріобрѣтаютъ всѣ права не только на лавры и званіе командировъ баталіоновъ внутренней стражи, но и аристократовъ. Изъ этого краткаго очерка читатель можетъ видѣть самъ, что кромѣ начальника губерніи и губернскаго предводителя дворянства, по занимаемому ими положенію

въ губернскомъ обществѣ, какъ я уже выше сказалъ, трудно опредѣлить, какъ, почему и изъ кого образуется губернская аристократія; но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что она существуетъ. Губернскія аристократическія дамы читаютъ только французскія книги, говорятъ между собою только по французски, одна передъ другою желаютъ блеснуть нарядами и, разодѣвшись, сидятъ и перекидываются безсвязными фразами до тѣхъ поръ, пока не засядутъ за ералашъ. Мало-мальски мыслящій человѣкъ никакъ не пойметъ, для кого и для чего они тратятъ столько денегъ на наряды и даже входятъ для нихъ въ долги. Онѣ наперечетъ знаютъ, какая изъ нихъ какими обладаетъ средствами, они видятся другъ съ другомъ почти каждый день, и не все ли казалось-бы для нихъ равно, что въ дешевыхъ, что въ дорогихъ платьяхъ перекидываться вздоромъ, спорить и смѣяться, безъ смысла, и играть въ карты.

Можетъ быть это такъ водится и въ петербургскихъ салонахъ, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, чего я рѣшительно не утверждаю,—Богъ ихъ тамъ знаетъ: въ аристократію ни въ столичную, ни въ губернскую я никогда не заглядывалъ.... говорю болѣе понаслышкѣ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ случилось мнѣ быть въ Москвѣ въ театрѣ. Между другими пьесами даны были сцены изъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя, а именно „Разсказъ почмейстера о капитанѣ Копѣйкинѣ“ и бесѣда двухъ барынь губернскаго большого свѣта, одной дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и другой просто пріятной. Пока занавѣсъ еще былъ опущенъ, я полагалъ, что увижу двухъ женщинъ прекрасныхъ собою, съ безукоризненно тонкими таліями, одѣтыхъ не только изысканно, но буквально по послѣдней парижской картинкѣ современныхъ модъ, съ манерами немного жеманными, немного натянутыми, но съ претензіею на свѣтскую развязность, съ манерами, не дающими никакого права сомнѣваться въ томъ, что съ малолѣтства гувернантки ихъ или содержательницы пансіона, или классная дама, безпрестанно твердили имъ: tenez vous bien; что съ корсетомъ они познакомились съ 8-ми лѣтняго возраста и что они учились танцовать у лучшаго танцмейстера. Вѣроятно, и самъ Гоголь не иначе представлялъ ихъ себѣ, какъ такими, и кто хоть мало жилъ въ губернскомъ городѣ не

могъ бы представить ихъ себѣ иначе, за то тѣмъ то и поразительнѣе становится для читателя пошлость ихъ разговора, пошлость интересовъ, ихъ волнующихъ. Что-жъ вы думали, любезный читатель, какъ поняты были эти личности на сценѣ? Вышли двѣ женщины, одѣтыя въ короткія, узкія, тафтяныя платья—одна красно-серизоваго цвѣта, другая въ желтое, съ пунцовыми платками на плечахъ и въ уродливыхъ чепчикахъ, однимъ словомъ одѣтыхъ такъ, какъ не позволитъ себѣ одѣться дворовая женщина въ порядочномъ помѣщичьемъ домѣ и какъ, я видалъ, одѣваются въ нѣкоторыхъ однодворческихъ селеніяхъ бывы однодворки въ праздничные дни, смѣняя будничный нарядъ русской крестьянки на платье нѣмецкаго устройства. Къ несчастью и литература наша въ описаніяхъ и художники въ рисункахъ, силясь изобразить провинціальную жизнь, понимаютъ и передаютъ ее точно также, какъ возсозданы были на московской сценѣ пріятныя гоголевскія дамы, и есть люди, особенно въ Петербургѣ, которые вѣрятъ имъ отъ души.

Недостатокъ разумнаго направленія, даваемаго при воспитаніи нашимъ женщинамъ равно ощутителенъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ; но пошлость дѣйствій, разговора и помысловъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе нелѣпаго воспитанія, рѣзче проявляется въ дамахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, нежели въ столичныхъ. И это очень естественно. Въ столицахъ быстрѣе вращается коловоротъ жизни, именуемой свѣтомъ, и какъ онъ въ сущности не пустъ, но при всемъ томъ въ этомъ омутѣ мишурнаго блеска нерѣдко сверкаетъ, подобно алмазнымъ гранямъ, для слуха—знаменитыя пѣвицы и другіе музыкальные артисты, для глазъ—новѣйшія произведенія художествъ: и картинныя галлереи и художественныя выставки и знаменитыя произведенія архитектуры; для ума и сердца ближайшее сношеніе съ литературными кругами и политическіе и общественные интересы, волнующіе мыслителей, для наслажденій—и театръ и гулянья,—все это вмѣстѣ, хотя и при недостаткѣ внутренняго содержанія личностей, давая пищу и интересъ ихъ разговорамъ, не даетъ имъ опошливаться такъ быстро, какъ въ провинціяхъ, и можно утвердительно сказать, что гоголевскія просто пріятныя и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ дамы, живя въ столицахъ, не говорили бы

такъ о глазкахъ и лапкахъ и не враждовали бы въ тайнѣ за Елчикова.

Постойте однако-жъ: развѣ въ столицахъ и въ большомъ свѣтѣ не было примѣровъ, чтобы дамы чуть не царапались за какого нибудь льва? Да кстати и о львахъ: и въ губернскихъ городахъ водится эта порода лютыхъ звѣрей, и съ бородами, и безъ бородъ, и съ гривами, и безъ гривъ, и все это я къ тому только веду рѣчь, чтобы показать, что между балами губернскихъ городовъ и балами столичными разница можетъ быть въ большемъ многолюдствѣ, въ лучшей музыкѣ, а что касается до наружнаго вида дамъ и кавалеровъ, ихъ одежды и нарядовъ, разницы нѣтъ, да въ сущности и быть не можетъ.

Газъ, дымка, цвѣты, брилліанты, блестящіе глаза, матовыя плечи, обольстительная улыбка и декольте до безконечности, отчего, т.-е. отъ послѣдняго, на балѣ этомъ случилось казусное происшествіе, подавшее надолго пищу многимъ разговорамъ въ салонахъ губернскаго города. Одна во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, говоря и кокетничая съ какимъ то львомъ возлѣ померанцеваго дерева, раскинувшаго широко свои сучья, вздумала привстать на цыпочки, чтобы сорвать листокъ, для этого вытянула руку и слегка прыгнула. Прыгнула легко, граціозно, какъ не прыгнула бы и сильфида; но отъ движенія этого вдругъ изъ-за декольте....

Опять я отступилъ.... Да, контрдансы, лянсье и польки смѣнялись одни другими и балъ кипѣлъ, какъ въ котлѣ. Вдругъ между нетанцующими и несоставлявшими пульки дворянами мелькнуло какое-то особенное движеніе, у иныхъ на лицахъ выразилось негодованіе, у другихъ веселая улыбка, у третьихъ презрѣніе.... Что такое? Вотъ одинъ господинъ съ усами, поговоря что то съ другимъ, взялъ этого другого за руку и повелъ въ ближайшую комнату. Къ нимъ присоединилось нѣсколько другихъ лицъ съ выраженіемъ любопытства.... Вотъ они подошли къ канделябрѣ, стоявшей въ углу, и господинъ съ усами вынулъ изъ бокового кармана листокъ какой то газеты и началъ что то читать въ полголоса.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Молодой человѣкъ, появившійся на выборахъ и котораго совѣтникъ казенной палаты и исправникъ отъ короны успѣли уже заклеймить вольнодумцемъ и либераломъ, принадлежалъ къ фалангѣ пишущей братіи, т.-е. былъ литераторомъ и сотрудникомъ какой-то газеты. Въ газетѣ этой онъ помѣстилъ филосовское разсужденіе о наказаніяхъ исправительныхъ, на которое журналистика напала съ азартомъ, заподозривъ автора въ антигуманномъ направленіи. Дѣло принадлежало къ современнымъ вопросамъ и потому не отвѣтить на критику—значило бы признать ложность или несостоятельность убѣжденій редакціи, что для чести газеты было бы оскорбительно; соображая все это и зная отлучку автора филосовскаго разсужденія въ губернію на выборы, редакторъ напечаталъ въ газетѣ своей слѣдующія строки:

„Мы очень огорчены, что благонамѣренная статья нашего почтеннаго сотрудника Еранина,—многими журналами перетолкована и вкривь и вкось. Этотъ рѣзкій примѣръ недобросовѣстности критики, хотя и вынуждаетъ насъ оправдать автора передъ судомъ публики и потомства и, показавъ дѣло въ истинномъ свѣтѣ—снять съ него несправедливое подозрѣніе въ антигуманности, но мы не можемъ рѣшиться на это, безъ его личнаго согласія: вѣроятно онъ съумѣетъ и самъ защитить себя, чего мы въ правѣ отъ него ожидать. Въ настоящее же время онъ поѣхалъ въ Морозовскую губернію на выборы, гдѣ борется за истину противъ невѣжества и корыстолюбія".

Редакторъ послѣдними словами хотѣлъ очертить разныя противозаконныя побужденія, во имя которыхъ многіе, хотя въ этомъ никто не сознается вслухъ, идутъ въ исправники и другія правительственныя должности; но къ несчастію, строкъ этихъ было уже слишкомъ достаточно для враговъ Еранина, чтобы произвести противъ него демонстрацію.

Еранинъ принадлежалъ къ партіи людей благонамѣренныхъ, чуждыхъ мелочныхъ интригъ и мелочныхъ побужденій, къ числу людей, стремящихся къ осуществленію истины, справедливости, закона, къ партіи, составляющей во всей Россіи единственную надежду и утѣшеніе, и которую, не обинуясь, можно назвать умѣренно—прогрессивной.

Къ несчастью этотъ умѣренный прогрессистъ со всею примыкающей къ нему братіею рѣшились поддерживать стараго губернскаго предводителя, не потому, чтобы въ глазахъ ихъ онъ былъ высшимъ идеаломъ губернскаго предводителя, но потому, что соискатели этой почетной должности были люди ничтожные, а если и не глупые, то люди зараженные тщеславіемъ, для которыхъ правда была тогда только дѣломъ истиннымъ, когда она могла служить ступенью къ исполненію ихъ намѣреній. Открытыя, прямыя дѣйствія этой партіи, находившей невольное сочувствіе въ массѣ, были не по нутру тѣмъ, кто велъ интригу противъ стараго губернскаго предводителя, и вотъ редакторъ газеты, соревнуя къ чести своего сотрудника, а болѣе своей газеты, и самъ того не зная, далъ въ руки имъ орудіе, которымъ они не преминули воспользоваться, чтобы подорвать въ лицѣ Еранина всю несоглашавшуюся съ ними партію.

Тайная буря кипѣла и въ безъ того кипучемъ котлѣ бала: въ разныхъ углахъ клуба формировались кружки, вездѣ толковали объ оскорбленіи дворянства; злоба на Еранина въ массѣ возрастала до такихъ размѣровъ, что его пріятели посовѣтывали ему, во избѣжаніе оскорбленій, удалиться съ бала домой.

Начальникъ губерніи и въ особенности его супруга ненавидѣли Брагина, во первыхъ потому, что въ немъ губернаторъ встрѣчалъ не разъ опозицію, а главное и онъ и она видѣли въ немъ нравственную занозу. Губернскій предводитель былъ ближайшій и постоянный свидѣтель праздности губернатора, его увлеченій въ оргіяхъ, гдѣ онъ, едва держась на ногахъ и кривляясь, пускался въ плясъ чуть не въ присядку. Губернскій предводитель видѣлъ всю грязную сторону должностныхъ лицъ, окружавшихъ начальника губерніи и наполнявшихъ губернское правленіе, и смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ, тогда какъ эти всѣ люди были подъ особенной протекціей ея превосходительства. Говорили даже, что она у многихъ изъ нихъ занимала деньги, и потому начальникъ губерніи самъ, сознавая въ душѣ, что они подлецы, не могъ сносить однако-жъ, чтобы это сознавалъ и даже показывалъ и высказывалъ губернскій предводитель. Пусть знаетъ и видитъ это вся губернія, все дворянство....

оно всегда за честь поставитъ дать ему обѣдъ и даже погулять и проплясать съ нимъ; но губернскій предводитель совсѣмъ другое дѣло. Онъ каждый годъ ѣздитъ въ Петербургъ, представляется министру; министръ разспрашиваетъ его о многомъ, онъ, начальникъ губерніи, знаетъ это достовѣрно и потому, ну какъ, да поразскажетъ.... Нѣтъ, умный губернскій предводитель никуда не годится, ни для какого начальника губерніи, думалъ онъ, и, будучи совершенно проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, примкнулъ, въ тайнѣ разумѣется, къ той партіи, которая поставила себѣ цѣлью помогать князю. По мнѣнію начальника губерніи, князь совмѣщалъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для губернскаго предводителя. Во первыхъ, онъ былъ немножко пустъ; во вторыхъ, былъ очень богатъ; въ третьихъ, былъ тщеславенъ, и вслѣдствіе этого охотникъ былъ давать обѣды, балы, собирать благородные спектакли; слѣдственно доставилъ бы много удовольствія губернскому городу постояннымъ въ немъ пребываніемъ; въ четвертыхъ, имѣлъ свой хорошій оркестръ бальной музыки, въ чемъ также очень часто нуждаются губернскіе города; въ пятыхъ, имѣлъ и хорошихъ поваровъ. Многія изъ всѣхъ этихъ качествъ были приняты въ соображеніе нестолько самимъ начальникомъ губерніи, сколько полновѣсною его супругою.

Чтобы достигнуть результатовъ всѣхъ этихъ соображеній, необходимо было уронить въ общественномъ мнѣніи стараго губернскаго предводителя и увлечь дворянство на свою сторону настолько, чтобы можно было водить его за носъ. Дѣло шло хорошо. Начальникъ губерніи до того былъ вѣжливъ и внимателенъ съ каждымъ дворяниномъ, такъ умѣлъ поддѣлаться къ характеру всякаго, кому похвалить жену или дочерей, съ кѣмъ пошутить и поврать, кого, разумѣется изъ болѣе вліятельныхъ, пригласить дружески отобѣдать, кого съ участіемъ и энергіей удовлетворить въ просьбѣ, за что рѣшительно всѣ партіи прославили его, какъ человѣка-молодца, милаго человѣка, добраго, благороднаго человѣка и съ прибавленіемъ ко всему этому скрѣпительнаго приговора: вотъ такъ губернаторъ!

Супруга начальника губерніи также не дремала. Для дамъ съѣхавшагося дворянства она дѣлала вечера, тщательно платила имъ визиты, увѣряя ихъ въ любви своего мужа

къ дворянству, что для него интересы дворянства священнѣе всего въ мірѣ, потому что онъ, мужъ ея, прежде всего дворянинъ самъ. Говорила вкрадчиво, съ одушевленіемъ и, когда замѣчала, что въ искренность ея вѣрятъ, что отъ умиленія у пріѣзжей дамы чуть не брызгаютъ слезы, она, не теряя времени, сейчасъ же сообщала по секрету, какъ много мужъ ея страдаетъ отъ злобы и интригъ губернскаго предводителя. Представьте, говоритъ она, -этотъ человѣкъ за все доброжелательство Кондратія Александровича къ дворянству платитъ ему тайными доносами!.. Доносъ и притомъ тайный возмущаетъ всякое чисто русское сердце и поселяетъ въ немъ отвращеніе къ лицу тайнаго доносчика. При этомъ Фатима Николаевна передаетъ дамѣ, какъ мужъ ея добръ, какъ искренно, душою полюбилъ ея мужа и проч. и въ дополненіе ко всѣмъ этимъ упоительно любезнымъ фразамъ, она крѣпко и отъ души жметъ довѣрительной дамѣ руку, обнимаетъ и еще крѣпче, еще сердечнѣе цѣлуетъ.

Пріѣзжая помѣщица въ восторгѣ отъ милой и любезной женщины-губернаторши и, когда мужъ ея возвращается домой, она говоритъ ему:

— Другъ мой, знаешь-ли, какой Брагинъ подлецъ!—и со всѣми подробностями разсказываетъ мужу о тайномъ доносѣ.

— Не можетъ быть,—возражаетъ мужъ,—Брагинъ, кажется, человѣкъ честный и не способенъ на подлость.

— Вотъ поди, узнавай людей! Фатима Николаевна мнѣ это сказала по секрету, а Фатимѣ Николаевнѣ не вѣрить я не могу. Она такая милая, такая внимательная... и какъ хвалитъ тебя.

При этомъ мужъ охорашивается; по спинѣ пробѣгаютъ мурашки обольщеннаго самолюбія и онъ вполнѣ начинаетъ вѣрить Фатимѣ Николаевнѣ.

Фатима Николаевна, объѣздивъ всѣхъ бывшихъ у нея съ визитами дамъ, всякую изъ нихъ обворожила своею любезностью, всякой расхвалила и своего и ея мужа и всякой болѣе или менѣе насплетничала на губернскаго предводителя.

— Вы не можете представить себѣ, уважаемая Варвара Никитишна,—говорила она одной дамѣ,—какъ трудно

иногда моему доброму, благородному Кондратію Александровичу бороться за интересы дворянъ, которыхъ онъ такъ уважаетъ. Да и какъ иначе? Кондратій Александровичъ прежде, нежели губернаторъ, дворянинъ самъ... и съ кѣмъ же иногда приходится бороться, съ человѣкомъ, которому само дворянство ввѣрило защиту своихъ правъ... Вы сами догадаетесь, кто это... не хочу называть—Богъ съ нимъ.

Тутъ ораторша вынула крошечную золотую эмалированную табакерочку, медленно открыла, понюхала крошечную щепотку табаку и продолжала:

— Помните-ли, прошедшую весну дворовые люди ваши приходили жаловаться будто-бы на жестокое обращеніе съ ними вашего мужа. Можно-ли было этому повѣрить? Однакожъ этому повѣрили, настаивали даже, чтобы произвести слѣдствіе, чтобы обязать выѣхать изъ имѣнія, взять въ опеку...

— Неужели правда!?—восклицаетъ изумленная Варвара Никитишна.

— Но Кондратій Александровичъ не таковъ, чтобы можно было водить его за носъ... Онъ наотрѣзъ сказалъ, что дворянинъ для него лицо священное, что принять жалобу на помѣщика можетъ только какой нибудь вольнодумецъ.... Высказалъ много при этомъ, а людей приказалъ взять въ полицію и порядочно... понимаете?

Тутъ Фатима Николаевна остановилась, значительно сжала подбородокъ, посмотрѣла изъ подлобья и нѣжною ручкою помахала по воздуху.

— Ахъ, какой благородный человѣкъ Кондратій Александровичъ!—восклицаетъ Варвара Никитишна и обѣ женщины въ порывѣ душевнаго умиленія бросаются другъ къ другу въ объятія.

— Какой низкій человѣкъ Брагинъ! — шепчетъ, крѣпко пожимая руку, Варвара Никитишна, при прощаніи, Фатимѣ Николаевнѣ.

— Ахъ не говорите пожалуйста... у меня сердце надрывается! - и Фатима Николаевна ѣдетъ далѣе.

На этотъ разъ она попадаетъ въ гостинную богатой барыни. Барыня не одна; кромѣ множества различныхъ породъ собакъ: бульдоговъ, мосекъ, шарлетовъ, лежащихъ на диванахъ, на подушкахъ у ногъ, на колѣняхъ и за спиною

хозяйки дома, сидѣли передъ нею на креслахъ три гостя въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, перчаткахъ, съ шляпами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже извѣстный намъ Гологанскій и двое NN.

Эти три лица были преданы Брагину, но не хотѣли быть въ разрывѣ и съ Синявскимъ, т. е. съ мужемъ собаколюбивой барыни. По ихъ и по понятіямъ многихъ дворянъ губерніи, Синявскій былъ тоже очень недурной человѣкъ, человѣкъ не глупый... Говорили, что онъ живетъ подъ башмакомъ у своей дражайшей половины, и что половина эта: о!.. о!.. о!.. баба; но дворянству что за нужда до его домашнихъ отношеній. Синявскому многіе приверженцы стараго губернскаго предводителя рѣшались класть, какъ и тому, направо, потому что, за что же обижать? онъ нисколько не хуже Брагина, даже быть можетъ и умнѣе.

Обмѣнявшись самыми утонченными привѣтствіями на французскомъ языкѣ, обѣ дамы сѣли, а жирный лѣнивый мопсъ взлѣзъ и помѣстился на колѣняхъ у хозяйки.

Фатимѣ Николаевнѣ предстояла трудная задача. Тутъ не нужно было ставить на пьедесталъ своего необыкновеннаго Кондратія Александровича, потому что хозяйка дома, имѣя ежегодно лѣтнее пребываніе въ ближайшемъ селѣ и проводя зиму, если не въ Петербургѣ или не за границею, то въ своемъ губернскомъ городѣ, и сама принадлежа къ губернской аристократіи, очень хорошо знала, что за соколъ Кондратій Александровичъ; знала сколько любви къ нему у Фатимы Николаевны, однимъ словомъ знала все, чего даже нѣтъ и не было. Тутъ надобно было обнадежить, усыпить претендента, чтобы вѣрнѣе, неожиданнѣе поразить его въ самое сердце. Для этого надобно... Но Фатима Николаевна увидала трехъ визитантовъ и прежде всего рѣшилась употребить ихъ въ свою пользу.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль васъ господа,—вдругъ сказала она сидѣвшимъ на этотъ разъ молча господамъ:—вамъ теперь такъ много хлопотъ. И зачѣмъ это такъ тянутъ выборы? Мнѣ кажется, что это все фантазіи вашего Брагина,—говорила съ самой наивной привлекательной улыбкой Фатима Николаевна. Ахъ, Messieurs! – но, пожалуйста, чуръ секретъ...—прибавила она значительно.

— Ахъ, Ваше Превосходительство,—отвѣчалъ одинъ N и, привставъ, поклонился.

— Вы знаете Ваше Превосходительство мою скромность... мое уваженіе,—прибавилъ Гологанскій, поклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ.

Другой N хотѣлъ тоже что то сказать, но, пошевеливъ губами, ограничился почтительнымъ поклономъ.

M-me Синявская съ самымъ безпечнымъ видомъ навострила уши.

— Кондратій Александровичъ,—начала въ полголоса Фатима Николаевна,—получилъ вчера вечеромъ письмо отъ министра... Она нагнулась и пошептала что то на ухо хозяйкѣ, отчего та нѣсколько поблѣднѣла. Потомъ наклонилась къ Гологанскому, привставшему при этомъ движеніи и наклонившему къ ней голову, и тоже пошептала. NN слышали только слова „крестьян.... эмансипація", но Гологанскій сообщилъ обоимъ NN слышанное имъ, послѣ чего всѣ трое какъ-то неловко потянулись и у всѣхъ глаза посоловѣли.

— Министръ,—говорила Фатима Николаевна,—спрашиваетъ мнѣнія Кондратія Александровича касательно этого... Кондратій Александровичъ попросилъ немедленно къ себѣ вашего великолѣпнаго губернскаго предводителя,—при этомъ она сдѣлала гримасу презрѣнія, чтобы посовѣтываться съ нимъ объ этомъ важномъ дѣлѣ. Ахъ, это ужасно, какого представителя выбрало дворянство. Кондратій Александровичъ ожидалъ, что Брагинъ, какъ дворянинъ, раздѣлитъ съ нимъ убѣжденіе, что это утопія, что народъ нашъ еще не созрѣлъ... что дворянство единственное просвѣщенное сословіе всегда приносило жертвы на алтарь отечества... такъ министру и написалъ Кондратій Александровичъ; а Брагинъ вашъ, чтобы вы думали: онъ положительно сказалъ, что, если онъ и получитъ отъ министра хоть что нибудь подобное, то не замедлитъ выразить полную готовность.

— Подлецъ! — прошепталъ про себя одинъ изъ NN. Другой не сказалъ ни слова, но значительно улыбнулся, и всѣ трое, опустя глаза въ землю, вытянули ноги.

— И этотъ то человѣкъ останется опять губернскимъ предводителемъ,—вскричала Синявская.

Фатима Николаевна пожала плечами, подняла глаза къ небу и глубоко вздохнула. Скромный Гологанскій сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Боязнь, что г.г. NN прежде его сообщатъ дворянству такую важную новость, какую они слышали прямо изъ устъ самой губернаторши, подмывала его поскорѣе раскланяться; но ожиданіе, что NN еще останутся послѣ него и еще что нибудь услышатъ, удержало его еще на нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ, всталъ и, о счастье!—за нимъ поднялись и NN. Хозяйка и Фатима Николаевна протянули имъ руки, которыя они съ почтеніемъ пожали и вышли изъ гостинной.

Гологанскій, сѣвъ въ сани, закричалъ своему кучеру: пошелъ въ гостинницу Варварину. Кучеръ шевельнулъ возжами, пристяжная свилась кольцомъ, коренная понеслась быстрою рысью. Пріѣхавъ въ гостинницу, онъ пошелъ изъ нумера въ нумеръ, вездѣ разсказывая слышанную новость со всѣми подробностями и варіантами.

— Чтоже въ письмѣ-то такое написано?—спросили его въ одномъ нумерѣ.

— То и написано, что я уже вамъ говорилъ.

— Да самъ-то ты видѣлъ письмо?..

— Какже, видѣлъ. Она привозила съ собою, показывала; но только, пожалуйста, г-да, чуръ не выдавать — это секретъ.

— Господа! однакожъ вѣдь это ни на что не похоже... Это, это, чортъ знаетъ что,—замѣчали слушатели.

— Если ты читалъ самъ,—продолжалъ спрашивать одинъ пріятель,—такъ скажи же, ради Бога, какими словами тамъ сказано, какъ?..

— Министръ именно пишетъ: Милостивый Государь, Кондратій Александровичъ! тутъ три восклицательныхъ знака.

— Зачѣмъ же это три?

— Я не знаю, думаю, что министръ хотѣлъ показать этимъ особенный знакъ уваженія. Милостивый Государь, Кондратій Александровичъ! Глубокое мое къ Вамъ уваженіе и проч., знаете все въ этомъ родѣ... шельмы вѣдь тамъ эти въ Петербургѣ: камень за пазухой—наровитъ тебя куда нибудь въ чигулевку, а уже на письмѣ то какъ мягко стелютъ...

— Правда, правда,—замѣтили всѣ.—Ну говори, что дальше то?

— Да дальше-то ничего особеннаго тамъ... намъ нуженъ Вашъ просвѣщенный совѣтъ... тамъ человѣчество, духъ времени и проч., устарѣвшія формы крѣпостныхъ отношеній. Въ примѣръ этого министръ ставитъ Шелудявкина.

— Какъ Шелудявкина?

— Да Шелудявкина... въ Петербургѣ уже знаютъ, что дворянство хотѣло за него ходатайствовать и губернскому предводителю непремѣнно будетъ замѣчаніе.

— Скажите, какъ скоро это все въ Петербургѣ знаютъ!..

— Кто нибудь донесъ... сколько я разъ говорилъ Пузырькову, что напрасно позволяетъ квартальному входить въ переднюю,—говорилъ Гологанскій,—однакожъ прощайте, господа, мнѣ некогда,—и онъ, обошедши всѣ нумера въ Варваринской гостинницѣ, отправился въ Бугорковскую, а оттуда по всѣмъ постоялымъ дворамъ и вездѣ разсказывая съ новыми варіантами.

Оказалось, что уже не одно письмо, а два: одно отъ министра, а другое еще отъ кого то... слухи принимали размѣры чудовищные.

Противъ дома, занимаемаго губернскимъ предводителемъ Брагинымъ, поселился на время выборовъ помѣщикъ Трещеткинъ съ нѣсколькими изъ своихъ пріятелей. Проѣзжая по этой улицѣ, Гологанскій заѣхалъ и къ нимъ. Поздоровавшись, по обыкновенію, онъ увидѣлъ на окошкѣ какую-то табличку съ названіемъ дней и цифрами.

— Что это за таблица,—спросилъ онъ?

— Это мы замѣчаемъ, сколько экипажей и саней стояло въ эти дни у Брагина.

— Ну чтоже?

— Плохо приходитъ... похоронятъ... Видишь, во вторникъ къ его крыльцу подъѣхало 23 экипажа и 47 саней; въ среду 14 экипажей и 13 саней; въ четвергъ 6 экипажей и 11 саней; въ пятницу 1 экипажъ и 3-е саней; въ субботу 3-е саней... ну, а сегодня ни однихъ.—Всѣ присутствовавшіе захохотали. Надобно замѣтить, что Трещеткинъ съ своими пріятелями и родными принадлежалъ къ партіи Синявскаго

и противъ стараго губернскаго предводителя формировалъ лигу, не жалѣя для этого ни языка, ни клеветы, ни лошадей. Онъ былъ изъ числа лицъ, одаренныхъ природными способностями, но никогда не употребляемыми имъ ни на пользу служебную, ни на общественную; а между тѣмъ желаніе популярности не давало покоя его самолюбію. Онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы быть дѣйствующимъ лицомъ вездѣ, гдѣ только могъ приткнуться, и при настоящихъ выборахъ задалъ себѣ тему уничтожить стараго губернскаго предводителя и на его мѣсто посадить Синявскаго.

— Э!.. все это пустяки,—говорилъ Гологанскій, — что Брагинъ, что Синявскій, для меня все равно; а вотъ такъ не все равно... и онъ съ наслажденіемъ нувелиста разсказалъ содержаніе двухъ писемъ, которыя онъ самъ видѣлъ и съ точками и съ запятыми, и даже съ „остаюсь Вашимъ Кондратій Александровичъ", нѣтъ... „остаюсь Вашимъ, Милостивый Государь, Кондратій Александровичъ", нѣтъ... „Вашего Превосходительства, Милостивый Государь. Кондратій Александровичъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою" и проч.

Хотя Трещеткинъ и пріятели его знали Гологанскаго, какъ лгуна, однакожъ новость, привезенная имъ, была не игрушка и, по мнѣнію ихъ, всетаки заключала въ себѣ дозу несовсѣмъ пріятной правды.

— Говори потише, а то люди услышатъ... нехорошо!— говорилъ Трещеткинъ, а между тѣмъ разсказъ, заключавшій въ себѣ обвиненіе противъ Брагина въ равнодушіи къ интересамъ дворянства, давалъ ему новыя средства къ достиженію цѣли.

— Представь себѣ,—замѣтилъ онъ, какъ будто спохватясь и обращаясь къ Гологанскому,—не даромъ же я слышалъ: прислали Брагину корону на Анну.

— Какже, какже, слышалъ. Я забылъ было сказать... Фатима Николаевна говорила... за это, за это и прислали.

Трещеткинъ разинулъ ротъ отъ удивленія, однакожъ промолчалъ; а черезъ часъ во всѣхъ гостинницахъ и во всѣхъ квартирахъ прибавилась еще новость: что за выраженную готовность со стороны Брагина ему прислана корона на Анну, и эту новость, кромѣ Гологанскаго, какъ

слышанную подъ фирмою „говорятъ“, съ большимъ усердіемъ развозилъ и самъ изобрѣтатель Трещеткинъ.

Оставимъ на время Гологанскаго и Трещеткина съ ихъ новостями и обратимся къ оставленнымъ нами дамамъ.

— Будетъ-ли вашъ Степанъ Степановичъ баллотироваться въ губернскіе предводители? — спросила вдругъ Фатима Николаевна, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Ахъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, — вскричала Синявская.

Фатима Николаевна знала, что она лжетъ и сама Синявская знала, что гостья ее знаетъ, что она лжетъ, однакожъ подняла глаза къ небу и еще повторила: ни за что на свѣтѣ.

Фатима Николаевна начала ее уговаривать, просить во имя добра и правды, для блага всего человѣчества уговорить Степана Степановича баллотироваться.

— Его такъ любитъ Кондратій Александровичъ и я вамъ скажу откровенно, что всѣ 100 шаровъ людей, ему преданныхъ, всѣ къ вашимъ услугамъ.

Синявская не выдержала. Она бросилась въ объятія истинно расположенной Фатимы Николаевны и онѣ размѣнялись горячими поцѣлуями.

Послѣ этого начальница губерніи поѣхала еще въ два или три дома, гдѣ лаская дочерей и давая имъ совѣты, почерпнутые изъ условій петербургскаго большого свѣта, гдѣ обвораживая маменекъ своимъ вниманіемъ и простотою и вездѣ подводя мины, возвратилась домой уже около пяти часовъ пополудни, очень довольная своей поѣздкой. Увы! она увлеклась очень и не смекнула, что люди, какъ Гологанскій,—кинжалъ обоюдоострый.

Весь этотъ эпизодъ визитовъ, сплетней и новостей, здѣсь описанныхъ, происходилъ утромъ воскресенья, т. е. того дня, въ который вечеромъ въ залѣ клуба данъ былъ балъ.

Новость, пущенная въ ходъ Фатимою Николаевною, была поводомъ встревоженнаго состоянія духа, за немногими исключеніями, всего дворянства, отчасти поводомъ тому тяжелому впечатлѣнію, которое при другихъ обстоятельствахъ не произвела бы газетная статья, и все это выразилось об-

щимъ неудовольствіемъ и даже злобою противъ Еранина, какъ противъ вольнодумца и человѣка, расположеннаго къ Брагину.

ГЛАВА III.

Демонстрація.

Все развезеннное и посѣянное Гологанскимъ, приправленное Трещеткинымъ, преувеличенное всѣми, разрослось въ такое безконечно-суковатое дерево различныхъ толковъ и соображеній, до того въ продолженіе бала перебивалось не только во всѣхъ углахъ, за всѣми карточными столами и въ уборной дамъ, но даже во время танцевъ, въ тишинѣ уединенныхъ кадрилей, въ отчаянныхъ полькахъ и въ низкопоклонныхъ лянсье, что къ ужину многимъ надоѣло до тошноты, а для другихъ такъ даже потеряло и всякую достовѣрность. Ожесточеніе противъ Еранина заставило всѣхъ людей, его уважавшихъ, поглубже вникнуть въ дѣло: нашлись изъ нихъ такіе, которые свели Гологанскаго и его двухъ товарищей съ Трещеткинымъ и чрезъ это многія добавленія сами собою выплыли наружу. Нашлись и настоящіе друзья Брагина. Они поѣхали къ нему въ домъ, дружески попросили его передать имъ, что такое говорилъ онъ съ начальникомъ губерніи,—и оказалось, что все, сказанное имъ на сообщенное имъ начальникомъ губерніи конфиденціальное письмо, ограничивалось словами: „Дошла и до насъ пора“. Взглядовъ же своихъ и убѣжденій онъ и не сообщалъ и не хотѣлъ сообщать, надѣясь со временемъ высказать ихъ кому будетъ слѣдовать, не сомнѣваясь, что подобные изложеннымъ къ начальнику губерніи вопросы скоро дойдутъ и до него порядкомъ оффиціальнымъ, какъ къ представителю дворянскаго сословія въ губерніи.

Изъ числа дворянъ были нѣкоторыя лица, пріѣзжія изъ Петербурга и занимающія тамъ довольно видныя должности. Ихъ спрашивали: не говорятъ ли чего объ этомъ въ Петербургѣ, но они положительно отвѣчали, что ничего подобнаго въ Петербургѣ не слыхать. Сплетня стала разъясняться и источникомъ ея, къ удивленію многихъ, хотя еще смутно, еще въ туманѣ, являлась Фатима Николаевна

Неожиданные размѣры, какіе приняли пущенныя ею сплетни, начинали и самое ее тревожить не шутя. Она проклинала теперь себя, что проводникомъ своихъ сплетней сдѣлала Гологанскаго, и добро-бы она не знала, что этотъ человѣкъ, безъ прибавленій, не можетъ и двухъ словъ промолвить; чувствовала, что дѣло принимаетъ оборотъ дурной, и продолжала полькировать... Высоко вздымалась роскошная грудь, жаркая атмосфера волновалась около бѣлыхъ плечъ и лебединой шеи и своимъ неотразимымъ обаяніемъ привлекала молодыхъ дворянъ-танцоровъ въ свой знойный предѣлъ, какъ въ заколдованный кругъ...

Но балъ уже прошелъ давно. Онъ кончился въ три часа нынѣшняго утра, а теперь уже скоро 11-ть.

Залъ дворянскаго собранія начиналъ понемногу наполняться; невыспавшіяся, измятыя и блѣдныя лица многихъ свидѣтельствуютъ о весело проведенной ночи; многихъ одолѣваетъ зѣвота, у другихъ болитъ голова. Не смотря на это, тамъ и сямъ по залѣ, въ ожиданіи пріѣзда губернскаго предводителя, начинаютъ собираться кружки. Прислушаться ко всѣмъ разговорамъ нѣтъ возможности, и только въ небольшомъ кружкѣ посреди залы какъ-то особенно внятно раздается голосъ Синявскаго.

— Этого дворянство оставить не можетъ. Это стыдъ дворянству!—и эти возгласы заинтриговываютъ многихъ, и мало-по-малу изъ маленькой кучки образуется куча большая.

— Надобно потребовать отъ него, чтобы онъ или оправдался здѣсь у губернскаго стола, или онъ долженъ быть исключенъ изъ собранія.

— Кому оправдываться, кто долженъ быть исключенъ?— спрашиваютъ многіе, не бывшіе на балу.

— Еранинъ!—отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Еранинъ? За что?

— Еранинъ. Онъ безчеститъ наше общество: называть цѣлое сословіе невѣжественнымъ, корыстолюбивымъ, дѣлать себя героемъ, ставить себя выше всѣхъ...

— Да когда же это онъ такъ ругался? — спрашиваетъ толстый господинъ.

— Вотъ смотрите — и при этихъ словахъ Синявскій вынимаетъ листокъ газеты и читаетъ во всеуслышаніе:

„Мы очень огорчены... несправедливое подозрѣніе въ туман...“ нѣтъ дальше еще, да, слушайте: „вправѣ ожидать“... вотъ слушайте: „въ настоящее же время онъ поѣхалъ въ Морозовскую губернію на выборы, гдѣ борется за истину противъ невѣжества и корыстолюбія“.

— Да вѣдь это не онъ писалъ,—замѣтилъ кто-то.

— А почему вы знаете, что не онъ?—перебилъ Трещеткинъ,—вѣрнѣе всего, что онъ самъ... или по крайней мѣрѣ его письма дали поводъ редактору написать эти выраженія, оскорбительныя для дворянства.

Тутъ заговорило и заспорило нѣсколько голосовъ, съ увеличивавшимся шумомъ, толпа увеличивалась. Верзилинъ, колоссальный ростомъ, въ отставномъ кирасирскомъ мундирѣ, колотилъ себя въ грудь и кричалъ, что онъ русскій,—что онъ не позволитъ оскорблять дворянство, что надобно-бы и редактора-то розгами проучить. Рыжевскій, дворянинъ съ рыжими усами и съ рябоватымъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва и мадеры, лицомъ, наступалъ на одного защитника Еранина—плѣшиваго, маленькаго и худощавенькаго господина, вызывая его на барьеръ, отчего тотъ, почувствовавъ въ животѣ рѣзь, немедленно отступилъ, махая руками, а Рыжевскій продолжалъ кричать, что всякаго, кто осмѣлится вступиться за Еранина, онъ попроситъ пожаловать на барьеръ!.: Трещеткинъ поджигалъ въ полголоса молодежь, всегда любящую демонстраціи, во имя чего-бы онѣ не затѣвались. Въ демонстраціяхъ толпа видитъ движеніе общественной самостоятельности и потому предается имъ съ какимъ то восторгомъ, за что? какъ?—ей дѣла нѣтъ, лишь-бы кричать: „Намъ даны права... Мы не пѣшки!“ и проч.

Движеніе принимало характеръ бурный, и когда пріѣхалъ губернскій предводитель и уѣздные предводители заняли свои мѣста, толпа демонстраторовъ, имѣя впереди Синявскаго, Верзилина, Рыжевскаго, Трещеткина и камеръюнкера Свистунова, двинулась къ губернскому столу.

— Ваше Превосходительство, — началъ торжественно говорить Синявскій, обращая рѣчь къ губернскому предводителю, — между нами въ этомъ благородномъ собраніи дворянства есть одинъ дворянинъ, который своими дѣйствіями и поступками оскорбляетъ все сословіе. Ваше Превосходи-

тельство, мы требуемъ, чтобы онъ изъ собранія нашего былъ исключенъ.

— Кто-же это?—спросилъ губернскій предводитель.

— Еранинъ!...

— Какъ Еранинъ?.. Чтоже онъ сдѣлалъ, что могъ навлечь на себя ваше неудовольствіе?

— Потрудитесь, Ваше Превосходительство, посмотрѣть, что тутъ напечатано,—и съ этими словами Синявскій снова вынулъ изъ-за борта своего дворянскаго мундира листокъ съ знакомымъ уже намъ объявленіемъ.

— Да вѣдь это не онъ писалъ?..

— Я полагаю, что это все равно, потому что онъ, вѣроятно, что нибудь писалъ въ редакцію и тѣмъ подалъ поводъ... поддержите же господа — прибавилъ онъ въ полголоса окружавшей его толпѣ.

— Онъ оскорбляетъ, Ваше Превосходительство, насъ всѣхъ, не нужно его... не хотимъ чтобъ между нами... Исключить!—кричало въ толпѣ нѣсколько голосовъ.

— Я... Я русскій! — кричалъ Верзилинъ, колотя себя въ грудь...—Дворянинъ, не потерплю!!!

Съ другой стороны стола подошло нѣсколько лицъ, сочувствующихъ убѣжденіямъ Еранина, и тѣ въ свою очередъ требовали, чтобы обвинители его представили доказательства его вины. Шумъ и споръ у губернскаго стола поднялся страшный. Рыжевскій уже опять вызывалъ кого-то на барьеръ... Губернскій предводитель сначала въ отчаяніи зажалъ уши, но потомъ жестами и поклонами склонилъ толпу замолчать.

— Если вы, господа, обвиняете Еранина, такъ надобно по крайней мѣрѣ доставить ему возможность къ оправданію, — проговорилъ наконецъ Брагинъ,—а то какже можно исключить дворянина, не знавши положительно, правъ-ли онъ или виноватъ.

Мнѣніе это поддержали многіе уѣздные предводители, отчего волнующаяся толпа видимо смутилась, но тутъ камеръ-юнкеръ Свистуновъ, разгладивъ на пальцахъ перчатки лучшаго парижскаго издѣлія, подвинулся къ губернскому предводителю и тихимъ, но твердымъ и торжественнымъ голосомъ сказалъ:

— Ваше Превосходительство, дожидаться г-на Еранина въ собраніи для оправданія намъ некогда, но и считаться въ средѣ нашего общества онъ не долженъ.

— Такъ чтожъ вамъ угодно?

— Не угодно ли будетъ Вашему Превосходительству,— продолжалъ Свистуновъ, — предложить дворянству послать къ нему депутацію для истребованія отъ него объясненія въ этомъ дѣлѣ. Пусть онъ торжественно отречется отъ напечатаннаго объявленія и напишетъ для напечатанія этой статьи опроверженіе въ томъ видѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ это будетъ ему продиктовано.

— Я право не знаю, господа, какъ вамъ угодно. Я готовъ пустить на баллотировку ваше предложеніе, но только мое мнѣніе такое, что не стоитъ...

— Ваше Превосходительство, мы уже рѣшились... Мы не приступимъ къ выборамъ, пока не рѣшимъ этого вопроса.

Такая твердость со стороны Свистунова понравилась всей сопровождавшей толпѣ; многіе начали славить его велегласно, что было очень не по душѣ зачинщику демонстраціи Синявскому. До слуха его стали доходить слова: вотъ бы кому быть губернскимъ предводителемъ...

— Чортъ возьми,—думалъ онъ,—за какимъ только дьяволомъ присталъ къ намъ этотъ фертикъ?.. а нехорошо: ишь вѣдь какой тонкій, и ножки тоненькія, и обшитъ галунами, и говоритъ съ такимъ достоинствомъ.

Самъ Трещеткинъ, забывъ цѣль своихъ интригъ, чуть чуть не измѣнилъ, и даже въ глаза Синявскому похвалилъ Свистунова. Синявскій согласился на словахъ, а на умѣ у него было другое:

— Переметная сума и ты-то, голубчикъ,—думалъ онъ,— обоихъ бы васъ къ...

Къ кому онъ ихъ желалъ бы послать, это и для него самого осталось загадкою, потому что съ другой стороны стола поднялся шумъ, прервавшій на время нить его мыслей. Партія меньшинства положительно и дѣльно начала доказывать всю нелѣпость требованія, возбужденнаго по поводу газетной статьи.

Окружившее столъ и обѣ спорящія партіи большинство оставалось равнодушно и ждало, чѣмъ это кончится. Почти всѣ были недовольны поднятою бурею. Да иначе и

быть не могло. Всѣ подобные эпизоды задерживаютъ выборы, чего дворянство вообще не любитъ, и Синявскій, вмѣсто желаемой популярности, какъ поборникъ чести дворянскаго сословія, своею настоящею выходкою потерялъ въ большинствѣ нѣсколько десятковъ шаровъ. При всемъ этомъ большинство не поддержало и партіи, защищавшей Еранина: по мнѣнію его, хоть тѣ въ этомъ дѣлѣ и правы, а ходу давать имъ всетаки не надо, потому что они вольнодумцы...

Пока споръ и шумъ были въ полномъ разгарѣ, одинъ господинъ смиренной наружности, изогнутый подобно параграфу, что составляетъ вѣрный признакъ долговременнаго прохожденія службы въ нижнихъ канцелярскихъ должностяхъ, вѣжливо замѣтилъ одному пузастому на коротенькихъ ножкахъ, съ головою, какъ ладонь, голою, съ отекшимъ лицомъ, и въ какомъ то допотопномъ мундирѣ,—что ужасъ, какъ шумятъ.

— Тотъ-же мірской сходъ, да еще пожалуй тамъ потише будетъ,—отвѣчалъ, не глядя на него, пузастый господинъ.

— А ты, что, батюшка, баллотировать чтоли собираешься?

— Какже-съ, Василій Антоновичъ, въ непремѣнные-бы хотѣлось... Не оставьте — добавилъ онъ еще съ низкимъ поклономъ.

— А чѣмъ же тебя, батюшка, не оставить?...

— Изволите сами знать: все зависитъ отъ расположенія дворянства, — если удостоятъ-съ избраніемъ. И вы то ужъ, Василій Антоновичъ, взыщите вашимъ благодѣяніемъ, удостойте направо-съ...

— Ахъ, другъ мой любезный,—возгласилъ съ чувствомъ Василій Антоновичъ,—душевно бы желалъ, да не могу, ей Богу, не могу. Конечно, что и говорить, я тебя знаю. Ты человѣкъ хорошій, теперь-то пока, ну, а какъ выберешь тебя, да ты начнешь мошенничать, вѣдь я за тебя Богу буду отвѣчать... Вѣдь я присягалъ, что-жъ мнѣ за тебя душу-то свою губить... Разъ, вотъ также не хуже, какъ теперь, пришелъ меня просить одинъ — вотъ такой же, какъ ты, я и того... выбрали, а онъ такой-то разбойникъ оказался, что при первомъ случаѣ съ меня же слупилъ. Съ тѣхъ поръ

далъ зарокъ: никому не класть направо... не хочу ни за кого отвѣчать передъ Богомъ.

Вѣроятно споръ между двумя враждущими партіями продолжался бы безъ конца, если бы губернскій предводитель, посовѣтовавшись съ уѣздными, не закричалъ: Покорнѣйше прошу пожаловать къ губернскому столу...у...у!

Возгласъ этотъ былъ почти напрасный: интересъ спора и такъ уже собралъ почти всѣхъ къ губернскому столу.

Брагинъ, изложивъ въ короткихъ словахъ причину спора, предложилъ дворянству разобрать шары и пробаллотировать мнѣніе: посылать-ли депутацію съ требованіемъ отъ Еранина объясненія, или оставить дѣло безъ вниманія. Шары разобрали, началась баллотировка, и послать депутацію было выбаллотировано болѣе, нежели двумя третями голосовъ.

По предложенію губернскаго предводителя, Свистуновъ, Верзилинъ, Синявскій и Рыжевскій отправились въ квартиру Ераѝнина. Выходя изъ залы, они имѣли видъ героевъ среднихъ вѣковъ, идущихъ на приступъ населеннаго чертями замка.

Пріятели Еранина дали ему изъ собранія знать, что тамъ происходитъ, и потому онъ, написавъ къ своему уѣздному предводителю о болѣзни, по которой онъ участвовать на выборахъ въ этотъ день не можетъ, рѣшился остаться дома. Надѣвши черный бархатный пиджакъ, т. е. кафтанчикъ русскаго покроя — нарядъ очень имъ любимый, — и взявъ въ руки какой-то журналъ, сѣлъ передъ каминомъ и мирно принялся за чай, который имѣлъ привычку пить довольно поздно. Вдругъ, оглянувшись въ окошко своей свѣтленькой и чистенькой квартиры, увидалъ, что по улицѣ пронеслись двое саней и прямо подкатили къ его крыльцу, и не успѣлъ онъ одуматься, чтобы это такое значило, какъ четверо депутатовъ стояли ужъ передъ его носомъ, какъ листъ передъ травою.

— Милости просимъ, господа!—привѣтствовалъ Еранинъ вошедшихъ гостей. — Радъ очень, что вы меня навѣстили. Вѣроятно вы по пути въ собраніе заѣхали?.. Человѣкъ, трубокъ!.. Да подай и сигаръ и папиросъ... Не прикажите

ли чаю? — И говоря это онъ радушно подвинулъ кресла и просилъ садиться.

Это славянское гостепріимство озадачило депутатовъ такъ, что составленная Свистуновымъ на пути изъ собранія, приличная и въ сильныхъ выраженіяхъ рѣчь, осталась несказанною. Они переглянулись другъ на друга и молчали.

— Господа! да чтожъ вы не садитесь... я такъ радъ.

— Извините,—сказалъ наконецъ Синявскій, — мы пріѣхали къ вамъ не сидѣть и не курить. Мы уполномочены собраніемъ.

— Чтожъ такое, господа? такъ вы по дѣлу? Чтоже вамъ угодно?

— Отъ имени всего дворянства мы пріѣхали васъ спросить: читали-ли вы въ Политическомъ Соревнователѣ въ № 97-мъ объявленіе, гдѣ упомянуто ваше имя.

— Читалъ.

— Какъ вы находите это объявленіе?

— Я нахожу, что объявленіе это составлено очень неудачно и некстати.

— Дворянство очень оскорблено нѣкоторыми выраженіями, и потому требуетъ отъ васъ объясненія: подали-ли вы сами поводъ редакціи къ сказаннымъ выряженіямъ?

— Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы редакція вздумала напечатать на страницахъ своей газеты такую дичь, и, откровенно вамъ сказать, меня это очень удивило.

— Дворянство полагаетъ, что, безъ вашего участія, подобныя фразы не могли бы придти въ голову и редакціи, и потому положило, если вы не оправдаетесь, то будете исключены изъ собранія.

— Да! Вы будете исключены изъ собранія, если не оправдаетесь... Я русскій! — вскричалъ Верзилинъ, заколотивъ себя въ грудь,—я не допущу, чтобы какой нибудь редакторъ осмѣлился издѣваться надъ дворянствомъ; это должно быть такъ какой нибудь этакъ мальчишка, либералъ... его-бы розгами хорошенько...

— Еслибы онъ только попался мнѣ, я бы его на барьеръ... Я бы ему въ саму переносицу... выпустилъ бы изъ него кровь,— запальчиво кричалъ Рыжевскій, размахивая руками.

— Господа! сказалъ начинавшій выходить изъ терпѣнья Еранинъ, — сѣките, стрѣляйте, мнѣ права до этого дѣла нѣтъ, только оставьте меня въ покоѣ.

— Но вы должны оправдаться—возразилъ Свистуновъ.

— Скажите же, какъ мнѣ оправдаться?

— Напишите опроверженіе.

— Извольте.

— Вы должны написать опроверженіе въ томъ видѣ, какъ мы вамъ его продиктуемъ, и это опроверженіе должно быть напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

— Я это самъ хотѣлъ сдѣлать, и сдѣлалъ-бы, но теперь не сдѣлаю и не напишу. Во первыхъ, не напишу потому, что вы такъ торжественно и съ угрозой отъ меня этого требуете, а во вторыхъ, я никогда не имѣлъ привычки подписывать свое имя подъ чужими статьями.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

Депутаты величественно поклонились и вышли изъ комнаты такъ-же торжественно, какъ и пришли.

ГЛАВА IV.

Разочарованіе.

Пока депутаты были въ отлучкѣ и вели переговоры, а секретарь дворянства принесъ и положилъ на губернскій столъ листы, подписанные дворянствомъ, съ изъявленіемъ согласія повергнуть всеподданнѣйшую просьбу о снятіи съ Шелудявкина опеки, Гологанскій, удалившись съ генераломъ Песосыпкинымъ въ сторонку отъ толпы, разсказывалъ его превосходительству со множествомъ новыхъ добавленій и варіантовъ тѣ новости, которыя онъ съ такимъ самоотверженіемъ и ревностію развозилъ по всѣмъ постоялымъ дворамъ, гостинницамъ и квартирамъ, занимаемымъ дворянами. Какъ-то вспомнилъ и о томъ, что вчера такъ случайно соскользнуло у него съ языка, что въ Петербургѣ уже знаютъ, что дворянство рѣшилось ходатайствовать за Шелудявкина; но тутъ, такъ опять Богъ знаетъ какимъ образомъ, добавилъ, что дѣло это уже внесено въ комитетъ господъ ми-

нистровъ, что губернскому предводителю непремѣнно будетъ выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ, что дворянство все уже положено оштрафовать по рублю серебромъ съ каждаго, съ возбудившаго этотъ вопросъ, какъ съ возмутителя общественнаго спокойствія, взыскать 25 рублей и впредь никуда не опредѣлять .. Чувствуя самъ, что заврался и налгалъ черезчуръ, онъ поскорѣе торопился взять съ почтеннаго генерала слово не говорить объ этомъ никому, что это секретъ, что Фатима Николаевна на глаза къ себѣ его не пуститъ, если узнаетъ, что онъ проговорился.

При этомъ извѣстіи генералъ поблѣднѣлъ и чуть не присѣлъ.

— Ахъ я, старый дуракъ,—думалъ онъ,—и понесла-же меня нелегкая хлопотать за этого негодяя Шелудявкина... Ишъ вѣдь какой сослуживецъ... Какъ не вступиться!.. Теперь министръ узнаетъ что, какъ, доложитъ Государю!—и подъ вліяніемъ самаго непріятнаго ожиданія, стыда и досады, забывъ свою старость, Песосыпкинъ легкою стопою подлетѣлъ къ губернскому столу.

— Ваше ходатайство, Ваше Превосходительство,—сказалъ ему Брагинъ, — увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Болѣе двухъ третей дворянъ подали голосъ просить за Шелудявкина.

— Какъ, Ваше Превосходительство, — отвѣчалъ, какъ будто изумленный нечаянною вѣстью, Песосыпкинъ,—какъ?! неужели дворянство можетъ ходатайствовать за этого негодяя?..

Брагинъ остолбенѣлъ и въ изумленіи смотрѣлъ на Песосыпкина нѣсколько секундъ. Живой румянецъ игралъ на старческихъ щекахъ генерала, въ потухнувшемъ и уже давно въ безсмысленномъ взорѣ свѣтился огонь, движенія легки, станъ выпрямился. Боже мой,—подумалъ Брагинъ,— не сошелъ-ли старикъ съ ума?...

— Взвалить на меня одного легко,—продолжалъ, горячась, Песосыпкинъ; — конечно 25 руб. мнѣ ничего не значатъ, я плюю на нихъ... но запятнать мою честь... мое доброе имя... Министръ доложитъ Государю!..

— Онъ помѣшался, — шепнулъ Брагинъ сидѣвшему возлѣ него одному изъ уѣздныхъ предводителей, а между тѣмъ привлеченная этимъ разговоромъ любопытная толпа

дворянъ начинала тѣсниться около стола. Видя такую внезапную перемѣну со старикомъ и слыша его несвязныя рѣчи, многіе порѣшили, что онъ отъ старости рехнулся; многіе начинали смѣяться, другіе смотрѣли на него съ участіемъ.

— Какіе 25 рублей, — спросилъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей,—о какихъ деньгахъ вы говорите?...

— Я знаю о какихъ деньгахъ я говорю, мнѣ ихъ нежаль, но я не просилъ и не думалъ просить за Шелудявкина: это негодяй и пьяница.

— Такъ зачѣмъ же вы подписались?

— Я подписываться?! отъ роду никогда.

— Но вотъ ваша подпись...

— Гдѣ? покажите?.. Ахъ Боже мой, Ваше Превосходительство, это я по ошибкѣ: мнѣ подсунули старику, позвольте вычеркнуть,—и, не дожидаясь просимаго разрѣшенія, съ живостью юноши схватилъ перо и запачкалъ свою подпись.

— Что значитъ эта перемѣна, Ваше Превосходительство,—спрашивали его многіе; — Вы сами просили, сами ходатайствовали за Шелудявкина?...

— Не я, не я, не я—кричалъ Песосыпкинъ.—Онъ негодяй, пьяница, подлецъ!.. Это г-нъ уѣздный нашъ предводитель... Это такіе же негодяи, какъ и самъ Шелудявкинъ, могли за него хлопотать.

При этихъ словахъ всѣ сослуживцы Шелудявкина, которые до настоящей минуты окружали своего стараго начальника, разсыпались во всѣ стороны. Уѣздный предводитель вѣроятно сдѣлалъ бы тоже, но такъ какъ уйти ему не было никакой возможности, то онъ нашелъ для себя приличнѣйшимъ принять насмѣшливый видъ.

— Ваше Превосходительство и просили и подписались, всѣ это слышали и видѣли; зачѣмъ же вамъ угодно обвинять въ этомъ меня?.. Во первыхъ, я не просилъ и не ручался за него, что онъ совсѣмъ не пьетъ, а во вторыхъ я и не подписывалъ!...

— Боже мой, господа! Такого плута я и не встрѣчалъ другого, — вскричалъ Песосыпкинъ, всплеснувъ руками.— Самъ же меня просилъ, просилъ, самъ же уговаривалъ... долгъ Вашего Превосходительства, честь Вашего Превосхо-

дительства... прекрасный молодой человѣкъ... а теперь отказывается отъ своихъ словъ. Да вы, милостивый государь, срамите званіе уѣзднаго предводителя, да я васъ къ себѣ на порогъ не пущу послѣ этого, да я научу дворянъ потребовать отъ васъ отчета въ обозѣ и двойномъ комплектѣ полушубковъ... Тридцать восемь лѣтъ я прослужилъ своему отечеству и Государю, тринадцать ранъ украшаютъ мое тѣло!..

— Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство, успокойтесь,—убѣждалъ его Брагинъ, вставъ съ своего мѣста и съ участіемъ отведя его въ сторону. На это время смѣхъ замеръ на устахъ скалозубовъ; старикъ разыгралъ такую драму, лицо и голосъ его приняли такое выраженіе, что у многихъ стѣснилось въ груди. Пока губернскій предводитель вышелъ съ Песосынкинымъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ усадилъ его на диванъ, успокоилъ, утѣшилъ, разсѣялъ въ немъ всякое опасеніе, объяснивъ ложность слуховъ, и посовѣтывалъ, подъ предлогомъ нездоровья, отправиться домой и отдохнуть, оставшіеся около стола дворяне и уѣздные предводители стали разсматривать мнѣніе о Шелудявкинѣ и считать число подписей.

— Боже мой, сколько подписей,—говорилъ одинъ еще довольно молодой господинъ съ длинными волосами и въ очкахъ и танцовавшій на вчерашнемъ балѣ чуть не до обморока;—можно-ли было ожидать, чтобы въ Шелудявкинѣ, въ этомъ негодяѣ было принято такое живое участіе! А еще называютъ себя дворянами,—заключилъ онъ съ негодованіемъ, пожавъ плечами.

— Зачѣмъ же вы сами то подписались?—спросилъ его съ улыбкою стоявшій тутъ-же секретарь дворянства, также молодой человѣкъ красивой наружности и съ умными выразительными глазами.

— Я не подписывался...

— Какже это? Мнѣ кажется я видѣлъ гдѣ-то вашу подпись,—и, нагнувшись къ бумагамъ, началъ перебирать и быстро перечитывать листы. Наконецъ нашелъ: — вотъ смотрите.

— Ахъ, неужели! — воскликнулъ, покраснѣвъ, совсѣмъ растерявшійся проповѣдникъ,—и какъ это я... вѣрно ошибкой...

— А меня тутъ нѣтъ?—спрашивалъ секретаря другой господинъ.

— Нѣтъ и вы подписались.

— Какъ за Шелудявкиана? быть не можетъ.... Ахъ я оселъ.

Всѣ расхохотались.

— Нутка взгляните-ка на меня, что я, подписался?...

— Подписались.

— А я?

— Подписались.

Странная вещь: спроситъ одинъ, спроситъ другой, и все оказывается, что поднисались и подписались, а сами они этого и не знали; и когда губернскій предводитель, отправивъ Песосыпкина домой, возвратился къ своему креслу, многіе подошли и начали просить его допустить ихъ вычеркнуть изъ мнѣнія ихъ подписи.

Въ это время депутація, ѣздившая къ Еранину, возвратилась. Тихо, торжественно подходили депутаты къ губернскому столу, за ними шли, соединясь, разсѣянные по залѣ, дворяне, и такимъ образомъ около стола образовалась опять плотная масса. Дѣло было въ самомъ дѣлѣ любопытное; многіе не понимали, зачѣмъ было депутаціи ѣздить? но не менѣе того всѣ желали скорѣе слышать, о чемъ они говорили и что отвѣчалъ Еранинъ.

Свистуновъ ясно и отчетливо изложилъ всѣ подробности пріѣзда, разговора и отвѣта Еранина,—и затѣмъ всѣ обстоятельства этого дѣла и результатъ депутаціи положено было записать въ журналѣ.

Поручивъ исполненіе этого дѣла секретарю, Брагинъ всталъ и, обратясь къ уѣзднымъ предводителямъ, а потомъ къ дворянству, потребовалъ ихъ мнѣнія, находятъ-ли они Еранина виновнымъ и, если находятъ, то подвергать-ли требованіе объ исключеніи Еранина на баллотировку.

Изъ уѣздныхъ предводителей одни повертѣлись въ креслахъ туда и сюда, другіе дали отвѣтъ неопредѣленный, вообще видно было, что такъ какъ уѣздные выборы еще не состоялись, то они и боялись сказать рѣшительное мнѣніе, чтобы не обидѣть какимъ бы то ни было образомъ кого либо изъ дворянъ своихъ уѣздовъ. За то толпа, враждеб-

ная Брагину, шумѣла, настаивая объ исключеніи Еранина и заглушала другую, защищавшую его, партію.

Одинъ, разгорячась, кричалъ, что мало этого, чтобы исключить Еранина, надобно и его редактора подъ судъ!... Верзилинъ колотилъ себя въ грудь и кричалъ, что онъ русскій, и что онъ не потерпитъ.... Нынче эти писатели,—кричалъ третій,—позволяютъ себѣ ужъ черезчуръ много.... надобно бы наконецъ просить, чтобы на цензуру было обращено болѣе вниманія: распустили, ни на что не похоже....

— Кабы розгами всѣхъ этихъ писателей-то пробрать....

Разумѣется, всѣ эти возгласы возбуждали во многихъ и смѣхъ и гнѣвъ, шумѣли, спорили.... Наконецъ, какой-то уѣздный предводитель, принадлежавшій къ партіи прогресса, тихимъ и спокойнымъ голосомъ предложилъ вопросъ:

— Справедливо-ли будетъ исключить изъ собранія Еранина, человѣка, не запятнавшаго себя ничѣмъ, и ходатайствовать за Шелудявкина о снятіи съ него опеки?...

— Кто же порядочный человѣкъ согласится ходатайствовать за Шелудявкина,—возразилъ разгоряченный споромъ Синявскій.

— Однако-жъ вы подписали мнѣніе.

— Я подписалъ?... Когда-же это было?...

— Вотъ мнѣніе, а вотъ и ваша подпись: вотъ гвардіи капитанъ Синявскій, вотъ камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества Свистуновъ, вотъ подполковникъ Верзилинъ, вотъ и коллежскій секретарь Трещеткинъ....

— Какъ и я подписался за Шелудявкина,—вскричалъ Верзилинъ,—за этого каналью?...

— Да, и вы подписались.

Нѣсколько секундъ всѣ четверо стояли въ недоумѣніи и не знали, что говорить. Въ это мгновеніе дѣло приняло другой оборотъ. Въ массѣ пробудилось уснувшее на время чувство справедливости, вслѣдствіе чего болѣе половины толпы, поддерживающей Синявскаго, отпала отъ него и молча разошлась.

Замѣтивъ это движеніе, Брагинъ немедленно имъ воспользовался.

Господа, — сказалъ онъ.—Многіе изъ дворянъ, по ошибкѣ подписади мнѣніе о Шелудявкинѣ, а теперь изъ-

являютъ желаніе, чтобы подписи ихъ были уничтожены. Ходатайствовавшій предъ дворянствомъ за Шелудявкина генералъ Песосыпкинъ, за полчаса передъ этимъ, здѣсь у губернскаго стола объявилъ, что онъ дѣйствовалъ безъ увѣренности въ правотѣ дѣла—по просьбѣ другихъ, что самъ онъ былъ обманутъ, и что теперь навѣрное знаетъ, что Шелудявкинъ человѣкъ самаго дурного поведенія. Неугодно-ли будетъ дворянству уничтожить мнѣніе о Шелудявкинѣ или подвергнуть баллотировкѣ.

— Баллотировать! Раздалось нѣсколько голосовъ,— баллотировать, чтобы послѣ не жаловался никто, что мнѣніе уничтожено противъ ихъ воли.

— Баллотировавь, баллотировать!... повторили еще многіе.

Разобрали шары, начали баллотировку, и что-же? за Шелудявкина оказался одинъ только шаръ.

— Кто нибудь ошибкой положилъ,—замѣтилъ старый корнетъ церемоніймейстеръ, задвигая правый ящикъ и, сопровождая свою остроту гримасообразной улыбкой, разразился хохотомъ.

Трудно положеніе историка, которому приходится описывать эпохи въ родѣ удѣльнаго періода. Какъ не силься онъ придавать занимательность прелестью разсказа, но если бытоописанія, служащія источникомъ историческому труду, сухи и безцвѣтны, если событія цѣпляются за событія непрерывной нитью, тогда какъ не видишъ ни внутренней связи, ни тайныхъ, ни явныхъ побужденій, исключая дьявольскаго навожденія или зависти врага рода человѣческаго къ благоустройству человѣческихъ обществъ,—писатель ничего не сдѣлаетъ. Не избѣжать ему нареканія, что чтеніе его творенія дѣйствуетъ на читателя усыпительно,—и что зѣвота страшная, истерическая зѣвота бываетъ слѣдствіемъ прочтенія иногда только одной страницы....

Въ такомъ же положеніи нахожусь и я, любезный читатель. Да, горько мнѣ приходитъ, какъ подумаю, чѣмъ займу я читателя, гдѣ найду я движенія, чтобы придать жизнь моему разсказу, когда начнутся выборы безъ всякаго скандала, тихо и плавно, какъ по маслу, или, что называется, со-

вершенно согласно законнымъ постановленіямъ. Боюсь усыпить читателя, а дѣло такъ и идетъ къ тому.

Въ настроеніи дворянъ совершилась внезапная реакція. Большинство вдругъ почувствовало, что оно—жертва интригъ различныхъ партій, тогда, по совѣсти сказать, все равно, что попъ, что батька, потому что большинству до губернскаго предводителя когда-то еще дойдетъ нужда; большинству не достанется пожалуй опять до новыхъ выборовъ, т.-е. черезъ три года, побывать въ губернскомъ городѣ, а ужъ не то, что пообѣдать у губернскаго предводителя, будь хоть у него поваръ семи пядей во лбу.

Большинству нужно скорѣе и поскорѣе хоть бы какъ нибудь окончить выборы. Женатые, семейные люди соскучились по своимъ семействамъ. Холостые по большей части тоже соскучились.... по своимъ семействамъ, а главное, какъ ни весело жить этакъ по бивуачному въ губернскомъ городѣ, играть въ клубѣ въ карты, затѣвать перегонки на рысакахъ, посѣщать театръ, пить шампанское, предаваться оргіямъ за исключительно мужскими обѣдами, но и женатые и холостые, особенно холостые, начинали чувствовать, что сначала, при пріѣздѣ на выборы, когда-то туго набитые, бумажники начинали истощаться. Многіе господа уже перехватывали кое-гдѣ подъ указанные и неуказанные проценты, другіе позадолжали въ магазинахъ и гостинницахъ, и потому всѣ желали скорѣйшаго окончанія выборовъ.

Толпа угомомонилась; ей уже теперь не до волненій, не до споровъ, не до пустыхъ затѣй и вотъ она двинулась къ губернскому столу, съ покорнѣйшею просьбою, обращенною къ губернскому предводителю, чтобы уѣздныхъ выборовъ не откладывать далѣе, а чтобы немедленно приступнть къ нимъ.

— Но у насъ еще не кончено дѣло Еранина,—замѣтилъ Брагинъ,—прикажете-ли баллотировать мнѣніе: допускать-ли или не допускать его до выборовъ?

Пять или шесть человѣкъ партіи Синявскаго требовали баллотировать; но большинство, жаждущее покоя, изступленно завопило: не нужно, не нужно. Ераниъ не виноватъ... Это одна злость; не нужно пустяками занимать собраніе....

Губернскій предводитель, махнувъ рукою, чтобы утишить волненіе, произнесъ:

— Господа! Мнѣ очень прискорбно, что у насъ возникло такое дѣло, и тѣмъ это больнѣе для меня, что я знаю Еранина, какъ честнаго и благороднаго дворянина, а потому я почитаю моимъ долгомъ совершенно оправдать его въ глазахъ дворянства. Если вы положительно не желаете, чтобы Еранинъ оставался въ средѣ нашего общества—если только онъ будетъ отвергнутъ, я добровольно почту за счастіе раздѣлить съ нимъ его участь....

Рѣчь эта, сказанная съ достоинствомъ, произвела въ собраніи дѣйствіе неизъяснимаго восторга. Всѣ ринулись къ губернскому предводителю и въ страшномъ хаосѣ шума было слышно: оставить это дѣло, оставить... оставить... Если бы Еранинъ и былъ виноватъ, то ваше оправданіе, ваше ручательство для насъ достаточно...

Партія Синявскаго въ этомъ шумѣ слышала возгласы, не совсѣмъ для нея пріятные, что-то въ родѣ брани.... А такъ какъ брань восторженной толпы не всегда оканчивается благополучно, то она, т.-е. партія, что называется поджала хвостъ, да и тягу съ арены.

Брагинъ торжествовалъ. Синявскій съ этой минуты могъ грызть на него зубы, сколько угодно, но ужъ опасенъ быть не могъ. Поблагодаривъ дворянъ за довѣренность и прослезившись при этомъ случаѣ, что произвело новый эффектъ и взрывъ восторженныхъ выраженій общаго уваженія, Брагинъ предложилъ дворянству разойтись по уѣзднымъ столамъ и приступить къ выборамъ на уѣздныя должности.

ГЛАВА V.

Промахи.

Какъ предчувствовалъ, такъ и вышло. Что я теперь напишу? Общаго ничего нѣтъ. За губернскимъ столомъ остался только одинъ губернскій предводитель; дворянство съ своими уѣздными предводителями разошлось по уѣзднымъ столамъ и толпится около ихъ густыми кучками. Всѣ заняты дѣломъ съ усердіемъ; уѣздные выборы совершаются быстро.

Однако-жъ, попробуйте подойти къ одному уѣзду, гдѣ долженъ баллотироваться князь. Синявскій со сцены сошелъ; одинъ только князь, поддерживаемый вліяніемъ губернатора, еще былъ опасенъ нѣсколько Брагину. Впрочемъ подходить къ столу и подслушивать явно—какъ-то неловко: лучше войдемте на хоры, авось либо найдемъ мѣстечко между дамами, густо унизавшими баллюстраду хоръ вокругъ всей залы и присутствіемъ своимъ пріятно смягчающими общій тонъ картины.... Къ тому-жъ мы тамъ всетаки будемъ не одни. Тамъ столько молодыхъ дворянъ и въ гражданскихъ, и въ дворянскихъ, и въ военныхъ, и въ придворныхъ мундирахъ и они такъ увиваются около дамъ, такъ разсыпаются въ любезностяхъ, такъ мило острятъ и такъ заняты этимъ, что часто забываютъ о шарахъ, которые они должны класть.

— Гдѣ Зориковъ?—раздается въ одномъ столѣ,—гдѣ Дубровинъ?—кричатъ въ другомъ; гдѣ такой-то?—разъ двадцать повторяютъ въ третьемъ,—а Зориковъ и Дубровинъ и такой-то въ это время нашептываютъ пріѣзжимъ изъ Москвы дѣвицамъ такія пріятныя вещи, и сами такъ увлеклись, что и знать не хотятъ, что изъ-за нихъ все дѣло остановилось. Пока они не положатъ своихъ шаровъ, нельзя выдвинуть ящиковъ—чтобы разрѣшить, выбранъ-ли или не выбранъ такой-то, тогда какъ баллотирующійся, положимъ, хоть въ исправники, стоитъ ни живъ, ни мертвъ, между надеждою и страхомъ.

Но вотъ мы съ вами протѣснились кое какъ и, перегнувшись черезъ баллюстраду, можемъ и видѣть и слышать—хотя для другихъ невозможно ничего слышать, что дѣлаютъ и говорятъ за уѣзднымъ столомъ.

Двѣ партіи, враждебныя одна другой, не смѣшались, а та и другая размѣстились каждая особо. Партія князя полна самоувѣренности; на лицахъ ея членовъ выражается наглая веселость. Они шумно говорятъ между собою, смѣются и свысока посматриваютъ на партію меньшинства, которая, не имѣя въ виду никого особенно, думала только объ одномъ, чтобы не воспользовались этимъ званіемъ ни князь, ни Катышовъ. Въ средѣ этой партіи были дѣйствительно люди достойные занять почетное званіе предводителя, но эти личности всѣми возможными мѣрами старались откло-

нить отъ себя избраніе. Одни уклонялись по семейнымъ обстоятельствамъ, другіе по недостаточности средствъ, потому что съ званіемъ предводителя неизбѣжны расходы, которыми не всякій желаетъ жертвовать изъ видовъ безплоднаго честолюбія; къ тому же, зная навѣрное, что кто чѣмъ добросовѣстнѣе исполнитъ свой долгъ, по части-ли опекъ, или тамъ по дѣламъ злоупотребленія власти, тѣмъ болѣе наживетъ себѣ враговъ. Соображая все это, партія надѣялась забаллотировать князя и Катышова, подѣйствовавши на несговорчивыхъ своихъ членовъ внезапною и безотвязною просьбою; но забаллотировать князя въ настоящую минуту оказалось дѣломъ несбыточнымъ: партія его оказалась значительно сильнѣе.

Съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ партія меньшинства перешептывалась между собою, считая, можетъ быть уже въ сотый разъ, шары враждебной и своей партіи.

— Да гдѣ же Баронинъ?—спросилъ кто-то изъ нихъ, оглядываясь на всѣ стороны.

Баронинъ былъ исправникъ, располагавшій двумя шарами и принадлежавшій къ партіи враждебной князю. Восклицаніе, гдѣ онъ, заставило оглянутся и другихъ: Гдѣ же Баронинъ, гдѣ онъ? что значитъ это, что онъ не пріѣхалъ?

Княжеская партія, прислушиваясь къ этимъ тревожнымъ восклицаніямъ, видимо торжествовала: многіе изъ нихъ, смотря на своихъ противниковъ, насмѣшливо улыбались. Въ это время къ уѣздному столу подошелъ Еранинъ. Ему уже успѣли дать знать, что буря, поднявшаяся надъ головою его, разразилась благополучно, а потому онъ подъ видомъ, что получилъ отъ болѣзни облегченіе, поторопился пріѣхать въ собраніе, чтобы поддержать своихъ... Вся партія меньшинства привѣтствовала его искреннимъ пожатіемъ руки, большинство нѣсколько смутилось.

— Не знаете-ли, Еранинъ, гдѣ Баронинъ? не занемогъ-ли онъ?

— А вы господа, развѣ не знаете, что губернаторъ отправилъ Баронина, какъ чиновника, непосредственно ему подчиненнаго, въ уѣздъ?

— Какъ въ уѣздъ?—спросили съ изумленіемъ многіе, вскочивъ со стульевъ.

— Да, въ уѣздъ. Чтобы удалить Баронина и обезсилить тѣмъ нашу партію, губернаторъ въ угодность князю, вчера въ первомъ часу ночи, далъ Баронину предписаніе, чтобы онъ, не теряя ни минуты, отправился въ уѣздъ для сбора недоимокъ; а чтобы это было исполнено буквально, велѣлъ жандарму проводить его до заставы и, когда онъ выѣдетъ, дать себѣ знать.

— Какъ это могло быть?.. Какое имѣлъ право губернаторъ удалить члена собранія, не сообщивъ о томъ ни собранію, ни губернскому предводителю? Господа—воскликнули многіе,—пойдемте къ губернскому столу; мы не возьмемъ шаровъ въ руки, пока не возвратятъ намъ нашего члена...

Какъ электрическая искра пробѣжала по собранію вѣсть объ интригѣ князя и о противозаконной мѣрѣ начальника губерніи и возмутила всю партію благонамѣренныхъ. Со всѣхъ столовъ начала сходиться къ губернскому столу толпа, прося губернскаго предводителя потребовать объясненія отъ начальника губерніи въ его распоряженіи членомъ собранія.

Напрасно Брагинъ уговаривалъ толпу успокоиться, что онъ переговоритъ съ начальникомъ губерніи—все было напрасно, болѣе пылкая молодежь настаивала составить журналъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ начальника губерніи, безъ чего не хотѣли приступить къ баллотировкѣ. Чувствуя безсиліе своихъ убѣжденій, Брагинъ, наконецъ, согласился, но чтобы не терять времени, просилъ дворянство немедленно приступить къ выборамъ.

Мало-по-малу движеніе успокоилось, но неумѣстно принятая начальникомъ губерніи мѣра окончательно убила князя въ общественномъ мнѣніи, и озлобила всѣхъ противъ администраціи.

Въ уѣздѣ, на который, любезный читатель, обращено теперь наше вниманіе, бывшій уѣздный предводитель, не дослуживъ по болѣзни срока службы, вышелъ въ отставку, и потому должность его исправлялъ судья. Взявъ списокъ дворянъ уѣзда, судья началъ поименно вызывать всѣхъ, предлагая каждому по очереди баллотироваться въ уѣздные предводители. Отказался первый, отказался второй. Наконецъ очередь дошла до князя.

Не угодно-ли вашему сіятельству?

По принятому въ этомъ случаѣ обычаю, князь отказался, но въ это время вся преданная ему партія, вскочивъ съ своихъ мѣстъ и окруживъ его тѣсною толпою, стала кричать: Мы васъ просимъ, просимъ... и князь, какъ будто поневолѣ, какъ будто склоняясь только предъ неотступною просьбою, какъ будто борясь съ самимъ собою, наконецъ согласился.

Началась баллотировка и князь громаднымъ большинствомъ былъ избранъ въ предводители. Партія его торжествовала и съ шумными криками восторга бросилась его поздравлять.

Но, какъ извѣстно, по закону, должны избираться два кандидата, изъ коихъ тотъ, кто получитъ большее число шаровъ, считается избраннымъ въ предводители, а другой съ меньшимъ числомъ избирательныхъ шаровъ признается кандидатомъ къ нему. Поэтому выборъ кандидата представляется дѣломъ весьма серьезнымъ. Каждый баллотирующійся рискуетъ или быть сильно забаллотированнымъ, такъ какъ, изъ опасенія, что онъ можетъ получить большее число шаровъ, чѣмъ его предшественникъ, выбранный уже въ предводители, его собственная партія можетъ, что и бываетъ обыкновенно, класть ему налѣво; или же случается, что онъ совершенно неожиданно получитъ столь значительное число шаровъ, что, вмѣсто кандидата, попадаетъ въ предводители. Вотъ почему на должность кандидата нелегко бываетъ найдти желающихъ баллотироваться. Не всякому охота, что называется прокатиться на вороныхъ.

Такого рода затрудненія оказались и за нашимъ столомъ. Кому ни предложатъ баллотироваться — всѣ отказываются. Наконецъ, послѣ долгихъ упрашиваній рѣшается баллотироваться Катышовъ, принадлежащій къ партіи князя.

Партія большинства соединяется въ краткомъ совѣщаніи, чтобы одинъ кто нибудь изъ своихъ положилъ Катышову налѣво, разсчитывая такъ, что партія меньшинства будетъ вся класть налѣво—также, какъ и князю, и тогда Катышовъ, имѣя однимъ шаромъ менѣе князя, останется кандидатомъ непремѣнно. Мысль основательная; но, къ несчастью, ее подслушалъ одинъ изъ меньшинства и дѣло пошло не такъ.

— Господа!—сказалъ подслушивавшій, подойдя къ своимъ и говоря тихо, но такъ, чтобы противная партія могла слышать, — будемте всѣ класть Катышову направо, пускай же онъ, а не князь будетъ предводителемъ.

— Направо, такъ направо, — отвѣчали многіе въ полголоса.

Партія князя, услышавъ это рѣшеніе, оробѣла. Чтобы оставить Катышова кандидатомъ, необходимо оказалось всей ихъ партіи класть налѣво—тогда какъ намѣреніе партіи меньшинства была только одна мистификація. Вслѣдствіе этого обѣ партіи, безъ милосердія, начали валить Катышову налѣво, и когда выдвинули ящики, то оказалось, что онъ забаллотированъ огромнымъ большинствомъ.

Обратясь къ своей партіи—блѣдный, съ посинѣвшими отъ злости губами, онъ тихо процѣдилъ: Подлецы.

Катышевъ заподозрилъ и князя и всю его партію въ намѣренномъ умыслѣ, и потому поклялся въ душѣ отомстить ему... „неблагодарному животному", какъ думалъ онъ.

Опять зачиталъ судья по списку: „Федоръ Тимофеевичъ, Степанъ Александровичъ, Михаилъ Петровичъ, Николай Николаевичъ..." всѣ кланяются, никто не желаетъ баллотироваться въ кандидаты. Всѣ члены партіи большинства предчувствовали, что мстительный Катышевъ отъ нихъ отложился, и, будучи поражены своей ошибкой, не рѣшались подвергать себя баллотировкѣ, не смотря на убѣжденіе своего патрона; изъ партіи же меньшинства умышленно отказались всѣ.

Дѣло становилось казуснымъ. Давно уже во всѣхъ столахъ выбрали и судей, и исправниковъ, и депутатовъ, а въ столѣ нашего уѣзда все еще спорили, шумѣли, уговаривали, а дѣло не подвигалось впередъ ни на шагъ.

Губернскій предводитель раза три подходилъ уговаривать и просить, толпа любопытныхъ со всѣхъ сторонъ окружала столъ: иные смѣялись, другіе принимали участіе, третьи бранились, говоря, что изъ-за одного уѣзда будетъ остановка всѣмъ, что нельзя будетъ продолжать выборовъ по губерніи... все тщетно.

Наконецъ, Брагинъ, чтобы покончить скорѣе дѣло, предложилъ, на основаніи закона, баллотировать кандидатовъ по губерніи. Предложеніе приняли.

Еслибы князь справился съ положеніемъ о дворянскихъ выборахъ, то не сталъ бы баллотироваться въ другой разъ, когда уже былъ избранъ по уѣзду,—и баллотировались бы одни кандидаты; но князь до того былъ увлеченъ своимъ успѣхомъ, что или забылся, или надѣялся имѣть новое торжество за губернскимъ столомъ — первый пошелъ баллотироваться... Увы! онъ не понялъ, что слава есть

„Ломкая скудель,
Румянецъ тлѣнья листопада...“

Никто ему не шепнулъ, что слишкомъ неосторожно и даже опасно было идти ему на судъ губерніи, когда передъ лицомъ всего дворянства обнаружилось, что чрезъ происки его и благорасположеніе къ нему начальника губерніи былъ удаленъ одинъ изъ членовъ собранія. Князь не смекнулъ, что этимъ насильственнымъ поступкомъ дворянство было оскорблено глубоко, и, принявъ на себя гордо торжественный видъ, сталъ у губернскаго стола возлѣ креселъ губернскаго предводителя.

Началась баллотировка; но уже не шутя. Тутъ не носили шары горстями, тутъ всякій несъ за себя. Въ этой баллотировкѣ, повидимому ничтожной, была заинтересована вся губернія, тутъ боролись прогрессъ съ застоемъ, тутъ боролись двѣ партіи одна за, другая противъ стараго губернскаго предводителя. Баллотировка эта должна была прежде времени обнаружить: оставаться-ли ему на этомъ посту, или одолѣетъ его князь, поддерживаемый почти всѣми, въ угодность начальника губерніи дворянами, состоящими на службѣ, и по выборамъ и отъ короны. Шумъ говора на время замолкъ, всѣ дворяне молча тѣснились около губернскаго стола.

— Всѣ-ли положили? — громко прокричалъ корнетъ-церемоніймейстеръ, встряхнувъ ящикъ.

— Всѣ!—откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Всѣ-ли положили? — прокричалъ снова церемоніймейстеръ и, снова встряхнувъ ящикъ, громко и торжественно началъ считать шары.

— Сто тридцать шесть неизбирательныхъ и сто двадцать одинъ избирательный!—прокричалъ церемоніймейстеръ,

тогда какъ губернскій предводитель отмѣчалъ балы въ баллотировочномъ спискѣ.

— Забаллотированъ...

Слово это подѣйствовало на многихъ, какъ ударъ электричества; а Фатима Николаевна, сидя на хорахъ, вскочила со стула, какъ ужаленная змѣею, назвала окружавшимъ ее чиновникамъ и дамамъ вее дворянство дураками, и сейчасъ же поѣхала предупредить мужа, чтобы не утверждалъ баллотировочныхъ списковъ, потому что выборы произведены незаконно.

Послѣ этого баллотировались другіе и Еранинъ былъ избранъ огромнымъ большинствомъ; но въ баллотированіи его князь уже не участвовалъ.

Тихо, почти никѣмъ незамѣченный, вышелъ онъ изъ залы, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, повеличалъ при этомъ своего лакея сукинымъ сыномъ, сѣлъ въ карету и стремглавъ поскакалъ домой.

На 60 человѣкъ накрытъ столъ. Вазы итальянскаго фаянса и канделябры со множествомъ свѣчей, осѣняемые лимонными и померанцевыми деревьями, украшаютъ его. Офиціанты въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, жилетахъ и галстукахъ ожидаютъ гостей; повара готовятся отпускать кушанья, музыканты стоятъ передъ пюпитрами; но не похаживаютъ князь съ княгинею, не принимаютъ гостей. Гости одни уѣхали съ поздравленіемъ къ новому предводителю, другихъ не велѣно принимать. Князь сидитъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, и бьетъ и ломаетъ все, что попадется ему подъ руки; жена въ истерикѣ плачетъ и хохочетъ.

За то у Пупикова пиръ шелъ горою.

Когда дошла очередь баллотировать его въ депутаты, онъ сильно засѣменилъ ножками, улыбки, поклоны, пожатіе рукъ, глубочайшее почтеніе расточались съ удвоенною скоростью и искательствомъ. Маленькая, кругленькая, пузастенькая фигурка его, съ двумя селедкообразными разошедшимися врозь хвостиками отставного военнаго мундира вертѣлись по первому призыву, по звуку каждаго произведеннаго избирателями шороха—съ судорожною быстротою и движеніями своими, какъ будто хотѣли сказать всякому: „и я къ вашимъ услугамъ“. Какъ-то торжественно, какъ-то

особенно ясно сіяла плѣшь, покрывавшая большую часть пространства на его черепѣ... и не мудрено: для Пупикова эта минута была торжественнѣйшею въ его жизни.

— И шампанское будетъ?—спросилъ его одинъ молодой человѣкъ, наклоняясь къ его уху, проходя мимо Пупикова, чтобы класть шаръ.

— Будетъ-съ, сколько угодно.

— Два что-ли или три ящика.

— Три-съ, ей Богу, три-съ—помилуйте три-съ.

— Ну, хорошо; видите кладу Вамъ направо.

И молодой человѣкъ положилъ направо. Пупиковъ былъ въ восторгѣ.

— Кажется вы, Петръ Антоновичъ, хотѣли и цыганокъ пригласить,—спросилъ его басомъ, проходя мимо него другой пожилой господинъ съ рыжими усами и толстый, прихрамывая на одну ногу.

— Пос-та-раюсь-съ...

— Что тамъ постараюсь, дайте слово... а то вѣдь вотъ, такъ и суну влѣво.

— Будутъ-съ, будутъ-съ, честное слово, будутъ-съ.

— Всѣ-ли господа положили?—спросилъ судья.

— Всѣ.

Выдвинули ящики, налѣво оказался одинъ только шаръ.

Всѣ начали поздравлять Пупикова. Тотъ, внѣ себя отъ восторга, не знаетъ какъ поблагодарить, какъ поклониться, и кланялся, и присядалъ, и смѣялся.

Дѣло Пупикова не было однакожъ еще окончено. Конечно онъ выбранъ, но нужно, чтобы были еще избраны и кандидаты. Одного кое какъ сыскали, а другого нѣтъ: никто нейдетъ. Пупиковъ началъ сильно тревожиться; — ну какъ, думалъ онъ, со мною тоже будетъ, что съ княземъ.

Если кто вникнетъ въ дѣло хорошенько, тотъ пойметъ, что не изъ недоброжелательства къ Пупикову никто не хотѣлъ идти къ нему въ кандидаты, напротивъ, всѣ сочувствовали и ему и его обѣщанному угощенію, а не шли потому, что двѣ партіи, на которые, какъ видѣлъ выше читатель, дѣлился уѣздъ, еще не примирились. Никому не хотѣлось подвергнуть себя чернякамъ враждебной партіи, и если не быть забаллотированнымъ, то пройти едва незабаллотированнымъ, однимъ или двумя шарами. Дѣло для

Пупикова было изъ рукъ вонъ худо. Онъ, сидя, сѣменилъ ногами и въ недоумѣніи озирался на всѣ стороны. Перестала сіять его плѣшивая голова; но, къ счастію, оказалось, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей: выручили.

Нашлось сердобольное сердце, которое приняло участіе въ положеніи Пупикова.

— Господа — сказало оно: баллотируйте что-ли меня въ кандидаты, разочтите только, чтобы налѣво мнѣ было два... больше двухъ не хочу.

— Непремѣнно, непремѣнно два, не болѣе двухъ—закричали всѣ въ восторгѣ.

— Не лучше-ли будетъ заткнуть лѣвую дыру—придумалъ кто-то.

— Да, да, заткните.

Въ то время, когда исправлявшій должность предводителя отошелъ къ губернскому столу, счастливая мысль была исполнена безъ всякаго протеста съ чьей бы то ни было стороны.

Началась баллотировка. Зная, что налѣво положить сдѣлалось уже физической невозможностью, всѣ начали класть направо. Одинъ только Василій Антоновичъ никакъ не рѣшился измѣнить своей клятвѣ и, хотя въ лѣвый ящикъ уже предварительно было положено два шара, онъ попробовалъ однакожъ еще потолкаться и съ своимъ. Видя безуспѣшность своего намѣренія пробиться чрезъ затычку, онъ отворилъ лѣвый ящикъ и, положа туда свой шаръ, промолвилъ: Ей Богу не могу...

Обѣдъ у Пупикова на славу. Повара приглашены отличные. Два разварныхъ свѣжихъ осетра, уха на шампанскомъ, подернутая янтаремъ; шампанскаго разливное море. Пріѣхавшій по случаю выборовъ хоръ Московскихъ цыганъ заливается въ бѣшеномъ восторгѣ, гости шумятъ въ пьяной оргіи. Иные еще сидятъ за столомъ въ ожиданіи окончанія десерта, другіе выскочили и подпѣваютъ и выплясываютъ подъ цыганскіе вопли. Самые почтенные старики, украшенные сѣдинами, забывъ свои лѣта и обычную солидность — все ближе и ближе льнутъ къ Танямъ, да къ Машамъ, да будто, какъ бы нехотя, вторятъ имъ въ голосъ: „Ты не повѣришь...: Ты не повѣришь...“

Заключеніе.

На этихъ строкахъ записки о выборахъ моего пріятеля Чертолюбова окончились..., а окончились потому, что послѣ избранія лицъ въ уѣздные должности, онъ, по примѣру тѣхъ да другихъ прочихъ, уѣхалъ, не дождавшись губернскихъ выборовъ, къ супругѣ своей Матренѣ Степановнѣ. Впрочемъ, я слышалъ стороною, что послѣ уѣздныхъ выборовъ все пошло чинно. Синявскій слегъ въ постель отъ горячки; князь тоже занемогъ, за правду или нѣтъ, только, подъ предлогомъ болѣзни, въ залу собранія болѣе не являлся. Фатима Николаевна перестала интриговать и, когда Брагинъ былъ снова и торжественно избранъ въ губернскіе предводители, она, сидя на хорахъ, не могла на мгновеніе скрыть своей досады и прошипѣла сквозь зубы—ему-ли, дворянству-ли какую-то дрянь; однакожъ это ей не помѣшало, сошедшись съ Брагинымъ, при выходѣ изъ собранія, протянуть ему привѣтливо руку и, съ выраженіемъ въ глазахъ самаго теплаго участія, и непритворной радости, поздравить съ блестящимъ избраніемъ.

НОВЫЙ БѢСЪ [1]).

Дѣла по гражданской палатѣ завели меня нынѣшнее лѣто въ нашъ губернскій городъ. Не люблю я покидать своего деревенскаго очага со всею обстановкой картинъ фламандской школы въ русскомъ стилѣ... Что дѣлать?— У всякаго свой вкусъ: одинъ любитъ правильныя городскія улицы съ широкими ровными тротуарами, а я люблю узенькую тропинку, извивающуюся по косогору оврага поросшаго орѣшникомъ; другимъ нравятся благоухающіе французскимъ духомъ и духами блестящіе магазины, а я предпочитаю имъ омшенникъ, изъ котораго скачутъ густою кучею овечки съ ягнятками, а самый входъ въ катухъ благоухаетъ цѣлительнымъ запахомъ навоза. Одни любятъ пригладиться, причесаться, пріодѣться, повертѣться передъ зеркаломъ, а я такъ за великую муку почитаю, когда приходится выѣхать къ сосѣду на именины и потому необходимо бываетъ облечься во фракъ или сюртукъ, пригладить волосы, повязать галстукъ, чего я терпѣть не могу. Признаюсь, грѣшный человѣкъ, выѣзжая изъ моего деревенскаго дома— я частенько таки поминалъ, прости Господи, чорта, посылая къ нему нашъ губернскій городъ со всѣми его присутственными мѣстами и со всѣми въ нихъ служащими. Особенно всего чаще нечистое слово навертывалось мнѣ на языкъ, когда я вынималъ изъ шкатулки мой довольно не тугой бумажникъ, чтобы взять его съ собою въ дорогу; и когда я еще только клалъ его въ карманъ, то уже какъ будто чувствовалъ руки, долженствующія истощить его окон-

[1]) Разсказъ этотъ печатается здѣсь въ первый разъ.

чательно, и вслѣдствіе этого чортъ началъ такъ часто вертѣться у меня на языкѣ, что набожная жена моя, сотворивъ крестное знаменіе, замѣтила со страхомъ, что это не хорошо, что я такъ часто призываю нечистаго тѣмъ болѣе, что я ѣду въ дорогу. Мало ли что можетъ случиться.

— Чему тамъ случиться, — возразилъ я съ досадой, свойственной человѣку, имѣющему дѣла по судамъ;—давно извѣстно, что чортъ только на картинкахъ и страшенъ, а впрочемъ...

— Ну что впрочемъ?

— А впрочемъ, отвяжись отъ меня пожалуйста съ своими сказками; а что бы доказать тебѣ, что я не боюсь чорта и даже нѣкоторымъ образомъ люблю всякую чортовщину, беру съ собою на дорогу хромоногаго бѣса.

— Какого бѣса?—въ ужасѣ вскричала жена.

— А вотъ онъ, — и я показалъ ей книжку въ старинномъ кожаномъ переплетѣ изданія 1763 года.

— Ахъ, Боже мой, да на что она тебѣ? Брось эту дрянь, сожги ее—кричала жена.

— Зачѣмъ жечь? — сказалъ я насмѣшливо и, чтобы подразнить ее, началъ читать: „Гораздо темная ночь въ Октябрѣ мѣсяцѣ покрыла славный городъ Мадритъ густымъ мракомъ. Жители...“ Не успѣлъ я прочесть двухъ вышеписанныхъ строкъ, какъ гляжу, жена моя заткнула уши и бѣжать изъ комнаты. Не знаю, что сильнѣе подѣйствовало на ея нервы: хромоногій ли бѣсъ, или слово „гораздо“? Во всякомъ случаѣ я былъ доволенъ тѣмъ, что отчитался отъ женина морали. Но, не надѣясь также удачно выдержать новаго натиска, если бы, паче чаянія, женѣ вздумалось атаковать меня въ другой разъ, я, какъ наипоспѣшнѣе, сунулъ драгоцѣнную книжку въ карманъ моего широкаго пальто, самымъ наинѣжнѣйшимъ образомъ расцѣловался съ моею милою половиною, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ со двора самою наиучащенною рысцою.

Отъ меня до шоссе рукою подать, а тамъ катись себѣ все прямо да прямо. Оно бы и хорошо, да не совсѣмъ: на половинѣ дороги поставлены два столбика не очень высокихъ; а на нихъ положена преизрядная перекладинка, а возлѣ этого препятствія выстроенъ домикъ въ англійскомъ вкусѣ съ цвѣтничками и деревцами кругомъ. Это все на-

зывается шоссейной заставой, гдѣ за проѣздъ берутъ деньги.

Вообще я не люблю всѣ тѣ заведенія, гдѣ нашего брата, деревенщину, задерживаютъ или обираютъ; а вслѣдствіе этого и къ шоссейнымъ заставамъ я чувствую такую антипатію, такую антипатію, что лучше бы, мнѣ кажется, согласился ѣхать по ступицу въ грязи, нежели вылѣзать изъ тарантаса или изъ саней, чтобы выправить ярлыкъ на свободный проѣздъ. Что дѣлать, такая ужъ моя натура: денегъ отдавать не люблю. Да и за что, скажите на милость, платить, когда до губерніи отъ меня доѣхать проселочною дорогою немного далѣе, нежели по шоссе? Положимъ, въ сухую пору по шоссе ѣхать очень гладко, но вѣдь въ сухую лѣтнюю пору, или когда наша родимая зима запорошитъ пушистымъ снѣжкомъ и колеи и рытвины, да прихватитъ, знаете, этимъ морозцемъ, то и вездѣ бываетъ такъ то гладко, что только катись... Напротивъ того, нерѣдко случается, что по шоссе отъ ухабовъ, или по малоснѣжію, проѣздъ бываетъ совсѣмъ невозможенъ; и путникъ, чтобъ не перервать упряжи, не переломать дуги и оглобель, или чтобъ не лишиться полозьевъ, прокладываетъ себѣ параллельно казенной дорогѣ свою дорогу, по буграмъ, ямамъ и канавамъ. Конечно за этотъ трудъ при проѣздѣ между двухъ столбиковъ онъ хоть и заплатитъ деньги, но, чтобы побить—не побьютъ; и не только не побьютъ, но даже и слова не скажутъ, если онъ по любви къ труду будетъ продолжать прокладывать новую дорогу до слѣдующей заставы.

Гдѣ ѣхать? — спросилъ меня кучеръ мой, Спиридонъ, отъѣхавши съ ½ версты отъ околицы.

Ступай сначала по каменкѣ, тамъ, знаешь, не доѣзжая заставы версты за двѣ, поворотн направо, да и поѣдемъ проселкомъ вплоть до Кочерыгина, а отъ Кочерыгина поворотишь налѣво, да и опять по каменкѣ.

— Зачѣмъ же это, сударь,—вѣдь это крюкъ?

—Дуракъ! заставу объѣдемъ, денегъ платить не станемъ.

— А!—промычалъ Спиридонъ.

Странный человѣкъ Спиридонъ; всякій разъ, когда ѣдемъ съ нимъ въ губернію, онъ непремѣнно остановится и спроситъ, гдѣ ѣхать? каждый разъ я ему объясняю до-

рогу, каждый разъ онъ спроситъ меня, зачѣмъ? и каждый разъ промычитъ: А!.. какъ будто и не слыхалъ никогда, и не знаетъ, подлецъ, самой сущности-то, той причины, почему я не люблю ѣздить по шоссе.

Дороги въ окрестности мнѣ извѣстны, какъ свои пять пальцевъ, не смотря на то, что они пересѣкаются, извиваются, перемѣшиваются, какъ паутина, которую паукъ устроилъ для ловли мухъ. И дѣйствительно, лучше этого сравненія нельзя и придумать касательно той мѣстности, о которой я говорю. Какъ бы хорошо ни зналъ всѣхъ дорогъ и тропинокъ, а какъ дѣло случится къ вечеру, или зимою въ погоду, ѣдешь—ѣдешь, путаешь—путаешь, для избѣжанія заставы, и думаешь, что уже далеко уѣхалъ, какъ вдругъ увидишь себя, со всѣмъ неожиданно, носъ съ носомъ съ часовымъ у нежеланнаго шлагбаума.

— Кто вы, и откуда ѣдете?—спросилъ меня служивый, съ луковице-образнымъ краснымъ носомъ съ прыщиками и одѣтый въ шинель нараспашку, всунувъ голову въ тарантасъ.

— Здѣшній помѣщикъ—отвѣчалъ я—Антонъ Федоровичъ Чертолюбовъ.

— Нѣтъ ли у васъ ярлычка? отдайте его намъ и съ Богомъ.

— Какого ярлычка?

— Да вы можетъ проѣзжали въ этомъ мѣстѣ, такъ вы намъ его только возвратите... Это все равно, что и взять новый, и денегъ не платить...

— Что ты тамъ разговариваешь?—закричалъ стоящій подъ портикомъ красиваго зданія писарь.

Спрашивавшій меня солдатъ побѣжалъ, пошепталъ ему что то, и я видѣлъ, какъ писарь, раскланявшись и расшаркавшись, съ разстегнутой шинелью и даже пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ:

— Восемь гривенъ серебромъ.

— Пожалуйте восемь гривенъ—сказалъ мнѣ, снова подбѣжавшій, солдатъ.

Прошептавъ въ умѣ мою любимую поговорку, т. е. пославъ ихъ обоихъ, куда слѣдуетъ, я вынулъ сторублевую бумажку, что бы не платить хоть за промѣнъ, и подалъ служивому; онъ побѣжалъ съ нею мѣнять, а я отъ нечего

дѣлать сталъ наблюдать за событіями, происходившими у заставы.

Съ боковой проселочной дороги къ заставѣ одинъ путейскій солдатъ тащилъ за поводъ лошадь мужика, запряженную въ возъ съ мукою; къ этой телѣгѣ привязана была другая лошадь и также съ возомъ, и съ той же кладью. Другой солдатъ погонялъ палкой; а мужичекъ хозяинъ шолъ, снявши шапку, и съ плачевнымъ видомъ кланялся имъ, просилъ не мучить его животинъ и его помиловать.

— А вотъ сейчасъ тебѣ будетъ милость—сказалъ одинъ изъ преслѣдователей, узнаешь, какъ заставу объѣзжать—и съ этимъ словомъ побѣжалъ доложить его благородію.

Его благородіе вышло по домашнему, въ халатѣ, съ заспанными глазами и солдаты, при видѣ его, вытянули руки по швамъ.

— Что это за мужикъ,—грозно спросилъ его благородіе?

— Изъ села Плеснева, батюшка, ваше превосходительство! везъ мучицы въ губернію было продать, да вотъ ваши служивые захватили...

— Гдѣ вы его схватили?—спросилъ халатъ.

— На мосту у Пловкова объѣзжалъ умышленно заставу...

— Рѣжь гужи—вскричалъ его благородіе громовымъ голосомъ.

— Батюшка родимый, ваше превосходительство—вопилъ мужикъ—пощади, родимый, отмѣни приказъ!

— Рѣжь гужи—повторилъ халатъ, и ушелъ въ свой изящный домикъ въ англійскомъ вкусѣ съ цвѣтниками.

Черненькій солдатикъ, вѣроятно изъ жидковъ, бросился съ ножемъ исполнять приказаніе, а мнѣ въ это время принесли сдачу, скомандывали: Бомъ—высь, и въ это время, когда кучеръ мой принялся за возжи и за кнутъ для поощренія моихъ лошадей, я подумалъ: хорошо, что чортъ меня принесъ къ заставѣ, а то бы пожалуй и мнѣ бы пришлось остаться безъ гужей...

— Это точно-съ, дѣйствительно такъ-съ—раздался отвѣтъ на мою мысль возлѣ самаго уха.

Я оглянулся, возлѣ тарантаса стоялъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, не дурный собой, но съ подленькимъ выраженіемъ

улыбающейся физіономіи. Онъ одѣтъ былъ въ длинный нанковый сѣрозеленоватый сюртукъ, волосы были чисто подстрижены въ скобку, борода выбрита довольно опрятно и въ рукахъ онъ держалъ суконный картузъ.

— Кто ты такой?—спросилъ я...

— Мы, изволите видѣть,—самимъ вамъ извѣстно, всегда стараемся быть полезны всѣмъ насъ припоминающимъ, т. е. изволите видѣть съ, искренно и съ нашимъ почтеніемъ готовы вамъ служить... служа по питейному откупу объѣздчикомъ.

Тутъ кучеръ мой не то въ пятый, не то въ шестой разъ такъ крѣпко дернулъ кнутомъ ретивыхъ коней, что они вдругъ дернули, и саженей на 15 пронеслись за заставу вскачь, тамъ было пріостановились отдохнуть, а неутомимый кучеръ мой за кнутъ, и лошадки мои опять затрусили себѣ полегоньку по ровному шоссе...

Я скоро задремалъ и не видалъ, какъ пріѣхалъ въ губернскій городъ, и только тогда очнулся, когда хозяинъ постоялаго двора съ нумерами, изгибаясь самымъ привѣтливымъ образомъ, предложилъ мнѣ руку помощи при вылазкѣ изъ тарантаса и показалъ мнѣ отличнѣйшій нумеръ въ три гривенника въ сутки, входъ изъ сѣней, съ окошкомъ подъ навѣсъ и съ видомъ на помойную яму.

Что жъ за бѣда, что немножко грязновато, что столъ залитъ какими то неблагообразными пятнами, что стулъ на трехъ ножкахъ, что полъ не мытъ семь недѣль и два дня, все это одна наружность. За комнату, порядочно меблированную, надобно было бы заплатить безъ самовара рубль серебромъ, да за самоваръ 15 коп., а тутъ за все три гривенника, стало быть 85 коп. серебромъ остались у меня. Да и что жъ въ самомъ дѣлѣ, въ номерѣ съ большимъ зеркаломъ, да и съ ломбернымъ столомъ, да съ мягкимъ диваномъ и таковыми же креслами, былъ ли бы я веселѣе или счастливѣе? Больше ли бы любила меня жена, меньше ли бы тянули съ меня приказные по присутственнымъ мѣстамъ?.. все то же; только денегъ въ кошелькѣ скорѣе бы поубавилось. Я пріѣхалъ въ губернію не гостей принимать, а дѣлать дѣло. Дома-то, т. е. въ номерѣ, дай Богъ только пообѣдать, да соснуть, такъ много ли достанется видѣть стулъ на трехъ ножкахъ? А ночью, какъ потушишь свѣчу,

то спишь ли, что въ золотой палатѣ,—что въ хлевѣ, все видъ то будетъ одинъ: черно, да темно. Итакъ, я остановился на постояломъ дворѣ и велѣлъ подать самоваръ.

Это было уже часу въ 9-мъ вечера. Проходитъ часъ, я жду; проходитъ и другой—и я вышелъ изъ терпѣнія. Побѣжалъ къ двери, но въ это время дверь отворилась и дворникъ въ красной рубахѣ, въ предшествіи толстаго бронзоваго цвѣта самовара, шипящаго и свистящаго, ввалился въ комнату. Съ появляніемъ самовара, чадъ страшный распространился по комнатѣ.

— Что такъ долго не давалъ самовара, такой сякой немазаный.

— Что за долго? Другіе господа еще и больше ждутъ— отвѣчалъ самодовольно дворникъ съ выраженіемъ полнаго резона въ глазахъ.

— А чаду то зачѣмъ принесъ, чортова ты кукла?

— Чаду? откуда же чаду быть? помилуйте: развѣ маленько можетъ уголекъ какъ не прогорѣлъ, а то у насъ эвтаго не бываетъ. Вотъ у насъ и ганаральша ночевала, а на счетъ чада ничего не изволила такъ сказывать...

И, продолжая подобныя оправданія, красная рубаха вышла изъ комнаты. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ, красная рубаха и права? Вѣдь, если генеральша не угорѣла, чтожъ мнѣ то прихотничать, ну пусть самоваръ чадитъ, я все таки буду пить себѣ чай: самоваръ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Размысливъ такимъ образомъ, я принялся за чай. Сначала выпилъ чашки двѣ просто, потомъ въ 3-ю приложилъ ромку, знаете, для веселости, потомъ еще, еще и еще,—и глаза мои начали слипаться, а голова что то закружилась. Свѣча сальная, шестериковая, сильно нагорѣла, но мнѣ снимать не хотѣлось. Кровать стояла возлѣ стола. Пуховикъ и подушки, безъ которыхъ я не ѣзжу никуда, были уже постланы, семъ, прилечь, подумалъ я, и прилегъ.

Вообще я люблю почитать, но читать долго не могу. Сейчасъ начинаетъ разбирать зѣвота, мало-по-малу одолѣваетъ лѣнь, глаза слипаются и сладкій пріятный сонъ нисходитъ на вѣжды. Такъ бываетъ всегда со мною отъ всякой книги; но книгъ новѣйшаго изданія я не люблю. Слогъ новѣйшихъ книгъ такъ легокъ, такъ легокъ, что сонъ отъ нихъ бываетъ тяжелъ, и потому я всегда занимаюсь пере-

водами 18 вѣка — и хромоногій бѣсъ Лесажа составляетъ мою настольную книгу. Хотя у меня отъ рома и самоварнаго чада голова была очень тяжела и сильно стучало въ темя, но мнѣ хотѣлось принять еще сильнѣйшія усыпительныя средства и потому я протянулъ руку къ моей любимой книгѣ и въ 89 разъ началъ читать: „гораздо темная ночь“ и проч. Читаю, читаю... Что это такое значитъ? нѣтъ сна, да и только, никогда еще такъ не занимала меня эта книга. Приключенія студента возбуждали во мнѣ зависть. Какой счастливецъ, думалъ я, этотъ донъ Клеофасъ, для него въ Мадритѣ не было тайны, онъ видѣлъ, что дѣлается въ каждомъ домѣ, онъ зналъ, что думаетъ каждый; дорого бы я далъ, если бы хромоногій чортъ показалъ мнѣ такъ то нашу губернію... Не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ дверь отворилась и тотъ самый мѣщанинъ, служащій по питейной части, который удивилъ такъ меня у шоссейной заставы, взошелъ, низко кланяясь и засунувъ пальцы лѣвой руки за петли своего нанковаго долгополаго сюртука, и, встряхнувъ головой, чтобы откинуть съ глазъ волосы, остановился у притолки, какъ будто ожидая приказанія.

— Что тамъ за чортъ?—вскричалъ я, увидя его.

Незнакомецъ, какъ будто сконфузясь, кашлянулъ въ кулакъ и, лукаво улыбнувшись, снова встряхнулъ головою

— Что тебѣ надобно?—спросилъ я его снова.

— Изволите видѣть съ, мы сообразили, что такъ какъ ваше желаніе было бы пользительно, такъ сказать, для вашего услажденія-съ, то мы всегда готовы съ нашимъ уваженіемъ.

— Какую ты чепуху городишь? говори, что тебѣ нужно, и убирайся вонъ.

— Вы желали съ, по примѣру Мадритскаго студента-съ, такъ сказать, видѣть, что примѣромъ дѣлается въ каждомъ домѣ нашего города, то мы съ величайшею готовностію.

— Да кто жъ ты такой?

— Я самый тотъ хромоногій бѣсъ...

— Что ты врешь? тотъ, вопервыхъ, хромъ, маленькаго роста и на немъ плащъ.

— Изволите шутить съ; нога у меня и теперь не совсѣмъ исправна. Вотъ, если вамъ не противно будетъ или,

такъ сказать, не будетъ вамъ мерзить взглянуть на мою ногу... и при этомъ словѣ незнакомецъ стянулъ съ себя сапогъ и показалъ кривую ногу съ козлинымъ копытомъ.— Что же касается до наряда,—продолжалъ онъ, натягивая сапогъ,—то вѣдь мы теперь въ Россіи, а не въ Испаніи-съ. Тамъ своя мода, здѣсь своя,—и тѣмъ болѣе, что мы тутъ служимъ по питейной части, извѣстны откупщику и управляющему откупомъ лично, такъ въ плащѣ по-испански, сами изволите видѣть съ, не прилично съ...

— Такъ что жъ ты пришелъ ко мнѣ, чѣмъ же ты хочешь мнѣ служить?—спросилъ я не совсѣмъ спокойно, увидя безобразную ногу съ копытомъ.

— А вотъ пойдемте со мною-съ и я вамъ покажу, что дѣлается въ каждомъ домѣ, и раскажу все также, какъ и г. мадритскому студенту. Извольте одѣваться.

Предложеніе было обольстительно настолько, что я, вскочивъ съ постели, забылъ совершенно, что имѣю дѣло съ бѣсомъ, и такъ какъ легъ съ вечера совсѣмъ почти одѣтый, исключая пальто и платка на шеѣ, то черезъ нѣсколько секундъ былъ готовъ совершенно.

— Куда же мы пойдемъ и гдѣ найдемъ такую башню, съ которой бы все можно было видѣтъ?—думалъ я, выходя со двора. На улицахъ не было ни души.

Ба! да чего же лучше соборной колокольни: съ нея весь городъ, какъ на ладонкѣ.

— Туда невозможно съ, никакъ невозможно, — возразилъ мой спутникъ.

— А почему невозможно, желалъ бы я знать?

— А вотъ, извольте видѣть съ, мы, какъ бы вамъ сказать, не крещеные-съ...

— Еще бы съ твоими копытами,—подумалъ я.

Привыкнувъ всегда и во всемъ спорить съ женою, я рѣшился не уступать бѣсу или по крайней мѣрѣ показать ему свой характеръ.

— Слушай чортъ,— сказалъ я,— или иди со мною на колокольню, или убирайся, куда хочешь. Не хочу ничего смотрѣть.

— Какъ вамъ угодно съ, все это въ вашей волѣ; а ужъ и мы на колокольню не пойдемъ.

— Отчего же не пойдешь?

— Помилуйте! Вы смотрите на верхъ то, что тамъ?

— Ну что тамъ? крестъ...

— Вотъ намъ и нельзя съ.

— Да отчего жъ нельзя?

— По грѣхамъ нашимъ съ; вотъ изволите видѣть, совѣстно какъ то.

Чорту совѣстно, — подумалъ я, — врешь подлецъ — боится.

— Что жъ если и боимся? вамъ же хуже, если вы не боитесь.

— Вотъ еще вздумалъ равняться со мною: ты то чортъ, а я всетаки православный.

— Вы православные?.. Гм! и у обѣдни бываете?

— Какъ же, братецъ, какъ же, всякій праздникъ.

— Гм... и этакъ, идя въ храмъ на молитву, прощаете всѣхъ, съ любовю испрашиваете у всѣхъ, кого обидѣли, прощенія?

— Мнѣ, любезный бѣсушка, ни прощать некого, ни просить прощенія не у кого. Я, братецъ, со всѣми сосѣдями живу ладно и ни съ кѣмъ не ссорюсь, меня никто не трогаетъ и я никого не трогаю.

— Гм!.. ну, а Степку то, прошлое воскресенье, не тронули?

— Степку? ну что жъ, я ему только сказалъ, что онъ сукинъ сынъ, дуракъ, что надобно, молъ, быть осторожнѣе, и только слегка ткнулъ ему раза два въ морду. Нельзя— малый то онъ безтолковый: выпучитъ глаза, да уже и не видитъ самъ, куда бѣжитъ; на мозоль мнѣ наступилъ.

— Гм! а поваръ Яшка: кажется это было въ субботу.

— Все то знаетъ подлецъ — подумалъ я, не показавъ впрочемъ виду.—Яшка, что жъ, Яшкѣ я далъ, признаться, только пять плюхъ... Напился пьянъ и гуся, я, знаешь, люблю этакъ гуся зажареннаго съ яблоками, а онъ хлопъ, да и начини кашей.

— Да развѣ это дурно?

— Очень, очень недурно. Каша такая сочная, я даже и женѣ не далъ: всю съѣлъ самъ.

— Гм! а скотница Прасковья?..

— Не отпоила къ празднику телка... Да и что же я ей сдѣлалъ? потрепалъ за волосы — такъ болѣе для стыда, да посулилъ сына въ солдаты отдать.

— А она отъ страха и горя слегла... И это все на одной недѣлѣ: пять пощечинъ, два тычка, трепаніе за волосы, брань и угроза хуже побой, и все это въ угодность чреву или въ удовлетвореніе мелочнаго себялюбія... Гм! хорошо... ну, а просили ли вы у нихъ прощенія, когда ѣхали къ обѣднѣ?

При этомъ вопросѣ я такъ и остолбенѣлъ.

— Перекрестись, бѣсъ, что ты съ ума сошелъ что ли? Просить прощенія, у крѣпостныхъ моихъ дворовыхъ людей, просить прощенія?—И тутъ ужъ я не выдержалъ—расхохотался.

— Да развѣ они вамъ не братья?

— Это по книжному; по книжному-то точно братья, а попробуйка только обращаться съ ними за панибрата, такъ эти братцы тебѣ и на шею сядутъ.

Бѣсъ слушалъ меня, сначала нахмуривъ брови, да вдругъ какъ фыркнетъ, да какъ расхохочется... Я и такъ и сякъ, и что ты? и о чемъ ты? а онъ и остановится не можетъ, чуть не до истерики.

— Я вспомнилъ,—сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, немного пооправясь, — какъ одна барыня всякій разъ, какъ собиралась къ обѣднѣ, всѣхъ дѣвокъ сбивала съ ногъ. Та не причешетъ, другая не одѣнетъ. Крикъ—брань, а то такъ еще и щипнетъ и толкнетъ... Нельзя же, говорила она, предстать предъ Царемъ Небеснымъ одѣтой кое какъ. Если мы передъ людьми стараемся пріодѣться получше, кольми паче въ Храмъ Божій...

— Не осуждай, бѣсушка, не осуждай, не наше съ тобой дѣло. Развѣ ты самъ не безъ слабости?

Такое умилительное обращеніе съ моей стороны тронуло чорта.

— Не безъ того съ, не безъ того съ,—возразилъ онъ съ чувствомъ,—вотъ, примѣромъ, и меня соблазнили православные.

— Тебя соблазнили? вотъ подлинно слабость то. Да какъ же это?

— Былъ я, изволите видѣть-съ, подъ какой то праздникъ въ бѣлокаменной вашей столицѣ. Часъ былъ шестой

по полудни. Начался благовѣстъ во всѣхъ церквахъ и народъ закишилъ по улицамъ. Купцы запирали лавки; люди дѣловые прекращали занятія и всякій по призыву колокола торопился въ свою приходскую церковь. Намъ, конечно, пойти туда не приходилось; дома тоже безъ дѣла оставаться казалось неловко и потому я, скорчивъ, какъ и другіе, смиренную гримасу, рѣшился идти за городъ, чтобы въ тишинѣ уединенія предаться благочестивымъ размышленіямъ.

— Вотъ какой благочестивый,—подумалъ я; а кажется о благочестіи чертей я что то и не слыхивалъ. Читывалъ я, что бывали, напримѣръ: благочестивый кардиналъ, благочестивый аббатъ, а чтобъ благочестивый бѣсъ.. нѣтъ, никогда!..

— Это все равно,—проворчалъ бѣсъ, какъ будто угадавъ мою мысль; — лучше послушайте, что со мной случилось. Не успѣлъ я и десяти шаговъ отойти отъ питейной конторы, гдѣ по обязанности службы имѣю постоянное мѣсто жительства, какъ увидалъ, что мимо меня пронеслась карета, тамъ другая, тамъ еще и еще, и всѣ по одному направленію. Хоть и вскользь и сквозь стекла, однакожь я не могъ не замѣтить и бархатъ и брилліанты и уборы. Стало быть не ко всенощной! Терять времени было нечего. Прицѣпился я на запяткахъ позади одной кареты, и чрезъ нѣсколько минутъ стоялъ уже подъ сводами сѣней большого театра и спокойно глядѣлъ на проходящихъ. Съѣздъ былъ огромный. Лица православныхъ дамъ и дѣвицъ сіяли ожиданіемъ чего то пріятнаго; всѣ готовились смотрѣть новопріѣзжую европейскую танцовщицу... Что жъ бы вы думали? соблазнился и я, забылъ о своемъ благочестивомъ намѣреніи, полезъ окаянный въ рай...

— И хорошо было?

— Славно было. Танцовщицы задирали ноги, чуть не до ушей, чему эстетически сочувствуя, истинно почтеннѣйшая, потому что на половину плѣшивая, публика, смотрѣвшая изъ креселъ въ бинокли, рукоплескала съ большимъ восторгомъ. Театръ былъ полонъ. Къ несчастію, я одаренъ немножко тонкимъ слухомъ, и потому, не смотря на громъ великолѣпнаго оркестра, имѣлъ непріятность слышать долетавшія

до меня извнѣ звуки колокольнаго звона, повторявшагося раза два.

— Ужъ полно, не врешъ ли ты? какъ то не вѣрится, чтобы подъ праздникъ.... театръ....

— Повѣрьте слову, не вру. Да что-жъ это васъ удивляетъ? Русское общество, со временъ реформы Петра Великаго, и въ нравахъ, и въ обычаяхъ, и въ одеждѣ до того перепуталось, что, если посмотрѣть со стороны, то можно подумать, что на Руси всѣ рехнулись въ умѣ. Куда не обернись, все неестественно, неудобно. Давно ли русскаго солдата рядили въ чулки, въ башмаки, въ пукли, въ косу, какъ будто умирать за отечество непозволительно иначе, какъ подъ нѣмецкимъ штемпелемъ. Приличіе, напримѣръ, заставляетъ всякаго порядочнаго человѣка ѣздить и ходить не иначе, какъ въ круглой шляпѣ. Круглая шляпа ушей не закрываетъ, и потому, чтобы спасти ихъ отъ мороза, необходимо поднять воротникъ шубы. Положимъ, что это бы хорошо, да бѣда то въ томъ, что когда поднимешь воротникъ, то шляпа ужъ на головѣ не удержится. Одно изъ двухъ или надобно жертвовать ушами, или сохранить шляпу. Съ гражданской треуголкой еще потѣшнѣе. Въ первый день нынѣшняго года зашелъ я, признаться, къ другу своему, цѣловальнику Степану Евстигнѣевичу, да вмѣстѣ съ нимъ изъ питейнаго и смотрѣли, какъ служащіе господа ѣхали поздравлять начальника губерніи съ новымъ годомъ. Сколько смѣху то съ этими треуголками. Иной бѣдняга ѣдетъ на ванькѣ—трухъ, трухъ, морозъ то трескучій, не то закрывать грудь да уши, не то беречь треуголку, чтобы не свалилась съ головы—корчится, морщится. Другіе, которые по догадливѣе, нашлись обойти приличіе: шапки то теплыя напялили на уши, а треуголки или складныя круглыя шляпы везли на колѣняхъ. Но ради....

— Что заикнулся, чортъ.... чего ради?

— Ради.... ради здраваго смысла, скажите, что-жъ это за головная покрышка, которую надобно возить въ двухъ экземплярахъ. Одинъ имѣть на головѣ, ради защиты отъ холода, другой беречь на колѣняхъ или подъ мышкой, рада благоденствія человѣчества—или для такъ называемаго приличія.

-- Однако-жъ самъ то ты напялилъ же сапоги на свои копыта,—подумалъ я.

— Что-жъ, это только скромность съ нашей стороны не выказывать стройно сложенной ножки, чему конечно не мѣшало бы поучиться у насъ вашимъ цѣломудреннымъ дамамъ и дѣвицамъ—а то они скромны только и цѣломудрены по степени приличія.

— Какъ же это?

— Напримѣръ: попробуйте застать иную барыню, одѣтую въ чистую юбку, въ кофту, плотно охватывающую ея станъ и закрывающую грудь подъ самый подбородокъ; съ рукавами длинными, съ чистымъ чепцомъ на головѣ—она вскрикнетъ, готова будетъ броситься со стыда въ окошко, если не найдетъ двери, и та же барыня съ обнаженными чуть не подъ самыя мышки руками, съ голою спиною и соблазнительно оголенною грудью—смѣло смотритъ всякому въ глаза на многолюдномъ балу. Я это говорю не въ осужденіе дамъ,—напротивъ, мы всегда находили это очень пріятнымъ—готовы завсегда поощрять къ таковому наряду и супругу и дочерей вашихъ; но скажите на милость, къ чему же разыгрывать этотъ лицемѣрный пошлый стыдъ, когда она одѣта въ кофту,—то есть одѣта такъ, какъ уже нельзя скромнѣе. Да-съ приличіе-съ, уморительная вещь. Барыни ваши-съ не испугаются мужика, работающаго въ портканхъ и въ рубахѣ на улицѣ, но чуть не умрутъ со страха, если увидятъ васъ совершенно одѣтымъ, но вмѣсто сюртука въ халатѣ; а если точно въ такомъ же халатѣ придетъ татаринъ продавать платки, то это не стыдно—на татарина въ халатѣ смотрятъ съ любовію и лаской.

— Ахъ какой невѣжа, завопіетъ общество, если бы кто на балъ пріѣхалъ въ сюртукѣ;—а почему невѣжа? потому что онъ и спереди и сзади закрытъ сукномъ, а дамамъ нужно, чтобы невѣжливый молодой человѣкъ прикрытъ былъ хвостомъ только сзади.... Вѣроятно это имъ напоминаетъ нашего брата, прибавилъ съ гордостію мой пріятель.

— Мнѣ нельзя же не пользоваться отъ своего мѣста, нельзя же не принимать благодарностей и даже подчасъ не вынудить этой благодарности, говоритъ взяточникъ; долженъ же я съ достоинствомъ поддержать себя въ обществѣ. При-

лично-ли, напримѣръ, предсѣдателю не имѣть кареты, не сдѣлать вечера, не вывезти на балъ дочерей.... всего этого требуетъ приличіе—а на жалованіе далеко не уѣдешь.... И ради приличія совершается тысяча подлостей.

— Да куда-жъ мы идемъ, откуда посмотримъ на городъ-то?—спросилъ я въ нетерпѣніи.

— А вотъ сейчасъ, позвольте мнѣ только закурить сигару.—Вынувъ изъ бокового кармана сигару, спутникъ мой осмотрѣлъ ее съ видомъ знатока, приложилъ кончикъ ея къ своему глазу и сигара затлѣлась; затянулся, какъ гимназистъ или какъ самая свѣтская дѣвица средней руки, пустилъ въ меня изо рта столбъ дыма, отъ котораго охватило меня непроницаемымъ мракомъ, и я вдругъ почувствовалъ, что взвился на воздухъ высоко надъ землею и черезъ нѣсколько секундъ очутился на городской пожарной башнѣ или каланчѣ.

ГЛАВА II.

Признаться, я струхнулъ сначала отъ этой неумѣстной шутки, но, смекнувъ впослѣдствіи, что черезъ нее я избавился отъ непріятности всходить по сквернѣйшей крутой лѣстницѣ, я былъ очень доволенъ. Кругомъ меня разстилался спящій городъ; безлунная ночь сіяла яркими звѣздами; часы на соборной колокольнѣ пробили часъ.

— Вотъ и я съ вами,—сказалъ мой спутникъ,—и готовъ вамъ служить своими свѣдѣніями. Съ чего же прикажете начать?

Увлекшись безмолвной картиной спящаго города, я погрузился въ созерцаніе и, не понимая самъ себя, проговорилъ въ восторгѣ:

„Гораздо темная ночь въ Октябрѣ мѣсяцѣ покрыла славный городъ Мадритъ“... ну, чортъ, снимай же крыши съ домовъ.

— Прилично ли?

— Это еще что? самъ же ты въ грязь топталъ приличія?

— Я на счетъ того-съ,—теперь, извольте видѣть, гораздо уже поздняя ночь—сколько красавицъ теперь со всѣмъ раздѣтыхъ, а вы изволите приказывать на счетъ крышъ съ...

Узнаетъ какъ нибудь супруга ваша, станетъ на насъ обижаться-съ...

— Не узнаетъ, голубчикъ, право не узнаетъ,—снимай...

— Совѣстно-съ право какъ то, и самому то совѣстно-съ; вѣдь сказалъ же поэтъ:

„Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе..."

Развѣ уже такъ, чтобы не снимать тѣхъ частей крышъ и потолковъ подъ которыми кроются ложа непорочныхъ дѣвъ?

— Ахъ нѣтъ, голубчикъ, зачѣмъ же это? черезъ это картина не будетъ полна,—возразилъ я,—къ тому же и имъ то? ты, примѣромъ, чортъ, а я человѣкъ уже женатый пожилой.... Снимай ужъ лучше на чистоту, какъ въ Мадритѣ.

Бѣсъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся лукаво, посвисталъ подлецъ очень двусмысленно и тихо повелъ по воздуху. Съ мановеніемъ его руки крыши начали исчезать, какъ въ туманѣ, потолки расплываться, какъ растопленный воскъ, и вотъ открылись передъ моими глазами всѣ внутренности домовъ и всѣ тайны ихъ. Казавшійся спящимъ городъ оказался во многихъ домахъ еще не спящямъ; лампы и свѣчи освѣщали еще многія залы, гостинныя, кабинеты и спальни... но во всѣхъ этихъ домахъ, гдѣ было свѣтло, за самымъ малымъ исключеніемъ, дѣятельность всего образованнаго и не спящаго населенія города по большей части ограничивалась карточною игрою. Въ клубѣ играли въ карты во всѣхъ комнатахъ, на всѣхъ наличныхъ ломберныхъ, имѣющихся въ клубѣ, столахъ; на бильярдѣ игралъ одинъ только господинъ самъ съ собою, вѣроятно для практики; въ газетной комнатѣ спалъ на диванѣ одинъ только чтецъ, держа въ рукахъ листокъ Сѣверной Пчелы.

У губернатора играли въ карты на двухъ столахъ, у предсѣдатэля казенной палаты тоже; и куда не оглянись, кто только не въ клубѣ, то дома сидитъ съ двумя или тремя пріятелями за карточнымъ столомъ. Карточный столъ виденъ и въ палатахъ людей богатыхъ, освѣщенный четырьмя стеариновыми свѣчами, при яркомъ свѣтѣ лампъ; и въ бѣдной квартирѣ помощника столоначальника, освѣщенный одною сальною свѣчкою, и вездѣ сидятъ за ними и играютъ съ равнымъ усердіемъ....

— Ахъ раздуй васъ нечистый.... я думалъ по нашему, по деревенски, что всѣ ужъ спятъ, а они ишь ты какъ въ карты-то задуваютъ.... и барыни, ахъ песъ ихъ возьми, и барыни-то туда же колотятся,—вскричалъ я въ изумленіи....

Мало выѣзжая изъ своей деревушки, видалъ я, признаться, карты въ рукахъ и у Матрены стряпухи и у Феклы ключницы, и самъ, признаться, какъ жены не случалось дома, игрывалъ съ ними въ дурачки, и очень пріятно ... впрочемъ Феклушка играла вообще побойчѣе Матрены, такъ что иногда сряду разъ по пяти оставляла меня дуракомъ; но тѣ карты были засаленыя, то было, такъ только, ради скуки безъ жены, примѣрно, сократить время, а тутъ игра шла не на шутку, чинно, важно. Скажите, вотъ время какое нынѣче пришло: барыни въ карты играютъ.

— Да во что-жъ они играютъ? — спросилъ я моего друга.

— Въ дурачки-съ, — отвѣчалъ онъ мнѣ протяжно.

— Какъ въ дурачки, что ты врешь, эти барыни то? неужели же они, какъ моя Феклушка или Матрешка, въ дурачки?

— Въ дурачки-съ,—отвѣчалъ онъ и захохоталъ такъ, что всѣ игравшіе, кому приходилось ходить, принявъ смѣхъ этотъ за порывъ вѣтра, прислушались, ротозейничали, ошибались ходами, вслѣдствіе чего товарищи ихъ проиграли. Во всѣхъ столахъ игравшаго города у одного изъ четырехъ игравшихъ и провинившихся противъ правилъ игры вытянулись лица на вершокъ длиннѣе обыкновеннаго, у всѣхъ, черезъ нихъ проигравшихъ, лица запунцовѣли и глаза расширились съ досады, головы наклонились впередъ по направленію къ провинившимся, ходящія руки размахнулись и, съ ударомъ по столу съ досады, сходили козырными фигурами, а уста произнесли какое то энергичное восклицаніе. Изъ остальныхъ двухъ игроковъ въ каждомъ столѣ одинъ, опрокинувшись спиною на спинку стула и закинувъ голову назадъ, хохоталъ во всю мочь, а другой значительно улыбался.

— Что это со всѣми съ ними случилось, — спросилъ я, не вдругъ понявши хромоногаго товарища...

— Это такъ-съ, я для васъ только пошутилъ немного, чтобы вамъ доставить, такъ сказать, пріятность.

— Охъ ты пріятный,—подумалъ я.

— Дѣйствительно-съ.

— Оно хоть не совсѣмъ пріятно, когда знаешь, что нельзя ничего подумать, чего другой бы не зналъ—подумалъ я опять.

— А почему же-съ такъ пріятно,—спросилъ онъ снова.

— А потому, что отвяжись ты, пожалуйста, кабацкое ты рыло,—воскликнулъ я съ досадою,—мало ли что иногда думается, чего бы не сказалъ.

— Ну, такъ я докажу-съ... всякій человѣкъ, какъ совершенно правильно кто-то замѣтилъ, немножко подлецъ и немножко дуракъ. Пользуясь этимъ, мы разыгрываемъ на немъ, какъ на инструментѣ, разныя фантазіи, которыя слышны только тому, на чьихъ струнахъ разыгрывается концертъ; и къ музыкѣ нашей человѣчество такъ привыкло, что и не замѣчаетъ безпрестаннаго и безконечнаго разлада мыслей своихъ съ дѣйствіями. Примѣромъ будучи сказать, хоть бы про васъ. Я вамъ дѣлаю одолженіе, показываю вамъ зрѣлище, которое развѣ во снѣ только можетъ прогрѣзиться, а у васъ все камушекъ за пазухою; на устахъ имѣете одно, а на сердцѣ другое.

— А вѣдь угадалъ чортъ,—подумалъ я, стараясь придать своему лицу небрежно ласковое выраженіе и смотря ему въ глаза, какъ овечка невинная.

— Не безпокойтесь притворяться,—продолжалъ онъ,—не вы первые, не вы послѣдніе: думаютъ одно, дѣлаютъ другое. Даже самыя великія историческія личности не чужды этого: ихъ превозносятъ, дѣянія ихъ записываютъ въ скрижаляхъ вѣковъ, а тайные грѣховные помыслы ихъ, бывшіе спутники ихъ честныхъ, правдивыхъ, великодушныхъ наружныхъ дѣяній остаются для всѣхъ тайной и сходятъ вмѣстѣ съ ними въ могилу. Очень честный и всегда вѣрный пожилой человѣкъ, лаская свою пожилую супругу, думаетъ про себя: стара стала ты, матушка. Охъ, какъ бы да Анютка черноглазая была на твоемъ мѣстѣ. А пожилая супруга, поправляя въ это время волосы своего ненагляднаго, вспоминаетъ стройный станъ и загорѣлое лицо молодаго офицера. Воображеніе его покоитъ чернокудрую его голову у ея груди; сердце ея бьется сильнѣе и вслѣдствіе этого рука какъ то нѣжнѣе продолжаетъ расправлять жесткія сѣдины.

Дѣйствительно же они другъ друга любятъ, жить врозь, или промѣнять жену на черноглазую вострушку или пожилого мужа на смугляка-красавца они бы не рѣшились... А такъ бы, если бы это могло случиться, такъ противъ ихъ воли, безъ ихъ домогательства, даже безъ ихъ вѣдома... или такъ, что бы этого навѣрное никто не зналъ, тогда хорошо бы... Ну, какъ же, скажите, открыть эти мысли кому то не было?.. Себѣ же оправданіе готово: мало ли какая глупость придетъ въ голову; а посторонніе говорятъ: вотъ рѣдкое супружество, состарѣлись, а не надышутся другъ на друга.

— А вѣдь она не такъ богата, какъ оказалось на дѣлѣ,—думаетъ молодой мужъ, сидя, въ щегольской каретѣ съ своею прекрасною подругою;—зналъ бы не женился... Думаетъ такъ, а между тѣмъ смотритъ на нее самымъ нѣжнымъ взоромъ. Подруга отвѣчаетъ тѣмъ же, а между тѣмъ думаетъ: не глупо ли я сдѣлала, что отказала первому жениху? Этотъ только красивѣе—но тотъ... съ тѣмъ я болѣе бы выиграла въ свѣтѣ; тотъ и богаче... А между тѣмъ они какъ то столкнулись нежданно, слились въ долгій нѣжный поцѣлуй и оба подумали, но не сказали однако жъ, и никогда не скажутъ, какія глупости приходили имъ въ голову въ каретѣ.

— Честнѣйшему человѣку, при видѣ кучъ золота, или кипъ кредитныхъ билетовъ легко можетъ придти на мысль: если бы ни кто не узналъ; если бы въ этомъ можно было быть увѣреннымъ, какъ то, что дважды два четыре, и что черезъ мою продѣлку ни кто не пострадаетъ, взялъ бы эти деньги, да и маршъ за границу... Конечно, честный человѣкъ, съ ужасомъ прислушавшись къ звуку, изданному струною подлости, сей часъ же заглушитъ его; но скажетъ ли онъ кому нибудь объ этомъ?

— Недостатокъ увѣренности въ томъ, что не узнаютъ, спасаетъ часто или, лучше сказать, предохраняетъ честныхъ людей отъ совершенія подлыхъ дѣлъ.

— Едва ли не большая часть бѣдныхъ, но честныхъ чиновниковъ обязаны этой неувѣрянности, что они, при возможности брать и при нуждѣ, остаются не взяточниками; многіе, при возможности украсть, не сдѣлались ворами; многіе, при возможности обыграть навѣрняка, — не обыграли; многіе не составили фальшивыхъ завѣщаній и не лишили

сиротъ принадлежащаго имъ куска; многія жены и многіе мужчины сохранили вѣрность другъ другу; однимъ словомъ милліоны милліоновъ преступленій не совершаются только изъ опасенія, что бы не узнали, а мысли-то вѣдь приходили въ голову: преступленіе совершалось въ сердцѣ; но кто же объ этомъ скажетъ?

— У честнаго наслѣдника уважаемаго родственника, у нѣжнаго сына, у человѣка, признательнаго своему благодѣтелю, у дочери нѣжно любящей мать, вдругъ при размышленіи о томъ—о семъ мелькнетъ мысль: пора бы и любящему родственнику и нѣжно любящему отцу, положившему въ сына душу, и благодѣтелю, ни чего не жалѣвшему на облагодѣтельствованнаго имъ, и матери, не спускающей глазъ любви съ своей дочери, убраться на покой... А почему мелькнетъ? Воображеніе представитъ возможность черезъ смерть этихъ людей привести въ исполненіе какое нибудь пріятное желаніе, чему зажившіяся лица служатъ прямо или косвенно, такъ ли или иначе препятствіемъ...

— При мысли о возможности смерти такого лица въ умѣ устраивается порядокъ похоронной процессіи, необходимой горести, траура, слезъ, такъ что въ самомъ дѣлѣ сдѣлается жалко; сердце стѣснится, и всякая честная личность скорѣе старается забыть мимолетный помыслъ, припомнитъ все, сдѣланное для нее, добро, и ужъ конечно никогда и никому не откроетъ, о чемъ она призадумывалась.

— Этакъ ты пожалуй, хромоногій чортъ, скажешь, что честныхъ людей то и нѣтъ.

— Нѣтъ. Самое изображеніе слова „честный“ есть страшная нелѣпость. Подлецъ, такъ это другое дѣло. Подлецъ есть такой человѣкъ, который заглушилъ въ себѣ голосъ истины и, прислушиваясь къ звукамъ своей врожденной струны, на которой мы ему наигрываемъ, не затыкаетъ ушей, а старается привести въ исполненіе свои нечистые помыслы. Онъ также боится; но не того, что бы не узнали, а боится, что бы не уличили, и потому принимаетъ всѣ мѣры предосторожноси. Подлецами зовутъ вообще тѣхъ людей, которые не попадаются, или лучше не запутываются въ сѣтяхъ, раставленныхъ закономъ; отъ людскаго же наблюденія они укрыться, хотя бы и хотѣли—не могутъ. Во-

обще всѣ преступленія, совершаемыя людьми, или совершаются по излишней смѣлости, или по излишней глупости.

— А что такое „честный“? Этого и опредѣлить то нельзя. Многіе даже превозносятъ сами свою честность, не замѣчая того, что этимъ даютъ поводъ догадываться, что они бы и наклонны сдѣлать мерзость, но такъ, сами не знаютъ почему, не сдѣлали; они не хотятъ понять, что никакая, по мнѣнію людскому, честность не можетъ равняться съ тою чистотою, которая должна быть естественнымъ состояніемъ человѣка.

— Зафилосовствовался чортъ, проповѣдуетъ, словно патеръ, и слушать то тошно. Небось мадритскому студенту проповедей то не читалъ.

— Тогда былъ вѣкъ, теперь другой. Нынѣ вѣкъ прогресса, гуманности.

— Опять понесъ гиль...

— Да что же вамъ угодно съ?

— Мадритскому то студенту ты показывалъ все полюбовниковъ, да полюбовницъ... а мнѣ...

— Къ рылу ли вамъ этакіе соблазны? Вы ужъ человѣкъ не молодой, не то что Донъ Клеофасъ...

— Къ рылу... къ рылу, невѣжа ты этакой,—закричалъ я съ досадою,—что тебѣ до моихъ лѣтъ.

— А супруга-то ваша-съ.

— Вѣдь, я ужъ тебѣ говорилъ, что Матрена Степановна не узнаетъ. И почему ей узнать? Не бойсь, голубчикъ, не выдамъ ей тебя. Если и узнаетъ, все на себя свалю, а ужъ тебя подъ гнѣвъ не подведу.

— Извольте съ, — ахъ да какое счастье, теперь для васъ, какъ нарочно, совершается въ одномъ домѣ препріятный скандалъ, и съ полюбовникомъ.

— Гдѣ? гдѣ?—покажи.

— Вонъ, смотритека въ эту сторону, домъ купца Подзаборникова.

— Вижу...

— Ну, что же вы видите?

— Вижу въ отдаленной комнатѣ, кажетса спальнѣ, толстую хозяйку и съ нею молодого человѣка. Она одѣта въ блузѣ и очень откровенно, онъ же только безъ сюртука и безъ галстука. Они сидятъ на диванѣ и что то говорятъ,

пожимая съ нѣжностію руки другъ друга; но, что говорятъ, не слышу.

— Она говоритъ ему: „не ожидала я такого счастія, купидонъ ты мой, что мужъ мой уѣхалъ на ярмарку, а тебя оставилъ при магазинѣ..."—но смотрите, что дѣлается на дворѣ. —Я смотрю и вижу, что въ заднія ворота прошелъ человѣкъ уже пожилой, но свѣжій и румяный и съ выраженіемъ невозмутимой веселости въ глазахъ, и взошелъ въ домъ.

— Это хозяинъ. Онъ сказалъ женѣ, что ѣдетъ на ярмарку; а между тѣмъ доѣхалъ только до трактира, гдѣ и пропировалъ съ друзьями до этого времени. Смотрите, что будетъ далѣе.

Я смотрю. Хозяинъ взошелъ въ переднюю и потомъ въ залу на ципочкахъ, зажегъ стоящую свѣчу спичкою, вынутою имъ изъ сигарочницы, и вдругъ увидѣлъ на окошкѣ круглую шляпу. Взявъ шляпу, онъ улыбнулся, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и задумался, и вдругъ, какъ будто какая то счастливая мысль осѣнила его. Вѣроятно это такъ, потому что онъ, какъ будто даже протанцовалъ что то и потомъ, схвативъ шляпу, унесъ ее въ темный уголъ. Что онъ тамъ съ нею дѣлалъ, я не видалъ, только минуты черезъ полторы вышелъ изъ темнаго своего угла, держа осторожно шляпу за поля обѣими руками, и тщательно поставилъ ее на мѣсто.

Потомъ сталъ какъ будто поправлять безпорядокъ своего платья, застегиваться, охорашиваться; потушилъ свѣчу и снова сошелъ съ крыльца также тихо, какъ и вошелъ.

Обошедши домъ кругомъ, онъ подошелъ къ задней лѣстницѣ, ведущей въ домъ черезъ кухню и сталъ стучаться въ запертую дверь изо всей мочи. Выбѣжала мгновенно кухарка, отперла дверь, увидала хозяина, вскрикнула отъ удивленія и страха и побѣжала наверхъ сломя голову.

Хозяинъ, тоже со стукомъ и какъ будто случайно вернувшійся домой, взошелъ въ кухню, скинулъ шинель и что то спросилъ у кухарки.

— Что онъ такое сказалъ?—спросилъ я у хромоногаго.

— Онъ громко, такъ, чтобы жена его могла слышать, спросилъ: здорова ли его супруга Акулина Филипповна, и сейчасъ же началъ стучаться къ ней въ дверь.

Молодой господинъ, такъ пріятно бесѣдовавшій съ хозяйкою, занимая ее въ одиночествѣ, услышавъ шумъ и голосъ пріѣхавшаго хозяина, вздернулъ на себя, какъ попало, свой сюртукъ, галстукъ второпяхъ спряталъ уже кое какъ въ карманъ, отворилъ съ помощью хозяйки тихонько дверь въ гостинную, оттуда въ залъ, нашелъ свою шляпу, нахлобучилъ ее на голову и, чуть не кубаремъ слетѣвъ съ крыльца, какъ сумасшедшій выбѣжалъ на улицу.

Отбѣжавъ отъ дома, онъ остановился, почувствовавъ вѣроятно текущія изъ его шляпы по волосамъ и по лицу потоки чего то мутнаго. Отерши рукою щеку, поднесъ руку къ носу и наморщился, какъ будто понюхалъ что-то не хорошее. Схватилъ съ головы шляпу и вдругъ все лице его замазалось, какъ будто квасною гущею; вѣроятно хозяинъ точно налилъ квасной гущи и бѣдный полюбовникъ бросился со всѣхъ ногъ по направленію къ рѣкѣ, такъ что я скоро потерялъ его изъ виду.

Хромоногій мой пріятель снова захохоталъ во все горло, отчего на всѣхъ игорныхъ столахъ послѣдовалъ ренонсъ и повторилась уже происшедшая выше сцена.

Подзаборниковъ между тѣмъ съ веселымъ лицемъ взошелъ къ женѣ, успѣвшей раздѣться и лечь подъ одѣяло на огромной своей перинѣ; но что они тамъ съ нею говорили, я разслышать не могъ.

— Да ничего особеннаго,—сказалъ бѣсъ.—Онъ спрашиваетъ ее о здоровьѣ, она же, какъ видите, потянулась, какъ будто ее сейчасъ только разбудили, и спокойно спросила о причинѣ внезапнаго его возвращенія.

Онъ ей объяснилъ тѣмъ, что забылъ взять съ собою векселя и потому вернулся за ними, прибавивъ между прочимъ, что самъ ужъ онъ раздумалъ ѣхать на ярмарку, а пошлетъ вмѣсто себя приказчика.

— Вѣчно вы, Степанъ Михайловичъ, Богъ знаетъ, что дѣлаете. Ну слѣдъ ли посылать молодого человѣка, когда онъ и въ домѣ нуженъ, а самимъ безъ пользы оставаться дома. Отъ васъ вѣдь, что отъ козла, ни шерсти, ни радости.

Мужъ усмѣхнулся, лукаво подмигнулъ глазомъ и очень спокойно легъ спать, довольный шуткою, сдѣланною имъ съ полюбовникомъ своей милой половины.

ГЛАВА III.

А картежная игра по всему городу продолжалась въ полномъ разгарѣ.

— Скажи мнѣ другъ мой, чортушка—спросилъ я бѣса,—да во что же они играютъ?

— Вѣдь я вамъ сказалъ съ, что въ дурачки, впрочемъ, не всѣ играютъ въ дурачки, есть играющіе и въ подлецы.

— Какая же разница? Въ дурачки, я знаю, сдается въ пять листиковъ, а въ подлецы-то ужъ не знаю.

— Игра одна-съ: что въ подлецы-съ, что въ дурачки; но послѣдствія только различны.

— Играющіе, примѣрно, весь вечеръ и ночь, играющіе каждый день и все только для препровожденія времени, для удовольствія по маленькой,—тѣ играютъ въ дурачки. А тѣ разумники, которые играютъ съ тѣмъ, чтобы легкимъ способомъ, подъ видомъ наслажденія, переселить деньги изъ кармана своего ближняго въ свой карманъ, играющіе по большой, рискующіе для этого оставить безъ куска и жену и дѣтей, не говоря уже о тѣхъ, которые играютъ со штуками, тѣ ужъ окончательно наши выученики, играютъ въ подлецы.

— Какъ же, и барыни?

— И барыни-съ совершенно также, но тѣ, съ нѣкоторыми исключеніями, все въ дурачки-съ по большей части.

— Въ тартарѣ одинъ грѣшникъ, родомъ французъ, придумавшій карты, пользуется особенной привиллегіей, хорошей квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой изъ двухъ пострѣловъ, — продолжалъ съ важностію бѣсъ, – и именно только за это великое изобрѣтеніе, которое такъ успѣшно поработило нашу Россію.

— Какъ нашу? Что ты врешь?

— Вашу-съ, хотѣлъ я сказать, извините,—съ помощію картъ Россія, что называется, долго еще не сдѣлаетъ ни шагу впередъ. Напрасно журналисты ваши кричатъ о прогрессѣ, о движеніи, объ общественномъ мнѣніи или гласности, чего мы, признаться, особенно состоя на службѣ по питейной части, чрезвычайно боимся; но мы совершенно увѣрены, что до тѣхъ поръ, пока образованнѣйшее русское общество играетъ въ карты, всѣ эти разглагольствованія журнали-

стовъ останутся бреднями. Черезъ карты достигаются нами удивительные результаты: мы управляемъ всѣми дѣйствіями людей и подчиняемъ ихъ нашему произволу.

— Прогрессъ русской общественной жизни дѣйствительно совершается и быстро совершается; но такъ какъ движеніе это ограничивается поприщемъ зеленыхъ столовъ, на которыхъ онъ подвизается, переходя отъ бостона къ преферансу, отъ преферанса къ ералашу, отъ банка къ палкамъ, то ужъ для дѣятельности государственной, семейной и общественной остается времени очень и очень мало. Общество можетъ развиваться только посредствомъ обмѣна мыслей, посредствомъ разговоровъ, споровъ...

— Ну, такъ что же? вонъ въ клубѣ человѣкъ до 50-ти, и они, кажется, всѣ говорятъ и даже спорятъ. Вѣроятно это-то и идетъ обмѣнъ мыслей...

— Дѣйствительно такъ, тамъ теперь идетъ разговоръ и споръ о двухъ случаяхъ ренонсовъ, совершившихся черезъ мой смѣхъ. Нынѣшній разъ изъ клуба выдетъ до семи враговъ, которые никогда не простятъ оскорбленій, нанесенныхъ имъ въ этотъ вечеръ. Вице-губернаторъ, напримѣръ, за ренонсъ, сдѣланный совѣтникомъ губернскаго правленія, сказалъ ему: „съ вами играть одна мука. Въ губернскомъ правленіи вы сопите, за картами сопите". Совѣтникъ вытянулъ рожу и будто про себя замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ разсматривается дѣло купца Хлопова, онъ не присутствовалъ и потому сопеніе его не могло служить помѣхою къ занятіямъ.

— За тѣмъ столомъ, что подалѣе, два степенныхъ гостя доказываютъ другъ другу, что ходъ съ туза козырей, по мнѣнію одного, былъ сдѣланъ правильно, по мнѣнію же другого, неправильно. Около стола собирается кругъ медіаторовъ, всѣ спорятъ, всѣ доказываютъ другъ другу, и я ужъ до тѣхъ поръ не дамъ имъ успокоиться, пока они не разбранятся окончательно.

— Видите ли, эти частые споры, изощряющіе нашъ умъ по поводу карточной игры, мы любимъ; о другомъ спорѣ не придетъ въ голову и, мало-по-малу, и способные бы къ мышленію люди дѣлаются пошляками.

— Случается, что въ головѣ иного пріѣхавшаго на вечеръ или въ клубъ господина вдругъ промелькаетъ какая нибудь

свѣтлая мысль, возбужденная журнальною статейкою или обнародованнымъ указомъ или политическими вѣстями, и разговоръ завяжется умный, серьезный, интересный. Дѣло коснется и до общественнаго устройства, и до изслѣдованія причинъ нравственнаго застоя. Начнетъ понемного пробуждаться въ разговаривающихъ сознаніе человѣческаго достоинства, открываться ихъ разуму высшія цѣли жизни, да такъ иной разъ пораскудахтаются, что, слушая ихъ, сами мы, не шутя, начинаемъ опасаться, чтобы они не поумнѣли. Въ такомъ случаѣ и мы не дремлемъ. Лишь только замѣтимъ такое съ ихъ стороны вольнодумство, то, чтобы возстановить опять порядокъ, мы сейчасъ же и шепнемъ какому нибудь бродящему между карточными столами господину: „Что вы, почтеннѣйшій, теряете золотое время, подите ка вонъ къ этимъ господамъ, что изъ пустого то въ порожнее переливаютъ, уговорите-ка ихъ скорѣе заняться полезнымъ дѣломъ...“—и бродящій господинъ сей часъ же согласится съ истиною нашихъ совѣтовъ, подойдетъ къ разсуждающему кружку и начнетъ имъ говорить такъ: „полноте, господа, изъ пустого то въ порожнее переливать; и не грѣхъ ли вамъ терять золотое время; пойдемте-ка лучше займемся полезнымъ дѣломъ... въ табельку...“—и что же бы вы думали, при этихъ словахъ и ораторъ и спорящіе сей часъ же примолкаютъ, чинно идутъ къ зеленому столу и 5 или 6 битыхъ часовъ сидятъ и дѣйствительно доказываютъ другъ другу, что всякая фигура старше шестерки и шестерка старше двойки.

— И вотъ отъ этакого то общества ждутъ журналисты свободныхъ мнѣній,—ждутъ истины... Иной бы, по врожденному стремленію къ истинѣ и заклеймилъ бы подлеца, изобличилъ бы и взяточника и лицемѣра, да какъ же ему лишиться партнера? Карты уравниваютъ всѣхъ.

— Вотъ, напримѣръ, видите ли этого господина—онъ лицо важное, онъ не иначе, какъ стоя принимаетъ человѣка, поставленнаго ниже его на ступеняхъ общественнаго устройства, хотя бы этотъ человѣкъ былъ и чистъ, и непороченъ, и правдивъ, и уменъ, чтобы только не унизить себя приглашеніемъ его сѣсть въ своемъ присутствіи, въ своемъ начальническомъ кабинетѣ, или въ своей аристократической гостинной; но съ удовольствіемъ сядетъ съ отъявленнымъ

подлецомъ и даже публично подастъ ему съ улыбкой и руку, если только этотъ негодяй необходимъ для составленія ему соотвѣтственной его игрѣ партіи въ карты. Онъ даже приметъ съ удовольствіемъ сдѣланный ему такимъ господиномъ вечерокъ; и если тотъ попадется, какъ мошенникъ, подъ судъ, то и выручитъ его.

— Карточный игрокъ скорѣе другого заводитъ связи съ знатными и сильными міра сего, и не будучи ни знатенъ, ни силенъ, скорѣе другого окажетъ вамъ протекцію, доставитъ вамъ мѣсто, пристроитъ вашего сына на казенный счетъ въ учебномъ заведеніи. Какую бы ни сдѣлалъ онъ мерзость, объ ней поговорятъ только два три вольнодумца, не играющіе въ карты, но играющая масса подавитъ ихъ мнѣніе своимъ нами сочиненнымъ на этотъ случай мнѣніемъ.

— Ишь вѣдь какъ чешетъ — подумалъ я, — а все не добьешся отъ него, чтобы сказалъ, во что они играютъ?

— Въ дураки сч.

— Ну ужъ пожалуйста не очень то шути; нешто я въ дураки не игралъ? я отсюда вижу, что они играютъ не такъ, какъ мы бывало съ Матреной.

— Не изволите понимать съ.

— Если, такъ называемое, разумное созданіе — человѣкъ отказывается отъ разумнаго употребленія времени, отъ передачи мыслей, отъ полезныхъ занятій; если цѣлое общество пляшетъ по нашей дудочкѣ съ помощію этихъ тоненькихъ кардонныхъ листочковъ, жертвуетъ для нихъ умомъ, здоровьемъ, образованіемъ, семейнымъ счастіемъ, честью, примиряется со всякою мерзостью и, наконецъ, самъ лезетъ въ наши тенета, какъ прикажете намъ думать иначе, что онъ одураченъ нами? А если цѣлое общество одурачено нами такимъ образомъ, то въ какую бы игру оно не играло, не значитъ ли, что оно играетъ въ дурачки? Не понимаете? ну такъ я вамъ скажу понятнѣе. Чтобы не дать людямъ образумиться, чтобы отнять у нихъ время и способность мыслить, разбить наслажденія семейной жизни, въ семействахъ поселить скуку, изсушить чувство — мы и придумали карточную игру, которая въ терминѣ нашемъ, т. е. въ терминѣ высоконечистыхъ чертей, извѣстна подъ общимъ названіемъ игры въ дурачки,

т. е. что человѣчество одурачено нами,—не смотря на его гордость и убѣжденіе, что мы ничего не въ состояніи сдѣлать и что будто бы насъ совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... Смѣшно право съ! Ученіе, которое называть намъ какъ то неловко съ и неприлично съ, дало такое движеніе человѣчеству, что дѣйствительно, если бы мы не употребили средства самыя хитростныя, т. е. не морочили бы людей подобными забавами, то намъ бы съ человѣчествомъ бы и несправиться. Не говорить же въ самомъ дѣлѣ людямъ: дѣлай зло такъ вотъ и такъ; ограбь, зарѣжь, пусти по міру дѣтей, жену и доведи до паденія... насъ не послушаютъ; а все что намъ нужно—дѣлается... Пусть ихъ играютъ, мои милые, въ дурачки,—промолвилъ онъ съ чувствомъ самой нѣжной любви.—Проигравшій всю ночь въ карты судья, подъ вліяніемъ дремоты, подпишетъ, не читавши, самое несправедливое рѣшеніе, администраторъ отложитъ до другого дня исполненіе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ученикъ охладѣетъ къ наукѣ и въ классъ пойдетъ съ отвращеніемъ. Одинъ, проигравшійся, съ отчаянія пускается на воровство, другой торопится размозжить себѣ черепъ. Иной членъ клуба хорошо бы могъ пообѣдать дома въ семействѣ, но ради игры ѣдетъ на первой недѣлѣ поста въ клубъ и, по обычаю православныхъ, попостившись тамъ тысячною ухою, обожрется, скотина, хватитъ его кондрашка и онъ нашъ.

— Какъ вѣдь рѣзко говоритъ этотъ копытчикъ, — подумалъ я,—нѣтъ вѣдь у него уваженія ни къ званію особъ, ни къ связямъ, ни къ достоинству членовъ нашихъ клубовъ...

— Нынче вѣдь гласность въ ходу съ.

— Ахъ, посмотри ка, пріятель, что дѣлаетъ тамъ вонъ тотъ господинъ? Онъ кажется очень занятъ...

— Какой?—вонъ тотъ, что въ шолковомъ великолѣпномъ халатѣ французскаго покроя, съ кистями?

— Да.

— Такъ себѣ... Онъ отличный инженеръ... Онъ занятъ теперь составленіемъ смѣты по постройкѣ новаго шоссе.. Онъ далъ слово подрядчику Брюхочесову составить такую смѣту, что и самъ чортъ переломитъ въ ней ногу... За это Брюхочесовъ обѣщалъ ему дать 40000.

— 40000,—вскричалъ я въ изумленіи.

— Что же вы удивляетесь? Тутъ однихъ мостовъ по американской системѣ на протяженіи какихъ нибудь полутораста верстъ до пяти и все черезъ такія рѣки, по которымъ съ Апрѣля до Марта куры въ бродъ ходятъ...

— Какіе же это такіе американскіе?

— А вонъ, видите, тамъ, что за заставой, черезъ рѣчку Слезомойку весь рѣшетчатый, деревянный...

— Чего онъ стоитъ, и счету нѣтъ. Тутъ прежде стоялъ мостъ каменный съ двумя арочками и стоялъ лѣтъ съ 80 и простоялъ бы еще 150; ну этакія постройки инженерамъ нашимъ не понутру... Нашли опаснымъ, представили, сломали и выстроили этотъ рѣшетчатый, деревянный. Прежде по старому мосту скачи всякій во всю прыть, а теперь и денно и ночно стоитъ часовой, чтобы ѣздили не иначе, какъ шагомъ, а то, вишь, опасно... За то мостъ этотъ перестраивался на 15-ти годахъ не то одинъ, не то два раза, а строитель его купилъ себѣ недвижимое имѣньице... Вотъ что значитъ американская то система.

— Ахъ, онъ взяточникъ.

— Ни, ни, тише, можно ли назвать взяточникомъ человѣка, носящаго военную оболочку и наживающаго вдругъ десятками тысячъ. Что вы это, да вы я вижу вольнодумецъ...

— Развѣ вы не знаете, что всѣ тѣ лица, которыя наживаютъ вдругъ тысячи или десятки тысячъ, во всѣхъ мѣстахъ и у всѣхъ народовъ включительно, хоть бы, примѣромъ, начиная съ нашихъ совѣтниковъ питейныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ и до министровъ Китайской имперіи, никогда не называются взяточниками... Никогда... Никогда... Хотя бы скакали они къ великой цѣли пріобрѣтенія, платя тройные прогоны... Они все будутъ въ глазахъ общества людьми государственными; всякій за честь себѣ поставитъ, даже издали, даже не будучи примѣченнымъ, поклониться имъ...

— Ужъ если хотите видѣть взяточника, такъ я вамъ покажу... Смотрите вонъ, вонъ туда, на край города въ Безымянную слободку, четвертый домишка отъ кузницы...

— Вижу, вижу плѣшивый, худой, согнутый въ дугу господинъ. На немъ когда то бывшій форменнымъ, а те-

перь весь въ дырахъ сюртукъ. Онъ сидитъ и пишетъ что то.

— Докладъ къ завтрашнему присутствію, по дѣлу мельника Кривоулкова, по спору его съ крестьянами. Обѣ стороны и правы и виноваты.

— Кто же онъ такой?..

— Чиновникъ одной палаты. Онъ служитъ 27 лѣтъ и только еще другую недѣлю поступилъ на окладъ 12 руб. въ мѣсяцъ, а то все получалъ по 3, да по 6 руб. Въ углу сидитъ разбитая параличемъ мать. Она пришла ему на руки послѣ смерти отца, недавно умершаго, стараго писца уголовной или, какъ называется въ чиновничьемъ мірѣ, голодной палаты; въ другомъ углу, прилегши на жесткую постель, жена готовится родить пятаго ребенка; но страданія свои еще скрываетъ отъ ожесточеннаго мужа. Она знаетъ, что денегъ у нихъ нѣтъ; до полученія жалованья осталось еще дня три и онъ разразится ругательствами и проклятіями...

— Однакоже она ошибается. Кромѣ грусти, тихой грусти, какъ предвѣстницы чего то не то, что пріятнаго, а какъ будто ожиданія чего то, вродѣ надежды, мелькнуло у него въ сердцѣ. Онъ уже давно замѣтилъ страданіе жены. Одна слеза изъ праваго глаза уже скатилась и высохла на кончикѣ его носа, но онъ и вида не покажетъ... Онъ будетъ писать докладъ, ему некогда... начальство строгое. Докладъ составляется имъ въ пользу общества въ ущербъ мельнику... всѣ статьи закона подобраны... Теперь смотрите, видите ли въ темныя сѣни жалкаго домишка вошелъ мужикъ.

— Вижу толстый, бородатый... Онъ подслушалъ подъ дверью и отошелъ. Вотъ вытащилъ изъ запазухи мошонку и вынулъ изъ нея пару цѣлковыхъ, помоталъ головою, вздохнулъ и вотъ опять подошелъ къ двери и постучался.

— Кто тутъ? войди—закричалъ чиновникъ.

Мужикъ вошелъ, помолился образу и потомъ отвѣсилъ поклонъ чиновнику.

— Что ты, братецъ, пришелъ,—спросилъ чиновникъ,— и такъ поздно.

— Я вотъ видите, ваше благородіе, мельникъ изъ села Кривоулкина; былъ я, того, у Степана Степановича, столо-

начальника. Того, молъ, и того, а онъ, ваше благородіе, послалъ къ тебѣ. Сходи, молъ, къ Ануфрію Ильичу, онъ докладъ пишетъ и попроси...

— Поздно, голубчикъ, ужъ написалъ, твое дѣло проиграно.

— И батюшка, ваше благородіе, все въ вашихъ рукахъ, ужъ не оставьте, а ужъ мы вамъ слуги по гробъ нашей жизни.

— По гробъ то по гробъ, а вѣдь и хлѣбъ то намъ нуженъ, голубчикъ, было бы изъ чего трудиться...

— Если не побрезгуетъ твое благородіе, вотъ тебѣ пара цѣлковыхъ.

— И нѣтъ, любезный, какъ тебя зовутъ.

— Фетисъ Ивановъ.

— Нѣтъ, любезный Фетисушка, никакъ нельзя, всю ночь надо писать, да переписывать, да законы подводить. Никакъ, никакъ нельзя съ.

— Ваше благородіе, не побрезгуй, ей же ей не побрезгуй—удвою.

— Нельзя, Фетисушка, нельзя и законы нужно, знаешь, подвесть.

— Учетверю, голубчикъ, учетверю...

— И законы подвесть, главное, дѣло то незаконное.

— Упятерю.

— Экой неотвязчивый; ну быть такъ, потружусь ужъ для тебя, видно передѣлать докладъ; ну упятеряй, Фетисушка, упятеряй что ли.

И Фетисъ, поспѣшно вынувъ изъ своей мошонки десять рублевыхъ кредитныхъ билетовъ и подавъ чиновнику, поклонился.

— Ну теперь ступай, голубчикъ, все будетъ по твоему съ Богомъ.

Фетисъ вышелъ; въ сѣняхъ прищелкнулъ языкомъ и пробормотавъ что то, сдѣлалъ обѣими руками по направленію на западъ.

— Что это онъ такое дѣлаетъ?

— Онъ теперь въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Про чиновника онъ сказалъ: „Экая душа добрая“ а носъ онъ показалъ мірскому Кривоулкинскому сходу,—и пробормоталъ: „что взяли?..“ Онъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ.

— Смотрите ка, смотрите ка на взяточника...

Взяточникъ, когда Фетисъ вышелъ, всталъ, обернулся къ образу и перекрестился.

— Знать Господь еще не забываетъ насъ грѣшныхъ, проговорилъ онъ... Саша, душа моя, Саша. Смотри ка, не было алтына, а теперь десять рублей... Завтра же молебенъ отслужу. Сходить что ли за Фоминишной, ты блѣдна что то... Или Ваню что ли послать?

— Кто это Ваня?—спросилъ я.

— Сынъ ихъ, десятилѣтній мальчишка,—отвѣчалъ бѣсъ.

— Разбудить, что ли его?—продолжалъ чиновникъ.

— Нѣтъ, оставь, пусть спитъ, а то ѣсть запроситъ, онъ чай голоденъ... Да нѣтъ, не буди, ему и не въ чемъ, сапогъ у него нѣтъ: вчера окончательно ужъ сбросилъ... О...о...охъ—воскликнула она.

— Ну такъ я самъ.—И чиновникъ схватилъ фуражку и опрометью бросился вонъ; побѣжалъ по кривымъ переулкамъ, два раза упалъ въ грязныя ямы и скрылся въ темнотѣ по направленію пригородной слободы, мѣсту жительства повивальной бабушки Фоминишны.

ГЛАВА IV.

— Теперь, смотрите сюда; видите этотъ домъ, такъ красиво отдѣланный внутри?

— Вижу.

— Это домъ его начальника.

— Покажи, голубчикъ, покажи,—закричалъ я, обрадованный до нельзя, что увижу домашнюю жизнь важнаго начальника. Мы деревенскіе на этотъ счетъ очень любопытны... Въ губерніи то рѣдко бываешь.

— Гдѣ же онъ, самъ то начальникъ?

— А вонъ, смотрите, вонъ, въ угольной комнатѣ...

— Я вижу тамъ накрытый не большой круглый столъ, на немъ какія то не наши кушанья.

— Это сыръ изъ дичи, сыръ швейцарскій, вестфальская ветчина, жареные рябчики...

— А бутылокъ то, бутылокъ то сколько... да гдѣ же начальникъ?

— А вонъ тотъ, что сидитъ на диванѣ; другія же лица, сидящія за столомъ: его жена и приближенные, привилегированные, ему подчиненные чиновники.

— Онъ что то говоритъ.

— Да, онъ говоритъ: „Фатюевъ тоже должно быть страшная каналья, вѣчно оборванны...“

— Кто это Фатюевъ?

— Фатюевъ тотъ чиновникъ, что собирается служить молебенъ.

— И главно служитъ болѣе 20 лѣтъ, — продолжалъ начальникъ—и не знаетъ, въ какомъ томѣ свода законовъ сыскать нужную статью. Вчера онъ меня до того взбѣсилъ...

— А что, онъ беретъ?

— Беретъ съ, — отвѣчалъ одинъ изъ чиновниковъ— и четвертаками и двугривенными.

— Экая скотина — воскликнулъ въ порывѣ благороднаго негодованія начальникъ. Пожалуйста, Алексѣй Лазаревичъ, поймайте мнѣ его.

— Хорошо съ, постараюсь....

— Пожалуйста. Кушайте же, господа, вина не хотите ли? да, надобно, надобно очистить палату отъ взяточниковъ, и я достигну этого. Я его завтра же выгоню...

— Можетъ быть онъ очень бѣденъ, — замѣтила жена, куда же онъ дѣнется?

— Да мнѣ то что за нужда?

— Палата не богадѣльня... вонъ его... вонъ...—и, говоря это, начальникъ склонился къ подушкѣ дивана на столько, что могъ поцѣловать свою очень интересную и хотя, повидимому, и просто одѣтую супругу и, сдѣлавъ это, какъ будто вскользь спросилъ ее: все ли?

— Все,—отвѣчала она.

— Господа, не хотители еще дичи — или вина? а то вѣдь больше ничего нѣтъ...

— Человѣкъ трубку...

— Бѣдный Фатюевъ—воскликнулъ я.

— И помилуйте, кто же станетъ жалѣть взяточника? кому нужда, что семейство его околѣетъ съ голоду. Наша благородная литература давно осудила ихъ всѣхъ на гибель и презрѣніе.

— А ужъ ты, чортъ, и радъ.

— Что же дѣлать съ, ужъ мы на то и черти, чтобы радоваться людской несправедливости.

— Да гдѣ же тутъ несправедливость?

— Какъ гдѣ съ? Да ужъ кажется на что осязательнѣе? Государственные грабители, тысячные взяточники, казнокрады, развратники, если они богаты и сильны—и въ орденахъ, и въ чести, и пользуются общественнымъ уваженіемъ, и литература про нихъ ни слова; а алтынники едва прокармливаютъ дѣтей и разбитую параличемъ мать рублевыми взятками; это другое дѣло, это, по мнѣнію литературы и общества, самые зловредные люди. Это взяточники — казните ихъ и карайте, какъ угодно... Да, басня „Моръ звѣрей" вашего незабвеннаго Крылова куда какъ мѣтко написана.

— Литература нападаетъ и она права, а виноваты ли тѣ несчастные, которымъ даютъ жалованья въ мѣсяцъ три цѣлковыхъ и требуютъ отъ нихъ трудовъ адскихъ... Правда, они виноваты, ихъ слѣдуетъ клеймить, вотъ хоть бы Фатюевъ, посмотрите, природа одарила его широкими плечами, мускулистыми руками, что, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы идти въ канцелярію на нищенское жалованье, сидѣть нагнувшись на одномъ мѣстѣ 27 лѣтъ, пошелъ бы мостить улицы, или бить камни на большой дорогѣ... силы бы его крѣпли, совѣсть бы была чиста, а заработки несравненно болѣе бы удовлетворили его потребности, нежели канцелярское его жалованіе.

— Къ несчастію, наше современное общественное и домашнее воспитаніе никогда не указываютъ на черный, но честный трудъ, какъ на болѣе достойный истиннаго назначенія человѣка; а направляется и такъ то грѣшное человѣчество по пути канцелярскому или чиновническому для соисканія карьеры, хотя бы для этого нужно было унизиться до степени совершеннаго подлеца. Ни отцу Фатюева, ни отцамъ другихъ подобныхъ канцелярскихъ служителей, ни ему самому никогда не приходило и долго не придетъ въ голову отдавать своихъ дѣтей для изученія въ ремесленники: къ живописцамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ, столярамъ, машинистамъ и проч., тогда какъ, по большей части, всѣ эти ремесленники живутъ лучше и счастливѣе ихъ, и тогда, какъ изъ приказной братіи только одинъ изъ тысячей

достигаетъ карьеры, т.-е. съ помощію взятокъ и продажи совѣсти, дѣлается и богатъ и въ чести.

— Не виноваты ли въ этомъ они, что не понимаютъ, что честный ремесленникъ лучше чиновнаго подлеца... Скажите это имъ хоть для пробы, васъ осмѣютъ. Они считаютъ всякое другое занятіе, исключая кропанія бумагъ, унизительнымъ и въ этомъ они не виноваты. Гдѣ было имъ нахвататься другихъ понятій?—ихъ не преподаютъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи; да и въ самомъ болѣе развитомъ слоѣ общества подобныя истины мелькаютъ смутно, не проникая ни въ духъ, ни въ жизнь.

— Эта то неразвитость общества доставляетъ безчисленному множеству канцелярій,—безчисленное множество служителей, съ безчисленнымъ множествомъ подлыхъ дѣлъ; но если бы можно было допустить мысль, что общество въ эту минуту сознало истину въ высшемъ ея проявленіи, то завтра же ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ не оказалось бы ни одного писца. Кто бы пошелъ колоть дрова, кто таскать тюки, кто работать на фабрику, а писать 10 часовъ въ день, не разгибаясь, никто бы не сталъ.

— Какъ же это? а мое то дѣло въ гражданской палатѣ то, такъ бы и сѣло?...

— Такъ бы и сѣло....

— Ну, любезный, ты заврался. Чортъ съ тобою и съ твоимъ высшимъ развитіемъ.... То ли дѣло, какъ дашь столоначальнику, т.-е., что называется, подмажешь, такъ дѣло твое такъ и пойдетъ, какъ по маслу. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, голубчикъ, въ наши дѣла не вмѣшивайся и новыхъ порядковъ не заводи.

— Зачѣмъ же, помилуйте, я и не думалъ нарушать вашихъ порядковъ тѣмъ болѣе, что я нахожу, что вы совершенно правы.

— Люди безкорыстные и честные протянули бы ваше дѣло до страшнаго суда. Двигателемъ ихъ исполненія, ихъ обязанностей по службѣ, какъ гражданъ, это ихъ совѣсть. Совѣсть ихъ покойна, когда они придутъ на работу въ законный часъ, т.-е. въ 9-ть часовъ утра, сидятъ до 2-хъ, пишутъ, не разгибаясь и наблюдая въ исполненіи и порядкѣ дѣлъ строгую и законную справедливость. Вотъ и все. Не станетъ онъ для васъ просиживать ночей, да изъ чего же

ему, по справедливости, дѣлать это; не отступится онъ ни отъ канцелярскаго порядка, ни отъ какихъ законныхъ формъ, которыя, чтобы дать движеніе дѣлу, къ удовольствію просителя, другіе всегда найдутъ возможность обойти,—и которыя дѣйствительно и часто очень нейдутъ къ дѣлу, а только мѣшаютъ естественному его ходу... И вотъ развелось сословіе честныхъ взяточниковъ, которые возьмутъ, да за то и обработаютъ, которыми и просители остаются довольны, которыхъ впослѣдствіи называютъ обыкновенно прекрасными людьми, и которыхъ до конца жизни вспоминаютъ, какъ своихъ благодѣтелей. Въ глазахъ людей, истинно понимающихъ обязанности гражданина и честнаго человѣка,—честный взяточникъ не можетъ называться честнымъ человѣкомъ;—но сами они, честные взяточники, на это дѣло смотрятъ иначе. Они обыкновенно глядятъ на занимаемое ими мѣсто, какъ на аренду, приносящую доходъ, и такъ какъ государственный окладъ для большей части служащихъ въ канцеляріяхъ можетъ только покрыть нѣкоторую и то самую малую часть естественныхъ потребностей человѣка, то и выходитъ, что дополнительный доходъ долженъ быть вырученъ съ просителей.

— Если возлагать упованіе всегда только на одну благодарность, то естественно что такса этихъ благодарностей быстро спадетъ, и потому честные взяточники прибѣгаютъ обыкновенно къ формамъ, которыя для просителя все равно что пытка, вынуждающая сознаться о количествѣ имѣющихся у него наличныхъ денегъ.... Когда цѣль достигнута, и честный взяточникъ видитъ, что дѣйствительно предстоящіе труды его достаточно вознаграждены, онъ работаетъ, трудится, оправляется, выправляется, пишетъ, не спитъ ночей, нанимаетъ помощниковъ... а истинно то честный чиновникъ спитъ себѣ въ это время безмятежнымъ сномъ младенца или читаетъ литературные журналы....

— Знаете ли вы, почтеннѣйшій господинъ Чертолюбовъ, что этакое положеніе общества, этотъ коловоротъ понятій насъ, т.-е. благородное сословіе чертей, истинно радуетъ, это служитъ залогомъ нашего долгаго господства на землѣ; это доказываетъ, что слово истины, объ источникѣ котораго намъ говорить не приходится, еще не скоро окончательно сокрушитъ ложь, и къ счастію нашему, новѣйшіе служите-

ли слова, проповѣдники гуманности, имѣющіе нравственное вліяніе на общество, вмѣсто того, чтобы постоянно указывать и изобличать ложь словомъ истины, противъ котораго никакая ложь устоять не можетъ, указываютъ исходные пути, одинъ кривѣй, одинъ нелѣпѣе другого.

— Взамѣнъ любви, они выдумали соціализмъ, въ которомъ не болѣе теплоты, какъ въ огнѣ, отражаемомъ въ зеркалѣ. Хотятъ утвердить правду, безъ самопожертвованія и самоотверженія, что все равно, что получать проценты, не положивъ капитала. Считая матерію началомъ, цѣлью и исходомъ всего живущаго, они для матеріи готовы построить дворцы, втиснуть туда по нѣсколько сотъ семействъ. завести имъ театры, концертныя залы, доставить имъ дешево заграничныя вина и колоніальные товары—не разсчитывая на то, что, безъ свыше завѣщанной общебратской любви, и два родныхъ брата вмѣстѣ ужиться не могутъ. Всего забавнѣе то, что люди, толкующіе о правахъ человѣка на свободу, готовы толкнуть человѣка помимо его желанія въ ихъ идеально соціальный домъ, и если онъ туда не лезетъ, то втиснуть его силой.

ГЛАВА V.

— Мнѣ право нѣтъ дѣла ни до какихъ служителей слова тѣмъ болѣе, что и Матрена Степановна постоянно мнѣ твердитъ: не читай пожалуйста ничего, особенно журналовъ, тамъ все врутъ... а лучше покажи мнѣ полюбовниковъ», какъ показывалъ Мадритскому студенту.

— Извольте-съ... Видите троихъ господъ и дворовую дѣвку въ номерѣ вонъ той гостинницы?

— Вижу.

— Эти вонъ двое, которые бьютъ по рукамъ, пріѣзжіе помѣщики. Они, какъ видите, сейчасъ только играли въ банкъ, что доказываетъ столъ съ лежащими на немъ изломанными картами и исчерченнымъ мѣломъ сукномъ. Это мелкопомѣстные; они пріѣхали вносить проценты въ приказъ. Одинъ за 9 душъ, а другой за 17-ть. Вносить еще завтра, а пока дѣлать имъ нечего, они сѣли по маленькой; потомъ для разсчета въ банчикъ, и вотъ одинъ проигралъ

другому всѣ деньги, и, наконецъ., и свою горничную, которую вы видите за перегородкой плачущую и ругающую ихъ хуже самой грязи или на чемъ свѣтъ стоитъ. Дѣвушка проиграна. Третій господинъ, ихъ пріятель, становой; они, какъ видите, всѣ выпивши. Пока пріятели играли, г. становой дѣлалъ разные реверансы прекрасной Аленушкѣ.... онъ влюбился въ нее и теперь даетъ счастливому игроку пять рублей, чтобы онъ позволилъ ему ѣхать домой въ одномъ съ нимъ тарантасѣ и сидѣть во всю дорогу возлѣ красавицы. Всѣ они довольны и всѣ бьютъ по рукамъ.

— Ну что это за полюбовники? тутъ, кромѣ грязи, ничего нѣтъ, показываетъ чортъ знаетъ что,—подумалъ я съ досадой;—а вѣдь можетъ, вѣдь дѣйствительно можетъ, подлецъ, показать полюбовниковъ, какъ показывалъ Дону Клеофасу...

— Да что же мнѣ то дѣлать, когда здѣсь не такъ, какъ тамъ. Виноватъ ли я, что не могу васъ перенесть въ тотъ край, гдѣ гитары звучатъ за рѣшеткой желѣзной,— въ страну аромата и нѣги... Тамъ любовь—цѣль жизни, а потому тамъ и есть истинные полюбовники; а здѣсь въ нашей губерніи, гдѣ взять ихъ? гдѣ взять огненныхъ страстныхъ взглядовъ? гдѣ взять гитары илиим провизированнаго романса для серенады? гдѣ взять кинжала, мстителя, оскорбленной ревности? Если бы, примѣромъ, Аленушка вздумала отомстить по испански, то, вмѣсто кинжала, ей пришлось бы прибѣгнуть къ охотничьему ножу, которымъ прокалываютъ зайцевъ...

— Все мы только разсуждаемъ, а ты меньше бы разсуждалъ, да больше показывалъ... Куда это побѣжала Аленушка? Я видѣлъ, что она какъ будто что то смекнула, улыбнулась зло...

— Она побѣжала къ губернскому предводителю жаловаться на своего барина, что онъ ее проигралъ...

— Какъ жаловаться—вскричалъ я съ негодованіемъ.— Да что же сдѣлаетъ губернскій то?

— Предложитъ собранію предводителей взять имѣніе этого господина въ опеку.

— Какъ?... вотъ до какихъ временъ мы дожили... ужъ и дѣвку то проиграть нельзя... Добро бы какой другой то-

варъ— снова вскричалъ я невольно и съ грустію.—Вотъ оно вольнодумство то...

— Покажи еще.

— Ну, смотрите:—вонъ, вонъ, вонъ, вонъ, и тутъ и тамъ все полюбовники да полюбовники.

— Гдѣ-гдѣ, голубчикъ, гдѣ?

— Да вотъ-вотъ-вотъ.

— Какіе же это полюбовники? Это все семейные люди.

— Такъ что же?

— Какъ что? Да съ женой то и съ дѣтьми жить, да въ карты съ ними въ дурачки играть и я умѣю.

— Ха, ха, ха,—опять загорланилъ бѣсъ.

— Вѣдь ужъ я вамъ толковалъ, что мы не въ Испаніи. И для страстей, какъ для растеній, климатъ составляетъ главнѣйшее условіе. На югѣ, напримѣръ, любовь ищетъ прохлады во мракѣ душной ночи, подъ сѣнью куста цвѣтущихъ розъ, бѣлой акаціи или жесмина, или въ рощахъ миртъ и гранатовъ; а у насъ, чтобы не остыть, ищутъ пріюта по ближе къ лежанкѣ. Вы думаете, что всѣ эти господа семейные люди? Нисколько. Это все молодые и немолодые дворяне, рано оставившіе службу и удалившіеся на покой въ свои помѣстья. Охота съ собаками, карты разъединили ихъ съ обществомъ людей семейныхъ такъ, что впослѣдствіи они одичали, и попасть въ кружокъ воспитанныхъ женщинъ и дѣвицъ для нихъ страшнѣе, нежели пойти въ ополченіе и стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

— Впослѣдствіи боязнь подчиниться прихотямъ жены, боязнь потерять свободу и промѣнять безпечную жизнь холостяка на заботную жизнь отца семейства—заставила ихъ отказаться совершенно отъ мысли вступленія въ законный бракъ, и они зажили себѣ съ своими крѣпостными Вѣрушками, Аришами, Наташами....

— Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ связей сдѣлались кучи дѣтей, которыхъ они сначала собирались отправлять въ воспитательный домъ; но кровное чувство и вліяніе полюбовницъ превозмогли, и вотъ они отцы семействъ холостые, подчиненные своимъ подругамъ болѣе, нежели женатые женамъ, и даже не разстаются съ ними и тогда, когда ѣдутъ

по дѣламъ или зимовать въ губернскій городъ или столицу. Четвертая часть нашего дворянства живетъ такимъ образомъ.

— Опять ты, чортъ, заврался, опять нашего.

— Вашего, вашего... извините...

— А, по моему мнѣнію, хорошо они и дѣлаютъ, что не женятся,—подумалъ я, припоминая какъ Матрена Степановна разъ вцѣпилась было мнѣ въ виски, поглядѣвъ, какъ я, ну, да это ужъ давно было, кто старое вспомнитъ, тому глазъ вонъ; а вотъ, въ самомъ то дѣлѣ, тяжело, приходитъ время пристроить и Ваню и Петю и Машу и Сашу и Сидорушку... все заботы, которыхъ холостякъ не знаетъ. А тутъ жена начнетъ допрашивать, куда дѣвалъ деньги? а что сказать?... Нѣтъ, ихъ положеніе много лучше. Тамъ крѣпостная, чуть задурила, потрепалъ ее за косу...

— То то вотъ и ошиблись...

— И чортъ тебя испеки—нельзя ничего подумать...

— Это точно-съ, а всетаки ошиблись.

— Посмотрите-ка, вотъ въ этотъ домикъ, вонъ, что прямо передъ нами.

— Вижу.

Полюбовникъ возвратился изъ клуба. Его встрѣтила его милая Ариша и съ сердитымъ видомъ, въ отвѣтъ на принужденно улыбающуюся физіономію, спросила:

— Что опять проигралъ?

— Проигралъ.

— Сколько?

— Да 80-ть цѣлковыхъ...

— Ну, такъ спи же, мотъ, гдѣ хочешь—вскричала Аришка,—или убирайся вонъ изъ дому;—и, вошедъ въ спальню, захлопнула дверь и заперлась ключемъ.

— Аришенька, Аришенька, милая голубушка, пусти... Ну пусти же...

— Не пущу.

— Да я тебѣ приказываю.

— Мало ли, что приказываешь; а гдѣ былъ вчера ввечеру?

— Въ клубѣ.

— Врешь, у Пашки сивоухой.

— Не былъ.

— Побожись.

— Ну, стану божиться—пусти.

— Не пущу, убирайся, куда хочешь...

И несчастный полюбовникъ поплелся отъ дверей и легъ въ гостинной на диванѣ.

Не успѣлъ онъ лечь,—какъ стая дѣтей, разбуженныхъ Аришкою, вбѣжали въ гостинную съ крикомъ: Мотъ, картежникъ, проигралъ все наше добро...

— Фу, какая мерзость,—вскричалъ я,—накрой крышу на этомъ домѣ, не хочу видѣть...

— Смотрите, ничего-съ, вѣдь это все ваши-съ...

— Не хочу... а лучше скажи мнѣ, кто эти два господина и молодая дама сидятъ за столикомъ въ будуарѣ и ужинаютъ; они какъ будто петербургскія, одѣты какъ по журнальному.

— Это два литератора, а дама жена одного изъ нихъ. Они соціалисты и потому мужъ, какъ человѣкъ вѣрный своей идеѣ, уговорилъ свою жену раздѣлить ея ложе между нимъ и его другомъ. Теперь они живутъ втроемъ въ одномъ домѣ. Современные мыслители ставятъ поступокъ господина Поплевкина, т.-е. мужа этой дамы, наравнѣ съ дѣяніями Александра Македонскаго: тотъ побѣдилъ Дарія, а Поплевкинъ попралъ предразсудокъ.

— Вотъ свиньи то.

— Напрасно ругаетесь—это не прилично: не свиньи, а люди передовые.

— Кто же ихъ пускалъ впередъ-то?

— Ну, ужъ это мы про то знаемъ.

— Голубчикъ, нельзя ли этакъ быть и мнѣ передовымъ человѣкомъ.

— Можно.

— Поучи, пожалуйста.

— Чтобы быть передовымъ человѣкомъ, надобно предварительно прослыть умнымъ, а этого достигнуть очень не трудно; нужно обладать только небольшимъ запасомъ наглости, безстыдства и дерзости, чѣмъ мы всегда готовы служить нуждающимся во всемъ этомъ; ругайтесь и глумитесь надъ всѣмъ святымъ и истиннымъ, доказывайте, что любовь, правда, вѣрность, безкорыстіе, самоотверженіе, вѣра, отечество, благодарность и все то, что до сего времени

человѣчество признавало вѣчною истиною, и все то, чѣмъ человѣчество нравственно живетъ, есть предразсудки; доказывайте, что міръ не сотворенъ никѣмъ, а такъ случайно самъ какъ то состряпался: что нѣтъ Того... и проч., изложите все это складно, ладно—и вотъ вы прослывете великимъ философомъ. Большинство всегда готово признавать за великую мысль всякую наглую выходку, если только эта выходка направлена противъ того, что поставлено внѣ суда, или свыше понятія толпы.

— Не можетъ быть?

— Я васъ увѣряю. Попробуйте написать стихотвореніе, проникнутое чистѣйшею поэзіею любви и жизни, и какъ бы оно художественно не было, оно пройдетъ незамѣченнымъ, но ругните хорошенько, хотя въ безхудожественныхъ виршахъ, что нибудь святое, великое или прекрасное, и толпа зарукоплещетъ вамъ съ восторгомъ. Тутъ не станутъ разбирать, справедливо ли, или несправедливо вы ругаетесь, правы ли вы, или виноваты, лжете ли, клевещете ли или нѣтъ, довольно того, что ругаетесь отлично,—и вы молодецъ.

— Ну что же, голубчикъ, дорого вы берете за это съ желающихъ быть передовыми?..

— Ничего... Да, помилуйте, за что же? Въ прежнія времена, т. е. безпрогрессныя, мы бывало за всякое наше одолженіе торговались на души. Не жалѣли давать денегъ... Тратились, а теперь, благодаря прогрессу, въ этомъ не предстоитъ никакой надобности, теперь мы и вербуемъ то души посредствомъ мыслителей. Стало, передовые люди состоятъ у насъ на службѣ: мы имъ очень, очень благодарны.

— Ну, а какъ мыслитель то догадается, что ты изъ него дѣлаешь ловушку?

— А гордость то человѣческая на что же? догадается,— гдѣ ужъ догадаться: гордость, извѣстно, помрачаетъ умъ. Вотъ, недавно съ однимъ мыслителемъ мнѣ пришлось было очень повозиться; потому что, знаете человѣкъ то умный, а между тѣмъ дѣло уладилось очень просто. Ниспровергая и ломая все, что только стояло на пути его разгульной мысли, мыслитель вдругъ остановился на началѣ всѣхъ началъ... и ему естественно показалось невозможнымъ, чтобы не было невидимой руки, сотворившей все и управляющей всѣмъ, а допустить эту руку нельзя: тогда всѣ его теоріи и выводы

разсыпались бы въ прахъ... Что тутъ дѣлать? какъ быть? а теоріи то отличныя: здраваго смысла ни на волосъ, а между тѣмъ увлекательно, обаятельно, умно до чортообразности. Одинъ бы еще день я пропустилъ, и одумался бы мой мыслитель, и все бы пропало. Не теряя времени, я сейчасъ за юбку... Барыня то попалась, знаете, бойкая, безстыжая, свѣтская, изъ Новгорода.

— Стыдитесь, великій мыслитель—сказала она ему съ выраженіемъ самой язвительной ироніи въ глазахъ;—сообразно ли съ вашимъ умомъ и съ вашей логикой останавливаться передъ такими мелочами?.. Откиньте тысячелѣтнія предразсудки и проч. и проч.—Да такъ пристыдила моего философа, что онъ сейчасъ же прозрѣлъ и теперь теоріи его получили великое общественное значеніе. Всѣ признаютъ, что услуга его безсмертна; за то и слава великаго философа и передоваго соціалиста была достойною ему наградой.

— Что же это такое, званіе ли, чинъ ли какой что ли? Ты таки частенько въ разговорѣ поминалъ соціализмъ, соціалистъ, а я рѣшительно не понимаю, что это такое? растолкуй пожалуйста.

При этомъ вопросѣ пріятель мой выпрямился, принялъ выраженіе самаго глубокомысленнаго ученаго, вытянулъ впередъ свою хорошую ногу и голосомъ, исполненнымъ достоинства, началъ:

— Соціализмъ это такое ученіе, которое называется соціализмъ. Это ученіе есть выраженіе мудрости XIX вѣка, оставившее далеко за собою всѣ ученія древнихъ и новыхъ философовъ, постниковъ, экономистовъ и моралистовъ.

— Да чему учитъ—то это ученіе,—чему учитъ—то, ты мнѣ скажи?

— Соціализмъ учитъ, т. е. есть такое ученіе, что кто не читалъ Гегеля, такъ тому и растолковать нельзя.

— И... врешь, врешь любезный другъ, не надуешь; нечего на Гегеля ссылаться: или ты сказать не хочешь, или самъ не знаешь. Еще разъ я тебя спрашиваю, что такое соціализмъ?..—Бѣсъ видимо сконфузился моимъ подозрѣніемъ въ его необразованности, но скоро оправился и, скрывая свое смущеніе, продолжалъ: соціализмъ есть такое ученіе .. да лучше всего прочтите сами въ журналахъ.

— Не хочу читать—скажи ты.

— Соціализмъ есть такое ученіе, которое называется соціализмомъ.

— Та, та, та, та. Ну, любезный другъ, вижу, что ты и самъ не знаешь.

— Да нечего и знать то.

— Какъ нечего?

— Соціализмъ есть великолѣпная чепуха... только пожалуйста не сказывайте никому, что я вамъ это сказалъ. Могутъ быть непріятности... Однако же время давно уже за полночь, запоютъ пѣтухи и намъ съ вами оставаться на каланчѣ будетъ неловко, пора домой-съ, ночевать съ.

— Нѣтъ, любезный другъ, ты не все еще показалъ:— а алтарь то невинности святой обѣщалъ показать.

— Ишь вѣдь, что вздумали; лакомы очень, а не къ рылу.

— Ты опять за дерзости? не къ рылу, не къ рылу, покажи.

— Не покажу.

— Покажи.

— Не покажу. Да и нестыдно ли вамъ. Посмотритесь ка въ зеркало, на что вы похожи: стары, гадки—морда то какъ у свиньи хрюкъ; а туда же хотите смотрѣть сонныхъ красавицъ.

Такія выраженія, такія ругательства, сказанныя хоть и одинъ на одинъ дворянину, вывели меня изъ себя. Я взбѣсился... затрясся всѣмъ тѣломъ--да какъ хвачу его со всего размаха по мордѣ...

Что же вы думаете, подлецъ стоитъ, да хохочетъ. Кулакъ мой пролетѣлъ, какъ по воздуху,—а въ лѣвой скулѣ своей я почувствовалъ нестерпимую боль.—Ахъ ты, копытчикъ проклятый, — вскричалъ я внѣ себя,— и съ этимъ вмѣстѣ хвать его лѣвой рукою—(я всегда имѣю привычку, когда колочу кого по зубамъ, колотить въ обѣ скулы) кажется ударилъ ловко—и что же? опять кулакъ пролетѣлъ мимо—и я опять почувствовалъ страшную боль въ правой щекѣ. Тутъ ужъ я не взвидѣлъ себя—ну колотить то правой, то лѣвой рукою, часто, безъ остановки; удары сыпались, а вмѣстѣ съ ними зубы мои, то съ правой, то съ лѣвой стороны, такъ и трещали отъ страданія и боли, а онъ все хохочетъ.

Видя, что кулаки мои ему не дѣлаютъ вреда, я бросился на него,—схватилъ за виски, онъ также вцѣпился въ мои волосы и мы начали борьбу.

Возились, возились, я прижалъ его къ загородкѣ, загородка отъ ветхости обломилась—и мы, не выпуская другъ друга изъ рукъ, полетѣли съ каланчи на мостовую. Всѣ кости мои какъ будто разсѣлись отъ боли и я обезпамятѣлъ.

Открываю глаза — и что же вижу? День сквозь тусклыя стекла освѣщаетъ мою комнату на постояломъ дворѣ; я лежу между кроватью и столомъ, вцѣпившись съ азартомъ въ свои волосы. Столъ и стоявшій на немъ самоваръ—подсвѣчникъ съ сальнымъ огаркомъ, чашка и бутылка съ ромомъ опрокинуты и валяются на полу въ безпорядкѣ. Передъ мною стоитъ красная рубаха и ухмыляется.

— Что это вы, почтенный, такъ неловко больно лежите-то. Видно, того-съ, переложили пуншику... Я ужъ давно пришелъ, да смотрю: что это баринъ то лежитъ на постелѣ, ногами то, знаете, на подушкахъ,—да такъ себя по зубамъ-то чешете съ, ужъ чесали, чесали-съ, диву дался... Потомъ гляжу, а ваше то благородіе какъ вцѣпитесь себѣ въ волосы, да на полъ, и самоваръ и столъ полетѣлъ.

Я слушаю, хочу встать, голова то словно котелъ, а въ ней то такъ и трещитъ—нѣтъ силъ! Красная рубаха видно смекнула въ чемъ дѣло, побѣжала въ дверь и черезъ минуту, гляжу, бѣжитъ съ ведромъ, да не говоря ни слова прямо изъ ведра ну плескать съ размаху водою, и въ лицо и въ голову.

Былъ ли это сонъ, или дѣйствительно я былъ на каланчѣ — не знаю. Красная рубаха говоритъ, что это, молъ, на васъ бѣлая горячка съ перепою, да съ чаду приключилась... черти, знать, померещились.

Красная рубаха, впрочемъ, на счетъ чаду добавила, что, видно, какъ уголекъ какой не прогорѣлъ развѣ, а то чада не бываетъ; — и что генеральша ночевала, и поѣхала, а на счетъ чада ничего, все благополучно.

Заключеніе.

Въ гражданскую палату съ синяками на скулахъ я ужъ не пошелъ: отложилъ до другого раза и, не теряя времени, велѣлъ запрягать лошадей.

— Гдѣ прикажете ѣхать?—спросилъ мой кучеръ,—по шоссе или проселками?

— Ступай по проселкамъ... а то тамъ на заставѣ дѣло то не ладно... Черти живутъ.

Съ тѣхъ поръ ужъ я окончательно всегда объѣзжаю шоссейную заставу: во первыхъ потому, что боюсь встрѣтиться съ бѣсомъ, а во вторыхъ, что бы и денегъ, знаете, даромъ не платить.

РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Заявленія, читанныя въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи [1]).

I.

Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Христіанскимъ милосердіемъ чадолюбивѣйшаго къ своимъ подданнымъ Монарха, позорное для человѣчества, тѣлесное наказаніе изгнано изъ нашего уголовнаго кодекса; но остается еще не изгнаннымъ при административномъ взысканіи съ крестьянъ по приговорамъ мірскихъ сходовъ и волостныхъ судовъ. Высочайшій указъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ первомъ случаѣ и объ оставленіи онаго на благоусмотрѣніи крестьянскихъ обществъ состоялся еще до учрежденія земствъ, т. е. тогда, когда крестьянство составляло отдѣльную отъ другихъ сословій касту, предоставленную самой себѣ. И потому, существовало ли тамъ тѣлесное наказаніе или нѣтъ, всѣ лица другихъ привиллегированныхъ сословій могли только смотрѣть, судя по степени своего развитія, или съ грустью, или съ равнодушіемъ.

[1]) За все время своей службы земству въ качествѣ губернскаго гласнаго В. В. Селивановъ сдѣлалъ нѣсколько письменныхъ заявленій. Мы выбрали изъ нихъ три наиболѣе важныхъ, характеризующихъ образъ мыслей и направленіе покойнаго писателя. Первое заявленіе „Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній“ со всѣми вызванными имъ преніями въ Журналахъ Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія напечатано не было. *А. С.*

Теперь наступила другая эпоха:

Державною волею всѣ сословія слились въ земствѣ, такъ что подданные Русскаго Самодержца составляютъ одно нераздѣльное тѣло. Сословія представляются только членами этого великаго тѣла, котораго мысль, воля и разумъ олицетворяются въ особѣ Монарха.

Тѣлесное наказаніе унижаетъ человѣчество, оскорбляетъ народность. Пока будетъ существовать тѣлесное наказаніе, до тѣхъ поръ не разовьется въ русскомъ народѣ чувство человѣческаго достоинства, а съ тѣмъ вмѣстѣ не изсякнутъ ни пороки, ни преступленія, такъ растлѣвающіе наше крестьянское сословіе.

Мы заботимся объ умственномъ развитіи народа, о грамотности, о просвѣщеніи, — къ чему? Пока будетъ допускаемо тѣлесное наказаніе, умственное развитіе народа не мыслимо; а если кто его и усвоитъ, тотъ усвоитъ себѣ только скорбь и страданіе.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я осмѣливаюся предложить Рязанскому губернскому земскому собранію, не угодно ли ему будетъ чрезъ господина министра внутреннихъ дѣлъ повергнуть къ стопамъ обожаемаго монарха всеподданнѣйшую просьбу Рязанскаго земства, да прольетъ Онъ новый лучъ милосердія на своихъ подданныхъ и Его державною волею пусть тѣлесное наказаніе исчезнетъ съ лица Русской земли и только, какъ и крѣпостное право, останется лишь скорбнымъ преданіемъ осчастливленнаго и облагороженнаго Имъ народа.

Примѣчаніе: Заявленіе гласнаго Селиванова, прочитанное въ засѣданіи 7 Декабря 1871 года, было передано на разсмотрѣніе общей коммиссіи, которая предложила въ засѣданіи 14 Декабря докладъ слѣдующаго содержанія:

Коммиссія обсуждала заявленіе гласнаго Селиванова о подачѣ всеподданнѣйшаго прошенія на счетъ полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ средѣ крестьянства. Коммиссія, по большинству голосовъ, одобрила слѣдующее заключеніе: сочувствуя вполнѣ желанію гласнаго г. Селиванова, чтобы тѣлесныя наказанія исчезли съ лица земли Русской, ком-

миссія находитъ, что за утвержденіемъ во вчерашнемъ засѣданіи доклада особой коммиссіи о передачѣ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ не допущено примиреній, изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, тѣлесныя наказанія въ средѣ крестьянства, въ случаѣ утвержденія сказаннаго ходатайства, почти вовсе отмѣняются, а потому коммиссія находитъ несвоевременнымъ другое по сему предмету ходатайство. Къ тому же коммиссія не имѣетъ въ виду ни въ губернскомъ, ни въ уѣздныхъ собраніяхъ ходатайствъ по сему предмету, ни отъ крестьянскихъ обществъ, ни отъ гласныхъ отъ крестьянъ.

Послѣдовавшія затѣмъ пренія подробно записаны въ журналѣ утренняго засѣданія 14 Декабря.

Гласный Н. П. Бибиковъ. Я былъ въ меньшинствѣ коммиссіи, которая мотивировала свое заключеніе на томъ основаніи, что крестьяне не сдѣлали съ своей стороны заявленій объ отмѣнѣ наказаній. Но имъ негдѣ было это сдѣлать, такъ какъ мы имѣемъ соприкосновеніе только съ тѣми крестьянами, которыхъ не сѣкутъ, а которые сами сѣкутъ.

Гласный П. Ф. Кузнецовъ (крестьянинъ). Въ земскомъ собраніи нѣтъ волостныхъ судей, которые сѣкутъ, но тутъ есть волостные старшины, которые хотя и не сѣкутъ, но весьма желаютъ отмѣны тѣлеснаго наказанія; послѣднее пятнаетъ человѣка навсегда и по милости наказанія мы нерѣдко лишаемся въ волостяхъ полезныхъ людей.

Гласный П. И. Коробьинъ. Заявляя о томъ, что онъ принадлежалъ къ меньшинству коммиссіи, присоединился къ мнѣнію гласнаго Кузнецова.

Гласный И. П. Бибиковъ. До тѣхъ поръ пока будетъ существовать наказаніе розгами, мы не оберемся злоупотребленій, потому что розги идутъ зачастую и при разборѣ въ волостныхъ судахъ гражданскихъ дѣлъ; ихъ употребляютъ и старшины и волостные писаря.

Гласный П. Е. Акишинъ (крестьянинъ) присоединяется къ мнѣнію объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Гласный П. Н. Реткинъ. Мы благодарили за составленный коммиссіей докладъ о передачѣ уголовныхъ дѣлъ изъ вѣденія волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ; я полагаю, что эта благодарность была выражена, между прочимъ,

за ту послѣдовательность, которая проведена въ докладѣ. Вмѣшиваясь въ настоящій вопросъ, мы нарушимъ эту послѣдовательность и вмѣшаемся въ область волостныхъ судовъ, которые основываются на народныхъ традиціяхъ.

Гласный Д. Д. Дашковъ. Традиція (въ русскомъ переводѣ „преданіе") состоитъ въ томъ, чтобы считать обязательными нѣкоторые обычаи, изъ уваженія къ предкамъ и къ старшимъ, отъ которыхъ они къ намъ перешли. Я всегда буду уважать преданіе, когда оно стѣсняетъ мою личную волю; я никогда не рѣшусь навязывать его другимъ, когда тяжесть должна лечь на нихъ, не падая на меня самого. Затѣмъ обращаю вниманіе коммиссіи на то, что главный доводъ, на которомъ основывалось большинство ея, подкошенъ въ собраніи. Доводъ этотъ состоитъ въ томъ, что крестьяне сами не просятъ уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Здѣсь крестьяне впервые имѣютъ возможность высказаться самостоятельно; здѣсь ихъ кажется трое и они заявляютъ, что было бы послѣдовательно согласиться съ ними.

Гласный П. Н. Реткинъ. Уничтожить традиціи, повторяю, несправедливо и опрометчиво, потому что крестьяне имѣютъ полное право на самостоятельный судъ.

Гласный А. И. Кошелевъ. Мнѣ не разъ приходилось заявлять сожалѣніе о томъ, что въ нашихъ собраніяхъ находится мало крестьянъ и теперь, повторяю, тоже самое. Въ настоящее время гласныхъ отъ крестьянъ только трое и всѣ они за отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Въ виду этого я не желаю поддерживать сохраненіе тѣлеснаго наказанія въ крестьянствѣ, которое здѣсь чрезъ своихъ представителей того не требуетъ, такъ какъ въ коммиссіи я былъ за отклоненіе предложенія г. Селиванова, то теперь присоединяюсь къ мнѣнію въ пользу ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Князь А. А. Мещерскій. Меньшинство коммиссіи, къ которому я имѣю честь принадлежать, не выразило предъ собраніемъ всѣхъ тѣхъ мотивовъ, которыми оно руководилось, такъ какъ уже и въ самой коммиссіи оно встрѣтило столь рѣшительное большинство противъ себя. Теперь же, встрѣтя вполнѣ неожиданно въ средѣ самого собранія столь неожиданное и горячо привѣтствуемое имъ заявленіе, въ

особенности со стороны и самихъ гласныхъ отъ крестьянъ и самого члена большинства коммиссіи г. Кошелева, —меньшинство имѣетъ честь предложить собранію баллотировать весь вопросъ, отклоненный большинствомъ коммиссіи относительно предложенія г. Селиванова по поводу ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Гласный Н. Н. Самаржи. Я вовсе не стою за тѣлесное наказаніе, но я полагалъ бы удобнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ болѣе находится крестьянъ и предложить баллотировать этотъ вопросъ только послѣднимъ.

Представитель казны Бѣлопольскій. Мнѣ кажется слѣдуетъ отклонить заключеніе коммиссіи, иначе на практикѣ выйдетъ то, что мелкія преступленія повлекутъ за собой большія наказанія, нежели крупныя.

Гласный М. П. Гречищевъ (крестьянинъ). Нельзя ли представить сельскимъ обществамъ обсудить это дѣло; пусть они составятъ объ этомъ приговоры.

Гласный Н. Н. Самаржи. На основаніи 51 ст. полож. о крест. за обсужденіе этого вопроса общество можетъ подвергнуться отвѣтственности.

Гласный М. Н. Кормилицынъ. Никто вѣроятно не будетъ поддерживать тѣлесное наказаніе, но право такого наказанія принадлежитъ выбраннымъ отъ крестьянъ лицамъ; пусть же выбираютъ они такихъ, которые не будутъ ихъ такъ наказывать. Я поддерживаю передачу этого вопроса на разрѣшеніе уѣздныхъ собраній.

Предложенный затѣмъ г. предсѣдателемъ вопросъ: угодно ли обсужденіе предмета, относительно тѣлесныхъ наказаній, передать въ уѣздныя собранія — рѣшенъ собраніемъ утвердительно.

Особое мнѣніе гласнаго К. М. Афонасьева.

„Никто изъ насъ, конечно, не можетъ защищать тѣлеснаго наказанія и доказывать его полезность. Для уничтоженія этой мѣры наказанія мы, съ своей стороны, сдѣлали все что отъ насъ зависѣло и что, мнѣ кажется, вправѣ были сдѣлать. Мы, вызванные несовмѣстностью волостнаго суда

съ мировыми учрежденіями и несоразмѣрностью наказаній за одни и тѣже проступки въ томъ и другомъ судѣ, только что постановили ходатайствовать передъ Правительствомъ объ изъятіи изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ и о передачѣ въ мировыя учрежденія самыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ, всѣхъ дѣлъ, которыя не могутъ кончаться миромъ и которыя влекутъ за собой наказаніе розгами. Высшая мѣра наказанія, предоставленная волостному суду—тѣлесное наказаніе. Если наше ходатайство будетъ уважено, если всѣ проступки, влекущіе за собой наказаніе розгами, будутъ изъяты изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ, то и наказаніе это само собой уничтожается, а если и будетъ употребляться, то несравненно рѣже и злоупотребленій этой мѣрой наказанія будетъ гораздо менѣе. Крестьянамъ предоставлено избирать своихъ судей ежегодно и, конечно, злоупотреблявшіе своей властью будутъ смѣняемы. Идти далѣе въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, мы не вправѣ,—это значило бы навязывать крестьянамъ непрошенную ими опеку, такъ какъ они вовсе не уполномачивали насъ за нихъ ходатайствовать; я еще понялъ бы возможность этого ходатайства и даже необходимость его, если бы возможность наказывать крестьянъ розгами принадлежала другимъ сословіямъ. Но этого нѣтъ: мѣра эта остается у крестьянъ противъ крестьянъ.

Кто намъ поручится за то, что крестьяне желаютъ ея отмѣны? Я не знаю другой мѣры наказанія, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при неразвитости нашихъ крестьянъ, могла бы замѣнить тѣлесное наказаніе; штрафъ и арестъ всею тяжестью падаютъ не на виновныхъ, а на общество, это всѣмъ понятно.

Общество отвѣчаетъ за неисправнаго плательщика круговою порукою, а арестъ пріучаетъ его къ тунеядству. Извѣстная степень развитія народа вызываетъ и извѣстныя карательныя мѣры. Подождемъ, пока нашъ народъ разовьется и тѣлесное наказаніе уничтожится само собою. Поэтому я позволяю себѣ просить Собраніе воздержаться отъ подобнаго ходатайства".

(Подлинные Журналы Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія седьмого очередного созыва. Засѣданіе 7 и 14 Декабря 1871 года).

Въ засѣданіи 16 Декабря 1872 года губернская управа доложила губернскому собранію, что на приведеніе въ исполненіе состоявшагося 14 Декабря 1871 года постановленія губернскаго собранія о передачѣ на обсужденіе уѣздныхъ собраній вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній г. Рязанскій губернаторъ не нашелъ возможнымъ согласиться, такъ какъ, по мнѣнію г. губернатора, это постановленіе, какъ выходящее изъ круга дѣлъ, предоставленныхъ закономъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, по ст. 7 полож. о земск. учрежд., не подлежало даже и обсужденію губернскаго собранія. По выслушаніи этого доклада, губернское собраніе постановило: остаться при прежнемъ своемъ постановленіи относительно передачи вопроса объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній (Журн. Собран. 8-го очередного созыва 1872 г. стр. 360).

По поводу этого постановленія, 14 Декабря 1873 года г. губернаторъ увѣдомилъ губернское земское собраніе, что съ постановленіемъ собранія о передачѣ вопроса объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній онъ согласиться не можетъ, по тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя изложены въ отношеніи его отъ 20 Декабря 1871 года за № 4076; но какъ постановленіе это имъ отклоняется вторично, то въ силу ст. 96 полож. о земск. учрежд., настоящее дѣло онъ предложилъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

Въ томъ же засѣданіи былъ прочтенъ полученный 7-го Декабря 1873 года и послѣдовавшій по рапорту Рязанскаго губернатора отъ 4-го Января 1873 года за № 35, о несогласіи его съ постановленіемъ губернскаго земскаго собранія относительно ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; указъ Правительствующаго Сената, изъ котораго видно, что Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе, что Рязанское губернское земское собраніе въ опротестованномъ губернаторомъ постановленіи своемъ возбудило ходатайство, относящееся не до мѣстныхъ лишь нуждъ и пользъ Рязанской губерніи, а напротивъ касающееся къ отмѣнѣ общаго закона, дѣйствующаго во всей Имперіи, и что такимъ образомъ постановленіе это представляется выходящимъ изъ предѣловъ предоставленной земскимъ учреж-

деніямъ власти и посему на точномъ основаніи ст. 7 полож. о земск. учрежд. недѣйствительно, опредѣлилъ: оное отмѣнить. О чемъ въ разъясненіе рапорта за № 35, а равно и для постановленія въ извѣстность подлежащихъ земскихъ учрежденій Рязанскому губернатору дать знать указомъ каковымъ увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ. Собраніемъ было постановлено: Указъ Сената принять къ исполненію, а докладъ губернской управы къ свѣдѣнію.

(Сборникъ постановленій Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1865—1873 г., стр. 415—416).

II.

Объ ограниченіи правъ мировыхъ посредниковъ.

Вникая въ расходы, обременяющіе земство, одними изъ значительныхъ представляются расходы на содержаніе мировыхъ посредниковъ. Это признано, не могу положительно сказать, всѣми ли земствами, но по крайней мѣрѣ многими. Учрежденіе ихъ было необходимо для осуществленія державной воли освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; вслѣдствіе чего и было привѣтствовано всею Россіею съ сочувствіемъ и благодарностью. Заслуга ихъ передъ отечествомъ велика, и если труды ихъ не оцѣнили по справедливости современники, то потомство и исторія воздадутъ имъ должное; но всему есть время и для дѣятельности мировыхъ посредниковъ было время.. Они совершили свое великое призваніе и болѣе имъ совершать нечего. Существованіе ихъ не представляетъ дальнѣйшей необходимости и, какъ я уже сказалъ выше, обременяетъ только земство непроизводительными расходами. Все, что я высказалъ теперь, всѣ давно знаютъ и понимаютъ; но я хотѣлъ высказать передъ губернскимъ собраніемъ не о матеріальныхъ ущербахъ, а объ ущербахъ нравственныхъ, вносимыхъ въ земскія собранія мировыми посредниками. Учрежденіе института мировыхъ посредниковъ возникло еще до учрежденія земствъ. Мировые посредники на поприщѣ своего служенія избирались административною властію; но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили за собою право быть избираемыми въ гласные. Если чины мѣстной полиціи по закону лишены этого права, то на какомъ же основаніи мировые посредники,

вліяніе которыхъ гораздо значительнѣе на крестьянскія общества, могутъ быть представителями земства. Если имъ не удастся быть избранными въ гласные собраніемъ землевладѣльцевъ, то они являются избранниками отъ крестьянскихъ обществъ, чего имъ достигнуть вовсе нетрудно. Нельзя же забывать, что за ними осталось право не только смѣны и преданія суду должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, но и право тѣлеснаго наказанія. Все это очень можетъ вліять на гласныхъ изъ крестьянъ и въ самихъ земскихъ собраніяхъ. Конечно я далекъ отъ мысли, чтобы мировые посредники когда нибудь употребили свое вліяніе во зло, но можно ли ручаться, чтобы изъ среды ихъ не нашлось такихъ, которые, имѣя подъ рукою застращенныхъ ими и подчиненныхъ ихъ надзору крестьянъ гласныхъ, не стѣсняли ихъ совѣсти при подачѣ голосовъ? А вѣдь гласные избираютъ и мировыхъ судей. Во избѣжаніе могущихъ проистекать для земскихъ учрежденій дурныхъ послѣдствій отъ вліянія мировыхъ посредниковъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, я бы предложилъ губернскому земскому собранію ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о включеніи мировыхъ посредниковъ въ число лицъ, на основаніи 36 ст. полож. о земск. учрежд., не могущихъ быть избираемыми въ гласные.

Примѣчаніе: Заявленіе это, читанное въ засѣданіи 4-го Декабря 1870 г., возбудило чрезвычайно оживленныя прения. Оно было передано на разсмотрѣніе общей коммиссіи совмѣстно съ предложеніемъ гласнаго А. И. Кошелева, который предлагалъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ упраздненіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Коммиссія, одобряя это послѣднее предложеніе большинствомъ 6 голосовъ противъ 4-хъ, отклонила мнѣніе гласнаго Селиванова, какъ неудобное и несправедливое (?). Собраніе большинствомъ 32 противъ 12 согласилось съ постановленіемъ коммиссіи. Послѣ того гласный Д. Д. Дашковъ предложилъ собранію ходатайствовать о томъ, чтобы мировые посредники не могли быть избираемы въ гласные

отъ крестьянъ своего участка. Но и это предложеніе было собраніемъ отклонено перевѣсомъ голоса предсѣдателя.

(Журналы Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія шестого очередного созыва. Рязань 1871. Стр. 31—32, 75—76).

III.

О предоставленіи крестьянамъ права избирать гласныхъ въ земскія собранія исключительно только изъ своей среды.

Въ послѣднемъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи прошедшаго года я имѣлъ честь заявлять собранію о послѣдствіяхъ участія мировыхъ посредниковъ въ собраніяхъ земства, какъ гласныхъ. Изложивъ взглядъ свой на это дѣло, я предлагалъ собранію ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о причисленіи мировыхъ посредниковъ, на основаніи 36 ст. положенія, къ лицамъ, не могущимъ быть избираемыми въ гласные. Такъ какъ только гласные пользуются исключительнымъ правомъ быть избираемыми въ разныя должности съ денежнымъ содержаніемъ, какъ напримѣръ: въ члены и предсѣдатели управъ, въ мировые судьи и вмѣстѣ съ тѣмъ вліять на избраніе въ эти должности другихъ, то естественно, что большинство дворянъ, если не всякій, желаетъ быть гласнымъ. Не надѣясь быть почтены избраніемъ въ гласные отъ благороднаго сословія, они за этимъ обращаются къ крестьянскимъ обществамъ. Воспользовавшись отъ нихъ правомъ быть представителями ихъ интересовъ, они всетаки, какъ прирожденные дворяне, являются на выборы гласныхъ и изъ дворянскаго сословія—и тамъ вмѣстѣ съ другими дворянами, будучи совершенно обезпеченными на счетъ самихъ себя, рѣшаютъ жребій тѣхъ, на чей судъ малодушно боялись предстать сами. Совершенно справедливо замѣтятъ мнѣ, что законодательство, при составленіи положенія, руководилось мыслію доставить крестьянамъ возможность, въ числѣ своихъ представителей имѣть людей образованныхъ. На мой взглядъ, это совершенно лишнее. При обсужденіи земскихъ дѣлъ здравый умъ, житейскій опытъ и добросовѣстность дороже всякаго научнаго образованія. Такъ ли или нѣтъ, но положеніе не препятствуетъ крестьянамъ избирать себѣ гласныхъ изъ лицъ дворянскаго сословія, конечно, лицъ хорошо имъ извѣстныхъ и отличающихся истинно дворян-

скими доблестями: безукоризненной честностью, правдою въ словахъ, правдою въ дѣлахъ. Но, господа, я не думаю чтобы можно было указать хотя на единственный случай, чтобы крестьяне какого нибудь общества, имѣя въ виду такую личность, сами всѣмъ міромъ пошли бы къ ней въ усадьбу умолять ее быть ихъ представителемъ. Напротивъ, многіе изъ дворянъ сами заискиваютъ у крестьянъ этой чести и, надо сознаться, почти всегда измѣняя своему доблестному призванію..... Крестьянамъ вообще никогда бы не пришло въ голову избирать дворянъ, если бы это не началось съ легкой руки мировыхъ посредниковъ. „А какъ его не изберешь", говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ (не нашей, слава Богу, губерніи), „когда, по его же наущенію, малодушный старшина предложитъ обществу баллотировать г. посредника. Чего, молъ, намъ лучше нашего почтеннаго, имя рекъ, и проч., а посредникъ во время баллотировки усядется самъ возлѣ ящика, да и смотритъ тебѣ въ глаза". Да, господа, лучшіе умы крестьянъ съ затаенной горестью на сердцѣ смотрятъ на эти продѣлки и, что всего грустнѣе, мало-по-малу теряютъ довѣріе къ дворянской доблести. Дозволеніе крестьянамъ избирать представителями своими мировыхъ посредниковъ или вообше лицъ изъ дворянскаго сословія въ нравственномъ отношеніи равно болѣзненно вліяетъ на оба сословія. Въ дворянствѣ поселяетъ неуваженіе къ своему сословію, отдавая лучшихъ его представителей на судъ тѣмъ личностямъ, которыя нечистыми путями сами ускользнули отъ его приговора. Въ крестьянствѣ порождаетъ недовѣріе къ своимъ умственнымъ способностямъ, а вслѣдствіе того, крестьяне, оставаясь безучастными въ приговорахъ земскихъ собраній, дѣлаются наконецъ равнодушными къ земскому дѣлу. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ они, черезъ своихъ представителей изъ дворянъ, дѣлаются безсознательными участниками ухищреній дворянскихъ партій—ухищреній, основанныхъ по большей части на личностяхъ, своекорыстіи или мелочномъ самолюбіи. Если же крестьяне и являются, какъ гласные, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, то при баллотировкахъ должностныхъ лицъ или при подачѣ голосовъ они постоянно наблюдаютъ движенія своихъ посредниковъ. Часто сознаютъ неправду, но противъ ея идти не смѣютъ. Какъ станешь говорить и дѣйство-

вать вопреки мнѣнія начальствующаго лица? Какъ на уѣздныя, такъ, если еще не вреднѣе, на губернскія земскія собранія вліяетъ существующій вышеизложенный мною порядокъ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ рѣшаются вопросы высшаго интереса. Укажу, какъ напримѣръ, на вопросъ, по волѣ верховной власти, бывшій у насъ недавно на обсужденіи. Это вопросъ объ измѣненіи порядка въ подушной системѣ. Такіе или подобные этому вопросу, въ обсужденіи которыхъ безпристрастіе должно быть краеугольнымъ камнемъ, не проходятъ безпослѣдственно для дѣйствительно безпристрастныхъ губернскихъ гласныхъ. Такихъ дѣятелей, часто составляющихъ лучшее украшеніе губернскаго собранія, въ уѣздахъ не только при новыхъ выборахъ не изберутъ въ губернскіе гласные, но постараются даже забаллотировать ихъ и въ уѣздные. И такъ право, данное крестьянамъ, избирать въ гласные своихъ мировыхъ посредниковъ и вообще дворянъ, только способствуетъ происканъ; а гдѣ происки, тамъ нѣтъ истины. Послѣдствіемъ существующаго порядка будетъ то, что земскія собранія превратятся въ сословныя дворянскія и такимъ образомъ самое учрежденіе земства, потерявъ подъ собою почву, на которой ему указало было развиться—мудрымъ законодателемъ, увянетъ, не расцвѣтши. Въ виду всего этого, я предложилъ бы губернскому земскому собранію обратить вниманіе на вопросъ, здѣсь мною изложенный. Если мнѣніе мое будетъ найдено справедливымъ, я прошу ходатайствовать передъ Высшимъ Правительствомъ, чтобы узаконено было крестьянскому сословію избирать гласныхъ исключительно только изъ своей среды и чтобы ни мировые посредники, ни вообще дворяне не могли быть избираемы въ гласные иначе, какъ отъ сословія, къ которому они принадлежатъ. Кромѣ того я всетаки нахожу нелишнимъ, въ видахъ самостоятельности земствъ, ходатайствовать о примѣненіи къ мировымъ посредникамъ 36 ст. положенія.

Примѣчаніе. Читанное въ засѣданіи 7 Декабря 1871 года это заявленіе было передано на разсмотрѣніе общей коммиссіи. Принимая въ соображеніе, что нежелательно

стѣснять чьи либо права по избранію гласныхъ и воспрещать крестьянамъ избирать въ это званіе лицъ, пользующихся ихъ довѣренностью изъ другихъ состояній, коммиссія предложила собранію первую часть заявленія гласнаго Селиванова отклонить. По второй же части предложенія его, а именно о томъ, чтобы мировые посредники включены были въ число лицъ, не могущихъ на основаніи ст. 36 полож. о земск. учр. быть избираемыми въ званіе гласныхъ, коммиссія пришла къ тому же заключенію, т. е. предложила собранію отклонить и эту часть заявленія гласнаго Селиванова, но въ этомъ члены коммиссіи руководствовались различными соображеніями: меньшинство не соглашалось съ г. Селивановымъ потому, что находило неумѣстнымъ лишать права быть гласными людей, которые оказали и теперь оказываютъ великія услуги земству; а большинство членовъ коммиссіи потому, что оно считало излишнимъ ходатайствовать о примѣненіи ст. 36 полож. о земск. учрежд. къ лицамъ такого института, который уже исполнилъ свое назначеніе и теперь долженъ быть вовсе упраздненъ.

При обсужденіидоклада коммиссіи въ собраніи *гласный Н. Н. Дурасовъ* (мировой посредникъ) заявилъ: „г. Селивановъ никогда не былъ на съѣздѣ выборщиковъ отъ крестьянъ, всѣ слова его основаны на слухахъ, которые не только не вѣрны, но положительно ложны. Не могу допустить мысли, чтобы кто нибудь изъ г.г. гласныхъ могъ подумать, чтобы тотъ институтъ, который на своихъ плечахъ такъ славно вынесъ всю реформу 19-го Февраля, чтобы тѣ посредники, которые, ставъ къ народу лицомъ къ лицу, пріобрѣли его любовь, его довѣріе, чтобы тѣ самые посредники унижались до такой грязи, которую бросаетъ имъ въ лицо г. Селивановъ. Но нѣтъ дѣйствія безъ причины; какія причины заставляютъ г. Селиванова преслѣдовать въ продолженіе нѣсколькихъ собраній одну и туже мысль и слухи выдавать за факты, ложь за истину? Но это оборотная сторона медали, которою не смѣю утруждать собраніе; однимъ словомъ скажу: здѣсь дѣйствуетъ личность, а личности не могутъ быть допущены въ общественныхъ дѣлахъ“. Въ отвѣтъ на это заявленіе выступилъ въ защиту гласнаго Селинова *гласный И.П. Бибиковъ*, который указалъ, что кромѣ общихъ причинъ, выраженныхъ въ заявленіи г. Селивано-

вымъ есть и частныя: въ Рязанской губерніи есть примѣръ, что одинъ мировой посредникъ отданъ подъ судъ за злоупотребленія власти на сельскомъ избирательномъ съѣздѣ.

Гласный Д. Д. Дашковъ съ своей стороны добавилъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ гласнымъ Селивановымъ безъ всякаго нареканія на лица и онъ находитъ, что, какъ скоро учрежденіе такъ поставлено, что оно въ какомъ бы то ни было случаѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на земское дѣло, земство вправѣ искать мѣры для огражденія своихъ интересовъ. Собраніе тѣмъ не менѣе большинствомъ голосовъ согласилось съ заключеніемъ общей коммиссіи.

(Журналы Рязанскаго Губернскаго Земскаго Собранія седьмого очередного созыва. Рязань. 1872 года стр. 54—56, 236—237).

О значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи [1]).

Странная манера завелась у насъ на Руси. У всѣхъ зло передъ глазами, всѣ его видятъ, а чтобъ исправить или отвратить зло, всѣ нападаютъ не на причину, порождающую зло, а только на слѣдствіе, и преслѣдуютъ не главное, а мелочи. Вотъ хоть, напримѣръ, о лѣсахъ. Развернувъ № 3-й Московскихъ Вѣдомостей, я нашелъ тамъ отчетъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1856 годъ и прочелъ его. Сначала прочелъ общій кругъ занятій Общества, потомъ отчетъ по комитету сахароваровъ, далѣе по комитету шелководства и, наконецъ, по комитету лѣсоводства. Изъ этого отчета видно, что дрова въ этомъ году неимовѣрно вздорожали, и въ отчетѣ справедливо рождается вопросъ: если въ одинъ годъ цѣнность дровъ могла увеличиться почти на 50 процентовъ, то чего ожидать въ будущемъ? Да, дѣйствительно не мѣшаетъ подумать, что ожидаетъ наше отечество въ будущемъ, если въ нашемъ морозномъ климатѣ народъ не будетъ имѣть бревенъ для постройки избъ и необходимыхъ дровъ для топлива!...

---

[1]) Статья эта была напечатана въ Морск. Сборн. за 1857 г., т. XXX, отд. IV, стр 119—126. *А. С.*

Отчетъ намекаетъ на нѣкоторыя причины истребленія лѣсовъ и между прочимъ доводитъ до свѣдѣнія, что д. членъ Г. А. Петровскій написалъ краткій очеркъ истребленія лѣсовъ въ Россіи на обручи. Еще въ отчетѣ говорится о тысячѣ овиновъ Московской губерніи, истребляющихъ топливо для сушки хлѣба, котораго для продовольствія народа недостаетъ и на нѣсколько мѣсяцевъ. Странное дѣло! Если пропорція высушиваемаго хлѣба такъ ничтожна, то много ли же нужно и топлива, чтобы его пересушить? Въ лѣсномъ краю, какимъ еще такъ недавно была Московская губернія, этотъ расходъ такъ ничтоженъ, что не только прежде, но даже и теперь не стоитъ разговора. Затѣмъ во всемъ отчетѣ другихъ причинъ быстраго исчезновенія лѣсовъ не упомянуто. Но надѣятся, что комитетъ не оставитъ безъ изслѣдованія: происходитъ ли настоящая дороговизна дровъ отъ временныхъ случайныхъ причинъ, или отъ причинъ постоянныхъ? и проч. Неужели комитетъ лѣсоводства, да и всѣ члены общества И. М. Сельскаго Хозяйства не видятъ и не понимаютъ главной причины истребленія лѣсовъ въ самое короткое время? Или не хотятъ видѣть, или видятъ, да не хотятъ сказать!...

Лѣтъ 18 или 20 назадъ окрестности Москвы были еще покрыты сплошными лѣсами. Въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Московской, и на моей родинѣ—Рязанской губерніи, въ особенности въ уѣздѣ Егорьевскомъ, еще существовали лѣса, занимая широкія пространства. А теперь? теперь и въ окрестностяхъ Москвы, и въ губерніяхъ, пограничныхъ Московской, вмѣсто лѣсовъ, видны одни безплодные пустыри, да песчаные бугры, по которымъ кое-гдѣ торчитъ тощій березнякъ, да растетъ жесткая,—неснѣдомая трава. Лѣтъ 18 или 20—кажется очень недавно. Но тогда въ первый разъ русскій народъ увидалъ на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ высокія трубы съ вѣчно-вылетающимъ изъ нихъ дымомъ паровыхъ машинъ. Тогда еще, какъ я теперь помню, практическіе люди и обыватели Москвы, глядя на эти трубы и видя, какъ каждый день дрова быстро исчезали съ дровяныхъ площадей, куда привозились для сбыта изъ окрестныхъ рощей, пожимали плечами, покачивали головами и приговаривали: „плохо будетъ отъ этихъ машинъ, много дровъ жгутъ!“ И точно: съ первыхъ же годовъ по водвореніи па-

ровыхъ машинъ въ Москвѣ, цѣнность дровъ быстро поднялась, и въ это время, вмѣсто того, чтобы энергически возстать противъ такого нововведенія, всѣми возможными способами старались только заглушить голосъ истины.

Мануфактурныя и заводскія издѣлія наши, охраняемыя запретительной системой или прежнимъ тарифомъ, относительно внутренняго своего достоинства были дороги, такъ что,—не смотря на увеличивающуюся цѣнность дровъ, для которыхъ предпріимчивые спекуляторы начали скупать вѣковые лѣса и пилить ихъ на дрова,—фабриканты получали барыши, во всякомъ случаѣ значительнѣйшіе, нежели съ фабрикъ ручныхъ. А потому и число фабрикъ съ паровыми машинами возрастало. Къ паровымъ машинамъ заводскимъ и фабричнымъ, истреблявшимъ лѣса, присоединились еще новые истребители: пароходы по Волгѣ и размножившіеся было въ большомъ количествѣ свекловичносахарные заводы. Лѣса—не тимофеева трава и не клеверъ: истребленные вдругъ и понынѣ истребляемые во имя фабричнозаводской промышленности, во имя желѣзныхъ дорогъ и рѣчныхъ пароходовъ,—не растутъ скоро, и мѣра обсѣмененія для возращенія лѣсовъ, и распродажа изъ разсадника г. Майера 179.000 деревцевъ не поправятъ дѣла, если между пропорціею даровъ, предлагаемыхъ природой, и потребленіемъ ихъ не будетъ существовать разумнаго равновѣсія. Земля наша велика и обильна! Правда, что обильна; но вѣдь глупому сыну, какъ говоритъ пословица, и богатство не въ прокъ. Да, мы, какъ блудныя дѣти, расточаемъ даръ Божій—наши прекрасные лѣса, мѣняя ихъ на тряпье и на блестящую мишуру несознанной цивилизаціи, не думая о томъ, что съ мнимою цивилизаціею, съ ситцами и коленкорами въ трескучіе морозы замерзнешь. А пересохшія отъ безлѣсья и ничѣмъ необуздываемыхъ вѣтровъ равнины наши не будутъ производить и насущнаго хлѣба. Что паровыя машины были главною и окончательною причиною почти повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, приведу въ примѣръ фабрику купцовъ Хлудовыхъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ. До построенія этой фабрики, въ городѣ Егорьевскѣ дрова продавались по 1 руб. сер. за кубическую сажень, а лѣса были густы и необозримы. Теперь, въ какихъ нибудь 8 или 9 лѣтъ, швырковая сажень дровъ продается по 3 руб. сер.,—и Егорь-

евскій уѣздъ въ настоящее время представляетъ во множествѣ своихъ мѣстностей необозримыя равнины безплодной почвы.

Фабрика эта занимается выпрядкою высокихъ нумеровъ ткацкой и швейной бумаги. Бумага, потребляемая на пряжу, разумѣется, не туземная: у насъ ее нѣтъ, къ намъ ее привозятъ изъ-за моря, и то не на своихъ, а на иностранныхъ судахъ. Спрашивается: много ли дороже продавалась бы англійская пряжа, еслибъ для нея былъ свободный привозъ? Этого я положительно не знаю, но думаю, что' судя по цѣнности продаваемыхъ въ самой Англіи коленкоровъ и ситцевъ, нельзя думать, чтобъ она продавалась дороже русской пряжи, а всего вѣроятнѣе, продавалась бы и много дешевле.

Теперь поднимемъ другой вопросъ: приносятъ ли пользу Россіи, какъ государству, бумагопрядильныя фабрики? Положительно можно отвѣчать, что, сохраняя въ пользу Россіи заработную плату, т.-е., то небольшое количество денегъ, которое заплачено было бы Англіи за самую выпрядку, пожалуй и приносятъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выпускаютъ русскія деньги за пріобрѣтаемыя въ Англіи машины, платятъ, какъ напр. Егорьевская фабрика, огромное жалованье едва не лопающимся, прости Господи, отъ жира англичанамъ: конторщикамъ, механикамъ, смотрителямъ и проч., и сверхъ всего этого Россія выплачиваетъ за тонкіе нумера пряденой бумаги туземнаго производства своими вѣковыми лѣсами.

Еслибъ какой нибудь степной помѣщикъ — любитель играть въ карты, сберегая деньги, сталъ бы проигрывать рожь и овесъ изъ амбара, выигралъ ли бы онъ что нибудь, прижавшись съ деньгами? Такъ и въ экономіи государства все равно: что платить деньгами, что платить произведеніями страны. А платя строительнымъ матеріаломъ и дровами, мы ставимъ на карту всю нашу будущность. Фабрика Хлудовыхъ сжигаетъ ежедневно 63 сажени швырковыхъ дровъ, что составитъ болѣе 22000 саженъ ежегодно,—количество, котораго доставало бы на отопленіе болѣе нежели 4000 печей [1]). А между тѣмъ сосѣдніе къ Егорьеву крестьяне и

[1]) Теперь сочтите, сколько находится въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ фабрикъ съ паровыми машинами? Допустимъ, что число ихъ

теперь уже, быть можетъ, должны часто прибѣгать къ воровству, чтобъ истопить печь. Многіе выхваляютъ мануфактурную промышленность, потому что вотъ хоть, напримѣръ, Егорьевская фабрика доставляетъ работу 3000 рабочихъ рукъ. Совершенно правда, но правда и то, что, заведя машинную пряжу льна, эта фабрика отняла ручной промыслъ, быть можетъ, у 30.000 женщинъ, которыя пряли ленъ на ручныхъ самопрялкахъ, тогда какъ теперь работаютъ это парами. Не мѣшаетъ замѣтить и то, что на фабрикѣ стараются нанять, въ числѣ 3 тысячъ работниковъ, полторы тысячи малолѣтнихъ, потому, что такіе работники довольны и самой малой платой, а къ машинамъ годятся. Конечно, ихъ на то воля, если, дыша постоянно гнилымъ воздухомъ фабрики, они увянутъ непремѣнно и въ цвѣтѣ лѣтъ. Фабрикантъ платитъ только англичанамъ дорого, своимъ же работникамъ платитъ не дорого потому, что, отнявъ ручную промышленность у массы, можетъ смѣло понижать плату съ года на годъ, въ полной увѣренности, что недостатка въ работникахъ никогда не будетъ.

Могутъ сказать, что въ Егорьевскомъ уѣздѣ некуда было сбывать лѣсной матеріалъ, и что лѣсовладѣльцы рады были, что есть для ихъ лѣсовъ выгодный мѣстный сбытъ? Но государство не должно допускать соблазновъ, основанныхъ на временной прибыли частныхъ лицъ, ко вреду цѣлой страны. Кому необольстительно, продавши лѣсъ на дрова, на эти деньги съѣздить за границу и весело прожить тамъ зиму, проиграть въ карты, или поѣхать въ Петербургъ и тамъ спустить деньги на итальянскую оперу или промотать на игрушки и модныя тряпки, привезенныя изъ-за моря?...

Какое же слѣдствіе будетъ имѣть существованіе, хоть напримѣръ, Егорьевской фабрики? Фабрика эта будетъ

не превышаетъ 100, и сжигаютъ онѣ дровъ въ половину менѣе фабрики Хлудовыхъ; то и тогда онѣ отнимаютъ топлива ежегодно у 200.000 печей. Что-жъ послѣ этого удивляться, что дрова дорожаютъ? Печи я разумѣю только городскія, потому что сельскія печи такихъ дровъ, какія жгутся на фабрикахъ, никогда не употребляютъ. Дрова, употребляемыя крестьянами, суть: подобранный валежникъ, сучья и вершины деревъ, срубленныхъ на бревна или доски, хворостъ и проч. Для сельскаго населенія вѣковыхъ лѣсовъ рубить бы на дрова не стали.

процвѣтать, пока въ Егорьевскомъ уѣздѣ лѣса не истребятся окончательно. Потомъ владѣтели—милліонеры закроютъ ее, а пряденную бумагу отечество наше снова будетъ получать изъ Англіи. Англійскіе ростбифы съ сотнями тысячъ русскихъ денегъ уѣдутъ на свою туманную родину, и обитатели родного края, оставшись безъ дровъ и безъ строительнаго матеріала, грустно будутъ созерцать однѣ пересохшія болота и безплодныя равнины. И это важное дѣло, которое со временемъ можетъ превратиться въ вопросъ: *быть или не быть*, лѣсной комитетъ Общества Московскаго Сельскаго Хозяйтсва думаетъ поправить, обращая вниманіе на дубчики для обручей, да на ничтожные подмосковные овинишки! Зачѣмъ быть такъ пристрастну къ заводамъ и фабрикамъ, къ пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, пожигающимъ ежедневно многія тысячи саженей дровъ? Пристрастну—говорю я такъ смѣло потому, что только слѣпой развѣ не видитъ главнѣйшей причины быстраго исчезновенія лѣсовъ нашихъ. Правда, весь стыдъ падаетъ на лѣсовладѣльцевъ, которые, продавая лѣсъ на срубъ, не заботятся даже о томъ, чтобы охранять его отъ потравы, совершенно не радятъ не только о разведеніи, но даже о сбереженіи не большой части случайно еще уцѣлѣвшихъ участковъ лѣса. Но нельзя не замѣтить и того, что еслибъ не было такого требованія дровъ для всѣхъ родовъ паровыхъ машинъ, лѣса бы не исчезали такъ быстро; или лучше сказать: когда бы лѣса наши употреблялись только на постройку, и на топливо обыкновенныхъ печей, тогда не было бы потеряно равновѣсіе между тѣмъ количествомъ времени, въ которое природа можетъ возрастить дерево, и временемъ его потребленія.

Комитету разсматривать и обсуживать нечего. Не словами, не отчетами, а сознаніемъ и обличеніемъ горькой истины надобно приступить къ дѣлу и пріискать дѣйствительнѣйшія средства къ обузданію зла, а обручики и овины почти все равно, что капля въ морѣ. Посѣвы лѣсовъ—мѣра дѣйствительно чрезвычайно благодѣтельная, но для возвращенія такихъ деревъ, какія нынѣ сжигаются для разведенія паровъ, нужно отъ 150 до 200 лѣтъ. Еще возможно возстановить лѣса и рощи изъ уцѣлѣвшихъ въ довольно большомъ количествѣ кустарниковъ, поощряя владѣльцевъ къ окапы-

ванію такихъ участковъ канавами. Непремѣнно надобно возстать противъ безсмысленнаго и глупаго обычая пускать скотъ въ лѣсъ; запретить вновь распахивать подъ пашню лѣсные кустарники тамъ, гдѣ лѣсу менѣе пятой части всего количества пахатной земли; запретить продажу лѣса на срубъ изъ заложенныхъ имѣній; совсѣмъ не дозволять продажи и употребленія въ торговлѣ лыковыхъ кулей; учредить преміи, давать золотыя и серебряныя медали, просить отъ правительства какихъ нибудь льготъ тѣмъ владѣльцамъ, которые возстановятъ и приведутъ въ извѣстные сроки въ цвѣтущее состояніе всѣ тѣ участки лѣсовъ, которые казались безнадежными къ возстановленію ихъ, или тѣмъ, которые посѣвами и посадками заведутъ новыя рощи на данныхъ пространствахъ. Но главнѣйшая мѣра должна быть та, чтобы запретить совершенно употребленіе дровъ для паровыхъ машинъ на фабрикахъ, на заводахъ, рѣчныхъ пароходахъ и еще болѣе на желѣзныхъ дорогахъ. Пусть топятъ—чѣмъ хотятъ, только не дровами. Чувствую, что слова мои возбудятъ ропотъ негодованія противъ такого стѣсненія желѣзныхъ дорогъ,—пожалуй скажутъ, что я врагъ цивилизаціи, что я отвергаю пользу ихъ. Нѣтъ, это будетъ ложь. Я очень понимаю всю пользу желѣзныхъ дорогъ. Но скажу, что для Россіи прежде, нежели пустить по рельсамъ вагоны, нужно сперва разработать каменный уголь, и лучше не ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ вовсе, нежели для желѣзныхъ дорогъ истреблять лѣса.

То, что я сказалъ о желѣзныхъ дорогахъ, можно сказать и о фабрикахъ, заводахъ и пароходствѣ. Если они хотятъ приводить парами въ движеніе свои машины, пусть топятъ торфомъ или каменнымъ углемъ, и пусть сами хлопочутъ о добываніи того или другого. Но почему не приводить фабричныхъ машинъ въ движеніе лошадьми? Неужели область механики такъ ограничена, что не придумаютъ устроить такихъ машинъ, къ которымъ бы съ пользою могли быть приспособлены лошади? Не умѣете сами придумать, объявите конкурсъ, предложите задачу въ Америкѣ, Англіи, Франціи—въ цѣломъ мірѣ, не жалѣйте денегъ изобрѣтателю на премію. Говоря со многими образованными людьми объ этомъ предметѣ, я всегда вызывалъ замѣчаніе, что въ Россіи лѣсовъ много. Да, дѣйствительно на картахъ гене-

ральныхъ размежеваній видны многія пространства, покрытыя лѣсами. По этимъ-то планамъ, видно, и судятъ наши статистики и географы. Но пусть посмотрятъ въ натурѣ, то увидятъ, что лѣсовъ противу плановъ не осталось въ сущности и пятой доли. Отъ этого-то измелѣли наши рѣки судоходныя, пересохли озера, изсякли родники, пропала въ воздухѣ благоразствореннось и вслѣдствіе этого стали очень часто посѣщать наше отечество неурожаи. Если продолжится еще далѣе истребленіе лѣсовъ, то будетъ нечего возить и по желѣзнымъ дорогамъ.

Деревенскій житель
Зарайскаго уѣзда.

Замѣчаніе на статью „о значеніи лѣсовъ въ Россіи“ [1]).

Въ статьѣ „О значеніи лѣсовъ въ Россіи и ихъ истребленіи“ – яснымъ и свободнымъ словомъ высказывается совершенно справедливое опасеніе образованнаго патріота за будущность нашихъ лѣсовъ, настоящее состояніе которыхъ намъ неизвѣстно.

Почти всѣ публикуемыя статистическія числовыя данныя о лѣсахъ и свѣдѣнія о ходѣ и состояніи нашего лѣсо-хозяйства способствуютъ не къ разъясненію настоящаго положенія этого важнаго и незамѣнимаго элемента народнаго благосостоянія, а напротивъ—даютъ только сбивчивое и невѣрное понятіе о нашемъ мнимомъ избыткѣ: всѣ эти свѣдѣнія не выдержатъ добросовѣстной повѣрки, которая непремѣнно изобличитъ въ составителяхъ ихъ: или незнаніе, или недобросовѣстность, или то и другое вмѣстѣ. Въ настоящій моментъ лѣсное имущество наше находится въ такомъ положеніи, что если мы не обратимъ на него полнаго, совѣстливаго и дѣятельнаго вниманія, то насъ ожидаетъ участь, конечно, горчайшая участи Запада: въ нашемъ климатѣ, на нашихъ необозримыхъ равнинахъ истощеніе лѣ-

---

[1]) Это замѣчаніе, вѣроятно отъ редакціи Морскаго Сборника, было напечатано въ томъ же № вслѣдъ за статьею „О значеніи лѣсовъ“, на стр. 127—130. *А. С.*

совъ отзовется не однимъ экономическимъ неудобствомъ,—оно ляжетъ неотвратимымъ всеобщимъ бѣдствіемъ; раздвигая предѣлы безплодныхъ степей, истощая воды, раскрывая просторъ гибельнымъ вѣтрамъ,—словомъ, мы воздвигнемъ на себя могущественнѣйшаго дѣятеля природы—атмосферу.

Конечно, все это будетъ еще не скоро, и наше лѣсное вѣдомство можетъ быть успѣетъ до того времени „оживить гуломъ промышленной дѣятельности“ наши дѣвственныя дебри сѣвера.

Но обратимся къ прекрасной статьѣ Зарайскаго жителя.

Фабрики, пароходы и желѣзныя дороги—потребность вѣка, неизбѣжная современная потребность. Какъ несомнѣнная часть цѣлаго цивилизованнаго міра, мы не должны и не можемъ отстать отъ Европы. Мы доказали нашу силу,—не будемъ же злоупотреблять ею; дружески подадимъ нашу сильную руку Европѣ, хотя бы только для того, чтобы не лилась человѣческая кровь. Но у насъ есть еще больше причинъ желать этой дружбы: насъ приглашаютъ на всемірный праздникъ цивилизаціи: Россія молода, свѣжа,—пусть ей и рано еще вступать въ это пышное и не совсѣмъ воздержное общество: она утратитъ свою свѣжесть, поблекнетъ немножко, но безъ жертвъ жизни невозможна; съ желѣзными дорогами оскудѣютъ наши прекрасные лѣса,—зато мы будемъ умнѣе: вѣдь нельзя сказать, что это намъ излишне?

Конечно правда, что развитіе фабричности и пароходства у насъ совсѣмъ не подготовлено, но всетаки оно теперь вызывается необходимостью,—мы и платимся за старые грѣхи и ошибки. Не только въ окростностяхъ Москвы, но даже во Владимірской губерніи, по милости фабрикъ, цѣнность дровъ возвышается *ежегодно* до 25 процентовъ, между тѣмъ мысль объ изысканіи и разработкѣ суррогатовъ обычнаго топлива явилась и едва осуществляется у насъ только теперь,—довольно поздно,—но мы вообще, правду сказать опоздали во всемъ, по крайней мѣрѣ, на полвѣка. Приходится спѣшить, чтобы догнать; отсюда опять новыя неудобства,—но все это далеко не несчастія; бѣды исправимыя.

Фабриканты наши осваиваются уже съ усовершенствованіями пиротехническихъ устройствъ, исподволь вводятъ экономическіе очаги, топки къ печамъ для торфа, наприм. Гусевская бумагопрядильня г. Мальцова, Верхнеуинженскій чугунноплавильный заводъ гг. Баташевыхъ, Шуйскія и Ивановскія фабрики уже начинаютъ обходиться торфомъ; сколько успѣха въ одной мѣстности! Нужда научитъ разуму и трудящіеся найдутъ способы изворотиться, не нарушая уже прочно-основанныхъ учрежденій,—что если бы отчасти и спасло лѣса, то въ конецъ разорило бы самую почтенную—дѣятельную—часть общества.

Но подойдемте поближе къ причинѣ всякаго истребленія, заглянемъ въ самый центръ заразы общественной,—въ этотъ антоновъ огонь дорогого намъ отечества.

Грустно, но необходимо сознаться: непосредственные родители этой позорной язвы истребленія—не пароходы и фабрики, — а лично, мы сами. Да! никто другой и ничто другое.

Большинство (если бы даже и небольшинство—все плохо) помѣщиковъ, вдали отъ своихъ имѣній, какъ передъ смертью грабятъ свою собственность, обнажая дотла производительныя силы ея. И если, къ вящему несчастію, помѣщику дался (изъ газетъ) европейскій взглядъ, а чиновнику—спеціальная наука, то и частная маетность, и казенное имущество таетъ и испаряется съ быстротою камфоры: едва запахъ остается отъ того, что еще недавно было и велико, и прочно.

Лѣса наши истребляются преимущественно—странно сказать—наукой лѣсоводства. Она истинный бичъ и соблазнъ нашихъ лѣсовъ. Наука эта—юная дочь честныхъ, но бѣдныхъ родителей изъ нѣмцевъ: опытности и благонамѣренности,—попала къ намъ, какъ пріемышъ, и третируется нами—людьми богатыми, но грубыми,—очень дурно. По извѣстной тупости нашей неразвитой головы, не умѣя продолжать воспитанія науки лѣсоводства (т.-е. климатизированія), мы, по не менѣе извѣстной безнравственности—насилуемъ ее т.-е., заставляемъ лгать. Надо же что нибудь дѣлать съ новой гостьей.

Вмѣсто того, чтобы *упростить* ее, сообразно съ нашими способами выполненія ея назначенія, сообразно съ огромностію пространствъ и бѣдностію рукъ и головъ нашихъ; вмѣсто того, чтобы примѣнить ее къ отечественнымъ громаднымъ лѣсамъ и колосальнымъ породамъ, и къ отечественнымъ потребностямъ флота и зданій; наконецъ, вмѣсто того, чтобы обобщить ее, ознакомить съ нею, посредствомъ общепонятныхъ руководствъ и наставленій, публику, а слѣдовательно и лѣсовладѣльцевъ;—вмѣсто всего этого—наука лѣсоводства въ полной нѣмецкой, неудобоисполнимой, и даже неудобопонятной многосложности, идетъ своимъ бумажнымъ путемъ, даже случайно не совпадая съ натурой: проекты и описанія—сами по себѣ, а хозяйство, лѣсъ и рубка сама по себѣ; слѣдовательно, того, что сказано о лѣсѣ на бумагѣ, нельзя отыскать въ лѣсу—и обратно. Наконецъ у насъ въ обществѣ эта наука имѣетъ незавидную репутацію; всѣ видятъ, что она очень прилична и благоразумна въ публикѣ—на бумагѣ,—и всѣ знаютъ какъ она нехороша дома, т.-е. въ лѣсу. И потому никто ей не вѣритъ и никто изъ частныхъ людей, лѣсовладѣльцевъ, знать ее не хочетъ, видя въ натурѣ примѣръ ея несостоятельности.

Лѣсъ—тоже что вода, что воздухъ—элементъ, достояніе общее: никто не имѣетъ права на своей собственной землѣ, напр., загражданъ рѣку или заразить воздухъ, почему же не положить *закономъ* преграду „своевольству лѣсоистребленія", хотя бы и собственныхъ лѣсовъ: это истребленіе истощаетъ воды и возмущаетъ воздухъ.

Вотъ причины, по которымъ всякое слово, высказанное честно и прямо, какъ это сдѣлано Зарайскаго уѣзда деревенскимъ жителемъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и почтенія.

Только въ борьбѣ мнѣній, какъ бы они неполны или невѣрны ни были, созрѣваетъ грозное развратy и полезное обществу—„общественное мнѣніе".

Это единственный спасительный способъ—остановить тлю и гниль не въ однихъ лѣсахъ.

Деревенскіе сады [1]).

(ОТРЫВОКЪ).

Садъ!..—слово простое, короткое, но неправда ли, какъ много говоритъ оно воображенію, какъ много слито воспоминаній съ этимъ словомъ у тѣхъ, которые еще не очерствѣли совершенно сердцемъ, для которыхъ природа полна еще любви и поэзіи? Садъ!.. Помните ли вы, когда вы были еще ребенкомъ—первая прогулка ваша была въ садъ. Это было чудное вешнее утро, не ранней весны, а такъ уже въ Маѣ, когда всѣ деревья одѣты пушистой зеленью, когда трава густа, сочна, высока и изъ этой травы поднимаютъ свои головки множество разнообразныхъ цвѣтовъ. Помните ли вы, когда пришли въ садъ, еще роса не совсѣмъ испарилась отъ жаркихъ лучей солнца, и вы, смотря на росинку, сіяющую маленькимъ солнышкомъ на листкѣ подорожника, думали: нельзя ли унести эту капельку съ собою и хранить ее, какъ драгоцѣнную находку, и любоваться ею, когда вздумается. Вы даже хватали вашими дѣтскими пальчиками эти капельки,—грустно вамъ было на мгновеніе, что они отъ прикосновенія вашего исчезали изъ Божьяго міра. Впрочемъ впечатлѣніе грусти было не на долго. На кого вы тогда не смотрѣли изъ тѣхъ, кто былъ съ вами, и на дѣтей, и на няню, и на старика дѣдушку, или на старика садовника — на всѣхъ лицахъ вы читали что то такое неизъяснимо спокойное, что то такое тихо радостное, что и ваше сердце радовалось и утро это запечатлѣлось на немъ неизгладимымъ очеркомъ. Тщетно желая взять росинку, вы вдругъ увидали порхающую съ цвѣтка на цвѣтокъ желтую бабочку, а вотъ другая, вотъ онѣ вертятся и летаютъ въ воздухѣ, и опять пробудилось въ васъ новое желаніе: это поймать ихъ. Вы бѣжали за ними, а онѣ, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ, приманили васъ къ колючимъ кустамъ крыжовника и перелетѣли за нихъ и, пока вы искали дороги, онѣ и совсѣмъ пропали у васъ изъ виду. Да, помните, пом-

---

[1]) Статья эта въ цѣломъ видѣ была напечатана въ Журналѣ Сельскаго Хозяйства за 1856 годъ. Здѣсь приводится только начало статьи. *А. С.*

ните вы все это, какъ будто вчера это только было;—еще вы не забыли, что въ это утро въ густомъ кустѣ цвѣтущей сирени или жесмина, вы подмѣтили гнѣздышко и въ немъ три крошечныхъ яичка. Вы уже хотѣли протянуть къ нимъ руку, но васъ остановила няня, сказавъ, что птичка будетъ плакать, и тутъ же вскорѣ вы увидѣли эту птичку—хозяйку гнѣздышка, робко порхающую кругомъ и смотрящую на васъ такъ жалобно, какъ будто просящую пощады, что вы сейчасъ же сознали всю несправедливость, которую хотѣли сдѣлать; вы отошли, а птичка — въ послѣдствіи вы узнали, что ее зовутъ малиновка,—сѣла въ чащу вѣтвей и такъ запѣла, что и музыка въ табакеркѣ казалась вамъ послѣ того не такъ уже мелодична.

Въ эту первую прогулку вы полюбили садъ, и съ тѣхъ поръ не перестали и не перестанете любить его и до глубокой старости, и до гробовой доски....

Вѣроятно вы не забыли этого ранняго пробужденія въ васъ любви къ природѣ, а слѣдовательно и къ саду, когда вы безсознательно порывались исполнить законъ, завѣщанный человѣчеству Творцомъ, „въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой", — взяли заступъ и съ напряженіемъ всѣхъ силъ работали въ потѣ лица—потому что дѣйствительно потъ падалъ со лба вашего крупными каплями, работали и выкопали отведенную вамъ въ саду грядку, которую тогда же наименовали своимъ садомъ. Какъ торжествовали вы и какъ довольны были собою, когда граблями удалось вамъ наконецъ разрыхлить землю, какъ пухъ, или когда вы грядку вашу оправили и уладили, какъ любящая нянюшка оправляетъ постельку для своего ненагляднаго дитяти; съ какою аккуратностью провели вы по грядкѣ своей три бороздки и въ одну изъ нихъ посѣяли сѣмянъ огуречныхъ, заранѣе смоченныхъ въ помадной баночкѣ и задавшихъ уже ростки, въ другую гороху, а въ третью бобовъ. Для украшенія вашего сада вы тутъ же посадили выброшенные садовникомъ излишніе высадки бархатцевъ, ноготковъ и астръ. Посѣяли, посадили, полили изъ лейки водою, самими вами принесенною, и тутъ же, совершивъ главную работу и прилегши отдохнуть, стали смотрѣть на свою работку, и между тѣмъ прислушиваться къ каждому шелесту, къ каждому звуку, нарушающему тишину природы: пѣніе ли это сквор-

ца, чириканіе ли воробушка, жужжаніе ли жука или людской говоръ.

Каждый день вы посѣщали вашу грядку или вашъ садъ, и вотъ на третій день изъ земли показалось тамъ и тамъ что то бѣленькое, свѣтлое, глянцовитое: это всходы огурцовъ, гороху и бобовъ. По утру еще только показались, а ужъ къ вечеру раскинули по два листика—и много радости, надеждъ и мечтаній объ обильномъ урожаѣ запало тогда въ ваше сердце.

Много дѣтски отрадныхъ воспоминаній слилося въ памяти вашей съ садомъ... Потомъ вы удалились изъ подъ крова родительскаго... Наканунѣ того дня, когда назначенъ былъ выѣздъ изъ вашего мирнаго сельскаго пріюта съ тѣмъ, чтобы васъ помѣстить въ учебное заведеніе и оттуда или въ университетъ, или въ юнкера,—вы въ послѣдній разъ посѣтили вашъ садъ—вашу грядку, удобренную вашимъ потомъ; съ грустью въ сердцѣ посмотрѣли, съ грустью въ сердцѣ подвязали къ тычинкѣ роскошно раскинувшійся бархатецъ—и тутъ же завѣщали дворовому мальчику Ванькѣ или Васькѣ, помогавшему вамъ въ вашихъ трудахъ и нерѣдко похищавшему плоды вашихъ стараній — стручья гороху и бобовъ, а иногда и огурецъ, который берегли вы пуще глаза, завѣщали ему ходить за садомъ вашимъ: весною будущаго года вскопать, засѣять и насадить, какъ при васъ это водилось; все это для того, чтобы, пріѣхавъ на вакацію, вы могли наслаждаться такъ, какъ будто бы вы и не выѣзжали изъ деревни.

Первый годъ завѣтъ вашъ былъ исполненъ въ точности, но радости той, какая бывала прежде, вы уже не чувствовали. Таже кажется грядка, тотъ же и горохъ и бобы и огурцы—все тоже, да нѣтъ, на этой грядкѣ нѣтъ уже вашего пота, нѣтъ воспоминанія о личномъ трудѣ. Вы росли—грядка ваша пустѣла и, наконецъ, совсѣмъ исчезла въ грядахъ огорода или разровнена и поросла травою, и уже безсознательно коситъ съ нея въ свое время румяный здоровый кучеръ, заурядъ съ луговиною своего сада, сочный кормъ лошадямъ.

Вамъ садъ этотъ уже болѣе не нуженъ: вы юноша, но любовь къ природѣ въ васъ не угасла. Напротивъ, вы поняли всю прелесть лѣтней лунной ночи, вы готовы смот-

рѣть на эту царицу сумрака не минутами, а часами, душа ваша летитъ къ ней, въ сердцѣ вашемъ и грустно и сладко; мысли ваши проникаются восторгомъ, такъ и рвутся, такъ и просятся на уста и на нихъ-то стройно слагаются въ строфы и рифмы... Длинныя и темныя липовыя аллеи освѣщены еще румяною зарею, тогда какъ солнце давно уже сѣло; воздухъ пропитанъ ароматомъ резеды, душистаго горошка, жесмина и розана; мертвая тишина легла на садъ;—но вы были не одни. Вы шли, я какъ будто самъ васъ видѣлъ, вы были тогда юношею, въ блескѣ красоты и молодости, и съ вами шла она—стройная, какъ пальма, гибкая, какъ жимолость; никакая лилія не сравнивалась въ глазахъ вашихъ съ бѣлизною ея шеи, никакая роза не осмѣливалась состязаться нѣжностью съ цвѣтомъ ея ланитъ: это былъ румянецъ, неуловимо чудно выступавшій изъ матовой бѣлизны лица, какъ мимолетная радость.

При всемъ этомъ тѣнистая липовая аллея осталась для васъ, какъ болѣзненное воспоминаніе, какъ памятникъ безвозвратнаго блаженства—и вы, уже разочарованные жизнію, ходите теперь въ эту аллею, садитесь подъ липою на зеленой форменной скамеечкѣ и грустная дума о прошломъ снова пробуждаетъ въ васъ, уже почти угасшую для всѣхъ радостей, жизнь.

Но можетъ быть, зачѣмъ же грусть — можетъ быть этотъ живой цвѣтокъ, это чудное созданіе природы—подъ сѣнью нашей аллеи поклялось вамъ въ вѣчной любви; быть можетъ вы сдѣлались ея счастливымъ супругомъ; быть можетъ..... быть можетъ не разъ въ знойный іюльскій полдень заходили вы съ нею въ непроницаемую чащу вашего сада и полною чашею пили наслажденіе прохлады.

Затѣмъ, затѣмъ страстная любовь замѣнилась для васъ вѣчною неразрывною дружбою. Она подъ тѣнью тѣхъ же липъ, гдѣ открылась вамъ впервые въ любви, гдѣ сорвали вы съ устъ ея первый тайный, дѣвственный поцѣлуй, теперь, хозяйка и мать, разбираетъ спѣлую клубнику или малину, или сочныя груши, и въ фартукѣ, съ рукавами засученными, бѣлыми полными ручками готовитъ въ прокъ на зиму и соленье, и варенье, и смоквы. Дѣти бѣгаютъ кругомъ,—а вы между тѣмъ, такъ какъ это время послѣобѣ-

денное, разстелили подъ кустомъ на травѣ коврикъ, положили подушку и прилегли немножко соснуть.

Наконецъ, вы уже и старикъ. Для васъ исчезла—миновала вся поэзія жизни:—дочери ваши замужемъ; сыновья зажили своими домиками или на службѣ; сверстники ваши одни, Богъ вѣсть, куда разбрелись—другіе давно уже поджидаютъ васъ въ матери сырой землѣ. Юныя поколѣнія чужды интересамъ, васъ когда то волновавшимъ: вы не понимаете юныхъ поколѣній; кругомъ васъ мало-по-малу образовалась пустыня,—тоска одиночества грызетъ вашу душу, и отъ всего, когда то васъ окружавшаго, одна только природа осталась къ вамъ нѣжна по прежнему. Далеко вамъ уже идти некуда: не подъ силу стало, какъ прежде, бродить по зеленымъ лугамъ и дубравамъ; вамъ уже не перейти оврага, не перескочить черезъ журчащій по камнямъ игривый ручей;—но вамъ остается еще садъ, куда привычною тропою и какъ будто безъ всякаго со стороны вашей усилія, а такъ сами собою несутъ васъ ослабѣвшія ноги. Каждый кустикъ, каждое деревцо вамъ знакомы, какъ ваши пять пальцевъ на рукѣ, а между тѣмъ вы, каждый день гуляя, останавливаетесь то передъ тѣмъ, то передъ другимъ деревомъ; вы смотрите на него со вниманіемъ, смотрите долго. Вы припоминаете по событіямъ вашей жизни тотъ годъ, ту весну, когда вы его посадили; вы припоминаете, что туго оно сначала росло, и вы, чтобы придать ему болѣе растительности, чего-чего не дѣлали: и перемѣняли раза два землю и закопали подъ нимъ палаго теленка... и вотъ деревцо разрослось, далеко раскинулись его вѣтви—и года два назадъ одно это дерево дало болѣе четырехъ четвертей яблокъ. Вотъ и другое дерево: когда вы его посадили, года черезъ два буря сломила его почти подъ корень, такъ что оно держалось, что называется, на одной жилкѣ; но вы его подняли, завязали его между двумя кольями, залѣпили около излома смолою, обмазали коровьякомъ, обернули рогожечкой и дерево срослось, и вотъ уже этому прошло болѣе 25 лѣтъ, оно свѣжо, зелено и много приноситъ плода. Вы ходите, смотрите, припоминаете, забываете о своихъ лѣтахъ—а природа дышетъ вамъ въ лицо живительнымъ вѣтеркомъ, солнечнымъ лучомъ нагрѣваетъ осты-

вающую въ васъ кровь и бальзамическими испареніями цвѣтовъ оживляетъ упавшій духъ..!

Садъ... Это пріютъ тихой жизни, сладкихъ воспоминаній отъ колыбели до могилы, живое доказательство труда и полное вознагражденіе за трудъ... Создавши человѣка, Господь устроилъ для него садъ и назвалъ его раемъ. Утративъ первобытную чистоту, человѣчество утратило свой рай, этотъ Богомъ устроенный садъ; но преданіе объ утраченномъ переходило чрезъ многія тысячелѣтія отъ поколѣнія къ поколѣнію, объ потомства къ потомству, возбуждая постоянно тайную грусть въ сердцахъ и желаніе создать себѣ подобное тому, что утрачено прародителями. Приведите простолюдина въ садъ, когда плодовитыя деревья какъ, инеемъ, покрыты бѣлыми цвѣтами, и если это день тихій и ясный, день истинно лѣтній, онъ непремѣнно воскликнетъ: „Вотъ гдѣ рай то!“ Нерѣдко такъ воскликнетъ и не простолюдинъ, если онъ только не стѣсняетъ своихъ чувствъ принятыми общественною жизнію условіями.

Императоръ Николай I и К. И. Бистромъ.

Въ историческомъ изданіи „Русская Старина“ въ Январской книжкѣ сего 1871 года помѣщенъ эпизодъ изъ жизни Императора Николая Павловича 1828 года, или черта къ его характеристикѣ.

Подобный разсказъ я слышалъ болѣе 30 лѣтъ назадъ, именно въ 1837 г. отъ флигель-адъютанта полковника К...ва, бывшаго тогда моимъ полковымъ командиромъ и находившагося къ Бистрому въ очень близкихъ отношеніяхъ.

Не помню уже теперь, гдѣ и при какомъ случаѣ происходило событіе, о которомъ я хочу говорить (черезъ 30 лѣтъ позволительно забыть) и потому охотно соглашусь, что это было подъ Варною, наканунѣ ея сдачи—какъ это разсказано въ Русской Старинѣ; только помнится мнѣ, что поводомъ—то къ случаю было то, что Государь Николай Павловичъ въ видахъ опасности, угрожавшей отряду Бистрома, неоднократно посылалъ старому генералу приказаніе оставить занимаемую имъ позицію.

Сознавая всю важность этой позиціи, Бистромъ имѣлъ мужество ослушаться приказанія Государя и потому снова посланный къ Бистрому адъютантъ объявилъ ему, что за послѣдствія его ослушанія онъ отвѣтитъ Государю своею головою.

„Скажи своему Государю—воскликнулъ оскорбленный Бистромъ,—что если отрядъ мой будетъ опрокинутъ, то и головы Бистрома Ему не видать".

Когда Варна сдалась, Его Величество, не встрѣчая въ числѣ явившихся къ нему генераловъ Бистрома, написалъ къ нему своеручное письмо и письмо это Бистромъ, зашивъ въ ладонку, до конца своей жизни носилъ на крестѣ.

Умирая онъ передалъ его Наслѣднику Престола, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, завѣщая ему хранить письмо Его Отца, какъ образецъ подвига, достойнаго великой души.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ, будучи лютераниномъ, носилъ по обычаю православныхъ на груди тѣльникъ и слово „нѣмецъ" для него было чѣмъ то въ родѣ брани или упрека. „Салтыковъ, Ваше Высочество, ужасный нѣмецъ!"—говорилъ разъ Бистромъ покойному Великому Князю Михаилу Павловичу, будучи чѣмъ то недоволенъ Салтыковымъ.

Монахъ Паисій.

Во Владимірскомъ уѣздѣ, при соединеніи рѣкъ Нерли съ Клязьмой, не вдалекѣ отъ Боголюбова монастыря, стоитъ древняя каменная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, построенная по преданію Княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. При входѣ въ церковь у самой почти стѣны снаружи лежитъ огромный камень надъ могилою Іеромонаха Паисія.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, когда всѣ монастыри владѣли населенными имѣніями, во владѣніи Боголюбова монастыря находилось село Суворотское. Монастыри посылали для управленія въ качествѣ управляющихъ монаховъ. Эти монахи бывали и злые и добрые, иные обращались съ народомъ по-христіански, другіе безчеловѣчно. Въ селѣ Суворотскомъ былъ когда то въ этой должности добродѣтель-

ный монахъ Паисій, о которомъ память, какъ о человѣкѣ святомъ, не умерла въ обывателяхъ этого села. Ему приписывали даръ прорицанія, и вотъ, между прочимъ, два пророчества, сохранившіяся въ преданіи.

Первое изъ нихъ,—что будутъ каменныя дороги, что и оправдалось устройствомъ шоссейныхъ дорогъ, о которыхъ въ Россіи въ 18 столѣтіи, я думаю, и понятія не имѣли. Второе, пророчилъ онъ обывателямъ села, роптавшимъ на монастырское управленіе: „Погодите, говорилъ онъ, дождетесь, что ваши же братья мужики будутъ вамъ господами",—и народъ оправданіе этого пророчества видитъ въ учрежденіи волостныхъ правленій и сельскихъ расправъ съ добросовѣстными выборными головами, писарями и проч.

Юродивый Данило Ивановъ.

Въ бытность мою въ Коломнѣ обратилъ мое вниманіе человѣкъ среднихъ лѣтъ, безъ шапки, въ одной рубахѣ и портахъ—босикомъ, не смотря на довольно сильный морозъ. Онъ спокойно бродилъ по базару, встрѣчные кланялись ему привѣтливо; и не смотря на то, что онъ ни у кого ничего не просилъ—многіе подавали ему деньги, которыя онъ опускалъ прямо за пазуху, т. е. за воротъ рубашки. Вотъ что я узналъ объ этомъ загадочномъ человѣкѣ.

Его зовутъ Даниломъ Ивановымъ, отъ роду ему около 30 лѣтъ. Въ самые трескучіе крещенскіе морозы онъ не измѣняетъ своего костюма, состоящаго буквально изъ одной рубашки и портовъ. Въ самый страшный холодъ, если его попросятъ постоять у воза покараулить, пока хозяинъ этого воза имѣетъ надобность отлучиться по какимъ нибудь дѣламъ на довольно долгое время, онъ съ удовольствіемъ остается караулить—и стоя на снѣгу босыми ногами остается такъ спокоенъ, какъ при такихъ же обстоятельствахъ стоялъ бы на теплой землѣ въ Маѣ или Іюнѣ мѣсяцѣ. Говорятъ, что только снѣгъ обтаиваетъ около его ногъ, а ноги не страдаютъ, и когда проходящій какой нибудь мужчина или сердобольная купчиха, закутанная въ лисій салопъ, сдѣлаютъ ему замѣчаніе: „никакъ ты, Данилушка, озябъ!.." —Самъ ты

озябъ, или сама озябла,—отвѣтитъ онъ и продолжаетъ караулить, пока поручившій ему не возвратится къ своему возу.

Ни вина, ни пива онъ не беретъ въ ротъ буквально, но до чаю охотникъ большой. Всѣ горожане, идя въ трактиръ, для чаепитія, при встрѣчѣ съ Данилой, всегда приглашаютъ его съ собой и угощаютъ чаемъ. Онъ пьетъ его съ большимъ удовольствіемъ; пьетъ до поту и сейчасъ же выходитъ на морозъ, не зная простуды. Положимъ, что къ холоду человѣкъ привыкнуть можетъ, какъ и всякое другое животное не знаетъ ни печи, ни кровли, ни одежды; но въ Данилѣ что еще странно, онъ ложится безъ всякой подстилки на изразцовую лежанку до того горячую, что никто другой не въ состояніи на двѣ минуты прислонить къ ней ладонь, чтобы не страдать отъ жары, а онъ ляжетъ и спитъ всю ночь также спокойно, какъ на прохладномъ матрасѣ или тепломъ пуховикѣ.

Денегъ онъ никогда не проситъ, но ему всякій подаетъ съ удовольствіемъ. Онъ принимаетъ все, но сдачи давать терпѣть не можетъ. Онъ броситъ назадъ подавшему цѣлковый, но сдачи не дастъ. Собранныя деньги раза два или три въ годъ онъ относитъ въ церковь села Шконъ, откуда онъ уроженецъ. Говорятъ, что тысячъ до пяти онъ наберетъ въ годъ ассигнаціями и все это, не выходя изъ Коломны. Его иждивеніемъ или на собранныя имъ деньги въ Шконѣ выстроена кругомъ церкви высокая каменная ограда и отлитъ новый значительной величины колоколъ.

Счету онъ въ деньгахъ не знаетъ, или не хочетъ знать, а что соберетъ въ продолженіе дня, то, возвратясь къ вечеру въ тотъ домъ, гдѣ по христіанскому человѣколюбію одинъ изъ Коломенскихъ купцовъ далъ ему пріютъ, отдаетъ безъ счета на сохраненіе молодой хозяйкѣ, а отъ нея получаетъ въ свое время вдругъ набранныя имъ деньги и относитъ въ Шконскую церковь.

Родители его были закоснѣлые раскольники. Желая отвратить его отъ православія, они его били безъ милосердія и, наконецъ, выгнали изъ дома. Но не долго они жили по изгнаніи сына. Говорятъ, что потолокъ ихъ избы внезапно упалъ и задавилъ ихъ.

Сколько любятъ его православные, столько ненавидятъ раскольники. При всякомъ случаѣ на него сыплются отъ нихъ самыя злыя насмѣшки, ядовитые попреки и ругательства, заставляющіе и его выходить изъ себя. Какъ ни тихъ и не кротокъ Данило, такъ разсказываетъ одинъ горожанинъ, но я безъ ужаса не могу вспомнить, какъ онъ раздраженный раскольниками началъ со всего размаху колотиться головою о каменую стѣну одного дома; казалось, черепъ его каждую минуту долженъ былъ разлетѣться... Я думаю, что онъ ударился не менѣе разъ двадцати, и когда окончилъ это истязаніе надъ собою—обратился къ своимъ врагамъ и спокойнымъ голосъ спросилъ ихъ: „ну что, довольны ли вы?“

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РОДЪ
ДВОРЯНЪ СЕЛИВАНОВЫХЪ.

Составилъ А. В. Селивановъ.

Колѣно I.

1. Кичибей, во крещ. Селиванъ.

„Во дни Великаго Князя Федора Ольговича Рязанскаго выѣхалъ изъ Большой Орды Телехматовой татаринъ Кичибей. Во крещеніи дано ему имя Селиванъ, и былъ у Великаго Князя Федора Ольговича бояринъ. У него были дѣти: Василій и Иванъ, по прозванію Коробья, отъ котораго пошли Коробьины".

Колѣно II.

2. Василій Селивановичъ — — — — — — — 1.
Старшій сынъ Селивана.

3. Иванъ Селивановичъ Коробья — — — — 1.
Младшій сынъ Селивана, родоначальникъ Коробьиныхъ.

Колѣно III.

4. Григорій Васильевичъ — — — — — — — 2.
Бояринъ у Великаго Князя Ивана Ивановича Рязанскаго.

5. Федоръ Васильевичъ — — — — — — — — 2.
6. Яковъ Васильевичъ — — — — — — — — — 2.

Колѣно IV.

7. Василій Федоровичъ — — — — — — — — — 5.
8. Иванъ Яковлевичъ — — — — — — — — — 6.

Колѣно V.

9. Григорій Васильевичъ (?) — — — — — — — 7.
10. Иванъ Ивановичъ — — — — — — — — — 8.
11. Степанъ Ивановичъ — — — — — — — — 8.

Колѣно VI.

12. Михаилъ Ивановичъ — — — — — — — — — 10.
Убитъ подъ Тулою.
13. Василій Степановичъ большой — — — — 11.
14. Василій Степановичъ меньшой — — — — 11.
15. Федоръ Степановичъ — — — — — — — — 11.
— Марья Степановна — — — — — — — — — 11.

Колѣно VII.

16. Игнатій Михайловичъ — — — — — — — — 12.
Воевода въ Зарайскѣ (1664—1665 г.).
17. Павелъ Михайловичъ — — — — — — — — 12.
Стольникъ Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича. Въ 1654—1656 г.г. былъ въ Карповѣ воеводою и убитъ въ Губаряхъ.
18. Иванъ Васильевичъ — — — — — — — — — 13.
Былъ убитъ подъ Смоленскомъ.
19. Михаилъ Васильевичъ — — — — — — — — 14.
Былъ убитъ подъ Тулою.
20. Алексѣй Федоровичъ — — — — — — — — 15
Убитъ подъ Москвою.

Колѣно VIII.

21. Иванъ Игнатьевичъ — — — — — — — — — 16.
Стольникъ. Былъ воеводою въ Корочѣ (1692 г.). Умеръ въ 1701 г.

22. Дмитрій Игнатьевичъ — — — — — — — — 16.
Стольникъ. Былъ раненъ подъ Сѣвскомъ.

23. Максимъ Игнатьевичъ — — — — — — — — 16.
Стольникъ. Былъ воеводою на Ельцѣ, на Усердѣ (въ 1676 и 1677 г.) и въ Переславлѣ Рязанскомъ (въ 1695—1699 г.).

24. Иванъ Павловичъ большой — — — — — — 17.
Стольникъ (1680 г.).

25. Дмитрій Павловичъ — — — — — — — — — 17.
Стольникъ и воевода въ г. Михайловѣ (1685 г.).

26. Иванъ Павловичъ меньшой — — — — — — 17.
Стряпчій. Былъ женатъ на Агафьѣ Сидоровнѣ Волжинской, урожденной Любавской.

27. Михаилъ Павловичъ — — — — — — — — 17.
Стряпчій.

28. Борисъ Павловичъ — — — — — — — — — 17.
Стряпчій.

29. Романъ Михайловичъ — — — — — — — — 19.
Стряпчій (1631 г.). Въ бою подъ Шиловымъ былъ раненъ. Въ 1657—1659 г.г. былъ воеводою въ Брянскѣ.

Колѣно IX.

30. Осипъ Дмитріевичъ — — — — — — — — — 22.

31. Дмитрій Максимовичъ — — — — — — — — 23.
Стольникъ. Былъ женатъ на Измайловой.

32. Тимофей Максимовичъ — — — — — — — — 23.

— Гликерія Максимовна — — — — — — — — 23.
Была въ замужествѣ за Иваномъ Григорьевичемъ Сухотинымъ.

33. Семенъ Ивановичъ — — — — — — — — — 24.
Находился на службѣ въ Новгородѣ. Въ 1699 г. женился на Аннѣ Ивановнѣ Гагиной.

34. Михаилъ Ивановичъ— — — — — — — — — 24.

35. Иванъ Дмитріевичъ — — — — — — — — — 25.

36. Василій Дмитріевичъ — — — — — — — — 25.
Маіоръ. Упоминается подъ 1722 г.

37. Григорій Дмитріевичъ— — — — — — — — 25.

38. Прокофій Дмитріевичъ— — — — — — — — 25.

39. Федоръ Дмитріевичъ — — — — — — — — 25.

40. Иванъ Ивановичъ— — — — — — — — — — 26.
Гвардіи капитанъ.

41. Михаилъ Ивановичъ— — — — — — — — — 26.
Полковникъ. Въ 1723 г. занималъ должность егермейстера при дворѣ Его Императорскаго Величества, каковую обязанность исполнялъ и въ царствованіе Императора Петра II. Былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Веревкиной.

42. Федоръ Михайловичъ — — — — — — — — 27.
Вице-адмиралъ. Скончался въ 1782 г. въ Петербургѣ.

43. Прокофій Михайловичъ — — — — — — — 27.

44. Иванъ Романовичъ — — — — — — — — — 29.
Стольникъ (съ 1676 г.). Въ 1684 г. былъ воеводою въ Устюгѣ Великомъ, гдѣ и умеръ въ 1685 г. Былъ женатъ на Аннѣ Семеновнѣ Арсеновой.

45. Дмитрій Романовичъ— — — — — — — — — 29.
Убитъ въ бою подъ Быховымъ въ 1664 г.

46. Юрій Романовичъ— — — — — — — — — — 29.
Стольникъ (1704 г.).

— Матрена Романовна — — — — — — — — — 29.
Была замужемъ за Демидомъ Михайловичемъ Леонтьевымъ.
Въ 1674 г. пожалована въ боярыни, въ мамы и въ казначеи къ Царевицу Петру Алексѣевичу.

— Мавра Романовна — — — — — — — — — — 29.
Была въ замужествѣ за княземъ Василіемъ Ивановичемъ Гагаринымъ.

— Марья Романовна — — — — — — — — — 29.
Была замужемъ за Васильемъ Самойловичемъ Биркинымъ.

— Авдотья Романовна — — — — — — — — — 29.
Была замужемъ за Дмитріемъ Татариновымъ.

— Пелагея Романовна — — — — — — — — — 29.
Была замужемъ за Иваномъ Петровичемъ Лихаревымъ.

Колѣно X.

47. Михаилъ Дмитріевичъ — — — — — — — 31.
Въ 1729—1730 г. былъ артиллеріи и фортификаціи Цейхвахтеромъ.

48. Андрей Тимофеевичъ — — — — — — — 32.

49. Василій Семеновичъ — — — — — — — — 33.
По всей вѣроятности служилъ въ Сенатѣ въ С.-Петербургѣ.

50. Михаилъ Семеновичъ — — — — — — — 33.

51. Асонъ Васильевичъ — — — — — — — — 36.
Служилъ въ С-Петербургскомъ гарнизонѣ. Въ 1749 г. произведенъ въ капитаны.

52. Сидоръ Федоровичъ — — — — — — — — 39.

53. Николай Ивановичъ — — — — — — — — 40.
Поручикъ.

54. Владиміръ Ивановичъ — — — — — — — 40.
Поручикъ.

55. Павелъ Михайловичъ — — — — — — — — 41.
Секундъ-маіоръ. Родился въ 1732 г. Служилъ въ Нарвскомъ Драгунскомъ и Лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полкахъ. На первыхъ дворянскихъ выборахъ былъ избранъ въ засѣдатели Зарайскаго уѣзднаго суда, въ 1779 г. скончался. Былъ женатъ на Надеждѣ Николаевнѣ Нестеровой.

56. Алексѣй Михайловичъ — — — — — — — 41
Подпоручикъ. Родился въ 1752 г. Служилъ въ Лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Былъ женатъ на Надеждѣ Ивановнѣ Ладыгиной.

— Елена Михайловна — — — — — — — — — — 41.
Родилась въ 1739 г.

57. Никита Ивановичъ — — — — — — — — — 44.
Стольникъ (1694 г.).

58. Федоръ Ивановичъ — — — — — — — — — 44.
Стольникъ (съ 1688 г.). Въ 1722 г. отмѣченъ умершимъ.

59. Осипъ Ивановичъ — — — — — — — — — — 44.
Въ 1722—1737 г.г. значится на службѣ въ Лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку въ чинѣ каптенармуса. Былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ Гагиной. Въ 1747 г. постриженъ въ монашество въ Трегуляевскомъ монастырѣ Тамбовской губ. подъ именемъ Іоны. Скончался въ 1748 г.

60. Левъ Юрьевичъ — — — — — — — — — — 46.
Полковникъ гвардіи. Состоялъ въ должности деньщика Императора Петра I-го. Впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Царицынѣ.

61. Григорій Юрьевичъ — — — — — — — — — 46.
— Екатерина Юрьевна — — — — — — — — — 46.
— Арина Юрьевна — — — — — — — — — — — 46.

Колѣно XI.

62. Иванъ Михайловичъ — — — — — — — — — 47.

63. Алексѣй Васильевичъ — — — — — — — — 49.

64. Николай Михайловичъ — — — — — — — — 50.
Недоросль.

65. Петръ Михайловичъ — — — — — — — — — 50.

66. Федоръ Михайловичъ — — — — — — — — 50.

67. Ефимъ Асоновичъ — — — — — — — — — — 51.
Лейтенантъ.

— Авдотья Асоновна — — — — — — — — — — 51.

— Прасковья Асоновна — — — — — — — — — 51.

68. Алексѣй Павловичъ — — — — — — — — — 55.
Прапорщикъ. Родился въ 1764 г. Служилъ въ Лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Былъ женатъ на Вѣрѣ Егоровнѣ Чеботаевой. Скончался въ 1791 г.

69. Николай Павловичъ — — — — — — — — — 55.
Капитанъ. Родился въ 1765 г. Служилъ въ Лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Толбугиной. Скончался въ 1830 г.

— Анна Павловна — — — — — — — — — — — 55.
Родилась въ 1766 г., скончалась въ 1840 г.

70. Михаилъ Павловичъ — — — — — — — — — 55.
Капитанъ. Родился 1769 г. Служилъ сперва въ Лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, потомъ въ Московскомъ Комисаріатѣ. Уволенъ отъ службы въ 1798 г.

71. Василій Павловичъ — — — — — — — — — 55.
Маіоръ. Родился въ 1772 г. Служилъ сперва въ 1 полевомъ Мушкатерскомъ шестиротномъ баталіонѣ въ Москвѣ, затѣмъ въ Московскомъ гарнизонномъ полку. Въ 1812 г. былъ Зарайскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ дворянства. Былъ женатъ на Александрѣ Федоровнѣ фонъ Рехенбергъ. Скончался въ 1856 г.

— Варвара Павловна — — — — — — — — — 55.
Родилась въ 1774 г. Скончалась въ 1864 г.

72. Иванъ Алексѣевичъ — — — — — — — — — 56.

73. Андрей Алексѣевичъ — — — — — — — — 56.
Коллежскій Ассесоръ. Сперва служилъ въ Лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу. Былъ Земскимъ Комиссаромъ, потомъ въ Шуѣ Исправникомъ. Въ 1812—1814 г. служилъ во Владимірскомъ Ополченіи батальоннымъ начальникомъ. Отличился во время бывшаго 27 апр. 1813 г. въ с. Тельвяниновѣ пожара, при чемъ, благодаря его распорядительности, было спасено отъ смерти до 50 человѣкъ. Былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ по первомъ мужѣ Ладыгиной.

74. Николай Алексѣевичъ — — — — — — — — 56.
Любитель книгъ и литературы.

75. Иванъ Федоровичъ — — — — — — — — — 58.
Гардемаринъ во флотѣ (1722 г.).

76. Алексѣй Федоровичъ — — — — — — — — 58.

— Прасковья Осиповна — — — — — — — — 59

Родилась въ 1720 г. Была въ замужествѣ за Николаемъ Михайловичемъ Нестеровымъ. Скончалась въ 1783 г.

77. Александръ Львовичъ — — — — — — — — 60.

Поручикъ.

78. Петръ Львовичъ — — — — — — — — — — 60.

Поручикомъ Навагинскаго пѣхотнаго полка (1760 г.). Былъ женатъ на Неклюдовой.

79. Михаилъ Львовичъ — — — — — — — — — 60.

80. Павелъ Львовичъ — — — — — — — — — 60.

— Наталья Львовна — — — — — — — — — — 60.

81. Иванъ Григорьевичъ — — — — — — — — 61.

Колѣно XII.

82. Петръ Николаевичъ — — — — — — — — — 69.

Родился въ 1803 г. Служилъ сперва въ военной службѣ, затѣмъ былъ Зарайскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ дворянства. Послѣдніе годы жизни занималъ должность Почетнаго Мироваго Судьи. Умеръ въ 1877 г.

83. Алексѣй Николаевичъ — — — — — — — — 69.

Родился въ 1811 г. Служилъ сперва Исправникомъ, потомъ былъ Предсѣдателемъ Зарайской Земской Управы. Былъ женатъ на Маріѣ Борисовнѣ Похвисневой. Скончался въ 1881 г.

84. Никита Николаевичъ — — — — — — — — 69.

Родился въ 1805 г. Умеръ въ 50-хъ годахъ.

— Наталья Николаевна — — — — — — — — — 69.

Родилась съ 1813 г.

— Федосья Николаевна — — — — — — — — — 69.

Родилась въ 1814 г. Была замужемъ за Николаемъ Ивановичемъ Бѣляевымъ. Умерла въ концѣ 50-хъ годовъ.

85. Петръ Васильевичъ — — — — — — — — — 71.

Родился въ 1802 г. Служилъ въ военной службѣ. Былъ женатъ на Ольгѣ Семеновнѣ Бѣляковой. Скончался въ 1838 г.

86. Павелъ Васильевичъ — — — — — — — — — 71.

Родился въ 1803 г. Служилъ недолго въ Правительственномъ Сенатѣ въ Москвѣ. Былъ женатъ на Александрѣ Александровнѣ Михайловой.

87. Алексѣй Васильевичъ — — — — — — — — 71.

Полковникъ. Родился въ 1805 г. Служилъ сперва въ Драгунскомъ Казанскомъ полку. Участвовалъ въ польской кампаніи 1830—1831 г.г. Былъ полиціймейстеромъ въ Ригѣ, Моршанскѣ и Владимірѣ, впослѣдствіи Зарайскимъ уѣзднымъ и потомъ Рязанскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства (въ 1857—1860 г. г.). Имѣлъ орденъ Георгія 4-й ст. Былъ женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Подкользиной. Скончался въ 1861 г.

88. Николай Васильевичъ — — — — — — — — 71.

Родился въ 1806 г. Былъ опредѣленъ въ Кадетскій Корпусъ, гдѣ и скончался въ 1819 г.

89. Михаилъ Васильевичъ — — — — — — — — 71.

Родился въ 1808 г. Служилъ въ военной службѣ. Участвовалъ въ Турецкой и Персидской кампаніяхъ 1825—1829 г.г. Убитъ на батареѣ подъ Баязетомъ 20 Іюня 1829 г.

90. Дмитрій Васильевичъ — — — — — — — — 71.

Родился и умеръ въ 1807 г.

91. Илья Васильевичъ — — — — — — — — — — 71.

Дѣйств. статскій совѣтникъ. Родился въ 1810 году. Служилъ Совѣтникомъ Московскаго Губернскаго Правленія, а позднѣе Предсѣдателемъ Московской Уголовной Палаты. Съ открытіемъ новыхъ судовъ былъ назначенъ членомъ Судебной Палаты въ Москвѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Въ послѣдствіи былъ Мировымъ Судьей въ Московской губерніи. Въ свое время довольно извѣстный писатель. Былъ женатъ на Вѣрѣ Фавстовнѣ Макеровской и во второй разъ на г-жѣ Бѣляевой. Скончался въ 1882 г.

— Анна Васильевна — — — — — — — — — — 71.

Родилась въ 1811 г. Была замужемъ за Николаемъ Ипполитовичемъ Звягинымъ. Скончалась въ 1876 г.

92. Василій Васильевичъ — — — — — — — — 71.

Капитанъ. Родился въ 1813 г. Служилъ въ Драгунскомъ Казанскомъ полку. Участвовалъ въ польской кампа-

ніи 1831 г.; за отличіе получилъ знакъ военнаго ордена 4-й ст. Потомъ состоялъ на службѣ въ корпусѣ жандармовъ. Впослѣдствіи былъ Совѣтникомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ въ Рязани, затѣмъ полиціймейстеромъ Московскаго Воспитательнаго дома. Послѣдніе годы жизни занималъ должность непремѣннаго члена Зарайскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Занимался литературой и археологіей. Былъ женатъ на Марьѣ Дмитріевнѣ Желтухиной. Скончался въ 1875 г.

93. Михаилъ Ивановичъ— — — — — — — — 72.

94. Аполлонъ Ивановичъ — — — — — — — 72.

95. Алексѣй Андреевичъ — — — — — — — 73.

Полковникъ. Родился въ 1795 г. Служилъ сперва въ уѣздномъ Судѣ, потомъ перешелъ въ военную службу (во Владимірское Ополченіе, въ Витебскомъ пѣхотномъ и въ Арзамасскомъ конно-егерьскомъ полкахъ). Затѣмъ былъ штатнымъ смотрителемъ училищъ въ Бѣлевѣ и Суздалѣ, лѣснымъ ревизоромъ во Владимірской губ., а въ 50-хъ годахъ служилъ въ Сибири. Скончался во Владимірской губ. Былъ женатъ на Любови Александровнѣ Евреиновой.

96. Павелъ Петровичъ — — — — — — — — 78.

97. Николай Ивановичъ— — — — — — — — 81.

Колѣно XIII.

98. Николай Алексѣевичъ— — — — — — — 83.

Поручикъ. Родился въ 1839 г. Служилъ въ стрѣлковомъ баталіонѣ. Былъ непремѣннымъ членомъ Зарайскаго Уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Бородаевской.

99. Борисъ Алексѣевичъ — — — — — — — 83.

Дѣйст. стат. совѣтникъ. Родился въ 1842 г. Служилъ сперва въ Рязанской Контрольной Палатѣ. Потомъ былъ Мировымъ Судьей, Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, Уѣзднымъ Предводителемъ дворянства и затѣмъ уѣзднымъ членомъ Суда. Женатъ на Ольгѣ Николаевнѣ Гильфердингъ.

100. Алексѣй Алексѣевичъ— — — — — — — 83.

Штабсъ капитанъ. Родился 1847 г. Служилъ сперва въ военной службѣ въ Австрійскомъ полку. Въ настоящее

время состоитъ Предсѣдателемъ Зарайской Уѣздной Земской Управы.

— Марья Алексѣевна — — — — — — — — — 83.
Родилась въ 1857 г. Скончалась 1872 г.

101. Василій Павловичъ — — — — — — — — — 86.
Глухонѣмой. Родился въ 1840 г. Скончался въ 1871 г.

102. Александръ Павловичъ — — — — — — — 86.
Родился въ 1845 г. Умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ.

103. Сергѣй Павловичъ — — — — — — — — — 86.
Глухонѣмой. Родился въ 1847 г.

— Ольга Павловна— — — — — — — — — — — 86.
Родилась въ 1850 г. Скончалась ребенкомъ.

104. Николай Павловичъ— — — — — — — — — 86.
Поручикъ. Родился въ 1855 г. Служилъ сперва въ военной службѣ. Участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1877 г. Въ настоящее время служитъ Земскимъ Начальникомъ въ Зарайскомъ уѣздѣ.

105. Дмитрій Ильичъ — — — — — — — — — 91.
Родился въ 1839 г. Умеръ въ 1840 г.

106. Дмитрій Ильичъ — — — — — — — — — 91.
Родился въ 1841 г. Служилъ въ Москвѣ въ театральной конторѣ, а позднѣе былъ Присяжнымъ Стряпчимъ. Былъ женатъ на Людмилѣ Федоровнѣ Фоглеръ. Скончался въ 1882 г.

— Софья Ильинична — — — — — — — — — 91.
Родилась въ 1844 г. Въ замужествѣ за С. П. Гавриловымъ.

107. Дмитрій Васильевичъ — — — — — — — 92.
Родился въ 1844 г. Умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ въ 1848 г.

108. Владиміръ Васильевичъ — — — — — — 92.
Родился въ 1845 г. Служилъ Судебнымъ Слѣдователемъ, затѣмъ Товарищемъ Прокурора въ Динабургѣ, гдѣ и скончался въ 1880 г.

— Александра Васильевна — — — — — — 92.
Родилась въ 1846 г. Скончалась въ 1851 г.

— Ольга Васильевна— — — — — — — — — 92.
Родилась и умерла въ 1847 г.

109. Дмитрій Васильевичъ — — — — — — — — 92.

Подполковникъ. Родился въ 1849 г. Служилъ сперва въ Несвижскомъ, потомъ въ Лейбъ-гвардіи Московскомъ полку. Въ настоящее время занимаетъ должность Коменданта по передвиженію войскъ на желѣзной дорогѣ въ Москвѣ. Женатъ на Лидіи Николаевнѣ Бородаевской.

110. Алексѣй Васильевичъ — — — — — — — — 92.

Статскій совѣтникъ. Родился въ 1851 г. Служилъ сперва въ акцизномъ вѣдомствѣ, затѣмъ былъ Секретаремъ Рязанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Чиновникомъ Особыхъ Порученій и Правителемъ Канцеляріи Рязанскаго Губернатора. Съ 1893 г. занимаетъ должность Управляющаго Государственными Имуществами (сперва въ Западной Сибири, потомъ во Владимірской и Рязанской губерніяхъ). Былъ женатъ первымъ бракомъ на Серафимѣ Никифоровнѣ Овчинниковой и затѣмъ вторымъ бракомъ (съ 1897 г.) на Олимпіадѣ Ивановнѣ Федюкиной.

— Александра Васильевна — — — — — — — 92.

Родилась въ 1853 г. Была замужемъ за полковникомъ Генеральнаго Штаба Николаемъ Ивановичемъ Галаховымъ. Скончалась въ 1889 г.

— Ольга Васильевна — — — — — — — — — 92.

Родилась въ 1855 г. Скончалась въ 1900 г.

111. Михаилъ Васильевичъ — — — — — — — — 92.

Ротмистръ. Родился въ 1859 г. Служилъ въ Орденскомъ Драгунскомъ полку, потомъ въ корпусѣ жандармовъ. Нынѣ занимаетъ должность Начальника желѣзно-дорожнаго Полицейскаго Управленія, въ Ряжскѣ. Женатъ на Елизаветѣ Анатоліевнѣ Логвеновой.

— Надежда Васильевна — — — — — — — — 92.

Родилась въ 1862 г. Умерла въ 1863 г.

112. Николай Васильевичъ — — — — — — — — 92.

Поручикъ. Родился въ 1863 г. Служилъ сперва въ Фанагорійскомъ полку, потомъ въ Скопинскомъ резервномъ баталіонѣ. Въ настоящее время служитъ Контролеромъ Ряз. Урал. жел. дороги. Женатъ на Вѣрѣ Владиміровнѣ Константиновичъ.

118. Сергѣй Васильевичъ — — — — — — — — — 92.
Штабсъ-капитанъ. Родился въ 1867 г. Служитъ въ Астраханскомъ полку.

114. Евграфъ Алексѣевичъ — — — — — — — — 95.
Родился въ 1843 г. Воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ и скончался.

— Александра Алексѣевна — — — — — — — 95.
Родилась въ 1839 г.

— Любовь Алексѣевна — — — — — — — — — 95.
Родилась въ 1841 г.

— Александра Павловна — — — — — — — — 96.

— Людмила Павловна — — — — — — — — — 96.
Была замужемъ за Кузьмою Ивановичемъ Салововымъ.

Колѣно XIV.

— Татьяна Николаевна — — — — — — — — — — 98.
Родилась въ 1876 г. Въ замужествѣ за В. Якобсономъ.

115. Алексѣй Дмитріевичъ — — — — — — — — — 105.
Родился въ 1870 г.

116. Николай Дмитріевичъ — — — — — — — — — 105.
Родился въ 1873 г. Скончался въ дѣтскомъ возрастѣ.

117. Сергѣй Дмитріевичъ — — — — — — — — — 105.
Родился въ 1875 г. Скончался въ дѣтскомъ возрастѣ.

118. Владиміръ Дмитріевичъ — — — — — — — 105.
Родился въ 1878 г.

119. Борисъ Дмитріевичъ — — — — — — — — — 105.
Родился въ 1882 г.

120. Дмитрій Алексѣевичъ — — — — — — — — 110.
Родился въ 1879 г.

121. Василій Алексѣевичъ — — — — — — — — — 110.
Родился въ 1879 г. и умеръ въ 1880 г.

— Ольга Алексѣевна — — — — — — — — — — 110.
Родилась въ 1883 г. Скончалась въ 1892 г.

— Вѣра Алексѣевна — — — — — — — — — — 110.
Родилась и скончалась въ 1898 г.

122. Владиміръ Алексѣевичъ — — — — — — — 110.
Родился въ 1900 году.

123. Владиміръ Михайловичъ — — — — — — — 111.
Родился въ 1884 г.
— Вѣра Михайловна — — — — — — — — — — — 111.
Родилась въ 1886 г. Скончалась въ 1892 г.
— Надежда Михайловна — — — — — — — — — 111.
Родилась въ 1891 г.
124. Василій Николаевичъ — — — — — — — — — 112.
Родился и умеръ въ 1892 г.
— Ольга Николаевна — — — — — — — — — — — 112.
Родилась въ 1893 г.
125. Николай Николаевичъ — — — — — — — — — 112.
Родился въ 1894 г.
126. Владиміръ Николаевичъ — — — — — — — 112.
Родился въ 1899 г.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

(къ I тому).

А.

Абнилкскій, маіоръ, 321.
Авдотья Петровна, горничная, 134, 136, 137.
Авдотья Степанова, горничная, 56.
Авдѣева, Марья Петровна, рожд. ф. Рехенбергъ, 66, 120.
Аграфена, домоправит., 64.
Адамъ Виртембергскій, принцъ, 302, 320.
Акимъ Ивановъ, вахмистръ, 277.
Аксаковъ, Ив. Серг., писат., 122.
Акулина Федуловна, горничная, 57, 154, 165.
Александръ I, Императоръ, 81, 95, 179, 303, 366.
Александръ II, Императоръ, 38, 394, 397.
Александра Ѳедоровна, Императр., 397.
Ангальтъ, гр. 356—359.
Андрей, кучеръ, 51, 52.
Антоній, еписк., 260.
Архаровъ Ив., шефъ полка, 48, 49, 59, 61, 364.
Арцибашевъ, прапор., 270, 271, 273, 275.
Афиногенъ (Алифонъ) Андреевичъ, дядька, 181—185.

Б.

Баланъ, полков., 254, 256—259, 269, 270, 275, 276, 280, 286.
Бандышевъ, актеръ, 244.
Балашева, 117.
Балашевъ, мин. полиц., 117.
Балашевъ, ген. адъют., 86.
Баскаковъ, оберъ-прокур. 28, 29.
Батурина, А. П., см. Шувалова.
Батурина, Нат. Никол., рож. Друкортъ, 128, 225.
Батуринъ, ген. лейт., 59, 60.
Батуринъ, Пав. Петр., 128.
Батурины, 129, 130.
Бениксенъ, ген, 94.
Бергъ, 122, 125.
Бекетовъ, Никол. Андр., проф., 336—339.

Бибиковъ, содерж. панс., 186.
Бистромъ, ген. адъют., 223.
Блюмеръ, 243.
Боговутъ, ген. лейт., 94.
Бодрова, Настасья, мамка, 9.
Боравитиновъ, Савва, 28.
Бракеръ, ген. маіоръ, 302, 308, 309, 327, 328.
Броневскій, подполк., 301, 313, 317, 322, 328.
Бутовичъ, полк., 314.
Бутовской, шт. кап., 301, 310—312.
Бутенопъ, бр., фабр., 187, 333.
Бутурлинъ, гр., 175.
Бырдинъ, шт. кап., 301.
Бырдинъ, поруч., 301.
Бѣлкинъ, поруч., 301, 317.
Бѣльской, Ив. Дм., 20.

В.

Варлаамъ, архимандр., 22.
Варфоломей, извозч., 202.
Василій Гавриловъ, двор. чел., 261, 263, 299, 318.
Василій Трофимычъ, дом. повѣр., 176, 177.
Васильевъ, Петръ, канцел., 29.
Вельснеръ, 318.
Вельтманъ, писат., 126.
Веревкина, Агафокл. Ив., 57.
Веревкина, Ан. Ив., см. Селиванова.
Веревкина, Тат. Ив., 57.
Витгенштейнъ, ген., 90.
Витъ, гр., 395.
Воеводскій, актеръ, 212.
Воейковъ, прапор., 302, 317, 318.
Возскаво, Алексѣй, 29.
Волконская, княг., 178.
Вѣтроцинская, актриса, 210, 211.

Г.

Гаврила Малафѣичъ, дворов. чел., 32, 33, 35, 36, 77, 86, 261.
Гавриловъ, маіоръ, 267.
Гавриловъ, магистръ, 340—343.
Гагина, Ел. Ив., см. Селиванова.
Гальяниновъ, помѣщ., 79, 80.
Гауквицъ, ф., 62, 63.
Гедеонъ, архимандр., 28, 29.
Гельманъ, ген. маіоръ, 280, 302.
Гессе, комендантъ, 54, 87, 88, 365—368.
Гильфердингъ, содерж. панс., 186.
Глинка, Авд. Мих., 124.
Глинка, Серг. Никол., писат., 55.
Глинка, Фед. Никол., 121—126.
Гоголь, Ник. Вас., писат., 346, 347, 375, 377.
Голицынъ, кн., Дм. Вас., 232, 301.
Гончарова, Алексан. Афан., см. Нестерова.
Головинъ, куп., 275.
Горленко, вдова, 289, 290.
Гояриновъ, полк., 234, 236—239.
Граббе, П. Х., 258.
Грабовскій, 94.
Градовскій, офицеръ, 11.
Грановскій, Тим. Ник., проф., 333—349.
Грековъ, пол., 299.
Грибоѣдовъ, писатель, 244.
Григорьевъ, помѣщ., 146.
Гусятниковъ, домовл., 333.
Гуферландъ, Андр. Ефрем., 215, 251.
Гуферландъ, Елиз. Андр., 215, 216.

Д.

Далоко, учит. муз., 312.
Дамоно, содерж. панс., 186.
Даниловъ, 263.
Дверницкій, 1, 314, 315, 322, 324, 325, 331.
Делинсгаузенъ, ген. маіор., 300, 310, 313, 320, 323, 324.
Дельсаль, сод. пансіона, 186.
Демидова, Ек. Льв., рожд. Друкортъ, 128, 129.
Демидова, Мар. Ал—ндр., 251.
Демидова, Наст. Амос., см. кн. Мещерская.
Демидовъ, Акак. Прокоф., 63—65.
Демидовъ, Ал—ндръ Акак., 65, 147.
Демидовъ, Ал—дръ Львов., 263.
Демидовъ, Амосъ Прок., 246.
Демидова, Ан. Акак., см. ф. Рехенбергъ.
Демидовъ, Лавръ Львов., 352, 353.
Демидовъ, Левъ Прок., 128.
Демидовъ, Петръ Львов., 67.
Демидовъ, Прок. Акинф., 63.
Депрерадовичъ, ген., 257.
Дмитрій, сапожн., 137.
Дмитрій Степановъ, прикащ., 91.
Дмитріевъ, об. прок. сен., 122.
Долгоруковъ, кн. Ал—ѣй Гр., 28, 29.
Друцкой-Соколинскій, кн., поруч., 301, 307, 317.
Друкортъ, Никол. Леонт., 128, 129.
Дубинъ, Мих., секрет., 29.
Дубовицкая, 106, 107.
Дюсосе, учит., 213.

Е.

Евстигнѣй, буфетч., 137.
Егоръ, кучеръ, 163.
Егоръ Ивановичъ, лѣкарь, 6.
Екатерина II, Императр., 359, 360, 383.
Елена Павловна, Вел. Кн., 393, 397.
Ермоловъ, Ал—ѣй Петр., ген., 71.
Ермоловъ, Петръ, генер., 71, 72.
Еропкинъ, Вас. Яковл., 25.
Еропкинъ, Петръ Вас., 25.
Есиповъ, офиц., 11, 12.

Ж.

Жарни, содерж. пансіона, 186.
Желтухина, Мар. Дм., см. Селиванова.
Живокини, актеръ, 231, 244.
Жилинковъ, унт. оф., 284.

З.

Забаринскій, ген., 302.
Заборовская, Ал—дра, фрейл., 319—321.
Забѣльскій, прапор., 301, 307, 321, 331.
Заводовскій Петръ, 39.
Завряловъ, 122.
Запольскій, 90.
Зацѣпинъ, писат., 121, 123.

И.

Ивановъ, Ст. Ем., полк., 10, 116.
Иванъ Даниловичъ, протоіер., 151.
Иванъ Ильинъ, поном., 154.

Иванъ Николаевъ, камерд., 97, 154, 169.
Иванъ Тимофеевичъ, свящ., 5.
Игнатъ, священ., 160.
Игнатьевъ, поруч, 302, 308.
Измайловъ, Левъ Дм., 78—81, 89, 98.
Илья Ивановъ, дьяч., 154.
Исаковы, 215, 252.

I.

Іона, монахъ, см. Селивановъ, Ос. Ив.

К.

Каверъ, ген. маіор., 302, 322, 324.
Калайдовичъ, Петр. Ѳед., проф., 339, 341.
Капускинъ, двор. чел., 105.
Карлъ XII, король, 374.
Карповичъ, поруч., 302.
Каталани, арт., 179.
Киндяковъ, поруч., 301, 312, 313, 317.
Кирѣевскій, юнк., 301, 321, 329, 331.
Кистеръ, Фед. Ив., содерж. панс., 7, 186—188, 199, 201, 204, 205, 213, 220—222, 230, 233, 234, 338, 341, 344, 348.
Кистеръ, Шарл. Ив., 221.
Кичибей, татар., во крещ. Селиванъ, 19.
Клишина, по мужу Селиванова, 111.
Кляузенъ, надзир., 196, 197.
Княжнинъ, писат., 359.
Коноплина, Н. М., 111, 215.
Коноплинъ, Ал—нд. Мих., 108, 109.
Константиновъ, переводчикъ, 336.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн, 38.
Константъ Степановичъ, управляющ., 64, 65.
Коробьина, Ел Никол., рожд. Нестерова, 31, 35, 82.
Коробьина, Сусанна Фотьевна, рожд. Митькова, 82, 83.
Коробьинъ, Григ. Никол., 354.
Коробьинъ, Дм. Ив., 88.
Коробьинъ Ив. Ив., капит., 31, 35.
Коробьинъ, Никол. Ив., 8, 82, 83, 115, 129.
Коробья, родонач. Коробьиныхъ, 19.
Кочубеи, 375, 377.
Кочубей, гетм., 376.
Кочубей, гр., 81.
Кошелевы, дѣвицы, 108.
Крапоткина, кн. Анна Ив., рожд. Коробьина, 130.
Крапоткинъ, кн. Степ. Матв., 130, 148.
Крейцъ, бар., ген. лейт., 1, 298, 300—303, 309, 310, 312, 313, 315, 317, 321, 323, 324, 327—330.
Креслингъ, капит., 299.
Крутовъ, полк., 223.
Кудрявцевъ, пор., 302.
Кузинъ, Коз. Ив., 144—146.
Курдюмовъ, 274, 317.
Куртенеръ, учит., 341.
Кутузовъ, Мих. Ил., ген., 360.

Л.

Лафонъ, де, Соф., начал. Смольн. мон., 38, 39.
Лачинова, 39.
Леленгъ, Анна Козм., 28.
Леоновъ, прап., 267.
Леонтьева, Матр. Роман., рожд. Селиванова, 26, 27.

Леонтьевъ, Дем. Мих., 26, 27.
Ливенъ, гр., 58.
Лисенко, 357.
Лисицына, актр., 212.
Лихаревъ, Ал—ѣй Степ., 98.
Лихаревъ, Мих. Никиф., предв. двор., 85.
Лихонинъ, 122.
Лобановъ, танцмейстеръ, 191—193.
Лобановъ - Ростовскій, 187.
Логвеновъ, ген. маіоръ, 78, 81.
Лутовинова, 39.
Луцкой, поруч., 315.
Любавская, Аг. Сид., см. Селиванова.
Любавскіе, 104.
Любавскій, Ив. Ив., 104, 105, 154.
Любавскій, Ив. Яков., 154.
Любавскій, Никол. Як., 8, 248—250.
Ляпуновъ, Никол. Ал—ѣв., 107.

М.

Мавринъ, юнк., 286—288.
Максимъ, двор. чел., 108, 109, 189.
Максинъ, акт., 211.
Марковъ, шт. кап., 301, 312.
Марья Николаевна, Вел. Кн., 393.
Марфа Александровна, двор. дѣв., 40, 215, 245.
Масловъ, двор. депут., 266.
Матвѣй Абрамовичъ, протоп., 179.
Матякинъ, помѣщ., 108, 109.
Мерзляковъ, проф., 198.
Мерике, учит. муз., 197, 199.
Меркуловъ, Апол., поруч., 229.
Мещерская, кн. Екат., 246, 247.
Мещерская, кн., Наст. Амос., рожд. Демидова, 246—248.
Мещерскій, кн., адъют., 302.
Мещерскій, кн., 12.
Милородовичъ, 124.
Митрофаній, свят., 260.
Митькова, Сус. Фот., см. Коробьина.
Михаилъ, двор. чел., 23.
Михаилъ Васильевъ, двор. чел., 154, 165—167.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн., 394.
Михайловъ, прап., 320.
Мозелевъ, полк. адъют., 87.
Мосолова, 57.
Мотякины, 25.
Муравскій, подполк., 10.

Н.

Наполеонъ I, 95, 304.
Нееловъ, офиц. ген. шт., 122.
Немировы, 84.
Нестерова, Агр. Никол., 37, 129.
Нестерова, Акул. Матв., см. Спиридова.
Нестерова, Ал—ндра Ал—ндр., 69, 174, 176, 177, 230.
Нестерова, Ал—ндр Афан., рожд. Гончарова, 46, 56, 93, 174, 175, 230.
Нестерова, Ал—ндр Ник., 31, 37, 128, 131—133, 148, 225.
Нестерова, Варв. Ал—ндр., 46—48, 69, 70, 362.
Нестерова, Елиз. Никол., см. Коробьина.
Нестерова, Мар. Афан., 174, 177—179.

Нестерова, Мар. Никол., 5, 32, 37, 41, 74, 84, 99, 129.
Нестерова, Над. Никол., см. Селиванова.
Нестерова Ольга Никол., 37, 129
Нестерова, Пр. Никол., 129.
Нестерова, Пр. Осип., рож. Селиванова, 31, 35, 36.
Нестерова, Фед. Никол., 8, 28, 31, 35, 37.
Нестеровъ, Ал—ндр. Матв., 46—48, 173.
Нестеровъ, Аф. Ал—ндр., 46, 88, 93, 174, 230.
Нестеровъ, Ег. Ал—ндр., 46.
Нестеровъ, Матв. Ал—ндр., 46, 88.
Нестеровъ, Никол. Мих., 31—33, 37, 46, 57.
Нестеровъ, Никол. Никол., 31, 37.
Нестеровъ, Сем. Никол., 31, 37, 133, 135.
Нестеровы, 172—174, 196, 201, 203, 209, 230, 362.
Николай I, Импер., 106, 228, 229, 389—395.
Никита Ивановъ, двор. чел., 222, 235, 240—242, 261—263, 265, 266, 276, 278, 287—289, 292, 293.
Новиковъ, Пав Ив., 94, 95.
Новосильцева, Ек. Андр., 92.
Новосильцевъ, полк., 253, 254, 264.

О.

Ольга Николаевна, Вел. Кн., 395, 397.
Орловъ, 42.
Остенъ Сакенъ, ф., бар., 234, 239.
Охотниковъ, поруч., 301.

П.

Павелъ I, Импер., 361—367.
Павленко, капит., 277—279, 284, 285, 290—292, 295, 296.
Паренаго, 276—279, 282, 288—291, 295.
Пасекъ, Вадимъ, пис., 126.
Пашковъ, 209.
Пельтъ, учит., 341.
Пемпаре, учит., 12, 13.
Пернэ, сод. панс., 186, 187, 196.
Петерсонъ, ген., 223.
Петръ Ивановъ, управл., 132, 134—137.
Пижосъ, надзир., 191.
Пиленко, помѣщ, 290, 291.
Піотухъ, поруч., 302, 310, 311, 320.
Плинцнеръ, Бог. Крест., 17, 68.
Плинцнеръ, Варв. Серг., 67, 68.
Погодинъ, Мих. Петр., проф., 220.
Подерниковъ, шт. кап., 254, 256.
Подкользина, Анна Як., См. Селиванова.
Подкользина, Вар. Як., 117.
Подкользина, Фед. Петр, рожд. ф. Рехенбергъ, по перв мужу Воронецъ, 117, 147.
Подкользинъ, П. Я., 117.
Подкользинъ, Як. Ефрем., кап. 1 ран., 117, 120.
Подкользина, 118, 119, 121.
Поздѣевъ, масонъ, 353, 354.
Померанскій, маіоръ, 11.
Поповъ, учит., 205, 206.
Потемкинъ, 383.
Прасковья Ивановна, двор. женщ., 6, 110, 111, 181—184.

Приклонскій, А. Б., 170.
Притвицъ, бар., полк., 300, 301, 307, 312—314, 317, 323, 328—331.
Прозоровскій, кн., 360, 361.

Р.

Рабусъ, худож., 122, 123, 125, 126.
Раевская, 50, 51.
Раичъ, 126.
Растовцевъ, 263, 271.
Растопчинъ, гр., 91.
Ренова, Вар. Петр., рожд. ф. Рехенбергъ, 141, 142, 224.
Реновъ, Никол. Фед., 126, 142.
Рехенбергъ, ф., Александ. Петр., см. Селиванова.
Рехенбергъ, ф., Анна Ак., рожд. Демидова, 63, 65, 67, 126, 128, 141, 247.
Рехенбергъ, ф., Освальдъ Люд., 62.
Рехенбергъ, ф., Пет. Астаф., 40, 62, 63, 70, 76.
Рехенбергъ, ф., Эрнстъ, 62.
Ріепи, Вас. Ант., 214, 215.
Родивиловъ, игр. на балалайкѣ, 197.
Рѣпина, актр., 244.
Рѣпнинскій, юнк., 312, 313, 325.

С.

Савельевъ, Никол. Вас., учит., 336.
Савоська, дворн., 161, 162.
Салтыковъ, 223.
Салтыковъ, ген. губ., 367.
Салтычиха, 67.
Сакминъ, маіоръ, 317, 318.
Сафроновъ, капит., 237, 238.
Свѣчинъ, юнк., 301, 329—331.
Селиванова, Авд. Асон., 23.
Селиванова, Аг. Сид., рож. Любавская, 24.
Селиванова, Ал—дра Пав., 111.
Селиванова, Ал—дра Пет., рожд. ф. Рехенбергъ, 5, 72, 73, 81, 82, 87, 90—92, 364.
Селиванова, Анна Вас., 13, 73, 100, 112, 113, 161, 16[illegible], 215, 224.
Селиванова, Анна Ив., рожд. Веревкина, 24.
Селиванова, Анна Павл., 15, 17, 19, 69, 81, 86, 88, 174, 230.
Селиванова, Анна Як., рож. Подкользина, 117, 142, 148.
Селиванова, Вар. Пав., 13—16, 19, 23, 37, 84, 99, 102, 115, 118, 120, 137, 138, 152, 154, 162, 253.
Селиванова, Вѣра Егор., рожд. Чебатаева, 16.
Селиванова, Ел. Ив., рож. Гагина, 31.
Селиванова, Люд. Павл., см. Соловова
Селиванова, Мар. Дм., рож. Желтухина, 2.
Селиванова, Матр. Ром., см. Леонтьева.
Селиванова, Над. Никол., рожд. Нестерова, 15, 16, 18, 31, 44, 55.
Селиванова, Прас. Асон., 23.
Селиванова, Прас. Осип., см. Нестерова.
Селивановъ, Ал—ѣй Вас., 12, 71, 99, 101, 116, 223, 228, 229, 245, 250—252, 262, 298, 318, 326.
Селивановъ, Ал—ѣй Павл., 15—17, 44, 181.

Селивановъ, Ал—ѣй Фед, уб. подъ Москв., 26.
Селивановъ, Ас. Вас., 22.
Селивановъ, Бор. Павл., стряпч., 21.
Селивановъ, Василій, родонач. Селивановыхъ, 19.
Селивановъ, Вас. Павл., маіоръ, 15, 19, 37, 44, 45, 47—52, 54—61, 65, 69—73, 86—95, 97—99, 105, 114—116, 123, 133, 162—168, 179, 180, 188, 228, 249, 250, 252, 253, 355—368.
Селивановъ, Вас. Ст., 26.
Селивановъ, Вас. Ст., мен., 26.
Селивановъ, Гр. Юр., 27.
Селивановъ, Дм. Вас., 71.
Селивановъ, Дм. Игн., стол., 20, 21.
Селивановъ, Дм. Макс., стол., 21.
Селивановъ, Дм. Пав., стол., 21.
Селивановъ, Дм Ром., уб. подъ Быховымъ, 26.
Селивановъ, Ив. Вас., уб. подъ Смоленск., 26.
Селивановъ, Ив. Ив., 20.
Селивановъ, Ив Игн., гв. капит., 24.
Селивановъ, Ив. Игн., стол., 20, 21.
Селивановъ, Ив. Пав., бол, стол., 21.
Селивановъ, Ив. Пав., мен., стряпч., 21, 24.
Селивановъ, Ив. Ром, стол., 26.
Селивановъ, Ив. Яков., 20.
Селивановъ, Игн. Мих, воевода, 20.
Селивановъ. Ил. Вас., писат., 12, 13, 73, 92, 112, 117, 118, 161, 162, 168, 185, 202, 222—224, 243.
Селивановъ, Левъ Юр., денщ. Петра В., коменд., 27—31, 158.
Селивановъ, Макс. Игн., стол., 20, 21.
Селивановъ, Мих. Вас., уб. подъ Тулою, 26.
Селивановъ, Мих. Вас., уб. подъ Боязетомъ въ 1828 г., 12, 71, 92, 99, 101, 113, 116, 245.
Селивановъ, Мих. Дм., артил. и форт. цейхвахт., 21.
Селивановъ, Мих. Ив., уб. въ смутное время, 20.
Селивановъ, Мих. Ив., егермейст. Петра II, 24, 25.
Селивановъ, Мих. Пав., стряпч., 21.
Селивановъ, Мих. Павл, 15, 17, 18, 22, 55, 56, 91, 108, 109, 157.
Селивановъ, Никита Ив., стол, 31.
Селивановъ, Никол. Вас., 12, 71, 92, 99—101, 115, 116, 161.
Селивановъ, Никол. Пав., 5, 15, 17—19, 84, 90, 91, 130, 158, 222, 251, 252.
Селивановъ, Ос. Ив., въ монаш. Іона, 31.
Селивановъ, Пав. Вас., 12, 70, 91, 116, 180—185, 196, 201, 202, 243.
Селивановъ, Пав. Мих., 15, 16, 25.
Селивановъ, Пав. Мих., стол. и воевода, 20.
Селивановъ, Пав. Пет., 28, 111, 112.
Селивановъ, Пет. Вас., 12, 70, 91, 116, 119, 120, 181.
Селивановъ, Петръ Льв., поруч., 28.
Селивановъ, Ром. Мих., стряпч. и воевода, 26.

Селивановъ, Ст. Ив., 20, 26.
Селивановъ, Фед. Ив., стол., 31.
Селивановъ, Фед. Мих., вице-адм., 21, 22.
Селивановъ, Фед. Ст., 26.
Селивановъ, Юр. Ром., стол., 26, 27.
Селиванъ, до крещ. Кичибей, 19.
Семенъ, дьячекъ, 158.
Семенъ, земскій, 136.
Серавскій, 1.
Сергѣй Федотычъ, муз., 112.
Сечиновъ, юнк., 267, 268, 270, 273.
Скарятинъ, пл. адъют., 87.
Смирновъ, Ал—нд. Дм., учит., 189, 190, 220.
Снегиревъ, проф., 220.
Соймоновъ, Петръ, 39.
Соковнинъ, Андр. Никол., 354, 355, 360, 362, 364, 366.
Соловова, Люд. Пав., рожд. Селиванова, 111.
Соловцовъ, 197, 198, 222.
Сомовъ, поруч., 301.
Сорокинъ, квартирм., 258, 265.
Софья Ивановна, нянька, 113, 114, 152, 162.
Сочневъ, казначей, 258.
Спиридова, Акул. Матв., рожд. Нестерова, 41, 43.
Спиридова, Ал—дра Григ., см. Цимерманъ.
Спиридова, Дар. Григ., 42, 43.
Спиридовъ, Ал—ѣй Григ., адмир., 42, 44, 48.
Спиридовъ, Григ. Григ., адмир., 41.
Спиридовъ, Матв. Григ., об. полиц., 42.
Спиридовы, 19.
Станиславскій, юнк., 263.
Стрѣлковъ, 237, 238.
Суворова, 38.
Суворовъ-Рымникскій, Ал. Вас., 38, 42, 43.
Суздальцевъ, 20.
Суходольскій, 237, 238.
Сухотинъ, 90.

Т.

Татаринова, Екат. Петр., рожд. ф. Рехенбергъ, 120
Татищевъ, 16.
Теличко, карабин., 261—263.
Тимофей, кузнецъ, 77.
Тимофей Ивановичъ, буфетч., 110, 155, 214.
Титовы, 121.
Тихонъ, староста, 136.
Топорнинъ, 267, 268, 271, 309.
Тормасовъ, 90.
Трушка деньщ Суворова, 42, 43.
Тутолминъ, 222.
Тучиновскій, офиц., 11.
Тяжеловъ, Арс. Ив., протоіер., 230, 231, 347.

У.

Ульянинскій, офиц., 328, 329.

Ф.

Федоръ, свящ., 150—152, 154, 157—160.
Федотъ, парикм., 7.
Ферморъ, полк., 319.
Филиппъ, поваръ, 162.
Филиппъ Петровичъ, учит., 121, 126.
Фильдъ, музык., 178.
Фридрихъ Великій, 358.

Х.

Хованскій, кн., 109.
Хованскій, кн., Сем. Андр., 20.
Хозрефъ Мирза, принцъ, 244.
Хомяковъ, Фед. Тимоф., 29.
Храповицкій, Ал—дръ, 39.

Ц.

Цвѣтаевъ. проф., 198.
Цимерманъ, Ал—дра Гр., рожд. Спиридова, 42, 43.
Цимерманъ, Густ. Ив., адъют. Сувор., 42.
Цѣслинскій, капит., 267, 286.

Ч.

Чагина, помѣщ., 11.
Чарторыжская, кн., 309, 320. 321.
Чебатаева, Вѣра Егор, см. Селиванова.
Чичаговъ, 90.
Чумаковъ, проф., 198.

Ш.

Шаликовъ, кн., журн., 341.
Шаровъ, дядька, 292.
Шаховская, княг., 57.
Шаховской, кн., 142, 144, 146, 147.
Шикандаръ, содерж. кофейни, 304, 305, 331.
Шилингъ, полк., 302, 311, 324, 325, 328, 331.
Шишковскій, 359, 360.
Шишковъ, 191.
Шлецеръ, проф., 186, 187.
Шувалова, Ад. Пав., рож. Батурина, 225.
Шуваловъ, Ив. Ив., 225—227.
Шульгинъ 1-й, оберъ полиціймейст., 171, 185 186, 200.
Шушеринъ, актеръ, 39.

Щ.

Щепкинъ, М. С., акт., 144, 348.
Щепочкина, Соф. Петр., 224.

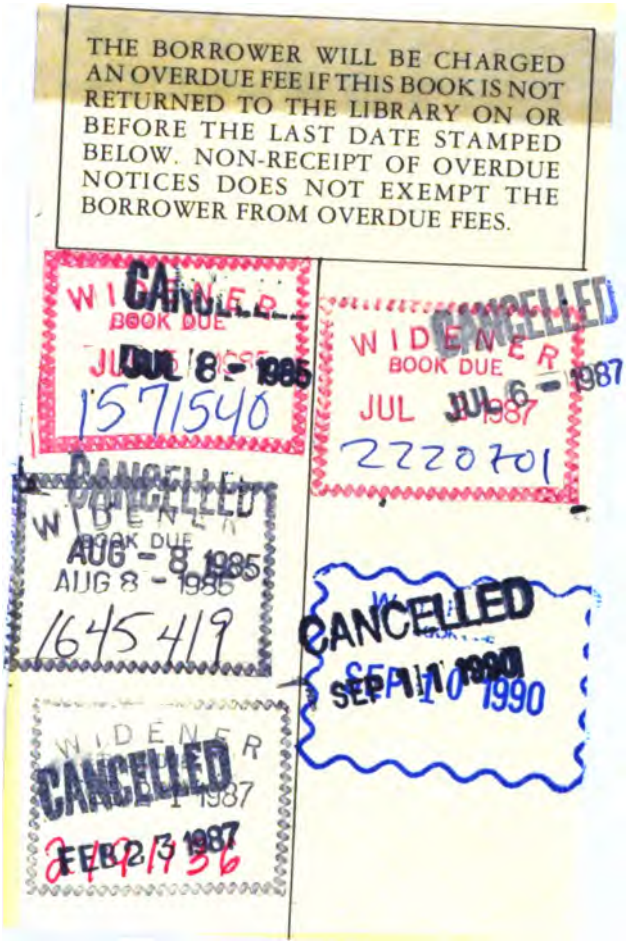
Э.

Эртель, 90, 363.

Ю.

Юни, 52, 367, 368.
Юргенсъ, 317, 319.
Юркевичъ, прапор., 289.
Юсуповъ, кн., 200, 201.

Я.

Язвецовъ, повѣр., 108.
Яшвель, кн., 239.

3 2044 010 645 331